



независимый институт  
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

# ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЬИ В ЕВРОПЕ: ВОСТОК–ЗАПАД

ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ  
«РОДИТЕЛИ И ДЕТИ,  
МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ  
В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ»

СБОРНИК АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ  
Выпуск 3

*Под науч. ред.  
С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Сиявской*

Москва  
НИСП  
2010

УДК 314  
ББК (С)60.7  
Э 15

*Научные редакторы:*  
к.э.н. С.В. Захаров,  
к.э.н. Л.М. Прокофьева,  
к.э.н. О.В. Сиянская

**Эволюция семьи в Европе: Восток–Запад** / Под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Сиянской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2010. — 392 с.

ISBN 978-5-903599-09-7

Сборник продолжает серию публикаций, посвященных результатам уникального панельного социально-демографического обследования в рамках международной программы «Поколения и гендер», известного российскому читателю как обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ).

В центре внимания данной публикации — эволюция семьи и семейных отношений в четырех странах Европы — Западной (Франция) и Восточной (Грузия, Литва, Россия), исследуемые на данных первой волны обследования «Поколения и гендер», проведенного в этих странах в 2004–2006 гг. Вниманию читателя предлагаются результаты сравнительного анализа процессов формирования семьи, прекращения брачно-семейных отношений, репродуктивного поведения, женской занятости, взаимоотношений между поколениями, а также представлений населения о роли семьи и межпоколенной солидарности.

Издание адресовано широкой аудитории, включая демографов, социологов, экономистов — всех тех, кого волнуют вопросы социально-демографической динамики. Надеемся, что оно окажется полезным не только экспертам, но и политикам, представителям различных ветвей и уровней власти, бизнес-сообщества и социально-ориентированных некоммерческих организаций, а также прессы. Материалы можно использовать в учебно-преподавательской деятельности.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Национального института демографических исследований Франции (INED) и Фонда Форда.

Мнение авторов не обязательно отражает точку зрения учреждений системы ООН, Фонда Форда и организаций, сотрудниками которых они являются.

© NecPlus, 2010  
© Независимый институт  
социальной политики, 2010

ISBN 978-5-903599-09-7

## Об авторах

**Авдеев Александр Александрович** — профессор Института демографии, университет Париж–I, Пантеон-Сорбонна (Париж: alexandre.avdeev@univ-paris1.fr); заведующий сектором Центра по изучению проблем народонаселения, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва: avdeev@econ.msu.ru).

**Бадурашвили Ирина** — директор Грузинского центра по исследованиям населения (GCPR) (Тбилиси: gcpr@gol.ge).

**Баублите Маре** — научный сотрудник Института социальных исследований, Центр демографических исследований (Вильнюс: mareb@ktil.mii.lt).

**Блюм Ален** — директор Центра изучения России, Кавказа и Центральной Европы (CERCEC) — Высшая школа социальных исследований (EHESS); ведущий научный сотрудник Национального института демографических исследований (INED) (Париж: blum@ehess.fr).

**Бретон Дидье** — доцент Центра по изучению социальных наук, Страсбургский университет; научный сотрудник Национального института демографических исследований (INED) (Париж: dbreton@unistra.fr).

**Валетас Мари-Франс** — научный сотрудник Национального института демографических исследований (INED) (Париж: valetas@ined.fr).

**Гедвилайте Маргарита** — докторант Института социальных исследований, Центр демографических исследований (Вильнюс: mgedvilaite@yahoo.com).

**Захаров Сергей Владимирович** — заместитель директора Института демографии Государственного университета — Высшая школа экономики (ГУ—ВШЭ) (Москва: szakharov@hse.ru).

**Капанадзе Эка** — научный сотрудник Грузинского центра по исследованиям населения (GCPR) (Тбилиси: kapanadze\_eka@yahoo.com).

**Корчагина Ирина Ивановна** — старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН РАН) (Москва: i.korchagina@mail.ru).

**Лефевр Сесиль** — администратор Национального института статистики и экономических исследований (INSEE); научный сотрудник Национального института демографических исследований (INED) (Париж: lefevre@ined.fr).

**Маслаускайте Аушра** — ведущий научный сотрудник Института социальных исследований, Центр демографических исследований; доцент Литовской военной академии (Вильнюс: amaslauskaite@takas.lt).

**Пайе Арьян** — научный сотрудник Национального института демографических исследований (INED) (Париж: pailhe@ined.fr).

**Попова Дарья Олеговна** — ведущий научный сотрудник Независимого института социальной политики (НИСП) (Москва: d.popova@socpol.ru).

**Приу Франс** — ведущий научный сотрудник Национального института демографических исследований (INED) (Париж: prioux@ined.fr).

**Прокофьева Лидия Михайловна** — ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН РАН) (Москва: prokofieva@freemail.ru).

**Ренье-Луалье Арно** — научный сотрудник Национального института демографических исследований (INED) (Париж: arnaud.regnier-loilier@ined.fr).

**Себий Паскаль** — доцент Центра изучения населения и общества (CERPOS) — Университет Париж X-Нантер; научный сотрудник Национального института демографических исследований (INED) (Париж: pascal.sebille@u-paris10.fr).

**Синявская Оксана Вячеславовна** — заместитель директора Независимого института социальной политики (НИСП) (Москва: o.sinyavskaya@socpol.ru).

**Сирбиладзе Мариам** — научный сотрудник Грузинского центра по исследованиям населения (GCPR) (Тбилиси: gcpr@gol.ge).

**Станкуниене Влада** — профессор, директор Института социальных исследований, Центр демографических исследований (Вильнюс: vladast@ktl.mii.lt).

**Сурков Сергей Владимирович** — ведущий научный сотрудник Независимого института социальной политики (НИСП) (Москва: s-surkov@yandex.ru).

**Третьякова Вайда** — докторант Института социальных исследований, Центр демографических исследований (Вильнюс: [vaida.tretjakova@gmail.com](mailto:vaida.tretjakova@gmail.com)).

**Троицкая Ирина Алексеевна** — старший научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва: [itro@econ.msu.ru](mailto:itro@econ.msu.ru)).

**Циклаури Шорена** — научный сотрудник Грузинского центра по исследованиям населения (GCPR) (Тбилиси: [sh\\_tsiklauri@yahoo.com](mailto:sh_tsiklauri@yahoo.com)).

**Шаргон Лоранс** — доцент Центра изучения европейских культур и обществ, Страсбургский университет (Страсбург: [charton@unistra.fr](mailto:charton@unistra.fr)).

# Содержание

От редакторов ..... 8

**Семья в четырех государствах: Франция, Грузия, Литва, Россия** ..... 11

*А. Блюм, С. Лефевр, П. Себий, И. Бадурашвили, А. Ренье-Луалье, В. Станкуниене, О. Синявская*

**Распад родительского союза во Франции и России: текущая ситуация и изменение вероятности наступления события для ребенка** ..... 41

*Д. Бретон, Д. Попова, Ф. Приу*

**Дети после распада брака родителей во Франции, России и Литве: отличаются ли отношения детей с отцом и матерью?** ..... 70

*А. Ренье-Луалье, М. Валетас, И. Корчагина, Л. Прокофьева, М. Баублите, В. Станкуниене*

**Семейные ситуации, календарь ухода из родительского дома и межпоколенные взаимоотношения в Грузии и Франции** ..... 109

*А. Ренье-Луалье, И. Бадурашвили, Ш. Циклаури*

**Взросление во Франции и России: различия в перспективе поколений** ..... 141

*А. Блюм, П. Себий, С. Захаров*

**Переход к новой модели формирования брачно-партнерских союзов во Франции, Литве и России** ..... 174

*В. Станкуниене, С. Захаров, А. Маслаускайте, М. Баублите, А. Ренье-Луалье*

**Репродуктивные намерения и реальные рождения во Франции, Литве и России** ..... 232

*Л. Шартон, С. Сурков, М. Баублите, В. Станкуниене*

---

<b>Сравнительный анализ контрацептивного поведения: Россия, Грузия, Литва и Франция</b> .....	<b>266</b>
<i>И. Троицкая, А. Авдеев, И. Бадурашвили, Е. Капанадзе, В. Третьякова</i>	
<b>Занятость женщин во Франции и в России: роль детей и гендерных установок</b> .....	<b>304</b>
<i>А. Пайе, О. Синявская</i>	
<b>Роль семьи и общества в межпоколенной солидарности: мнение населения во Франции, Грузии, Литве и России.</b> .....	<b>353</b>
<i>С. Лефевр, Л. Прокофьева, И. Корчагина, В. Станкуниене, М. Гедвилайте, И. Бадурашвили, М. Сирбиладзе</i>	
<b>Abstracts</b> .....	<b>387</b>

# От редакторов

Последние десятилетия во всем мире отмечены значительными изменениями в формировании семьи, рождаемости, семейных отношениях. В какой мере наблюдаемая эволюция семьи и семейных отношений идет по одной траектории развития? Устойчивы ли сохраняющиеся различия между странами в этом процессе? Насколько они определяются традициями, культурой, социально-политической историей, а в какой мере зависят от более динамичных изменений в экономической ситуации и перемен в социальной политике?

Набор доступных и сопоставимых по странам статистических показателей позволяет зафиксировать тенденции и моменты, когда они меняются, но недостаточен для того, чтобы объяснить движущие силы наблюдаемых процессов. Не помогают ответить на эти вопросы и данные отдельных, опирающихся на разные инструментарию социологических обследований в каждой из стран.

Решить проблему сравнительного межстранового анализа можно лишь, располагая данными обследований, проведенных по единой методологии. К числу таких — до сих пор немногочисленных — обследований относится международная программа «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey/Programme)<sup>1</sup>, инициированная Отделом населения Европейской экономической комиссии ООН и ведущими демографическими институтами Европы в 2000 г. Более того, программа «Поколения и гендер», помимо основанного на единых принципах панельного обследования, включает базы контекстуальных данных — статистических данных и описания мер социальной и семейной политики, которые позволяют совместить анализ процессов на микро- и макроуровнях. К настоящему времени в программе — в разном качестве и на различных этапах — участвует порядка трех десятков стран, в том числе за пределами Европы; 17 стран провели первую волну обследования, свыше 10 — вторую; несколько стран приступили уже к реализации третьей волны. Обсуждаются перспективы превращения этой программы в действительно долгосрочный —

---

<sup>1</sup> Подробнее о программе, обследовании и контекстуальных данных см. на сайте ЕЭК ООН: <http://www.unece.org/pau/ggp/Welcome.html>



на три-четыре десятилетия — социально-демографический панъевропейский проект.

Россия является полноправным участником международной программы «Поколения и гендер» с 2001 г. Однако до сих пор российской аудитории были представлены в основном лишь результаты российского обследования, проведенного в рамках данной программы<sup>2</sup>.

Предлагаемая вниманию читателя публикация восполняет этот пробел. В ней представлены результаты сравнительных исследований в четырех странах — Грузии, Литве, России и Франции. В центре внимания находятся вопросы эволюции семьи и семейных отношений в странах, находящихся на востоке и западе Европы, с разной политической историей, религией, традициями, уровнем социально-экономического развития. Три из них долгое время входили в состав одного государства — Российской империи, а впоследствии — СССР. Две страны в настоящее время являются членами Европейского союза.

Результаты сравнительных эмпирических исследований, на которых основаны статьи, вошедшие в этот сборник, базируются на данных первых волн обследования «Поколения и гендер». В каждой из стран у этого обследования было свое название: «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиж) в России<sup>3</sup> и Литве<sup>4</sup>, «Исследование семейных и межпоколенных отношений»<sup>5</sup> во Франции и «Семейные отношения и межпоколенная помощь» в Грузии. В этом сборнике для удобства читателя мы будем использовать только одну международную аббревиатуру обследования «Поколения и гендер» — GGS (от английского «Generations and Gender Survey»).

Все статьи были написаны в рамках двух проектов — ИНТАС (грант № 05-1000006-8398) на тему «Социальная политика в отношении современной семьи в контексте преобразования семьи и семейных отношений» (руководитель проекта — проф. Ален Блюм) и Француз-

---

<sup>2</sup> См., например: Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Снявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007; [http://www.socpol.ru/publications/index.shtml#man\\_w2007](http://www.socpol.ru/publications/index.shtml#man_w2007). Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 2 / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Снявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2009.

<sup>3</sup> Подробнее о российском исследовании см.: <http://www.socpol.ru/gender/about.shtml>

<sup>4</sup> Информация о литовском исследовании доступна по следующему адресу: <http://demografija.sti.lt/86/>

<sup>5</sup> Étude des relations familiales et intergénérationnelles (ERFI). Подробнее см.: <https://erfi.web.ined.fr/>

ского национального агентства по исследованиям (ANR) «Изучение демографического поведения французов в межстрановом сравнительном контексте». Французские версии статей были опубликованы в декабре 2009 г. в журнале «Сравнительные исследования Восток–Запад» (*Revue d'études comparatives Est-Ouest — RECEO*. 2009. Т. 40. № 3–4)<sup>6</sup>. Публикация на русском языке стала возможна благодаря финансовой поддержке Национального института демографических исследований Франции (INED) и Фонда Форда.

Представляя вниманию читателей эту работу, мы надеемся, что она не только позволит лучше понять общие и особенные тенденции в развитии семьи и семейных отношений в странах Восточной и Западной Европы на протяжении последних десятилетий, но и вдохновит читателей на собственные сравнительные исследования в этой области. Тем более, что данные первой волны по восьми странам уже доступны и ожидают своих исследователей<sup>7</sup>.

*Сергей Захаров  
Лидия Прокофьева  
Оксана Синявская*

---

<sup>6</sup> См.: <http://necplus.eu/action/displayIssue?jid=REC&decade=&volumeId=40&issueId=3-4&iid=2426944>

<sup>7</sup> См.: <http://www.ggp-i.org/>

А. Блюм, С. Лефевр, П. Себий,  
И. Бадурашвили, А. Ренье-Луалье,  
В. Станкуниене, О. Синявская

## Семья в четырех государствах: Франция, Грузия, Литва, Россия<sup>1</sup>

Предлагаемый читателю сборник статей посвящен эволюции семьи в Грузии, Литве, России и Франции в последние годы. За изменениями, происходящими в этой сфере, стоят три группы факторов, определяющих демографическое поведение людей: антропологические (связанные с внутрисемейными отношениями), политические (определяемые национальной историей) и социально-экономические (отражающие глубокие национальные и транснациональные тенденции и, в свою очередь, накладывающие отпечаток на демографические траектории). Данная классификация имеет скорее не наглядное, а эвристическое значение. Цель вступительной статьи — вписать публикуемые здесь исследования в общую картину демографических трансформаций, представив важнейшие изменения, выявленные на основе обобщающих показателей и результатов опросов «Поколения и гендер» (Generations and Gender Surveys — GGS)<sup>2</sup> 2004–2006 гг. в четырех странах (см. Приложения 1 и 2).

Демографические изменения, измеряемые с помощью обобщающих индикаторов, отражают длительность демографической истории, сбли-

---

<sup>1</sup> Печатается по изданию: *Blum A., Lefèvre C., Sebille P., Badurashvili I., Régnier-Loilier A., Stankuniene V., Sinyavskaya O.* La famille dans tous ces États: France, Géorgie, Lituanie, Russie // *Revue d'études comparatives Est-Ouest* — RECEO. 2009. Vol. 40. № 3–4. Septembre–Décembre. P. 5–36. Перевод и публикация осуществлены с разрешения Национального института демографических исследований (INED). INED не несет ответственности за возможные ошибки, допущенные при переводе. Перевод А. Блюма, Э. Кустовой.

<sup>2</sup> Проект «Поколения и Гендер» (*Generations and Gender Project* — GGP) был начат в 2000 г. по инициативе Отдела населения Европейской экономической комиссии ООН (PAU UNECE). В настоящее время имеются данные первой волны обследования по ряду европейских стран: Болгарии, Венгрии, Германии, Грузии, Литве, Нидерландам, России, Румынии, Франции. Всего в рамках международной программы *Generations and Gender Surveys* (GGS) должно состояться три волны опросов. Более подробная информация — на сайте <http://www.unec.org/pau/ggp/Welcome.html> и <http://www.ggp-i.org/>

жающей или удаляющей друг от друга разные страны. Они позволяют увидеть результаты государственной демографической политики и последствия социально-политической истории в целом. Показатели, полученные в результате обследований домохозяйств, носят одновременно синхронический и диахронический характер. Благодаря возможности проследить за изменениями в поведении, остающимися вне поля зрения обычных показателей, они позволяют подробно изучать процессы формирования семей, выявляя — помимо демографических тенденций — отличающиеся друг от друга практики.

## **1. Почему именно эти страны?**

Выбор этих четырех стран может вызвать удивление. Что заставило объединить в одном проекте Грузию, Литву, Россию и Францию, оставив при этом за его рамками Германию, Испанию или Италию? Первая причина носит прагматический характер: исследовательские команды, проводившие в этих четырех странах обследование GGS, решили объединить усилия, чтобы проанализировать собранные данные в рамках совместного проекта. Вторая причина связана с природой предпринятого нами сравнительного анализа. Наша цель — сопоставить группу стран: Грузию, Литву и Россию, которые, с одной стороны, на протяжении нескольких десятилетий имели общую политическую и экономическую историю, а с другой — отличались собственными, непохожими на другие антропологическими формами и культурной историей, с Францией, имеющей абсолютно иную судьбу. Это позволит оценить влияние социальных, культурных и политических факторов на демографические трансформации.

Безусловно, нельзя не сожалеть о том, что в исследование не были включены другие страны: хотя бы еще одна западноевропейская (Германия или Италия) и какая-либо из восточно- или центральноевропейских, например, Чехия или Болгария, до 1989 г. принадлежавшие к сфере советского влияния, а затем вошедшие в Евросоюз. Дело в том, что на момент начала проекта данные обследования GGS в этих странах были еще недоступны<sup>3</sup>.

Итак, обращаясь к истории, напомним, что начиная с XIX в. и присоединения Закавказья (1801–1878 гг.) Россия и Грузия были частью

---

<sup>3</sup> Среди стран Центральной и Восточной Европы, входивших в зону советского влияния, обследование GGS было проведено в Болгарии, Венгрии, Румынии и Чехии, а в Западной Европе — в Германии и Италии.

одного политического пространства. После недолгого периода независимости, последовавшего за распадом Российской империи в 1917 г. и исчезновением Закавказской Демократической Федеративной республики, возникшей в 1918 г., Грузия вошла в советское государство. Что касается Литвы, то она до Октябрьской революции входила в состав Российской империи, а затем, после периода независимости, была аннексирована СССР в результате советско-германского пакта, подписанного 23 августа 1939 г.

За плечами всех четырех стран — трагические события XX в., прежде всего Вторая мировая война с ее тяжелыми демографическими последствиями, масштабы и характер которых, однако, были неодинаковыми в разных странах. Россия, одна из главных участниц войны, понесла огромные человеческие и материальные потери. После советской аннексии 1940 г. Литва была захвачена Германией (1941 г.), а затем вновь присоединена к СССР в 1945 г. В период немецкой оккупации уничтожению подверглось еврейское население этой республики. Сопротивление советскому режиму, принимавшее различные формы, привело к тому, что на протяжении нескольких послевоенных лет положение в Литве оставалось нестабильным. Ее население подверглось, в частности, массовым депортациям в Сибирь, начавшимся в 1940 г. и возобновившимся после изгнания немецких войск. Грузия, вошедшая в состав СССР в более ранний период, участвовала в конфликте, но понесла меньшие потери, чем Россия и Литва. Наконец, Франция пострадала значительно меньше, чем другие три страны, но и здесь война вызвала глубокие трансформации.

В послевоенный период Россию, Грузию и Литву объединяла общая социально-политическая история. Вплоть до распада СССР в 1991 г. они принадлежали к противоположному по отношению к Франции политическому блоку. 11 марта 1990 г. Литва первой провозгласила суверенитет, а год спустя, 9 апреля 1991 г., за ней последовала Грузия. Эти декларации стали реальностью лишь с исчезновением Советского Союза (25 декабря 1991 г.), открывшим перед советскими республиками путь к автономному существованию. На пути преобразований молодые независимые государства добились разных результатов. В отличие от ряда других бывших советских республик Грузии не удалось обеспечить политическую стабильность, в то время как Литва 1 мая 2004 г. вошла в состав Евросоюза.

Представленный сравнительный анализ отсылает нас к антропологическим и культурным характеристикам каждой из стран. Наблю-

даемая сегодня ситуация свидетельствует о различиях между ними, одним из проявлений которых являются отношения между полами и семейные ценности. Это антропологическое измерение накладывает отпечаток на формирование религиозного, семейного и культурного пространств, которые пересекаются внутри принимающих различные формы социальных институтов (например, институт брака). С этой точки зрения, интересен пример Литвы: в советский период эта страна, связанная своей историей и католической традицией с Польшей, отличалась и от России, и от двух других прибалтийских республик, Латвии и Эстонии. В Литве аборт и разводы были и остаются гораздо более редким явлением, чем в соседних странах. Грузия — еще один пример сильнейшего влияния антропологического фактора на демографическое поведение. В этой стране патриархальный характер семейных отношений продолжает накладывать глубокий отпечаток на отношения между партнерами, формирование семейных союзов и формы взаимопомощи.

В России семейные отношения также — хотя и в меньшей степени, чем в Грузии, — остаются патриархальными; при этом демографическое поведение индивидов несет на себе отпечаток советского экономического и политического наследия (в частности дефицита жилья). В то же время огромную роль в определении российских социальных и семейных практик играют многочисленные культурные и антропологические компоненты, символом которых является линия Хайнала<sup>4</sup>. Хотя, как известно, в настоящее время эта схема подвергается корректировке, а порой и оспаривается, очевидно, что традиционная культурная модель, предполагающая ранний брак и интенсивные межпоколенные связи, по-прежнему работает.

Во Франции преобладает нуклеарная семья; взаимопомощь и отношения между родственниками здесь не так интенсивны, как в Грузии и России. Они не носят патриархального или патрилокального характера и отличаются большей симметричностью с точки зрения поколений.

К историческому и антропологическому аспектам добавляется многогранное социально-экономическое измерение. Трансформации в об-

---

<sup>4</sup> Напомним, что линия Хайнала отделяет регионы, характеризующиеся ранним браком и сложными семейными структурами, от расположенной к западу зоны с преобладанием поздних браков и нуклеарной семьи. См., например: *Burquier A., Klapisch-Zuber Ch., Segalen M., Zonabend F. Histoire de la Famille.* — Paris: Stock, 1994.

ластях, в которых государство может играть решающую роль (образование, здравоохранение, материальная поддержка семей и обеспечение доступа к средствам регулирования рождаемости), определяют отношения между семьей и государством, опирающиеся на материальную и финансовую помощь. Сюда же входит и социально-экономическая организация страны: социальная стратификация, принципы функционирования рынка труда, доступ к жилью.

Среди рассматриваемых четырех стран только во Франции рыночная экономика имеет долгую историю. Остальные на протяжении 50–70 лет жили в условиях авторитарного режима и плановой экономики с полностью контролируемым государством рынком труда. Истории жизни и профессиональные пути индивидов определялись здесь особой системой социальной защиты, отрицавшей существование безработицы и предусматривавшей, что жилье и ряд других услуг могут обеспечиваться по месту работы. Государство брало на себя поддержку семей путем предоставления мест в создаваемых им яслях и детских садах. Одновременно оно подталкивало семьи к развитию межпоколенных связей, необходимых, чтобы компенсировать характерную для дефицитной экономики нехватку жилья и товаров широкого потребления.

В начале 1990-х гг. одним из главных потрясений, обрушившихся на восточноевропейские страны, стала либерализация экономики. Она привела, помимо прочего, к существенному росту стоимости жизни с одновременным сокращением государственной помощи семьям и крахом системы социальных услуг (яслей, больниц и пр.). Дальше, однако, пути трех стран быстро разошлись. После десяти лет хаоса Литва и Россия начинают получать пользу от произошедших изменений. В начале 2000-х гг. российская экономика укреплялась благодаря росту цен на природные ресурсы, ключевому богатству этого экспортера сырья. Грузия является исключением: отсутствие новых возможностей и бремя конфликтов в Абхазии, Аджарии и Южной Осетии стали препятствием на пути ее экономического развития.

## **2. Общий демографический пейзаж**

Публикуемые в сборнике статьи опираются на два типа источников. Источники первого типа, синтетические (обобщающие) демографические показатели, полученные на основе переписей и национальных обследований, позволяют проследить тенденции демографических из-

менений. Вторым и главным источником стало международное лонгитюдное обследование «Поколения и Гендер» (*Generations and Gender Surveys*, или GGS), осуществляемое по инициативе ООН. Программа предполагает проведение во всех странах-участницах<sup>5</sup> (в том числе в четырех странах данного проекта) трех волн опросов с интервалом в три года. В настоящей публикации используются данные первой волны обследования, прошедшей в России в 2004, во Франции в 2005, а в Грузии и Литве в 2006 г. Главное преимущество этого обследования заключается в том, что в его основе лежит единый для всех стран стандартный вопросник, составленный на английском языке, а затем переведенный на национальные языки и адаптированный к условиям стран-участниц (*Приложение 2*). С целью обеспечения однородности и сопоставимости данных требуемые объем и структура выборки также были тщательно определены (*Приложение 1*). Тем не менее, несмотря на стремление гарантировать сопоставимость данных, не все расхождения удалось преодолеть. Во-первых, сказалось существование национальных особенностей в практике проведения опросов, а во-вторых, трудно добиться полной эквивалентности вопросов при переводе и адаптации вопросника к местным условиям<sup>6</sup>.

Среди стран — участниц проекта Россия выделяется по численности населения: в 2004 г. на ее территории проживало 144 млн человек, во Франции — 61 млн, а в Грузии и Литве — менее 5 млн. Отличаются и демографические тенденции. Среди четырех стран только во Франции численность населения растет главным образом за счет естественного прироста, а также притока мигрантов. В остальных рассматриваемых здесь государствах население сокращается из-за высокой смертности и низкой рождаемости, а в Грузии и Литве — также из-за сильного миграционного оттока населения. В России снижение численности населения, наблюдаемое уже много лет, было отчасти смягчено притоком мигрантов (главным образом русского населения бывших советских республик), вызванным распадом СССР. Миграционный фактор имеет важнейшее значение для трех этих стран. В Грузии и Литве многие семьи оказались разделены в результате отъезда одного из членов на работу за границу. Если жители Литвы уезжают в основном в Западную

---

<sup>5</sup> Список стран — участниц *Generations and Gender Programme* (GGP) можно найти на сайте ЕЭК ООН: <http://www.unecsc.org/pau/ggp/Welcome.html>

<sup>6</sup> См. об этом: *Sebillé P., Régnier-Loilier A.* Aménagements du questionnaire *Generations and Gender Surveys* en France (vague 1), INED, coll. «Documents de Travail», n°144. — Paris, 2007. — 191 p.



Таблица 1

Некоторые демографические показатели

Страны	Грузия	Литва	Россия	Франция
Численность населения (1990) <sup>а</sup>	5424	3694	147 662	56 577
Численность населения (2000) <sup>а</sup>	4672*	3512	146 890	58 849
Численность населения (1/1/2005) <sup>а</sup>	4321	3425	143 474	60 825
Численность населения (1/1/2006) <sup>а</sup>	4401	3403	142 754	61 167
Число рождений (2005 г.) <sup>а</sup>	47	30	1457	767
Число рождений (2006 г.) <sup>а</sup>	48	31	1480	774
Коэффициент суммарной рождаемости (2005 г.) <sup>б</sup>	139	130	129	198
Число смертей (2005) <sup>а</sup>	43	44	2304	527
Число смертей (2006 г.) <sup>а</sup>	42	45	2167	520
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (мужчины, 2006 г.) <sup>в</sup>	69,8	65,3	60,4	77,2
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (женщины, 2006 г.) <sup>в</sup>	78,5	77,1	73,2	84
Естественный прирост населения (2006 г.) <sup>а</sup>	5,5	-13,5	-687,1	280
Миграционный прирост населения (2006 г.) <sup>а</sup>	-12,1	-4,9	+154,5	115
Общий прирост населения (2006 г.) <sup>а</sup>	-6,6	-18,4	-532,6	395

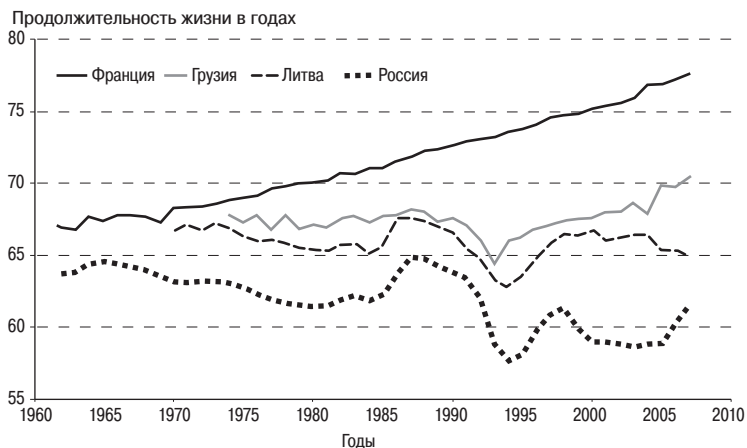
Примечания: <sup>а</sup> — тыс. чел.; <sup>б</sup> — количество детей на 100 женщин; <sup>в</sup> — годы; \* — речь идет о приблизительной оценке, так как грузинские власти не располагают данными по Абхазии и Южной Осетии. Без этих двух регионов численность населения Грузии составляла 4435 тыс. чел. в 2000 г. и 4289 тыс. чел. в 2005 г.

Источники: здесь и далее, если не указано иное, Национальные статистические ежегодники и база данных Национального института демографических исследований Франции ([http://www.ined.fr/pop\\_chiffres](http://www.ined.fr/pop_chiffres)).

Европу, прежде всего в Великобританию и Ирландию, то в Грузии речь идет прежде всего о мужчинах, уезжающих работать в Россию.

Советская история наложила отпечаток на демографическое поведение людей, в частности в том, что касается здоровья и смертности (рис. 1). Если в начале 1960-х гг. ситуация в советских республиках не отличалась от западной, то с начала следующего десятилетия их пути начали все больше и больше расходиться. Благодаря реформам в области здравоохранения, затронувшим прежде всего профилактику сердечно-сосудистых заболеваний и борьбу с раком, западно-европейские страны обеспечили быстрое и регулярное снижение смертности. В Центральной и Восточной Европе этот показатель оставался на прежнем уровне, а в Советском Союзе он даже рос, обуславливая постоянное сокращение продолжительности жизни. Синхронный характер краткосрочных эволюций свиде-

**Ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении  
(1960–2007 гг.)**



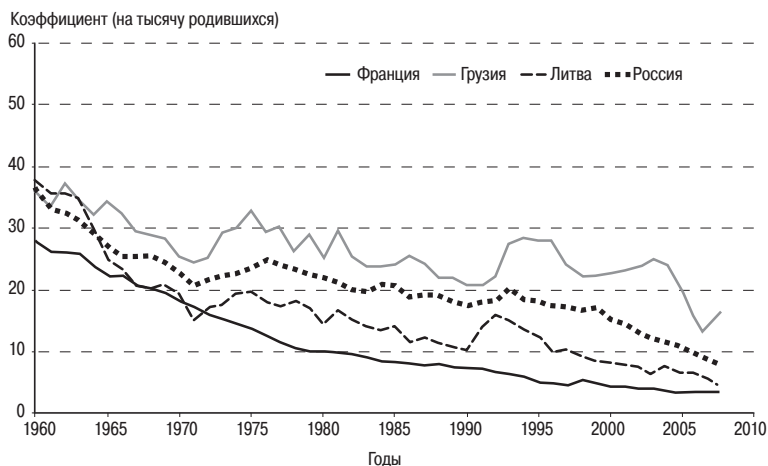
тельству о восприимчивости населения этих регионов к конкретным политическим мерам. Так, если в 1970-е гг. смертность постоянно росла, то в середине следующего десятилетия эта тенденция ненадолго прервалась под влиянием антиалкогольной кампании, означавшей практически запрет на потребление алкоголя<sup>7</sup>. До начала 1990-х гг. во всех трех советских республиках наблюдалась схожая динамика смертности, но распад СССР привел к появлению существенных различий. Это свидетельствует о большом влиянии, которое оказывала на смертность принадлежность к одному и тому же политическому пространству. Если в большинстве стран Центральной Европы после длительного периода стагнации этот показатель стал снижаться в начале 1990-х гг., то в Литве схожая тенденция наметилась лишь в середине того же десятилетия. Судя по всему, в последние годы на этот путь постепенно встает и Россия.

Несмотря на то что некоторые особенности статистики затрудняют интерпретацию этих показателей, эволюция младенческой смертности подтверждает прочность связей между советскими республиками (рис. 2). Дело в том, что долгое время советская статистика при расчете младенческой смертности не включала некоторые случаи смерти ново-

<sup>7</sup> См. интерпретацию колебаний уровня смертности начиная с 1970-х гг. в: *Avdeev A., Blum A., Zakharov S., Andreev E.* Réaction d'une population hétérogène à une perturbation. Un modèle d'interprétation des évolutions de la mortalité en Russie // *Population*. 1997. Vol. 52. № 1. P. 7–44.

Рисунок 2

Коэффициент младенческой смертности (1960–2007 гг.)

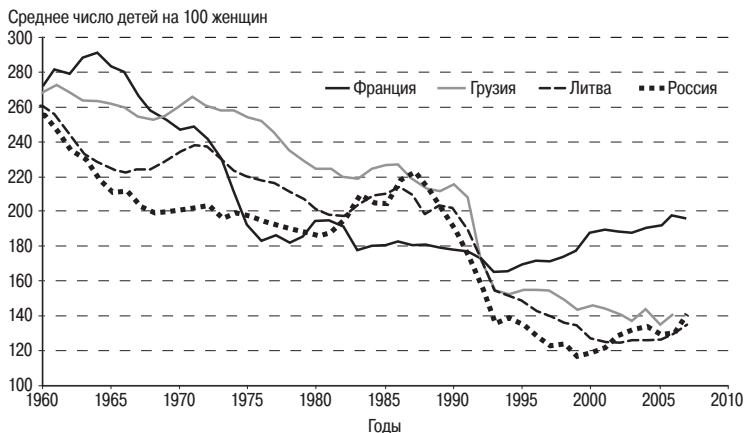


рожденных, обычно учитываемые в западных странах. Поэтому в России улучшение системы учета смертей, произошедшее в середине 1970-х гг. после серии мер, принятых по инициативе ЦСУ СССР, привело к росту показателя младенческой смертности. То же самое произошло в Литве и Эстонии после 1991 г., когда эти страны перешли на международные нормы измерения смертности. В настоящее время во всех этих странах, за исключением Грузии, наблюдается снижение данного показателя.

Синхронная эволюция рождаемости во всех трех бывших советских республиках объясняется совместным воздействием исторических, политических и экономических факторов, тогда как различия в ее уровне обуславливаются скорее культурными и антропологическими факторами (рис. 3). В 1980-е гг. в большинстве европейских стран (за исключением Франции) рождаемость снижалась, в то время как в Грузии, Литве и России этот показатель продолжал оставаться на высоком уровне. Симметричность наблюдаемых в этих трех странах тенденций объясняется влиянием советского патерналистского государства. Дополнительную роль сыграла пронаталистская политика, проводившаяся в СССР начиная с 1981 г.<sup>8</sup> и сопровождавшаяся ростом рождаемости. Принятые тогда меры повлияли не столько на итоговую

<sup>8</sup> В частности, оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком: Avdeev A., Monnier A. À la découverte de la fécondité russe contemporaine // Population. 1994. Vol. 49. № 4–5. P. 859–901.

Суммарный коэффициент рождаемости (1960–2007 гг.)



рождаемость поколений, сколько на календарь рождаемости, ускорив появление детей<sup>9</sup>. С начала 1990-х гг. во всех трех бывших советских республиках одновременно наблюдается снижение рождаемости. Быстрота этого процесса отчасти объясняется ранним календарем рождений, характерным для предшествующего периода, но очевидно и то, что экономический, политический и социальный кризис 1990-х гг. также способствовал, особенно в Литве и России, снижению рождаемости начиная с 1990–1991 гг. и откладыванию рождения первого ребенка.

Различия в уровне этого показателя обуславливаются культурными и антропологическими факторами прежде всего в Грузии и Литве в период 1960–1990-х гг. Патриархальная семья в одной стране и католическая религия в другой оказали большое влияние на модели семейного и особенно брачного поведения, изменение которых показано здесь на примере эволюции внебрачной рождаемости (рис. 4). В начале 1960-х гг. в большинстве европейских стран рождение вне брака чаще всего означало рождение вне партнерского союза, т. е. появление, скорее всего, нежеланного и непризнанного ребенка. Сегодня речь идет о детях, рожденных в незарегистрированных союзах. Первопроходцами в этой области стали Скандинавские страны, а Франция последовала за ними с разрывом в несколько лет. В настоящее время в этой стране

<sup>9</sup> Захаров С. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России 1980-х гг. // Т. М. Малева, О. В. Сиянская (ред.). Родители и дети, мужчины и женщины в обществе. Выпуск 1. — М.: НИСП, 2007. С. 267–312.

Рисунок 4



половина детей рождается вне официального союза, и репродуктивное поведение пар, состоящих в браке, не отличается от прочих.

Эти изменения свидетельствуют о чрезвычайно сложном переплетении антропологических и политических факторов. Так, в Эстонии, с демографической точки зрения относящейся к Скандинавским странам, незарегистрированные союзы получили широкое распространение сразу после распада СССР. На протяжении десятилетий эта тенденция сдерживалась принадлежностью к советскому политическому пространству. В Литве верность католической традиции приводила к тому, что внебрачные рождения были еще более редким явлением, чем в Эстонии и других советских республиках. Этот фактор продолжает сохранять свое значение и сегодня, более того, начиная с 2007–2008 гг. Литва под прямым влиянием католической религии проводит политику поощрения браков, обеспечивая привилегированный статус зарегистрированным парам. В результате рост числа внебрачных рождений, наметившийся в начале 1990-х гг., прервался. В Грузии неожиданный и чрезвычайно быстрый рост внебрачной рождаемости объясняется не изменениями в демографическом поведении или особой семейной политикой государства, а отказом от гражданской регистрации брака в пользу церковных или частных церемоний<sup>10</sup>.

<sup>10</sup> См. об этом: *Badurashvili I., Cheishvili R., Kapanadze E. et al. Gender Relations in Modern Georgian Society. UNFPA-GCPR. — Tbilisi, 2008. — 86 p.*

Представленные выше основные тенденции демографического развития четырех стран, а также сходства и различия между ними следует дополнить анализом антропологических, исторических, социальных и экономических факторов, которые определили важнейшие социально-демографические трансформации, отраженные в публикуемых здесь статьях. Здесь ценным источником информации для нас станут данные обследований GGS.

### **3. Социально-демографические трансформации и их детерминанты**

#### *3.1. Влияние антропологического фактора на семейную взаимопомощь и проживание с родителями*

Известно, что внутрисемейные отношения отчасти определяются антропологическими характеристиками изучаемых обществ. Поведение индивидов противостоит социальным и политическим трансформациям<sup>11</sup>. Под воздействием новых условий проживания, быстрой урбанизации и миграции, заставляющих многие семьи покинуть село и переселиться в город, отношения внутри семьи претерпевают изменения. Внутрисемейные связи «растягиваются», и на смену совместному проживанию нескольких поколений семьи под одной крышей нередко приходят новые формы взаимопомощи. Семейные модели, характеризующиеся четким разделением труда внутри домохозяйства, распределением экономических функций в крестьянском хозяйстве или частичным объединением ресурсов, уступают место новым типам семейной организации, строящимся на иных видах взаимопомощи, неформальных обменах и общении.

Одновременно множатся связи между семьей и внешним миром, и появляются новые типы помощи, в частности со стороны государства. Семьи все шире прибегают к институциональным каналам, будь то финансовая и налоговая поддержка или государственная помощь в области воспитания детей и уходе за пожилыми людьми, а помощь родственников в рамках расширенной семьи выступает как дополнение к государственной.

С этой точки зрения, особенно интересен пример советских республик, так как в СССР «государство всеобщего благоденствия» сосед-

---

<sup>11</sup> Hervé Le Bras et Emmanuel Todd // *L'invention de la France. Atlas anthropologique et politique.* — Paris: Le Livre de Poche, 1981.

ствовало с традиционными моделями взаимопомощи, отличавшимися важными особенностями в каждом регионе. Эти модели, взаимодополняющие друг друга или, наоборот, противоречащие друг другу, иногда вступали в конфликт с государственным патернализмом, а иногда мирно уживались с ним. Однако советская патерналистская модель, служившая фундаментом системы социальной защиты, вступала в противоречие с реальностью, нередко близкой к экономике выживания. Это несоответствие проявлялось в обмене товарами и услугами между индивидами, зачастую носившими денежный и неформальный характер<sup>12</sup>. Такой обмен позволял населению частично компенсировать провалы и недостатки советской системы социальной защиты. В то же время участники обмена оказывались вовлеченными в процесс, предполагающий, что за полученную помощь необходимо отблагодарить оказанием той или иной услуги. Очевидно, что такая модель дорого обходится индивидам, так как она требует от них оказания помощи растущему числу лиц в надежде когда-нибудь получить ответную услугу. Этот тип обмена опирается на традиционные семейные, дружеские и соседские связи, имеющие свою специфику в различных регионах и группах населения.

В этих условиях семейная помощь представляет собой один из самых распространенных видов взаимопомощи, имеющий решающее значение для одиноких, холостых, разведенных и вдовых. Нередко она выражается в возвращении в дом родителей или, наоборот, переселении в дом одинокого человека одного из его родственников (*рис. 5*). С особой силой это проявляется в Грузии, где традиционная семейная организация способствует существованию сложных домохозяйств. Для грузинских мужчин проживание в доме родителей возможно в любой момент их брачной истории, независимо от того, состоят они в союзе или нет. Тот факт, что с возрастом доля мужчин, живущих с одним или обоими родителями, уменьшается, объясняется не столько их выделением, сколько смертью родителей.

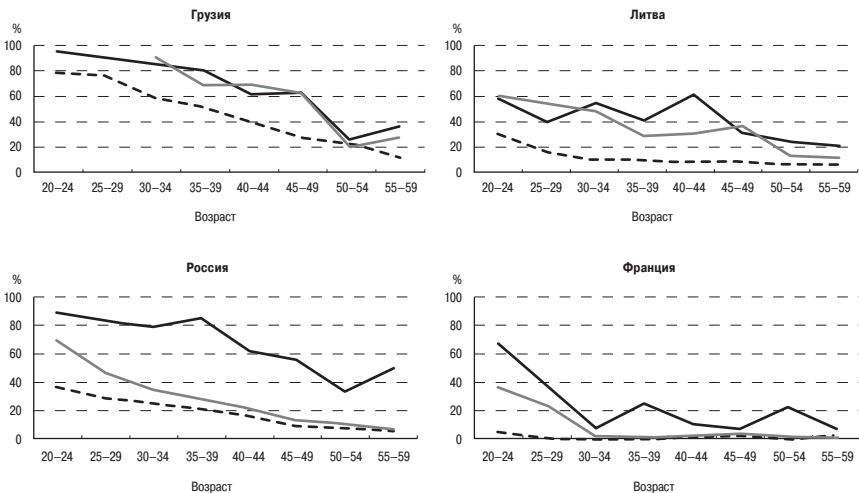
Во Франции, напротив, мужчины крайне редко остаются жить с родителями, особенно после 30 лет. Среди женщин таковых чуть больше, но после того как женщина покинула родительский дом, она почти никогда не возвращается туда, даже в случае развода или вдовства. Таким образом, выделение из родительской семьи носит обычно окончательный характер. В Литве это проявляется слабее, что объясняет

---

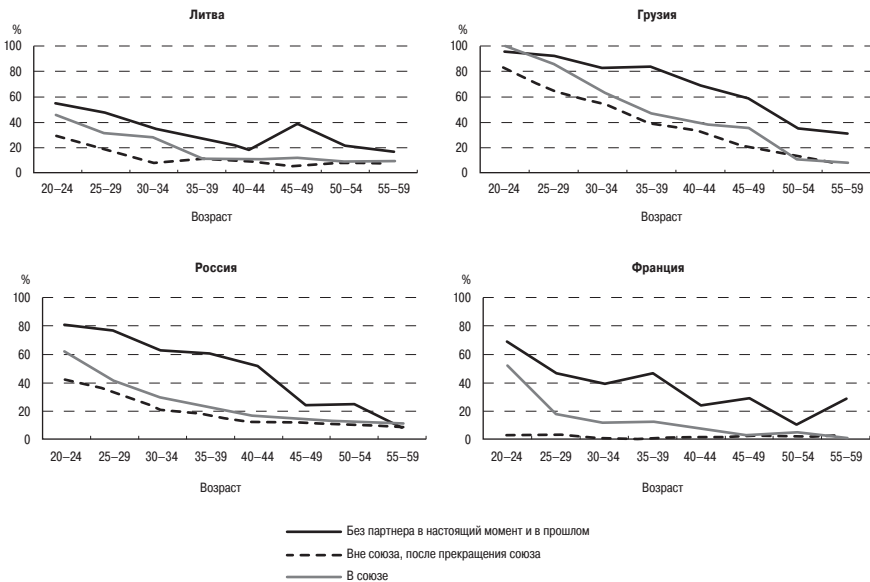
<sup>12</sup> Désert M. Le débat russe sur l'informel // Questions de recherches. Mai 2006. № 17. CERISciences Po.; <http://www.ceri-sciencespo.com/cerifpublica/question/menu.htm>

**Доля мужчин (женщин), живущих с одним или обоими родителями или с родителями партнера, по брачному состоянию**

**Мужчины**



**Женщины**



— Без партнера в настоящий момент и в прошлом  
 - - - Вне союза, после прекращения союза  
 — В союзе

Источники: здесь и для рис. 6–12 данные обследования GGS (см. Приложение 1).



ся дефицитом жилья и нестабильностью доходов. Многие мужчины и женщины живут со своими родителями или родителями партнера после создания или прекращения союза. Россия, как и Литва, представляет собой промежуточный вариант: здесь также наблюдается рост количества случаев вынужденного проживания с родителями, вызванного трудными экономическими условиями 1990-х гг.

Тип семейной организации и форма совместного проживания также указывают на характер связей между членами семьи и на особенности гендерных отношений в семье. Так, в Грузии забота о престарелых родителях традиционно лежит на старшем сыне. Такие связи, характерные для семьи, и гендерные отношения, наблюдаемые в масштабах всего общества, отражают определенные антропологические особенности, которые в некоторых случаях могут быть усилены экономическими условиями, например, кризисом, заставляющим женщин покидать рынок труда быстрее и чаще, чем это делают мужчины. Семейные и брачные практики также отсылают к социальному статусу полов и характерным для данного общества обычаям.

В Грузии вступление в брак необязательно влечет за собой уход мужчины из родительского дома. В рамках патрилокальной модели мужчина остается жить с родителями, забирая к себе в дом жену. Такая связь мужчин с родителями проявляется и в различиях поведения мужчин и женщин при прекращении союза. В случае овдовения, развода или разрыва мужчина остается (или возвращается) жить к родителям, в отличие от женщин, покидающих родительский дом независимо от своего брачного состояния. Это является, несомненно, одной из самых специфических черт грузинской семейной организации по сравнению с тремя другими странами.

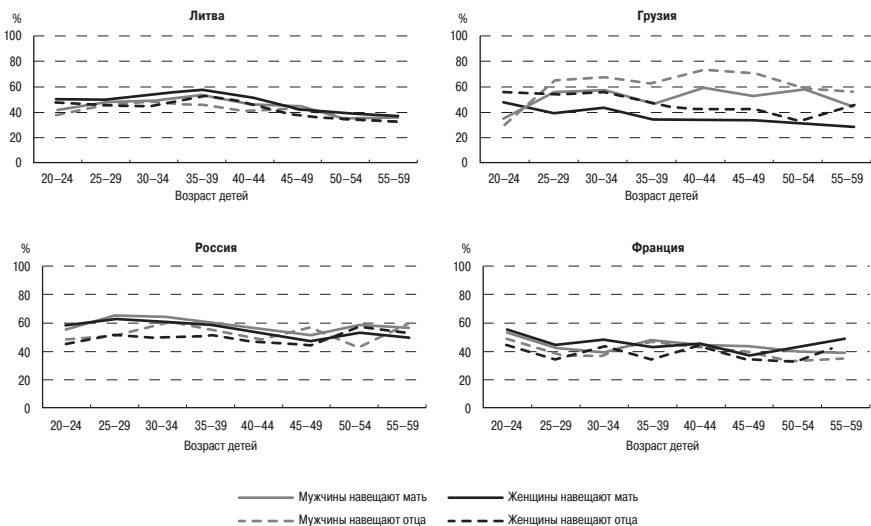
Совместное проживание отражает лишь один из аспектов отношений между родителями и детьми. Трудности с жильем и особенности городской жизни накладывают отпечаток на семейные структуры, не вызывая, однако, глубинных изменений в этих отношениях. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, с какой частотой дети навещают родителей (*рис. 6*). В Грузии гендерные отношения определяют повседневные отношения внутри семьи. Тесная связь мужчин с родителями, характерная для патрилокальной модели, проявляется и в том, что сыновья существенно чаще, чем дочери, навещают родителей<sup>13</sup>.

---

<sup>13</sup> См. в этом сборнике статью *А. Ренье-Луалье, И. Бадурашвили и Ш. Циклаури*, в которой сравниваются Франция и Грузия.

Рисунок 6

**Доля детей, имеющих одного или двух живых родителей и навещающих их раз в неделю или чаще, по полу детей и родителей**



### 3.2. Начало взрослой жизни

Этапы вступления во взрослую жизнь (выделение из родительской семьи, завершение образования, первая работа, первый партнерский союз, рождение первого ребенка) могут осуществляться в различном темпе, с большими или меньшими промежутками. Даже внутри одной страны они не всегда следуют друг за другом в одном и том же порядке. Тем не менее, несмотря на вариации, зависящие от индивидуальных социальных и экономических факторов, ряд признаков указывает на то, что эти различные этапы начала взрослой жизни тесно связаны друг с другом. Так, например, старшие поколения французов отличаются от своих ровесников из других стран, что объясняется особой связью между выходом на рынок труда и созданием семьи.

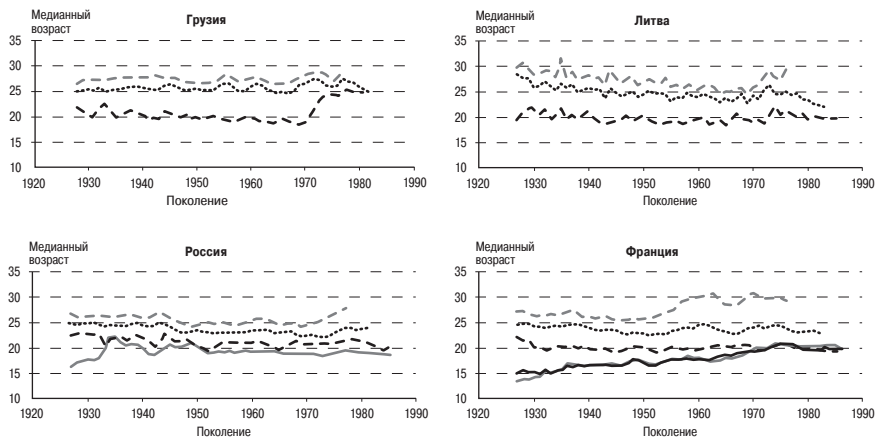
Несмотря на то, что по окончании учебы французы очень быстро находят первую работу, дом родителей они покидают лишь несколько лет спустя. Таким образом, выделение не просто является результатом достижения экономической автономии, а означает приобретение статуса взрослого человека. Этот этап наступает после того, как были обеспечены все необходимые условия для независимого существования. Именно этим объясняется удивительное постоянство медианного

возраста на момент ухода из родительского дома (рис. 7). Промежуток времени, отделяющий завершение учебы и первую работу от выделения из родительской семьи, обуславливается сочетанием экономического фактора (необходимости обеспечить финансовую независимость, чтобы уйти от родителей) с фактором скорее антропологического ха-

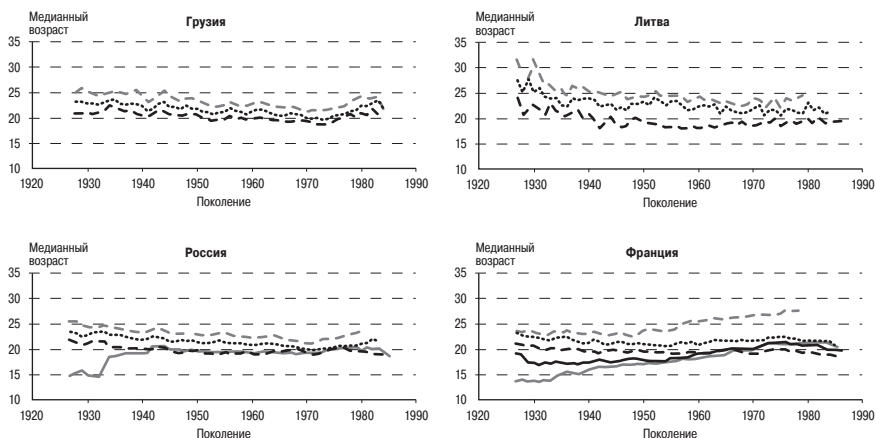
Рисунок 7

«Вступление во взрослую жизнь» — медианный возраст на различных этапах начала взрослой жизни, по поколениям мужчин и женщин

Мужчины



Женщины



Возраст на момент — завершения образования — первой занятости — ухода из родительской семьи — рождения первого ребенка  
 - - - - - — первого партнерства

рактера (представлениями о том, в каком возрасте человек становится автономным).

Первый этап создания семьи, а именно вступление в первый союз, который для поколений, родившихся до 1960 г., в большинстве случаев являлся браком, осуществляется после завершения учебы, выхода на рынок труда и выделения из родительской семьи. За ним быстро следует рождение первого ребенка. У поколений 1930-х гг., начавших взрослую жизнь сразу после Второй мировой войны, между окончанием учебы (или первой работой) и созданием союза (или рождением первого ребенка) проходит более 15 лет. Таким образом, оказываются разделенными по времени три явления: первое, экономического характера, связывает образование и работу; второе, социологического порядка, соответствует социальным представлениям о взрослом возрасте и определяет уход из родительского дома; третье, демографическое, связывает брак и рождение первого ребенка.

В советскую эпоху этапы истории жизни человека следовали друг за другом в гораздо более быстром темпе и накладывались друг на друга, а их последовательность нарушалась. Немного времени разделяло завершение образования и выделение из семьи родителей<sup>14</sup>, создание первого союза и рождение ребенка. В России на прохождение всех этапов уходило менее 5 лет, тогда как во Франции — свыше 10. В России создание первого союза и даже рождение ребенка нередко предшествовали окончанию учебы. В Литве и Грузии этот процесс занимал немного больше времени в силу чуть более раннего выделения из родительской семьи, объяснявшегося менее острым дефицитом жилья. Тем не менее на всей территории СССР государственный контроль за доступом к образованию и рынком труда приводил к нарушению взаимосвязи между созданием семьи и образовательно-профессиональными траекториями. В отличие от Франции границы между различными этапами истории жизни здесь были стертыми<sup>15</sup>.

Самые молодые поколения отличаются от предыдущих, особенно во Франции, где завершение образования/выход на рынок труда, выделение из родительской семьи и рождение первого ребенка все больше и больше отделяются друг от друга. Неизменность возраста, в котором дети покидают дом родителей и создают партнерский союз, контрасти-

---

<sup>14</sup> В российском обследовании вопрос о первой работе не задавался.

<sup>15</sup> См. в этом сборнике статью *П. Себия, А. Блюма и С. Захарова*, сравнивающую Россию и Францию.

рует с быстрым увеличением возраста при рождении первого ребенка, а также медленным, но постоянным повышением возраста на момент завершения образования и выхода на рынок труда. Это явление незнакомо другим рассматриваемым здесь странам; лишь рождение первого ребенка постепенно отдалается от остальных этапов в России и Литве, причем только у мужчин. В Грузии по-прежнему наблюдается наложение друг на друга и концентрация всех этапов, особенно у женщин<sup>16</sup>. Отделение рождения первого ребенка от остальных этапов, наметившееся недавно и носящее явно выраженный гендерный характер, является не столько свидетельством изменений в ожиданиях и установках индивидов, сколько следствием экономических трансформаций. Исчезновение патерналистского государства привело к тому, что мужчины вынуждены откладывать создание семьи на более позднее время, на момент получения стабильной работы и карьерного роста<sup>17</sup>.

### *3.3. Создание и прекращение партнерского союза*

Формы создания партнерского союза свидетельствуют об удивительном переплетении антропологических факторов и истории последних десятилетий, мешавшей развитию новых форм партнерского союза в СССР. Недавние трансформации указывают на элементы и консерватизма, и модернизации, которые противопоставляют, с одной стороны, Россию и Францию, а с другой — Литву и Грузию.

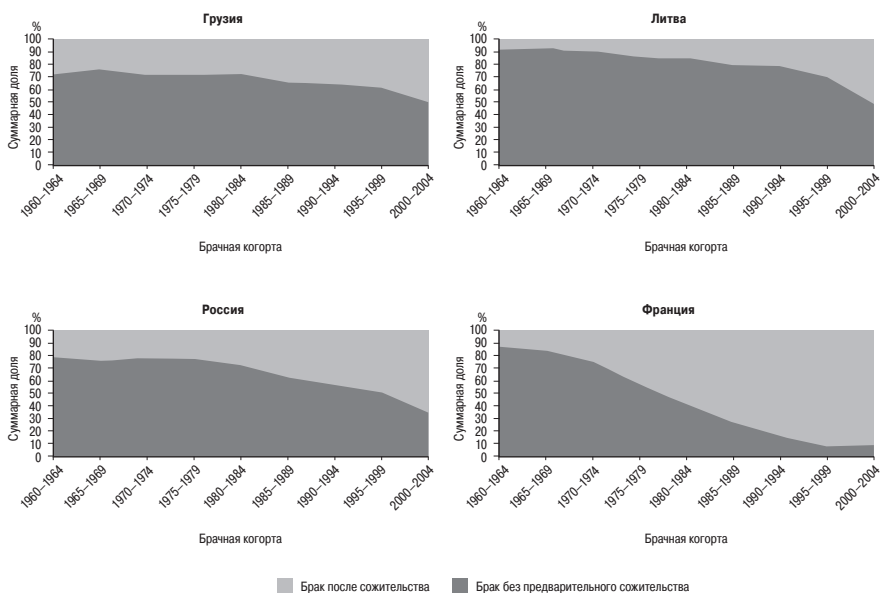
Первый союз повсюду все чаще и чаще перестает быть браком. Во Франции неформальный союз уже давно является первым опытом жизни с партнером. Количество браков здесь сокращается с 1960-х гг., тогда как в России эта тенденция появилась только в конце следующего десятилетия. Бросается в глаза контраст между, во-первых, этими двумя странами, а во-вторых, — Грузией и Литвой, где неформальные союзы в качестве этапа, предшествующего браку, получили широкое распространение гораздо позже, после исчезновения СССР. В Грузии и Литве принадлежность к советскому пространству, отнюдь не способствовавшая распространению таких союзов, в новое время дополнилась сильным социальным вмешательством. Сочетание этих двух факторов привело к тому, что брак и сегодня остается здесь самой легитимной формой союза. Это сочетание норм, унаследованных от со-

---

<sup>16</sup> Сильное повышение возраста выделения из родительской семьи, наблюдаемое в конце 1990-х гг., связано с реформой военной службы.

<sup>17</sup> См. в этом сборнике статью *А. Пайе* и *О. Синявской*.

**Доля браков, которым предшествовал неформальный союз, по брачным когортам**



ветского режима, и традиционных консервативных установок наложило отпечаток на эволюцию брачности в обеих странах.

В России, напротив, совпадение тенденций политической эволюции и изменений в брачном поведении привело к быстрому распространению неформальных союзов после исчезновения СССР. Это изменение демографического характера свидетельствует о силе давления, которое оказывала советская социально-политическая и экономическая модель на брачное поведение населения.

Несмотря на различия социально-культурной среды, в Литве и Грузии институт брака по-прежнему играет центральную роль. Об этом свидетельствует позднее создание союзов, большинство из которых заканчивается браком. Устойчивость ценностей, связанных с институтом брака, есть то, что мы называем консерватизмом.

Итак, перед нами вырисовываются два противоположных типа общества. В первом, наблюдаемом в России и Франции, институт брака, утерев значительную часть символического значения, служит государственным подтверждением определенного образа семейной жизни. Во втором случае брак продолжает оставаться столпом общества:

в Литве это объясняется силой католической традиции, а в Грузии — сохранением патриархальных отношений внутри семьи и строгой иерархией.

Наблюдаемое во Франции брачное поведение не означает, однако, отсутствие государственной поддержки семей. Напротив, государство призвано обеспечивать средства, необходимые для создания семьи, независимо от ее институциональной формы. Массовое распространение внебрачных рождений свидетельствует о том, что легитимация союза путем его регистрации является сегодня личным делом индивида и относится к частной сфере. При этом население очень многого ожидает от государства, в частности в области образования и дошкольного воспитания<sup>18</sup>. Что касается России, то здесь наблюдается более сложная ситуация, позволяющая выдвинуть две противоположные гипотезы. С одной стороны, можно предположить, что здесь преобладает логика, схожая с французской: долгая традиция «государства всеобщего благосостояния» была настолько хорошо усвоена населением, что не исчезла даже после того, как семейная политика была сведена к минимуму. Согласно второй гипотезе, в России преобладает либеральная модель, четко отделяющая частную сферу (семью) от публичной (государства). В качестве доказательств можно было бы привести масштабы межпоколенной помощи и отношение к престарелым родителям. Если это предположение верно, это означает, что Россия ударилась в безудержный либерализм, заставляющий семьи самостоятельно компенсировать нехватку помощи со стороны государства<sup>19</sup>.

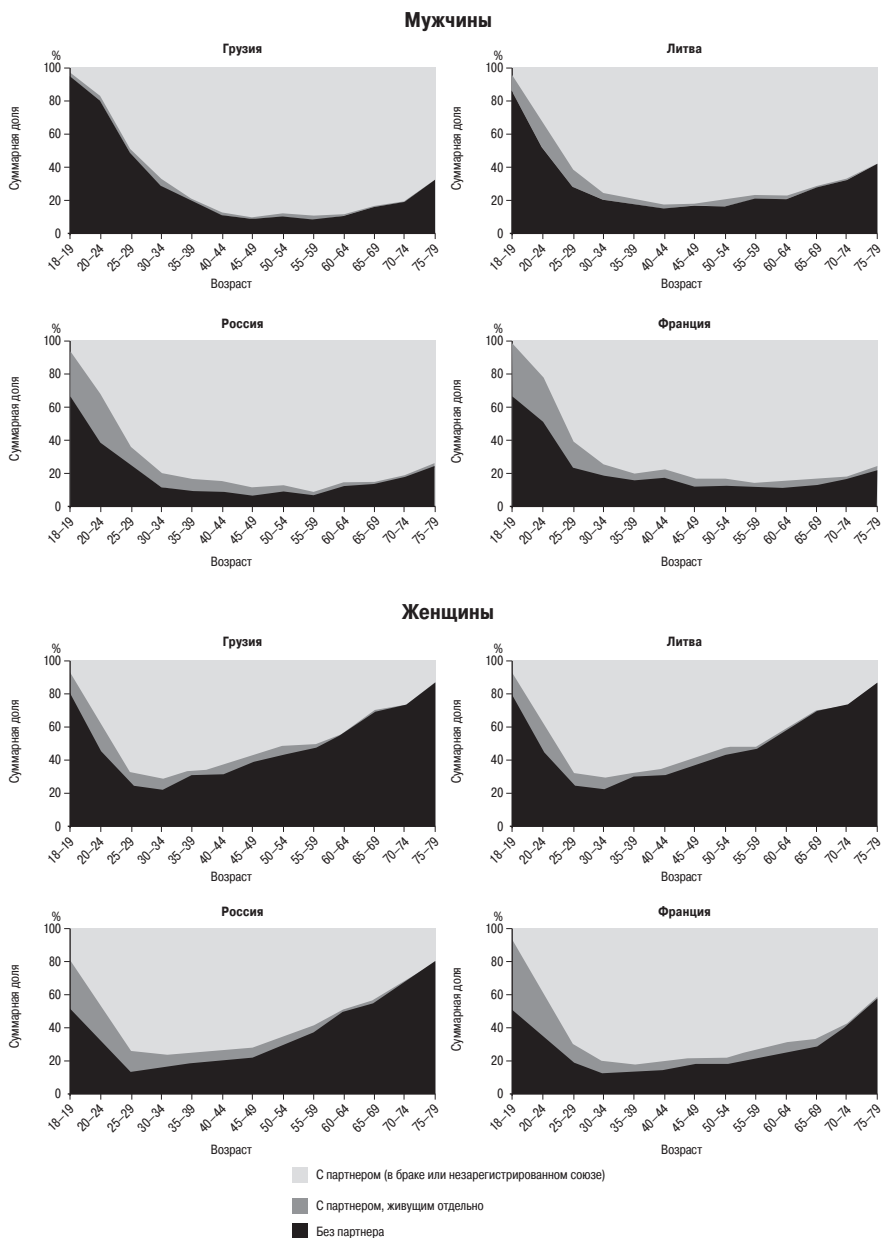
На прекращение союзов влияют как чисто демографические факторы, так и антропологические переменные (*рис. 10*). Отчасти они объясняются демографической структурой рассматриваемых обществ. Мужская сверхсмертность в Литве и России неизбежно вызывает структурный дисбаланс между мужчинами и женщинами, так как последние быстрее теряют партнера в результате овдовения. Таким образом, одинокое состояние имеет свою специфику для каждого пола (*рис. 9*). Во Франции прекращение союза происходит более синхронно у мужчин и женщин, поскольку его главной причиной является не смерть партнера, а разрыв отношений (*рис. 10*). Говоря о распадах союзов, нельзя не отметить сходство между Францией и Россией, с точки зре-

<sup>18</sup> См. в этом сборнике статью С. Лефевр, Л. Прокофьевой, И. Корчагиной, В. Станкуниене, М. Гедвилайте, И. Бадурашвили и М. Сирбиладзе.

<sup>19</sup> Там же.

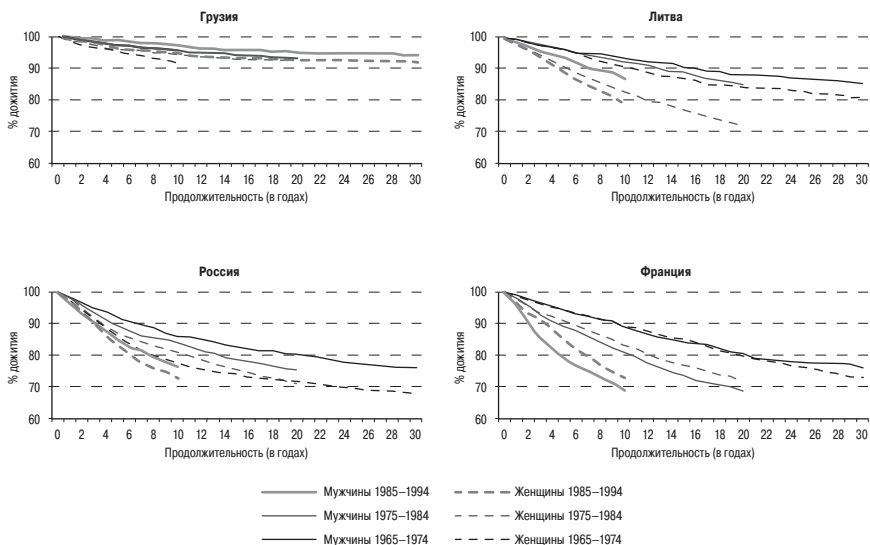
Рисунок 9

Доля женщин (мужчин), живущих с партнером, живущих отдельно от партнера, не имеющих партнера (по возрастам)





**Дожитие союзов по полу и году возникновения  
(на 100 союзов, созданных в тот или иной год)**



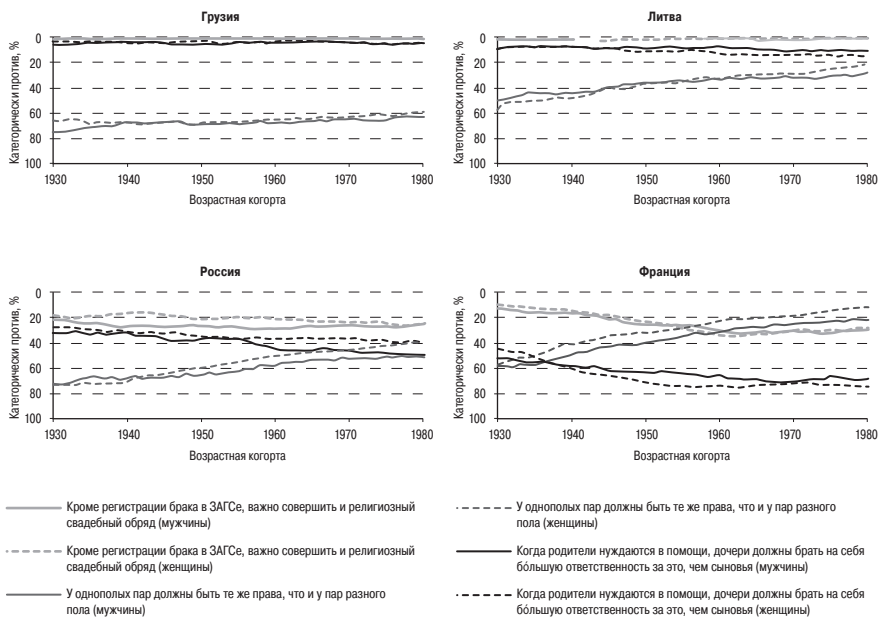
ния как их частоты, так и эволюции во времени. Сегодня во Франции только 70% союзов перешагивает через 10-летний рубеж; в России этот показатель чуть выше. В Литве и Грузии ситуация сильно отличается: здесь союзы гораздо более стабильны, и разрывы происходят реже, особенно в Грузии. Объяснение этому вновь следует искать в патриархальной модели и строгом семейном контроле, характерных для Грузии, и в сильных религиозных традициях в Литве.

### 3.4. Ценности и социальные трансформации

Изучение семейных ценностей, гендерных отношений и отношения к однополым союзам также свидетельствует о смешении традиционных и современных взглядов, характерном для населения рассматриваемых здесь стран.

Большие изменения претерпело отношение к однополым союзам. В то время как россияне, родившиеся в 1930-е гг., в большинстве своем осуждают эту практику, среди молодежи, появившейся на свет в начале 1980-х гг. лишь меньшинство разделяет эту точку зрения: 70% мужчин и женщин поколения 1930 г. выступают против предоставления равных прав гомо- и гетеросексуальным парам; в поколении 1980 г. такой точки

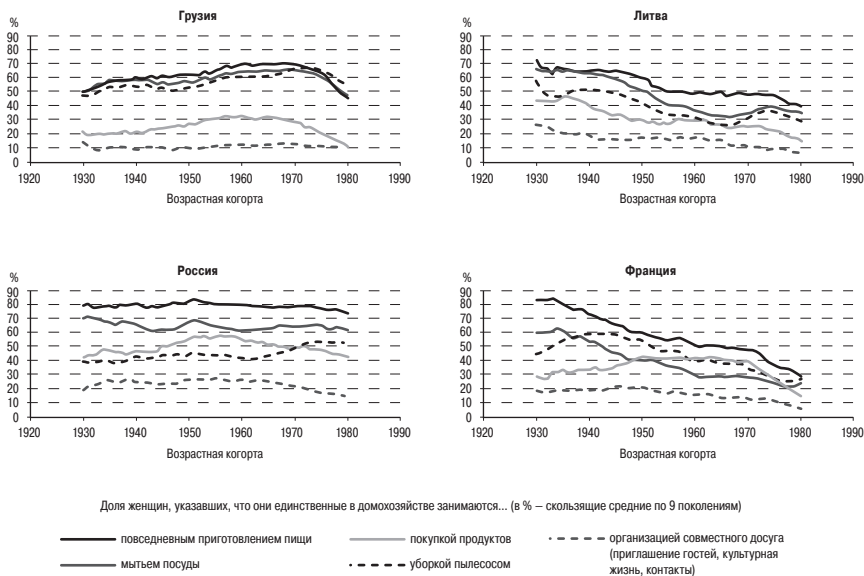
**Ценности: отношение к однополым союзам, церковному браку и помощи родителям**



зрения придерживается 50% мужчин и 40% женщин. Во Франции гораздо больше людей, одобряющих такое равенство: лишь один мужчина из пяти и одна женщина из десяти (среди родившихся в 1980 г.) выступают против него, в отличие от поколения 1930 г., где таких больше половины. В Литве наблюдается промежуточная ситуация, а Грузия является единственной страной, где отрицательное отношение к однополым союзам доминирует, почти не меняясь от поколения к поколению.

В целом, приверженность определенным ценностям отражает гендерные отношения внутри общества и семьи. Эти отношения меняются, но контрасты не исчезают. Так, в России выполнение домашних обязанностей по-прежнему лежит на женщинах, тогда как во Франции в этой области произошли очень быстрые изменения. В Литве наблюдается схожая ситуация, хотя здесь трансформация идет медленнее. На вопрос «Как распределены обязанности в Вашем домохозяйстве» меньше одной трети француженок, родившихся в 1980-е г., утверждает, что только они занимаются приготовлением пищи, покупкой продуктов, уборкой и организацией социальной жизни семьи. В Литве их доля больше, но общая

Гендерные ценности: отношение к делению домашних обязанностей на мужские и женские



тенденция схожа с французской. В России на женщинах лежит приготовление пищи (80%), а в Грузии за ними в подавляющем большинстве сохраняется традиционная роль, хотя в последние годы наблюдается достаточно неожиданная тенденция к ее уменьшению. Это связано, возможно, с усилением экономической роли мужчин, которая ведет к росту зависимости женщин и потере ими контроля над приобретением товаров широкого потребления. Деятельность грузинской женщины нередко ограничивается домашней средой, и ее неучастие в общественной жизни касается даже совершения повседневных покупок.

\* \* \*

История семей во второй половине XX в. раскрывает перед нами чрезвычайное разнообразие ситуаций, которое не может быть сведено ни к делению Европы на Западную и Восточную, ни к исторически возникшим антропологическим особенностям. Она отмечена тенденциями, проявившимися в Западной Европе в конце 1960-х гг., а в Восточной и Центральной — в начале 1980-х: брак перестал быть

единственной формой стабильного союза; между различными этапами вступления во взрослую жизнь нет прямой механической зависимости, которая диктовала бы якобы естественную последовательность их прохождения (завершение образования, выделение из родительской семьи и первая работа, создание союза и рождение первого ребенка). В то время как момент выделения, означающий обретение независимости по отношению к родителям и, вероятно, отражающий глубоко укорененные в обществе представления о начале взрослой жизни, отличается относительной стабильностью, последовательность и взаимосвязи между остальными этапами подвергаются изменениям. В отличие от Франции, где эти трансформации очевидны, в бывших советских республиках они еще не проявили себя в полной мере, но признаки, указывающие на разрушение взаимосвязи между жизненными этапами, уже начинают давать о себе знать и здесь.

Все эти изменения, начавшиеся в четырех странах в разные моменты, отличались масштабностью. Это не значит, однако, что новый политический, экономический и социальный формат Европы приведет к появлению единой схемы, стандартной европейской семьи, которая утратит связь с культурными факторами, недавним прошлым и долгой историей. Напротив, более широкий выбор, имеющийся сегодня у индивида (зарегистрированный брак или неформальный союз; менее тесная связь между рождением первого ребенка и вступлением в брак или созданием союза), скорее всего, позволит сильнее, чем раньше, проявиться культурному и антропологическому разнообразию в рамках описанной выше общей схемы. Кроме того, по-прежнему важную роль играют политические решения: не меняя полностью важнейших тенденций, они накладывают на них отпечаток. Отметим, наконец, что вплоть до настоящего времени сохраняются — пусть и в менее четком виде — следы былой интеграции в те или иные политические пространства.

Это введение и следующие за ним статьи, развивающие многие из затронутых здесь аспектов, не претендуют на то, чтобы предсказать, какой будет европейская семья завтра. Зато они позволяют увидеть разнообразие выбора, имеющееся у современных семей и делающее их, несомненно, более чувствительными к внешним социально-экономическим или политическим изменениям. Все это заставляет предположить, что семья и впредь будет занимать центральное место в современном обществе. При этом в различных регионах Европы сохранится разнообразие форм взаимопомощи среди родственников, этапов начала взрослой жизни и требований, предъявляемых к государству.

## ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

Краткая информация о первой волне обследований GGS в Грузии, Литве, России и Франции

Параметры	Грузия (GeGGS)	Литва (LitGGS)	Россия (RusGGS)	Франция (FraGGS)
<b>Название обследования</b>	Семейные отношения и межпоколенная мощь (Family Relations and intergenerational Support — FRAIS)	Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе	Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе (РидМиж)	Семейные и межпоколенные отношения (Etude des relations familiales et intergénérationnelles — ERFI)
<b>Период проведения</b>	Весна 2006 г.	Осень 2006 г.	Лето 2004 г.	Осень 2005 г.
<b>Объем выборки</b>	10 000 чел. 18–79 лет	10 000 чел. 18–79 лет	11 261 чел. 18–79 лет	10 079 чел. 18–79 лет
<b>Координатор обследования</b>	Грузинский центр изучения населения	Центр демографических исследований Института социальных исследований	Независимый институт социальной политики (НИСП)	Национальный институт демографических исследований (INED) в сотрудничестве с Национальным институтом статистики и экономических исследований (INSEE)
<b>Проведение полевых работ</b>	Интервьюеры, обученные Грузинским центром изучения населения	Baltic Surveys Lt (субподрядчик)	ЗАО «Демоскоп» (субподрядчик)	Сеть интервьюеров INSEE

Окончание таблицы 1

Параметры	Грузия (GeGGS)	Литва (LitGGS)	Россия (RusGGS)	Франция (FraGGS)
<b>Партнеры и источники финансирования</b>	Грузинские: Грузинский центр по исследованиям населения, Институт статистики Международные: INED, FNUAP	Литовские: Статистический департамент Литвы (Statistics Lithuania), Национальный научно-исследовательский фонд Литвы, Центр демографических исследований Института социальных исследований	Российские: НИСП, Пенсионный фонд РФ, ЗАО «Демоскоп», Институт социологии РАН Международные: Институт демографических исследований им. Макеа Планка (Росток, Германия)	Французские: INED, INSEE, DREES, DARES, CNAV, CNAF, COR, ANR
<b>Форма проведения опроса</b>	Вопросник (на грузинском или русском языках)	Вопросник (на литовском или русском языках)	Вопросник (на русском языке)	Опрос с использованием компьютера (CAPI)
<b>Количество интервьюеров</b>	130	191	525	560
<b>Средняя продолжительность интервью</b>	от 1,5 до 2 часов	от 1 до 1,5 часов	от 1,5 до 2 часов	65 минут
<b>Процент ответивших</b>	85	54	Большой разброс: от 15 в Москве до 90 в сельской местности	70

## **ПРИЛОЖЕНИЕ 2**

### *План базового вопросника*

1. *Домохозяйство*: характеристики жилища, список членов домохозяйства, их пол, возраст, семейные связи.
2. *Дети*: распределение родительских обязанностей, дошкольное воспитание и его стоимость, характеристики детей, не входящих в домохозяйство (живущих отдельно, умерших, пасынков/падчериц).
3. *Браки/союзы*: информация о партнере, совместное проживание или нет, брачный статус, намерение зарегистрировать брак или жить вместе в предстоящие три года, образ жизни, прошлые партнерские союзы.
4. *Распределение домашних обязанностей и характеристики союза*: распределение домашних обязанностей, принятие решений внутри союза, отношения между партнерами, решение споров.
5. *Родители и родительский дом*: детство, с кем живут родители респондента, уход из родительского дома, частота контактов с родителями, наличие братьев/сестер у респондента, прародители.
6. *Рождаемость*: текущие беременности, планирование рождений, методы контрацепции, трудности с зачатием, репродуктивные намерения, влияние окружения на решение иметь детей, предпочтения относительно пола ребенка.
7. *Здоровье и благополучие*: болезнь или инвалидность, ограничения в повседневной жизнедеятельности, получаемая или оказываемая помощь, психологическая поддержка, моральное благополучие.
8. *Занятия и доходы респондента*: профессия, часы работы, регулярность работы, удовлетворенность и намерение сменить работу или выйти на пенсию.
9. *Занятия и доходы партнера*: профессия, часы работы, регулярность работы.
10. *Собственность, доходы и наследство*: собственность и доходы всего домохозяйства, наличие тех или иных видов собственности или предметов, материальное благополучие, внутри- и межпоколенные трансферты, получение пособий и других видов помощи, возможность откладывать деньги.

*11. Ценности и установки:* религия, взгляды на семью, отношения между ее членами и гендерные отношения в семье и обществе, политические и религиозные взгляды.

*Веб-сайты:*

[www-erfi.ined.fr](http://www-erfi.ined.fr)

[www.unecce.org/pau/ggp/materials.htm](http://www.unecce.org/pau/ggp/materials.htm)

<http://www.ggp-i.org/>

<http://www.socpol.ru/gender/about.shtml>



Д. Бретон, Д. Попова, Ф. Приу

## Распад родительского союза во Франции и России: текущая ситуация и изменение вероятности наступления события для ребенка<sup>1</sup>

*Статья основана на данных первой волны обследования «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey — GGS), проведенной в 2004 г. в России и в 2005 г. во Франции. Новизна данной работы заключается в том, что риск расставания родителей и его детерминанты оцениваются для ребенка. Сравнение семейной ситуации детей в двух странах в зависимости от возраста детей показывает, что дети чаще живут в неполных семьях в России, в то же время, в отличие от Франции, в России больше распространены многопоколенные семьи. Риск пережить распад союза родителей до своего совершеннолетия растет от когорты к когорте в обеих странах (особенно в России) и максимален для детей, рожденных в 1990-е гг. Партнерства с детьми, наиболее подверженные риску распада, имеют общие черты в обеих странах: мать ребенка вступила в союз в молодом возрасте, мать не жила в детстве с обоими родителями, у матери или отца уже есть дети от предыдущего партнерства. Официальная регистрация брака, а также религиозность матери сокращают риск расставания во Франции, но не в России.*

С начала 1970-х гг. в странах Западной Европы стали происходить глубокие изменения в сфере брачного и семейного поведения населения: выросло число разводов, но, в свою очередь, участились и повторные браки и союзы; снизилось количество браков вообще и получило широкое распространение совместное проживание до брака/вне брака,

---

<sup>1</sup> Печатается по изданию: Breton D., Popova D., Prioux F. La séparation des parents en France et en Russie: situation et évolution des risques du point de vue des enfants // Revue d'études comparatives Est-Ouest — RECEO. 2009. Vol. 40. №3–4. №3–4. Septembre–Décembre. P. 37–62. Перевод Д. О. Поповой.

все большее число детей рождалось у родителей, которые не состояли в браке. Эти тенденции затронули как Францию, так и Россию, но проявились они в разное время и с различной интенсивностью. Россия долго оставалась вне модели западного общества: достаточно традиционалистская модель семьи с совместным проживанием нескольких поколений сосуществовала с «современным» отношением к разводам. Рост вероятности развода начался в России раньше, и со второй половины 1970-х гг. данный показатель не опускался ниже 40 разводов на 100 браков [Avdeev, Monnier, 1999], в то время как во Франции этот порог был достигнут только в 2003 г. [Prieux, 2008]. Таким образом, повторные браки получили распространение раньше и в больших масштабах в России, чем во Франции (табл. 1). Напротив, снижение частоты вступления в брак и увеличение частоты внебрачных рождений в России начались только в 1990-х гг.<sup>2</sup>, тогда как во Франции показатели брачности стали снижаться во второй половине 1970-х, а внебрачные рождения получили широкое распространение начиная с 1980-х гг. До сих пор совместное проживание вне брака намного менее распространено в России: в 2004 г., среди молодых людей в возрасте 20–24 лет, живущих в союзе, во Франции не состояли в браке 82%, а в России — всего 30%; среди 25–29-летних доля пар, не состоящих в браке, составляла, соответственно, 61 и 19%<sup>3</sup>.

На этом фоне выросло число детей, которые пережили развод или расставание родителей. Распад союза ведет либо к появлению неполной семьи, либо к появлению повторной семьи, если мать/отец ребенка вступают в новый союз/брак. Эти трансформации часто происходят до достижения детьми совершеннолетия. Например, в России доля разводов с несовершеннолетними детьми составляла 62% в 1996 г. и 57% в 2004–2005 гг.<sup>4</sup> Во Франции статистика Министерства юстиции демонстрирует сопоставимые показатели, более того, она не учитывает неформальные союзы, которые, как правило, являются более хрупкими и более распространены во Франции. Цели данного исследования — **анализ семейной ситуации детей в России и Франции и сравнение ее эволюции в разных социополитических контек-**

---

<sup>2</sup> Подробнее о моделях эволюции формирования семьи в разных странах см. статью В. Станкуниене и др. «Переход к новой модели формирования брачно-партнерских союзов во Франции, Литве и России» в данном сборнике.

<sup>3</sup> Данные для Франции получены на основе обследования занятости 2004 г., для России — на основе опроса RusGGS, 2004 г.

<sup>4</sup> Население России. – 2006. С. 71.

Таблица 1

Динамика демографических индикаторов в России и во Франции  
в 1980–2000-х гг.

Индикатор	Россия			Франция		
	1985	1995	2005	1985	1995	2005
<i>Брачность (женщины)</i>						
Уровень брачности/риск вступления в первый брак (на 100 женщин)	97	75	н/д	54	50	55
Средний возраст вступления в первый брак, лет	22,2	22	23,3	24,2	26,9	29,1
% повторных браков среди браков, заключенных в данном году	25	28	24	15	17	19
<i>Разводимость</i>						
Уровень разводимости/риск развода (на 100 браков)	41	50	н/д	31	38	52
Средняя продолжительность брака на момент развода	5,4	5,0	н/д	12,6	13,3	13,4
<i>Рождаемость</i>						
Уровень рождаемости (на 1 женщину)	2,05	1,34	1,29	1,81	1,71	1,92
Средний возраст матери	25,8	н/д	26,6	27,5	29	29,7
Доля рождений вне брака	12	21	30	20	38	47
<i>Неполные семьи</i>						
% на 100 семей с детьми до 18 лет	н/д	н/д	23 (2002) **	11,9 (1990)	17,5* (1999)	19,8*
% детей до 18 лет, проживающих в неполных семьях	н/д	н/д	15,3 (2002) **	9 (1990)	13 (1999)	16 (дети до 17 лет)

Примечания: \* — данный показатель рассчитывается в процентах от общего числа семей с детьми в возрасте до 25 лет, а следовательно, превышает долю неполных семей с детьми в возрасте до 18 лет, \*\* — расчеты авторов на основе данных переписи населения 2002 г.

Источники: Для Франции: [Algava, 2002; Beaumel, Vatan, 2008; Daguët, 2007; Prioux, 2008]. Для России: [Avdeev, Monnier, 1999; Население России, 2006, 2007].

**стах двух стран.** Влияние распада семьи и создания повторной семьи на развитие ребенка — проблема, которая является объектом внимания в обеих странах. В международном праве подчеркивается важность сохранения связей ребенка с обоими родителями (*см., например, Европейская конвенция об осуществлении прав детей (Совет Европы, 25 января 1996 г.), ст. 24 Хартии Европейского союза о фундаментальных правах (2000 г.)*).

Хотя официальная статистика позволяет установить долю детей, живущих в неполных семьях, процент детей, живущих в повторных семьях, определить гораздо сложнее. Во Франции, например, анкета переписи не позволяет разграничить категории детей, живущих с обоими родными родителями или с одним родителем и его новым супругом/партнером. До появления обследования «Поколения и Гендер» (Gender and Generation Survey, GGS)<sup>5</sup> ни в России, ни во Франции не было обследований, которые помогли бы провести такую оценку. В рамках проекта «Поколения и Гендер» в России в 2004 г. и во Франции в 2005 г. был проведен опрос населения в возрасте 18–79 лет по репрезентативной выборке и на основе единой программы. Таким образом, это обследование делает возможным сравнительный анализ семейной ситуации детей в России и Франции в разных типах партнерских союзов. Кроме того, анкета RusGGS включает ретроспективные вопросы и дает возможность восстановить, по крайней мере частично, семейную историю ребенка на основе ответов их отцов и матерей, а также проследить изменение вероятности распада семьи родителей до достижения ребенком совершеннолетия. Новизна данной работы заключается в том, что риск расставания родителей и его детерминанты оцениваются для ребенка.

Если в России до настоящего момента работ по этой теме практически не было из-за отсутствия национального репрезентативного опроса, который позволил бы точно оценить ситуацию семьи ребенка и реконструировать ее историю, то во Франции несколько исследований, посвященных семейной ситуации детей, были осуществлены Национальным институтом демографических исследований (INED)<sup>6</sup>

---

<sup>5</sup> RusGGS — Russian Gender and Generation Survey, или РидМиЖ в русском варианте («Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»), и FraGGS, или ERFI, во французском.

<sup>6</sup> Например, обследование семейной ситуации (1986 г.) и обследование семейной ситуации и занятости (1994 г.).

[Villeneuve-Gokalp, 1994; Breton, 2006], и данные обследования FraGGS уже стали предметом публикации по этой теме [Breton, Prioux, 2009]<sup>7</sup>.

## **1. Семейная ситуация детей разного возраста на момент опроса**

Семейная ситуация детей может быть оценена двумя способами: опираясь на ответы респондентов обо всех детях<sup>8</sup>, живущих в их домохозяйстве (*подраздел 1.1*), или опираясь на ответы респондентов об их родных<sup>9</sup> детях, проживающих совместно с ними или отдельно (*подраздел 1.2*).

### *1.1. Ситуация детей, проживающих в домохозяйстве респондента*

На основе карточки домохозяйства, содержащей информацию о родственных связях всех членов домохозяйства с респондентом, мы можем восстановить семейную ситуацию всех несовершеннолетних детей, проживающих в домохозяйстве. Согласно данным опроса, во Франции в домохозяйствах респондентов проживало 6185 детей в возрасте до 18 лет, в России — 6591 ребенок. Поскольку респондент — один из взрослых членов домохозяйства в возрасте 18–79 лет — может не быть родным или приемным родителем всех несовершеннолетних детей, проживающих в домохозяйстве, для некоторых детей (408 детей во французском обследовании и 1216 детей в российском обследовании) семейная ситуация восстанавливалась исходя из общего состава домохозяйства (*Приложение 1*). Кроме того, во Франции в расчетах была учтена вероятность двойного счета детей, которые находятся под совместной опекой и которые могут быть одновременно задекларированы и отцом, и матерью<sup>10</sup>.

---

<sup>7</sup> Данный анализ в значительной части опирается на методологию, разработанную в работе [Breton, Prioux, 2009].

<sup>8</sup> Дети считаются все, кому на момент опроса не исполнилось 18 лет.

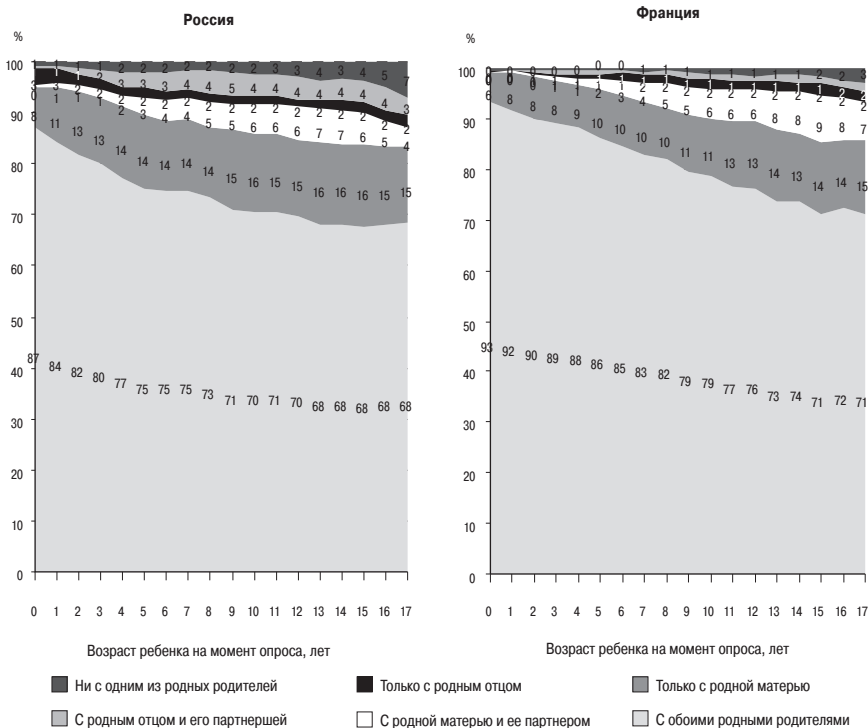
<sup>9</sup> Здесь и далее категория «родные дети» подразумевают и официально усыновленных детей.

<sup>10</sup> В отличие от российской анкеты, во французской анкете респондента специально просили включать детей, находящихся под совместной опекой, среди членов домашнего хозяйства. Для более подробного описания корректировки весов во французском опросе см. работу: [Breton, Prioux, 2009].

Вне зависимости от возраста дети реже живут с обоими родными родителями в России, чем во Франции (рис. 1). Разрыв, уже весьма значительный в младших возрастах, еще больше усиливается в возрасте 4–5 лет, а затем уменьшается для детей более старшего возраста. Эта разница достигает 6 п. п. для детей в возрасте до 1 года (во Франции 93% живут с обоими родителями, в России — только 87%), увеличивается

Рисунок 1

**Семейная ситуация несовершеннолетних детей, проживающих в домохозяйствах в России (2004 г.) и во Франции (2005 г.)**



Источники: здесь и далее для рисунков и таблиц, если не указано иное, данные обследований RusGGS (2004 г.) и FraGGS (2005 г.).

Охват: дети в возрасте до 18 лет, живущие в домохозяйствах, которые участвовали в опросе.

Чтение рисунка: например, во Франции, среди детей, живущих в обычных домохозяйствах, 71% детей в возрасте 17 лет живут с обоими родными родителями, 15% — с родной матерью, не состоящей в повторном союзе, 7% — с родной матерью и ее новым партнермом, 2% — со своим родным отцом, не состоящем в союзе, 1% — со своим отцом и его новой партнершей и 3% не живут ни с одним из родителей или в неопределенной ситуации.

до 11 п. п. для детей в возрасте 5 лет (86% детей живут с обоими родителями во Франции и 75% в России), затем вновь сокращается до 6 п. п. для детей в возрасте 11–14 лет и становится минимальной для детей в возрасте 13 лет и старше (при этом во Франции доля детей, живущих с двумя родителями, продолжает снижаться после достижения детьми 13 лет, тогда как в России она стабилизируется на уровне 68%).

Три события могут быть причиной ситуации, когда ребенок не живет с обоими родными родителями: 1) отец и мать никогда не жили вместе; 2) они расстались после рождения ребенка; 3) один из родителей (или оба) умер(ли). Вероятность наступления всех этих трех событий выше в России, чем во Франции: рождения ребенка одинокой

*Таблица 2*

**Доля детей данного возраста из неполных семей, живущих совместно с бабушками/дедушками\***

Россия						
Возраст детей	все дети, живущие в неполных семьях		дети, живущие только с родным отцом		дети, живущие только с родной матерью	
	N	%	N	%	N	%
0–3 года	172	80	30	97	142	77
4–6 лет	138	66	16	81	122	64
7–10 лет	206	54	20	100	186	49
11–14 лет	292	39	28	57	264	37
15–17 лет	278	28	32	38	246	27
Всего	1086	49	126	71	960	46
Франция						
Возраст детей	все дети, живущие в неполных семьях		дети, живущие только с родным отцом		дети, живущие только с родной матерью	
	N	%*	N	%*	N	%*
0–3 года	105	13	6	33	99	12
4–6 лет	113	5	11	18	102	4
7–10 лет	181	5	30	10	151	4
11–14 лет	209	3	29	3	180	3
15–17 лет	186	3	29	0	157	3
Всего	794	5	105	8	689	5

*Примечание:* \* — проценты для Франции рассчитаны на основе перевзвешенных данных.

*Пример прочтения таблицы:* дети в возрасте до 18 лет, живущие в домохозяйствах, участвующих в обследовании, с матерью или отцом, не живущей(им) в союзе.

матерью и распады союзов случаются чаще, что усугубляется высоким уровнем смертности мужчин.

В обеих странах, когда дети не живут с обоими родителями, они, как правило, живут с матерью, и чем они младше, тем эта вероятность выше. Дети более старшего возраста имеют большую вероятность жить с родным отцом или вообще без родных родителей<sup>11</sup>, причем последнее чаще случается в России. Если дети в России остаются с родным отцом, у отца, как правило, есть супруга/партнер. Напротив, если они остаются с родной матерью, то чаще оказываются в неполной семье. Во Франции дети, оставшиеся только с матерью, чаще живут с отчимом.

Хотя неполные семьи больше распространены в России, их жизненная ситуация отличается от ситуации французских семей (табл. 2). В России дети одиноких родителей живут в основном в сложных многопоколенных семьях, особенно если они маленькие и если остаются с отцом. Во Франции, напротив, ситуация совместного проживания нескольких поколений в одной семье встречается редко, но она также более вероятна, если дети маленькие и живут с отцом.

### *1.2. Семейная ситуация всех родных детей респондентов*

Респондентов — мужчин и женщин в возрасте от 18 до 79 лет — просили перечислить всех их родных детей, в том числе тех, которые не живут с ними в одном домохозяйстве. Благодаря этому мы можем охарактеризовать семейную ситуацию всех несовершеннолетних родных детей респондента, хотя и с меньшей точностью, чем в предыдущем разделе<sup>12</sup>. Также у нас есть возможность сопоставить ответы респондентов — женщин и мужчин. Учитывая информацию, которой мы располагаем, мы можем выделить два типа ситуаций: 1) ребенок живет с обоими родными родителями; 2) ребенок живет только с родным отцом/родной матерью<sup>13</sup> (определяется по полу респондента). Также интересно сопоставить информацию о семейной ситуации родных детей

---

<sup>11</sup> В этот процент входят и случаи, когда семейная ситуация ребенка не может быть точно определена.

<sup>12</sup> Если ребенок не проживает в домохозяйстве респондента, это означает, что он либо живет со своим вторым родителем, либо ни с одним из родителей, но на этот счет точная информация отсутствует. Также мы не знаем, есть ли у этого второго родителя супруг/партнер.

<sup>13</sup> Еще раз подчеркнем, что если ребенок респондента не живет с ним в одном домохозяйстве, мы не можем с точностью утверждать, живет ли он с другим родителем или ни с одним из родителей. Однако в случае несовершеннолетних детей первая ситуация гораздо более вероятна.



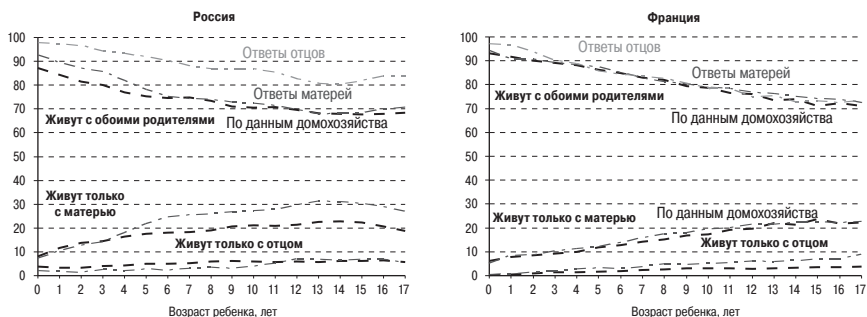
респондентов с информацией о ситуации детей, живущих в домохозяйстве респондента (рис. 2).

Что касается доли детей, живущих с обоими родителями, во Франции ответы респондентов-женщин и респондентов-мужчин дают практически идентичные оценки. Значимое расхождение в ответах мужчин и женщин наблюдается только для самых маленьких детей (0–3 лет): мужчины чаще утверждают, что дети живут с обоими родителями. Это может объясняться тем, что некоторые отцы просто не знают о рождении ребенка или игнорируют факт его появления на свет. Оценка женщинами доли детей, живущих только с родной матерью, достаточно хорошо согласована с оценкой, полученной по данным домохозяйства. Мужчины же склонны завышать процент детей, живущих только с родным отцом.

В России согласованность ответов мужчин и женщин гораздо ниже. Ответы женщин, как правило, приближены к данным по всем детям в домохозяйстве, в то время как ответы мужчин сильно от них отклоняются. Например, согласно ответам респондентов-женщин, доля детей в возрасте 17 лет, живущих с обоими родителями, составляет около 71%, в то время согласно ответам мужчин доля таковых 83%. Предположительно, это связано со следующими причинами: 1) мужчины, не живущие со своими детьми, недостаточно хорошо представлены

*Рисунок 2*

**Семейная ситуация родных детей респондентов, согласно ответам отцов и матерей, а также ответам обо всех детях, проживающих в домохозяйств**



*Охват:* родные дети в возрасте до 18 лет респондентов — мужчин и женщин, все дети в возрасте до 18 лет, проживающие в домохозяйствах респондентов.

*Пример прочтения рисунка:* во Франции от 71 до 73% детей в возрасте 17 лет живут с обоими родителями, согласно ответам их отцов или матерей и согласно ответам о доле детей, проживающих в домохозяйстве респондентов, от 22 до 23% проживают только со своими материями, согласно ответам женщин и оценке домохозяйства, около 8% живут только со своими отцами, согласно ответам мужчин, 4% живут только со своими отцами, по данным обо всех детях в домохозяйстве.

в обследовании, так как их сложнее опросить; 2) мужчины не знают о том, что у них есть дети, или, если они прекратили общение с детьми, не хотят о них сообщать; 3) мужчины называют родными детей своей супруги/партнера, что достаточно широко распространено в России.

Наконец, если считать, что характеристика семейной ситуации детей, полученная на основе данных обо всех детях, проживающих в домохозяйстве, является более точной, то ответы респондентов-женщин можно считать более надежными в обеих странах<sup>14</sup>. Таким образом, в дальнейшем анализе мы будем опираться на оценки, полученные на основе ответов респондентов-женщин.

## **2. Распады союзов в разных когортах**

В этом разделе мы попытаемся оценить, как менялся риск распада родительского союза от когорты к когорте. Риски рассчитываются для подвыборки детей, рожденных в союзе (зарегистрированном или незарегистрированном). Ребенок считается рожденным в союзе, если, согласно ответам его матери, на момент рождения ребенка у нее был супруг/партнер (даже если в этом же году этот союз распался). Зная год, в котором союз распался, и дату рождения ребенка, мы можем вычислить, в каком возрасте ребенок пережил распад семьи.

### *2.1. Семейная ситуация детей на момент рождения*

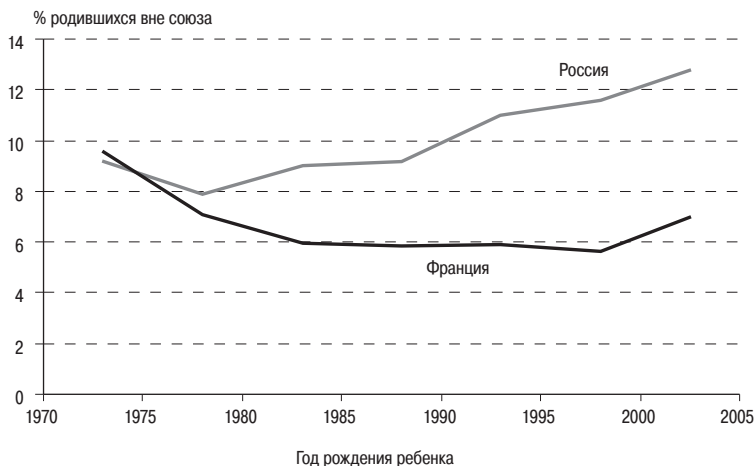
Хотя большинство детей рождается в союзе, доля внебрачных рождений в настоящее время достаточно сильно различается в двух странах, при этом современная ситуация кардинально отличается от той, которая имело место 30 лет назад (*рис. 3*). В России доля детей, рожденных вне союза, начала расти в 1980-х гг. (в 1980 г. этот показатель был на уровне 8%, в начале 2000-х гг. он вырос до 13%). Во Франции, напротив, доля детей, родившихся вне союза, в 1970-е гг. начала снижаться и стабильно держалась на уровне около 6% с начала 1980-х гг.<sup>15</sup>

---

<sup>14</sup> Отметим, что одно из предыдущих обследований, изучавших последствия развода в России, показало, что ответы мужчин о числе детей, рожденных в браке, оказались более надежными, чем ответы женщин [Festy, Kortchagina, 2002].

<sup>15</sup> Отметим, что полученные оценки несколько выше, чем оценки, полученные в предыдущих обследованиях, проведенных INED, согласно которым доля одиноких матерей на момент рождения ребенка составляла менее 5% [Leridon, 1994; Toulemon, 1994]. С другой стороны, согласно результатам исследований, посвященных рождаемости, доля детей, рожденных одинокими матерями, начиная с 1990-х гг. составляет около 7% [Drees, 2005].

**Доля детей, рожденных вне союза\*, в зависимости от их года рождения, по ответам матерей**



*Примечание:* \* — дети, чьи матери не имели супруга/партнера в том году, когда родился ребенок.

*Охват:* дети респондентов-женщин.

Это объясняет, почему доля детей, живущих только с одним из родных родителей, в России выше, чем во Франции (рис. 1).

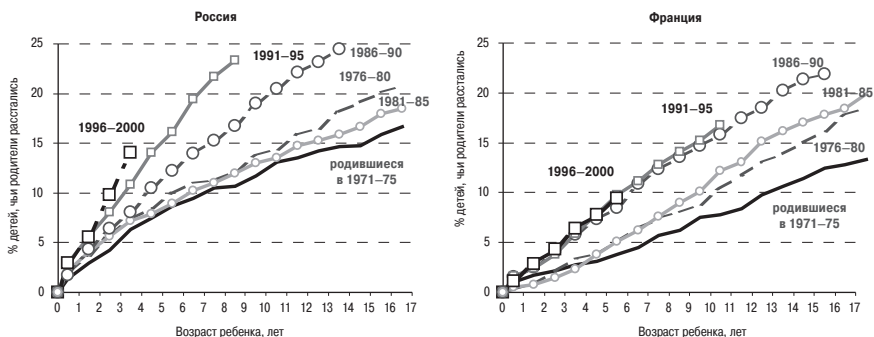
## 2.2. Динамика доли распадов родительских союзов от когорты к когорте

Рассмотрим, как от когорты к когорте менялась вероятность распада родительского союза для несовершеннолетних детей. Оценивая эту вероятность, мы исключили из анализа случаи, когда союз распадался в результате смерти одного из родителей. Такой подход оправдан вдвойне, поскольку: 1) уровень мужской смертности в России гораздо выше, чем во Франции<sup>16</sup>; 2) снижение мужской смертности на протяжении последних 30 лет замаскировало бы рост числа добровольных распадов союзов.

Полученные нами результаты говорят о том, что за последние 30 лет вероятность распада родительских союзов значительно выросла в обеих странах (рис. 4). Во Франции рост распадов семьи в основном за-

<sup>16</sup> Например, в России, доля детей, родившихся в 1976–1980 гг. и переживших расставание родителей к возрасту 10 лет, снижается с 17,1% (если в расчет принимаются все распады союзов) до 14,4% (если не учитываются распады союзов в результате смерти родителя). Во Франции этот же показатель снижается с 11 до 9,5%.

**Доля детей, чьи родители уже расстались к данному возрасту, для разных когорт детей (на 100 детей, рожденных в партнерском союзе/браке)**



*Охват:* дети, чьи матери жили с их отцами в год их рождения. Доли рассчитаны после исключения случаев смерти отцов.

*Пример прочтения рисунка:* во Франции среди детей, родившихся в 1971–1975 гг. в партнерском союзе, 5% пережили расставание родителей к возрасту 7 лет, среди детей, родившихся в 1991–1995 гг., — 12%. В России для тех же когорт детей эти показатели составили соответственно 10% и 20%.

тронул когорты детей, рожденных в период с начала 1970-х до конца 1980-х гг. В последующих когортах доля детей, переживших расставание родителей, увеличивается незначительно: это соответствует данным о стабилизации показателей разводимости и снижении риска развода в первые несколько лет после вступления в брак<sup>17</sup> [Prioux, 2008].

В России же, наоборот, доля детей, переживших распад семьи, не переставала расти на протяжении всего рассматриваемого периода (для детей, родившихся с конца 1970-х до начала 1990-х гг.). Россия опередила Францию по числу распадов семьи уже в когорте детей, родившихся в 1971–1975 гг.; в младших когортах этот разрыв еще больше увеличился. Например, в России среди детей, родившихся в 1991–1995 гг., расставание родителей к возрасту 7 лет пережил почти каждый пятый ребенок (20%), а во Франции только 12% детей (показатель 20% будет достигнут по достижению детьми возраста 13 лет). Следовательно, в России параллельно идет два процесса: увеличивается вероятность рождения ребенка вне партнерского союза (рис. 3), а для детей, родив-

<sup>17</sup> Несмотря на то что во Франции доля внебрачных рождений в последние годы значительно выросла (табл. 1), большинство детей по-прежнему живут с обоими родителями, состоящими в браке, поскольку многие родители заключают брак после рождения первого или второго ребенка.

шихся в союзе, увеличивается вероятность пережить расставание родителей. Ситуации, когда ребенок живет в неполной или повторной семье, встречаются в России гораздо чаще, чем во Франции, особенно среди детей младшего возраста, как мы показали в первом разделе (рис. 1).

Теперь, когда мы выяснили, что вероятность распада семьи в России и Франции росла разными темпами, интересно узнать, различаются ли в двух странах факторы, влияющие на вероятность распада семьи.

### **3. Анализ факторов, влияющих на вероятность расставания родителей**

#### *3.1. Описание модели*

В данном разделе нашей задачей является выделение факторов, связанных с повышенным риском распада семьи. С этой целью мы использовали **модель множественной логистической регрессии**, где зависимой является дихотомическая переменная, принимающая значение 1 — «родители расстались по достижении ребенком  $n$  лет» и 0 — «родители не расстались по достижении ребенком возраста  $n$  лет». Мы рассматриваем два возрастных порога (4 и 8 лет), при этом, как и в предыдущем разделе, мы исключили из рассмотрения случаи распада семьи по причине смерти одного или обоих родителей. Учитывая потенциальные смещения в ответах респондентов-мужчин, мы опираемся на информацию, полученную только от респондентов-женщин (см. подраздел 1.2).

Выборка позволяет охватить детей, появившихся на свет в партнерском союзе в период 1971–1995 гг. Для того чтобы оценить, повысился ли риск развода на протяжении рассматриваемого периода, мы используем *когарту* (*год рождения ребенка*) в качестве одной из независимых переменных.

Несмотря на то что анкета обследования включает ретроспективные вопросы, информация о предыдущих партнерах/супругах респондентов достаточно ограничена<sup>18</sup>. По этой причине мы не можем включить в модель переменные, характеризующие социальный статус отца ребенка, в частности его уровень образования или профессиональный статус. Чтобы охарактеризовать ситуацию в родительском

---

<sup>18</sup> Мы располагаем следующими данными: год рождения, дата начала совместной жизни с респондентом, состоял (а)/не состоял (а) в браке с респондентом, причина распада союза (расставание или смерть супруга/партнера), число детей от предыдущего партнерства.

союзе, мы построили переменную *продолжительность партнерского союза на момент первого рождения*<sup>19</sup>. Две другие переменные включены для того, чтобы охарактеризовать возраст родителей на момент начала совместной жизни: во-первых, *возраст матери (т. е. опрашиваемого родителя) на момент начала союза* и, во-вторых, *разница в возрасте между родителями*. Помимо этого, мы включаем такие характеристики семейной пары, как *состояние в браке в год рождения ребенка* и *наличие у кого-либо из родителей по крайней мере одного ребенка от предыдущего партнерства*. Учитываются любые сводные братья и сестры ребенка, не проживающие в домохозяйстве респондента ни во время союза, ни на момент опроса (включая умерших).

Еще одна группа переменных характеризует мать ребенка. Во-первых, мы рассматриваем *достигнутый уровень образования матери*<sup>20</sup>. Вторая переменная фиксирует, *прожила ли мать ребенка большую часть своего детства с обоими родными родителями или нет* (по причине расставания родителей или смерти одного из них). Третья переменная характеризует *уровень религиозности матери на момент опроса*<sup>21</sup>. К сожалению, на данный момент мы не располагаем информацией, характеризующей профессиональный статус матери<sup>22</sup>. Наконец, мы включаем переменную, характеризующую *место рождения матери* (см. ниже).

Опыт предыдущих исследований по данной теме показал, что выбранные нами показатели влияют на риск распада семьи [Vanderschelden, 2006].

### 3.2. Проблемы гармонизации переменных

Для того чтобы иметь возможность сравнить российскую и французскую модели, было необходимо привести к сопоставимому виду переменные, которые изначально не являются полностью идентич-

---

<sup>19</sup> Ребенок, ситуацию которого мы анализируем, может быть не первым ребенком в данном союзе.

<sup>20</sup> Мы используем уровень образования как прокси-характеристику социально-профессионального статуса. Предыдущие исследования показывают, что эти переменные сильно коррелированы.

<sup>21</sup> В идеале мы должны были бы использовать переменную, характеризующую уровень религиозности матери до рождения ребенка. Показатель религиозности на момент опроса может вносить определенные смещения, так как уровень религиозности матери мог поменяться за это время, и эти изменения могли быть связаны с вероятностью распада партнерского союза.

<sup>22</sup> Сбор этой информации планируется в ходе второй волны обследования GGS.

ными или из-за незначительных различий в вопросниках двух стран, или из-за социокультурных особенностей. Примером может служить переменная *место рождения матери ребенка*. Во французской модели эта переменная указывает на место проживания матери на момент опроса, а не на момент рождения, как в российской модели. Переменные *религиозность* и *образование* — еще два примера проблем гармонизации: в процессе расчета этих переменных пришлось пойти на определенный компромисс, позволяющий учесть особенности двух стран (для образования<sup>23</sup>), а также в силу исследовательских традиций в социальных науках в каждой стране (для религиозности<sup>24</sup>).

Для количественных переменных в обеих странах использовались идентичные категории. В частности, это касается переменных *«возраст матери на момент начала партнерского союза»*, *«разница в возрасте родителей ребенка»* и *«продолжительность союза на момент первого рождения»<sup>25</sup>*. Описательная статистика независимых переменных, представленная в *таблице 2 Приложения 2*, позволяет понять, как соотносятся эти категории в двух странах. Например, в России, как минимум, 3 пары из 4-х прожили в партнерском союзе менее одного года на момент рождения их первого ребенка, тогда как во Франции в эту категорию попадает только 4 из 10 пар. Вероятно, супруги/партнеры, состоящие в союзе более продолжительное время до рождения ребенка, более тщательно подходят к выбору партнера («эффект селекции»), что объясняет противоположные результаты французской и российской моделей. То же самое можно сказать и о возрасте вступления в первый брак, который гораздо ниже в России, где почти две трети матерей начали жить в партнерском союзе до достижения 21 года, в то время как во Франции это сделали только половина матерей.

---

<sup>23</sup> Во Франции редко разделяются категории среднего профессионального образования (BAC professionnels) и среднего общего образования (CAP/BEP dans les études françaises).

<sup>24</sup> Во французских исследованиях религиозная практика и степень религиозности, как правило, измеряются через вопросы о религиозной принадлежности и частоте посещения религиозных служб. Шкала, используемая в нашей модели, также принимает во внимание мнения людей об их отношении к религиозным обрядам, связанным с рождением ребенка, заключением брака и смертью.

<sup>25</sup> Данные переменные идентичны тем, что использовались в статье [Breton, Prioux, 2009].

### 3.3. Результаты регрессионного анализа

#### 3.3.1. Переменные, которые имеют одинаковый эффект в России и во Франции

##### **Риск пережить расставание родителей выше для младших когорт**

Модели подтверждают присутствие значительного эффекта когорты: дети, родившиеся в 1970 и 1980-е гг., имеют более низкую вероятность пережить расставание своих родителей, чем дети, родившиеся в 1990-е гг. (рис. 5, 6, табл. 1 Приложения 2). Кроме возможного эффекта структуры, модели подтверждают факт значительного роста числа распадов союзов в молодых поколениях России. В модели для 8-летних детей эффект когорты сильнее проявляется в России, чем во Франции, несмотря на изначально более высокий референтный уровень распада союзов в России. Когорта, к которой принадлежит ребенок, в обеих странах входит в число трех наиболее значимых независимых переменных (OR<sup>26</sup> близко к 2 для самых молодых когорт).

##### **История родительского союза**

В России, как и во Франции, рождение ребенка в повторном союзе (при наличии у него по крайней мере одного сводного брата или сестры) связано с повышенным относительным риском пережить расставание родителей (OR близко к 3). В обеих странах доля таких детей достаточно низка, но возрастает от когорты к когорте<sup>27</sup>. Этот параметр, вероятно, отражает вышеупомянутый «эффект селекции» партнера, и в данном случае говорит о том, что существует группа родителей, которые демонстрируют большую склонность к разрыву отношений даже при наличии детей. «Эффект отбора» слабее проявляется там, где выше вероятность распада союзов с детьми и больше распространены повторные союзы. Относительный риск распада семьи увеличивается, хотя и в меньшей степени (OR = 1,5), если мать ребенка не жила большую часть детства с обоими родителями. Нужно отметить, что это могло произойти в силу разных причин, в том числе расставания родителей, рождения ребенка у одинокой матери или смерти одного из ро-

---

<sup>26</sup> Соотношение шансов — odds ratio — OR близко к 3

<sup>27</sup> К примеру, она увеличивается во Франции с 8% до 15% между когортами 1971–1980 гг. рождения и когортами 1991–1995 гг. рождения согласно заявлениям женщин о числе детей, рожденных в союзе.



дителей, и, к сожалению, мы не знаем, какая доля ответов приходится на каждый из этих вариантов в двух странах. Имеет ли эта ситуация социальные (смертность) или семейные (неполные семьи/разводы) корни? В любом случае, мы можем говорить о наличии группы детей со сложной семейной ситуацией и повышенным риском распада семьи как в России, так и во Франции.

### **Возраст родителей на момент начала партнерства**

Дети, чьи матери на момент начала партнерства были в средней возрастной группе, имеют самый низкий относительный риск пережить распад семьи ( $OR = 0,5$ ). Большая доля матерей в возрасте менее 21 года на момент начала партнерства в России объясняется тем, что дети чаще появляются в первом союзе, а возраст вступления в брак ниже, чем во Франции (*табл. 1*). Однако влияние возраста матери в начале партнерства на риск распада семьи не является линейным ни в России, ни во Франции: относительный риск в самых старших возрастных группах не становится более низким. Еще одна характеристика, связанная с возрастом, — это разница в возрасте между родителями. В России, так же как и во Франции, более высокий относительный риск распада имеют партнерства, где мать старше отца как минимум на 2 года.

### **Риск ниже для детей, чьи родители родились или живут в сельской местности**

И в России, и во Франции дети, чьи родители родились/проживают в сельской местности, имеют меньший риск пережить распад семьи. Как мы уже упоминали в *подразделе 3.2*, эти переменные не являются строго сопоставимыми для двух стран по причине мобильности между городом и селом.

### **3.3.2. Эффекты, значимые только для одной из двух стран Характеристики пары, которые значимы только во Франции**

Наибольшее различие между двумя странами проявляется в эффекте брачного статуса родителей на момент рождения ребенка. Во Франции дети, чьи родители не состояли в браке в год их рождения, имеют самые высокие шансы пережить расставание родителей ( $OR = 2,5$ ). «Защитный эффекта брака», который часто упоминается во французских исследованиях и который, скорее всего, отражает «эффект селекции» партнера, в России отсутствует. Тем не менее доли детей, рожденных вне брака, практически одинаковы в обеих странах. В России не наблюдается значимой связи между регистрацией брака и стабильностью союза.

### **Отсутствие влияния религии в России**

Уровень религиозности матери не влияет на риск расставания пары в России, в отличие от Франции, где риск распада семьи тем ниже, чем выше уровень религиозности матери. Религиозность, так же как и регистрация брака, во Франции является маркером определенной модели семейного поведения. Тем не менее в России распределение по степени религиозности более сбалансированно, чем во Франции (*табл. 2 Приложения 2*). Это может означать, что наблюдаемый во Франции эффект религиозности отчасти является результатом отбора специфического населения. Что касается России, то отсутствие эффекта религиозности<sup>28</sup>, вероятно, связано с атеистическим воспитанием и антирелигиозной пропагандой в годы коммунистического правления.

### **Отсутствие эффекта образования во Франции и низкий эффект образования в России**

Уровень образования матери не оказывает значимого эффекта на риск распада партнерства. В России этот эффект значим только для матерей с дипломом о высшем образовании, союзы которых распадаются чаще. К сожалению, поскольку мы не знаем уровня образования отца ребенка, мы не можем понять, как на риск расставания партнеров влияет эндогамия уровня образования партнеров.

### **Отсутствие эффекта длительности партнерства до первого рождения в России**

Во Франции дети, появившиеся на свет в течение первых двух лет после начала партнерства, имеют более высокий риск пережить расставание родителей. В России наблюдается обратная тенденция, хотя эффект не значим. В России нормой является минимальная продолжительность партнерства (менее 1 года) до рождения первого ребенка (три четверти случаев против трети случаев во Франции). Позднее появление ребенка в России является признаком более хрупкого партнерства, а во Франции, чем выше продолжительность совместной жизни до рождения первого ребенка, тем более сплоченным будет партнерство.

Несмотря на то что социальный и экономический контекст в двух странах сильно различаются, обе модели показывают, что факторы,

---

<sup>28</sup> Причина может заключаться и в том, что построенный нами индекс не ловит этот эффект. Так, например, эффект религиозности становится более значимым, когда выделяется еще и принадлежность к определенной конфессии.

влияющие на риск распада семьи с детьми, похожи. Мы не получили результатов, которые носили бы противоречивый характер: рассмотренные нами факторы либо имеют эффект одинаковой направленности, либо не имеют значимого эффекта. Последнее относится к эффекту брака и религиозности в России, который во Франции свидетельствует о наличии группы населения со специфической моделью семейного поведения.

## **Заключение**

Динамика семейной ситуации детей во Франции и России во многом похожа. Все большее число детей сталкивается с распадом родительского союза, и если они при этом остаются с матерью, то это, как правило, будет неполная семья. Партнерства с детьми, наиболее подверженные риску распада, имеют общие черты в обеих странах: мать ребенка вступила в союз в молодом возрасте, мать не жила в детстве с обоими родителями; у матери или отца уже есть дети от предыдущего партнерства. С другой стороны, в обеих странах наименьшую вероятность пережить распад семьи имеют дети, чья мать родилась/живет в сельской местности.

Каждая страна имеет и свои особенности. Во Франции ситуации неполных семей почти всегда ассоциируются с «изоляцией» матери или отца, в то время как в России, одинокие родители часто живут в многопоколенных семьях. Вступление в брак, большая длительность партнерства до рождения первого ребенка, высокий уровень религиозности матери (хотя последний встречается редко) снижают риск распада семьи во Франции, однако в России эти характеристики не имеют значимого эффекта. Риск распада семьи с детьми не зависит от уровня образования матери во Франции, тогда как в России он повышен для женщин с высшим образованием.

Значительные различия наблюдаются в частоте распадов семьи в двух странах: она резко увеличилась в России для детей, родившихся начиная с конца 1980-х гг. Вместе с более высокой долей детей, рожденных одинокими матерями, это объясняет, почему маленькие дети гораздо реже проживают с обоими родителями в России, чем во Франции. Эти недавние тенденции в России скорее всего связаны с политическими, экономическим и социальными изменениями, которые страна пережила в последние 20 лет.

**Рисунок 5**  
**Соотношение шансов пережить распад родительского союза к возрасту 4-х лет для детей, родившихся в союзе в период 1971–2000 гг. (по ответам матерей)**

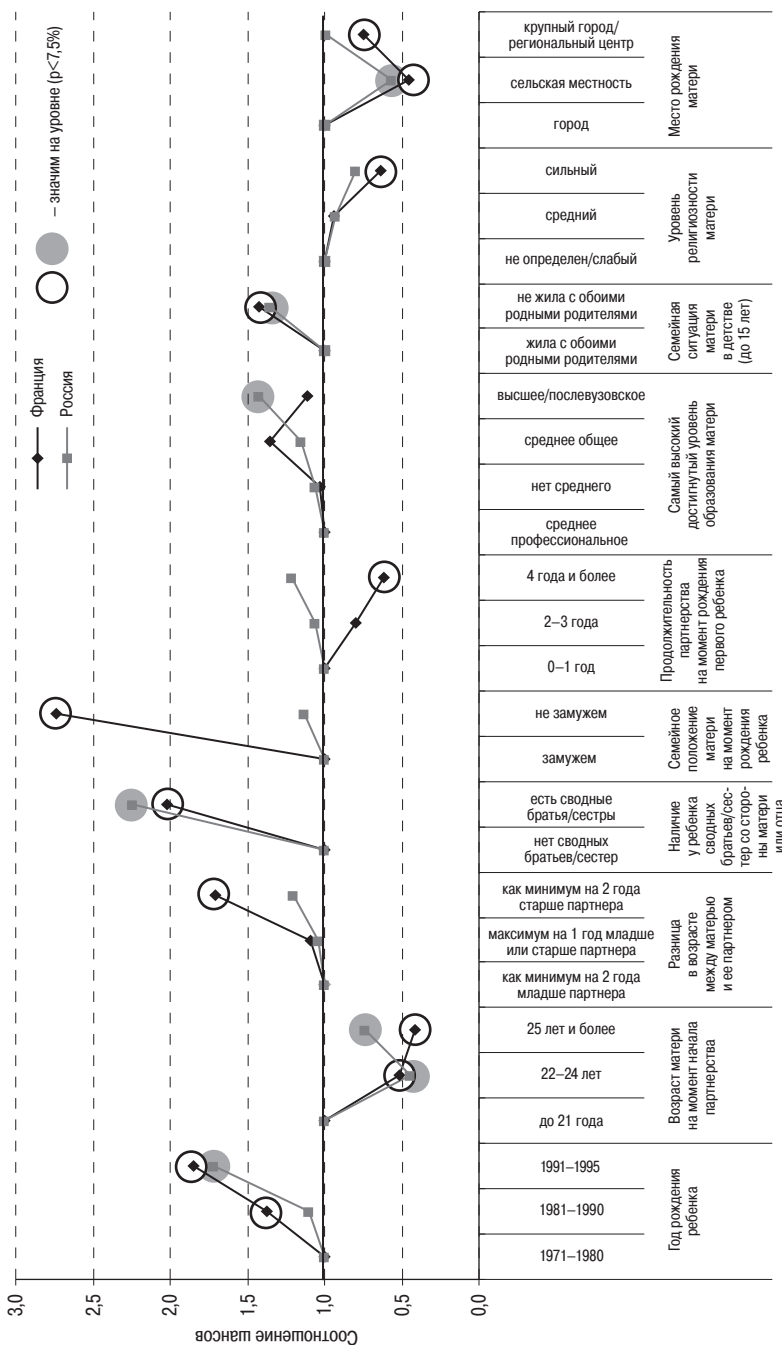
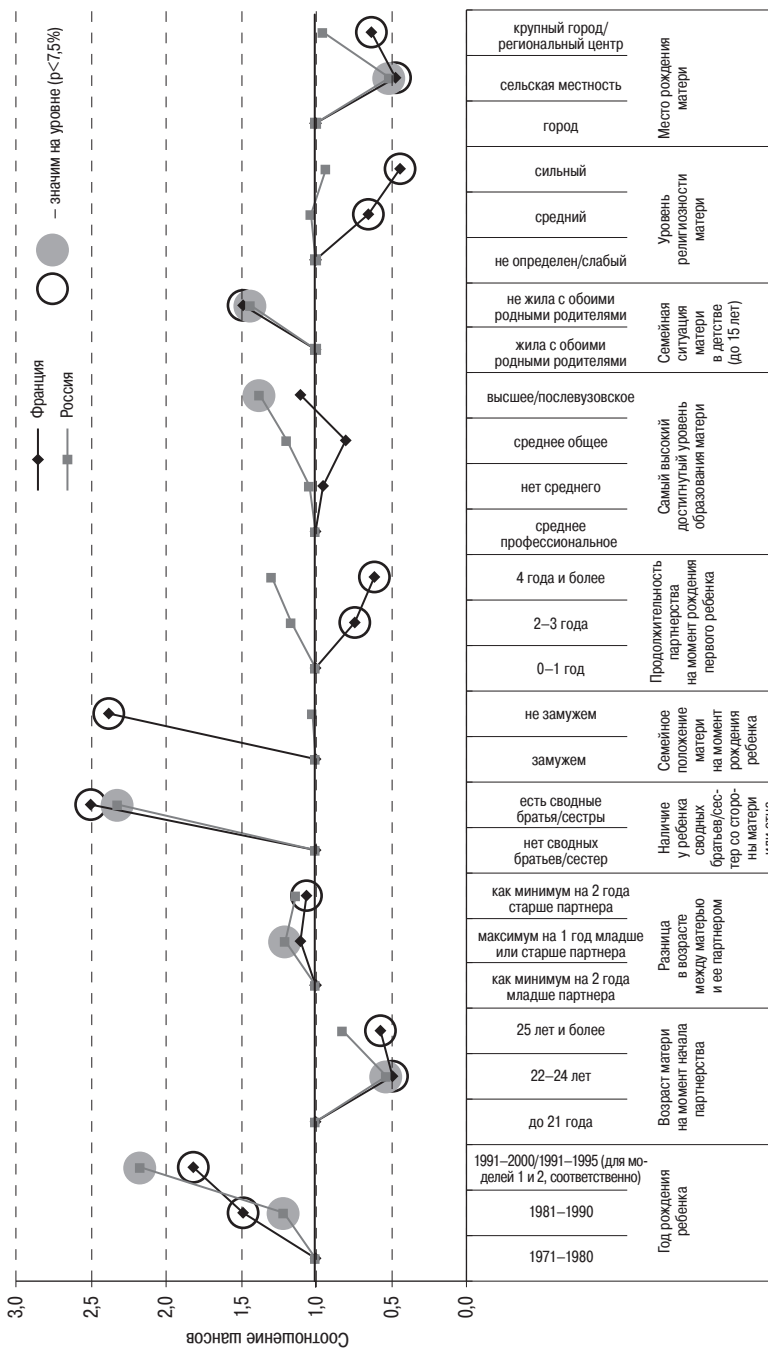


Рисунок 6  
Соотношение шансов пережить распад родительского союза к возрасту 8 лет для детей, родившихся в союзе в период 1971–1995 гг. (по ответам матерей)



## Литература

1. Европейская конвенция об осуществлении прав детей Совета Европы от 25 января 1996 г.; <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/QueVoulezVous.asp?NT=160&CM=1&CL=RUS>
2. Европейская хартия о фундаментальных правах Евросоюза от 2000 г. (La Charte des Droits fondamentaux de l'Union européenne); [http://www.europarl.europa.eu/charter/default\\_fr.htm](http://www.europarl.europa.eu/charter/default_fr.htm)
3. Население России 2003–2004: 11–12-й ежегодный демографический доклад/Под ред. А. Г. Вишневого. — М.: Наука, 2006.
4. Население России 2005: 13-й ежегодный демографический доклад/Под ред. А. Г. Вишневого/Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
5. *Algava E.* Les familles monoparentales en 1999 // *Population*. 2002. Vol. 57. №4–5. P. 733–758.
6. *Avdeev A., Monnier A.* La nuptialité russe: une complexité méconnue // *Population*. 1999. Vol. 54. №4–5. P. 635–676.
7. *Beaumel C., Vatan M.* (2008) La situation démographique en 2006 // *Insee résultats*. Société. 2008. №84; <http://www.insee.fr/fr/publications-et-services/irweb.asp?id=sd2006>
8. *Breton D.* Analyse et mesures du cycle de vie familiale durant l'enfance. Application à partir de deux enquêtes retrospectives // *Enfants d'aujourd'hui, diversité des contextes, pluralité des parcours* // *AIDELF*. 2006. T. 1. №11. P. 7–19.
9. *Breton D., Prioux F.* Observer la situation et l'histoire familiale des enfants // A. Régnier-Loilier (Dir.). *Portraits de familles. L'enquête Étude des relations familiales et intergénérationnelles*. — Paris: Ined, coll. «Grandes enquêtes», 2009. P. 143–167.
10. *Daguet F.* Enquêtes annuelles de recensement de 2004 à 2006. Seul un tiers des ménages compte plus de deux personnes // *Insee Première*. 2007. №1153.
11. DREES. La situation périnatale en France en 2003. Premiers résultats de l'Enquête nationale périnatale // *Etudes et Résultats*. 2005. №383. P. 1–7.
12. *Festy P., Kortchagina I.* Un mariage, deux divorces? Cohérences et incohérences des réponses masculines et féminines à des enquêtes sur le divorce en Russie // *Population-F*. 2002. Vol. 57. №1. P. 11–33.
13. *Leridon H.* Tendances récentes pour les naissances hors mariage // H. Leridon, C. Villeneuve-Gokalp. *Constance et inconstance de la famille* // Ined, *Travaux et Documents*. 1994. №134. P. 185–196.
14. *Prioux F.* L'évolution démographique récente en France: l'espérance de vie progresse toujours // *Population*. 2008. Vol. 63. №3. P. 437–476.
15. *Toulemon L.* La place des enfants dans l'histoire des couples // *Population*. 1994. Vol. 49. №6. P. 1321–1345.
16. *Vanderschelden M.* (2006) Les ruptures d'unions: plus fréquentes mais pas plus précoces // *Insee Première*. 2006. №1107. P. 4.

17. Villeneuve-Gokalp C., Situations et biographies familiales des enfants // H. Leridon, C. Villeneuve-Gokalp. Constance et inconstance de la famille. — Paris: PUF/Ined, Travaux et Documents, 1994. № 134. P. 197–231.

## ПРИЛОЖЕНИЕ 1

### Оценка семейной ситуации детей, проживающих в домохозяйстве респондента, но не являющихся детьми респондента и его (ее) партнера

Карточка домохозяйства содержит информацию о родственных связях всех членов домохозяйства с респондентом. Некоторые несовершеннолетние дети, проживающие в домохозяйстве, не являются детьми респондента или его/ее партнера (408 детей во французском обследовании и 1216 детей в российском обследовании), поэтому карточка домохозяйства не позволяет с точностью восстановить их семейную ситуацию. В *табл. 1* представлена характеристика их родственных связей с респондентом.

Если ребенок является *респондентом, партнером, братом/сестрой респондента или его/ее партнера* (около 80% случаев во Франции и 24% в России), мы предполагали, что его семейная ситуация идентична ситуации респондента (или, соответственно, его/ее партнера). Если ребенок является *внуком респондента* (11% во Франции и 65% в России) и один из детей последнего проживает в домохозяйстве и находится в возрасте, в котором можно быть родителем этого ребенка, мы предполагали, что ребенок живет с отцом/матерью или с обоими родными родителями, если в домохозяйстве также присутствовали

*Таблица 1*

### Родственные связи детей с респондентом

Родственная связь с респондентом	Россия	Франция
Респондент	2	—
Супруг/партнер респондента	13	1
Внук респондента или его/ее партнера	789	45
Брат/сестра респондента	258	320
Брат/сестра партнера респондента	20	5
Другой родственник респондента/партнера	134	18
Не является членом семьи респондента		10
Ситуация неопределенная или ошибочно закодирована	—	9
Всего	1216	408

*Источники:* обследования RusGGS (2004 г.) и FraGGS (2005 г.).

*Охват:* дети, проживающие в домохозяйстве респондента и не являющиеся детьми респондента или его/ее партнера.

зять или невестка респондента; в отсутствие подходящих по возрасту детей респондента мы предполагали, что данный ребенок не живет ни с одним из родных родителей. Наконец, если ребенок является «другим членом семьи», мы проверяли, есть ли в домохозяйстве пара или одинокий человек, который мог бы быть родителем и, таким образом, восстанавливали семейную ситуацию.

Эта процедура восстановления родственных связей модифицировала картину семейной ситуации детей, проживающих в домохозяйстве (табл. 2). Необходимо отметить, что гипотезы, которыми мы руководствовались, могли привести к завышению доли детей, живущих с обоими родными родителями или хотя бы одним из них. Но, с нашей точки зрения, было бы гораздо хуже, если бы мы не учли семейную ситуацию детей, не являющихся детьми респондента, особенно в России, где их оказалось очень много.

Таблица 2

**Семейная ситуация детей, проживающих в домохозяйстве респондента до и после корректировки**

Семейная ситуация	Россия				Франция*			
	дети респондента или партнера, проживающие в домохозяйстве		все дети, проживающие в домохозяйстве		дети респондента или партнера, проживающие в домохозяйстве		все дети, проживающие в домохозяйстве	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Живут с обоими родными родителями	4232	78,7	4793	72,7	4687	81,0	4923	79,5
Живут только с родным отцом	35	0,7	126	1,9	95	1,6	107	1,7
Живут только с родной матерью	587	10,9	960	14,6	603	10,4	686	11,1
Живут с родным отцом и его партнером	223	4,2	226	3,4	83	1,4	85	1,4
Живут с родной матерью и ее партнером	271	5,0	293	4,5	270	4,7	290	4,7
Нет родных родителей	27	0,5	193	2,9	49	0,9	94	1,5
Ситуация не определена							10	0,1
<b>Всего</b>	<b>5375</b>	<b>100,0</b>	<b>6591</b>	<b>100,0</b>	<b>5787</b>	<b>100,0</b>	<b>6195</b>	<b>100,0</b>
Ситуация не определена	408				1216			

Примечание: \* — проценты рассчитаны без применения весов.

Источники: обследования RusGGS (2005 г.) и FraGGS (2005 г.).



## ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 1

Множественная логистическая регрессия: риск распада семьи для ребенка, родившегося в союзе в период 1971–2000 гг., по достижении возраста 4-х и 8 лет (ответы матерей)

	Россия						Франция								
	модель 1: семейная ситуация ребенка к возрасту 4-х лет			модель 2: семейная ситуация ребенка к возрасту 8 лет			модель 1: семейная ситуация ребенка к возрасту 4-х лет			модель 2: семейная ситуация ребенка к возрасту 8 лет					
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)			
Константа															
Когорта (год рождения ребенка)															
1971–1980	-2,499	0,000	0,082	-2,092	0,000	0,123	-2,287	0,000	0,102	-1,165 <sup>#</sup>	0,000	0,312 <sup>#</sup>			
1981–1990	0,100	0,459	1,105	0,194	0,073	1,215	0,318	0,071	1,374	0,395	0,003	1,484			
1991–2000/1991–1995 (для моделей 1 и 2 соответственно)	0,538	0,000	1,713	0,777	0,000	2,175	0,612	0,001	1,844	0,600	0,000	1,821			
Возраст матери на момент начала партнерства															
До 21 года															
22–24 лет	-0,800	0,000	0,449	-0,636	0,000	0,530	-0,664	0,000	0,515	-0,722	0,000	0,486			
25 лет и более	-0,304	0,071	0,738	-0,207	0,153	0,813	-0,882	0,000	0,414	-0,571	0,001	0,565			
Как минимум, на 2 года младше партнера															
Максимум, на 1 год младше или старше партнера	0,043	0,706	1,044	0,186	0,054	1,205	0,083	0,586	1,087	0,099	0,453	1,104			
Как минимум, на 2 года старше партнера	0,186	0,370	1,205	0,125	0,494	1,133	0,536	0,012	1,709	0,057	0,003	1,059			

Продолжение табл. 1

	Россия						Франция					
	модель 1: семейная ситуация ребенка к возрасту 4-х лет			модель 2: семейная ситуация ребенка к возрасту 8 лет			модель 1: семейная ситуация ребенка к возрасту 4-х лет			модель 2: семейная ситуация ребенка к возрасту 8 лет		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Наличие у ребенка сводных братьев/сестер	Нет сводных братьев/сестер											
	0,807	0,000	2,241	0,844	0,000	2,325	0,705	0,000	2,025	0,919	0,000	2,506
Семейное положение матери на момент рождения ребенка	Замужем											
	0,128	0,315	1,136	0,018	0,875	1,018	1,006	0,000	2,736	0,868	0,000	2,381
Продолжительность партнерства на момент рождения первого ребенка	0-1 год											
	0,058	0,689	1,060	0,151	0,228	1,163	-0,228	0,126	0,797	-0,311	0,016	0,733
	0,193	0,263	1,213	0,258	0,088	1,295	-0,489	0,005	0,614	-0,506	0,001	0,603
Самый высокий достигнутый уровень образования матери	Среднее профессиональное											
	0,060	0,667	1,062	0,035	0,771	1,036	0,026	0,867	1,026	-0,057	0,673	0,945
	0,139	0,379	1,149	0,176	0,191	1,192	0,305	0,225	1,357	-0,223	0,376	0,800
	0,353	0,012	1,423	0,316	0,009	1,372	0,102	0,580	1,108	0,100	0,551	1,105

Семейная ситуация матери в детстве (до 15 лет)	Жила с обоими родными родителями	0,304	0,016	1,355	0,362	0,001	1,436	0,353	0,024	1,423	0,397	0,005	1,487
	Не жила с обоими родными родителями												
Уровень религиозности матери	Не определен/слабый												
	Средний	-0,076	0,532	0,927	0,034	0,750	1,035	-0,066	0,645	0,936	-0,440	0,000	0,644
	Сильный	-0,224	0,104	0,799	-0,074	0,532	0,929	-0,454	0,051	0,635	-0,828	0,000	0,437
Место рождения матери	Город (менее 200 000 жителей)												
	Сельская местность (менее 5000 жителей)	-0,568	0,000	0,567	-0,682	0,000	0,505	-0,778	0,000	0,459	-0,764	0,000	0,466
	Крупный город/региональный центр (более 200 000 жителей)	-0,006	0,964	0,994	-0,052	0,666	0,949	-0,290	0,043	0,749	-0,460	0,000	0,631
N		5 029		4 429				4 962			3 975		
-2 Log likelihood		2721		3314				2176			2622		

Примечания: \* — первая группа является референтной, \*\* — значимость на уровне ( $p < 7,5\%$ ), # — данные уточнены по сравнению с французской версией статьи.

Таблица 2  
**Описательные статистики переменных, используемых в моделях, представленных в таблице 1**

	Россия				Франция	
	модель 1: семейная си- туация ребенка к возрасту 4-х лет	модель 2: семейная си- туация ребенка к возрасту 8 лет	модель 1: семейная си- туация ребенка к возрасту 4-х лет	модель 2: семейная си- туация ребенка к возрасту 8 лет	модель 1: семейная си- туация ребенка к возрасту 4-х лет	модель 2: семейная си- туация ребенка к возрасту 8 лет
	29,7	33,3	33,2	100,0 (%)	100,0 (%)	100,0 (%)
1971–1980						40,9
1981–1990	44,8	49,8	30,5			37,7
1991–2000/1991–1995 (для мо- делей 1 и 2 соответственно)	25,5	16,9	36,4			21,4
До 21 года	63,8	63,3	49,6			52,6
Возраст матери на момент на- чала партнерства	20,1	20,4	28,8			28,7
22–24 лет						
25 лет и более	16,1	16,3	21,6			18,7
Как минимум на 2 года млад- ше партнера	49,5	48,7	58,0			58,1
Разница в возрасте между мате- рью и ее партнером	41,8	42,4	31,7			32,3
Максимум на 1 год младше или старше партнера						
Как минимум на 2 года стар- ше партнера	8,7	8,9	10,3			9,6
Наличие у ребенка сводных братьев/сестер со стороны матери или отца на момент рождения	89,1	89,5	88,9			90,0
Нет сводных братьев/сестер						
Есть сводные братья/сестры	10,9	10,5	11,1			10,0

Семейное положение матери на момент рождения ребенка	Замужем	79,9	81,3	79,6	83,8
	Не замужем	20,1	18,7	20,4	16,2
Продолжительность партнерства на момент рождения первого ребенка	0–1 год	75,8	76,4	36,5	39,2
	2–3 года	15,3	15,0	35,6	36,1
	4 года и более	8,9	8,6	27,9	24,7
	Среднее профессиональное	40,5	41,4	35,0	38,6
Самый высокий достигнутый уровень образования матери	Нет среднего	23,2	22,7	32,2	31,4
	Среднее общее	15,7	15,8	6,9	6,5
	Высшее/послевузовское	20,5	20,1	25,9	23,5
Семейная ситуация матери в детстве (до 15 лет)	Жила с обоими родными родителями	81,1	81,2	85,9	86,0
	Не жила с обоими родными родителями	18,9	18,8	14,1	14,0
Уровень религиозности матери	Не определен/слабый	31,4	31,6	26,5	25,5
	Средний	40,3	39,8	56,8	56,9
	Сильный	28,3	28,6	16,7	17,6
Место рождения матери	Город или ПГТ	33,1	32,5	29,9	29,8
	Сельская местность	48,2	49,6	37,4	37,5
	Крупный город/региональный центр	18,7	17,9	32,6	32,7
<b>N</b>	<b>5029</b>	<b>4429</b>	<b>4962</b>	<b>3975</b>	

*А. Ренье-Луалье, М. Валетас,  
И. Корчагина, Л. Прокофьева,  
М. Баублите, В. Станкуниене*

## **Дети после распада брака родителей во Франции, России и Литве: отличаются ли отношения детей с отцом и матерью?<sup>1</sup>**

*Во всех трех странах (Литве, России и Франции) траектории семейных отношений в последние десятилетия значительно усложнились, что повлекло за собой глубокие изменения в положении детей, вовлеченных в непростые взаимоотношения взрослых. Увеличилось число разводов. В случае распада союза ребенок, как правило, остается с матерью. Мы попытались описать отношения, которые связывают детей и не живущего с ним родителя (частота встреч и степень удовлетворенности отношениями), в зависимости от определенного набора факторов: пол ребенка, возраст в момент распада брака родителей, с кем из родителей остается ребенок после распада союза, период времени, прошедшего с этого момента, кто из родителей был инициатором развода, вступление в повторный союз одного или обоих родителей. Сравнительный анализ ситуации в разных странах позволяет выделить некоторые общие черты (например, меньшую частоту встреч детей с отцом), а также значительные различия (так, например, пол ребенка оказывает влияние на отношения с родителями в России и Франции, но не проявляется как значимый фактор в Литве).*

---

<sup>1</sup> Печатается по изданию: *Régnier-Loilier A., Valetas M., Korchaguina I., Prokofieva L., Baublyte M., Stankuniene V.* Les enfants après la séparation des parents en France, en Russie et en Lituanie: des relations différentes avec la mère et le père? // *Revue d'études comparatives Est-Ouest* — RECEO. 2009. Vol. 40. №3–4. Septembre–Décembre. P. 63–98. Перевод Л. М. Прокофьевой.

## **Введение**

После распада союза отношения родителей и детей, которые не живут вместе, складываются по-разному. Как это происходит в России, Литве и Франции — в странах с высоким уровнем разводимости? Исследования, проведенные в России и Франции в 1990-е гг., показали схожесть поведения семей в процессе распада брака. Действительно, существующая практика преимущественного права женщины остаться с детьми после развода не подвергается сомнению соответствующим законодательством. Однако концепция семейных отношений и соответствующее ей национальное законодательство о разводе заставляют предположить, что отношения родителей и их детей после распада союза в этих двух странах не идентичны. Новая редакция Семейного кодекса Российской Федерации о браке и семье, принятая в 1995 г., как и предыдущие, подробно указывает на размер алиментов, которые должны выплачиваться родителем, не живущим с детьми, но никак не регламентирует его участие в воспитании детей. Во Франции с 1993 г. вступил в силу закон, по которому родители обязаны в одинаковой степени участвовать в воспитании детей после распада брака, и право ребенка на встречи и частичное проживание со вторым родителем определено законодательно. Та же система введена в Литве с момента вступления в силу нового Гражданского кодекса от 1 июля 2001 г.

В России высокая частота разводов отмечается достаточно давно. Число разводов выросло в 4 раза между 1960 и 1995 гг., а число разводов на 100 браков увеличилось между 1960 и 1992 гг. более чем в 2 раза (с 15–20% до 40–50%) [Avdeev, Monnier, 1999; Elisseeva, 1999]. Кроме того, начиная с конца 1980-х гг. в России происходит значительный рост внебрачных рождений и снижение коэффициента брачности. Во Франции параллельно с распространением внебрачных сожительств увеличивалось и число разводов на 100 браков: с 12% в 1970 г. до 47% в 2006. По сравнению с Францией в Литве разводы были более частым явлением в 1980-е гг., но они оставались на этом же уровне и в начале 2000-х гг. [Prioux, 2006].

Положение семей после развода в России и Франции нам раскрывают обследования женщин, проведенные в этих странах по единой программе<sup>2</sup>, а также обследование мужчин, реализованное затем только

---

<sup>2</sup> Во Франции: в 1985 г. — начале 1986 г. опрос 2300 женщин, разошедшихся с мужьями в течение последних 15 лет, об условиях развода и его последствиях (INED, совместно с INSEE, по заказу CNAF). Программа этого обследования служила основой для разработки двух обследований в России в 1990-е гг.

в России<sup>3</sup>. Они показывают значительную схожесть поведения женщин в России и Франции, которые активно берут на себя инициативу развода [Prokofieva, Valetas, 1997]. Они обнаруживают существенные различия в ответах российских мужчин и женщин на аналогичные вопросы, в случае если носят оценочный (субъективный) характер [Festy, Kortchagina, 2002; Prokofieva, Valetas, 1999]. Эти различия не являются чисто российским явлением. Они отмечались и во Франции в ходе более ранних обследований<sup>4</sup>, проводимых среди разведенных обоих полов [Roussel, 1975]. Этот феномен отмечался и другими исследователями, в частности американскими, изучавшими гендерные различия подходов к распаду семейного союза [Petit, Bloom, 1984]. Во Франции результаты обследования, проведенного Министерством юстиции<sup>5</sup>, оттеняют еще и дополнительный субъективный аспект некоторых ответов: в случае процедуры развода по исковому заявлению (она затрагивает 60% случаев), инициатором развода в 73% случаев являются женщины. В реальности, когда опрашиваются оба супруга, они склонны разделять ответственность за распад брака таким образом, что мужчины чаще чувствуют себя ответственными за разлад отношений в семье, а женщины — за конкретное действие, т. е. принятие решения о разводе.

Частота разводов в России и Франции, а также близость поведения участников процесса, подсказывает и другие сходные аспекты, которые мы замечаем и на литовских данных. Мы изучаем здесь отношения родителей с детьми, не живущими с ними после распада союза. Результаты анализа более общей темы — отношений взрослых детей с их родителями по материалам обследования «Поколения и гендер» (*Generations and Gender Survey — GGS*) — были уже опубликованы. Арно Ренье-Луалье (2006) отмечает, что во Франции «когда родители разведены, взрослые дети в 2 раза реже видят своих отцов, чем сво-

---

<sup>3</sup> В России первое обследование было проведено в 1993 г. в 6 городах, представляющих разные типы городов европейской России, оно охватывало 1214 женщин, чей развод пришелся на период между 1975 и 1993 гг. Второе обследование проводилось в 1998 г. в тех же городах и охватывало 1249 мужчин, чей развод пришелся на период между 1986 и 1998 гг., выбранных по аналогичной процедуре отбора из той же генеральной совокупности разведенных пар.

<sup>4</sup> Обследование, реализованное во Франции в 1972 г. среди 898 разведенных обоих полов.

<sup>5</sup> Во Франции Министерство юстиции в 1996 г. провело обследование на значительной базе данных по разводам, зарегистрированным в 1994 г. [Annuaire Statistique de la Justice, 1994–1998].



их матерей». Оксана Синявская и Екатерина Гладникова (2007) констатируют, что в России дети, которые в большинстве случаев жили с матерью до 15 лет, в дальнейшем в 6 раз реже видят своих отцов, чем матерей.

Во всех трех выбранных странах маленькие дети после распада союзов в подавляющем большинстве случаев остаются с матерью, хотя в последние годы во Франции получила развитие практика чередования места проживания ребенка (поочередно у матери и отца в одинаковой степени), что снижает долю детей, остающихся только с матерью. Конечно, такая ситуация порождает специфические отношения отцов со своими детьми после распада брака [Prokofieva, Valetas, 2002], но сохраняется ли привилегированное положение матери, когда дети достигают возраста ухода из семьи родителей? И что происходит в случаях — очень редких — когда мать не живет с маленькими детьми после распада брака? И далее, инициатива развода, отражается ли на отношениях с детьми то, кому она принадлежала? Чтобы выяснить насколько схожа ситуация в трех странах проекта мы анализируем ответы на вопросы, связанные с частотой встреч родителей с детьми, не живущими с ними, будь то взрослые или маленькие дети, и на вопросы об удовлетворенности отношениями с детьми (*Вставка 1*).

Прежде всего мы хотим показать, что разрыв союза более серьезно отражается на отношениях детей с отцом. Но интенсивность отноше-

#### **Вставка 1**

##### *Как измеряется частота встреч между родителями и детьми?*

В обследованиях GGS опрашиваются лица, мужчины и женщины, в возрасте от 18 до 79 лет. Если у респондента есть дети, с которыми он не живет в момент обследования, ему задается вопрос: «Как часто Вы видите (указывается имя ребенка)?». Речь идет, таким образом, о частоте встреч, декларируемой родителями. Однако когда респондент имеет несколько детей, он необязательно встречается с ними с одинаковой частотой.

Здесь исследуется частота встреч респондента с каждым из его детей отдельно. Рассматриваемая статистическая единица — ребенок, не живущий вместе с родителем. Частота общений родителя с ребенком описывается отцом ребенка (если респондент — его отец) или матерью ребенка (если респондент — его мать). Та же методика используется для определения качества отношений и времени в пути между домом респондента и местом проживания каждого из его детей.

Средняя частота встреч рассчитывается в год и в целом для совокупности детей, не живущих с родителем (включая случаи, когда респондент их вообще никогда не видит). Однако средние значения скрывают значительный разброс ситуаций, поэтому мы выделяем долю родителей, которые никогда не видят своих детей, как признак максимальной деградации семейно-родственных отношений.

ний зависит от таких факторов, как пол ребенка, его возраст и, возможно, от нового семейного положения родителей. Анализ охватывает вначале все случаи распада союза (распад брака в результате разрыва или развода, разрыв незарегистрированных союзов), а затем более подробно рассматриваются случаи разведенных супругов. Данные обследования позволяют оценить влияние инициативы развода со стороны одного из супругов на его отношения с детьми<sup>6</sup>.

## **1. Отношения отцов и детей ухудшаются в случае распада брака**

### *1.1. Отношения детей с матерью более близки*

Семейные отношения, определяемые здесь как частота встреч между родителями и детьми, не живущими больше вместе<sup>7</sup>, более развиты в России, чем во Франции или Литве (*табл. 1*). В России отцы видят своих детей в среднем 87 раз в год, а матери — 107 раз, против соответственно 71 и 83 раза во Франции, 64 и 80 раз в Литве. Такая высокая частота встреч в России не связана с близостью проживания родителей и детей (временем, которое нужно затратить на дорогу от дома родителей до места проживания детей)<sup>8</sup>, наоборот, в среднем, чтобы родственникам добраться друг к другу, нужно преодолеть дистанцию в три раза больше, чем во Франции и в Литве.

Однако общим результатом по трем странам являются более тесные отношения матерей со своими детьми, чем отцов, что проявляется как в частоте встреч, так и в удовлетворенности отношениями с детьми<sup>9</sup>. Прежде всего частота встреч у них более высокая, а длительность расстояния между матерью и местом проживания ее детей везде меньшая, чем отцов, кроме Литвы, где она практически одинакова. В то же время доля матерей, не имеющих никаких контактов

---

<sup>6</sup> Только в случае официального оформления развода у респондента выяснялось, кто из супругов был инициатором распада брака.

<sup>7</sup> Вопрос «Как часто Вы видите (имя ребенка)?» задавался респонденту по каждому ребенку, не живущему с ним. Обследование GGS не содержит информации по другим формам отношений (частота контактов по телефону, обмен письмами и т. п.).

<sup>8</sup> В обследовании GGS именно показатель времени, необходимого на дорогу до каждого из детей с привлечением обычно используемого транспорта, а не расстояние является показателем дистанции родители — дети.

<sup>9</sup> По каждому ребенку, с которым респондент не проживает вместе, задавался вопрос об оценке удовлетворенности отношениями с ним по шкале от 0 до 10, в которой 0 — самая низкая оценка, а 10 — самая высокая.

Таблица 1

**Частота встреч, уровень удовлетворенности родителей отношениями с детьми, не живущими с ними**

Страна	Частота встреч (в среднем в год)		Доля детей, которые не видят одного из родителей (%)		Качество отношений «дети–родители» (средняя оценка по шкале от 0 до 10)		Расстояние, отделяющее жилье детей и родителей (в среднем в минутах)	
	отец	мать	отец	мать	отец	мать	отец	мать
Россия	87	107	9,0	3,3	8,0	8,7	491	447
Литва	64	80	3,1	1,1	8,6	9,0	148	155
Франция	71	83	10,4	5,3	8,1	8,7	147	119

*Источник:* здесь и далее для рисунков и таблиц, если не указано иное, LitGGS (2006), RusGGS (2004), FraGGS (2005).

*Анализируемая группа:* дети от действующего или прошлого брачного союза, не живущие с респондентом.

*Здесь и в таблицах 1–5, 8 чтение цифр:* например, во Франции мужчины отвечают, что видят своих детей в среднем 71 раз в год; 10,4% указывают на полное отсутствие контактов с детьми; мужчины дают оценку отношениям с детьми в среднем 8,1 по шкале 0–10; наконец, они живут в среднем в двух с половиной часах езды (147 минут) от своих детей.

с детьми, значительно ниже, чем у отцов. Во Франции эта доля составляет 5% для матерей и 10% для отцов против соответственно 3% и 9% в России и только 1% и 3% в Литве. Этим объясняется более высокий уровень удовлетворенности отношениями с детьми со стороны матерей во всех странах проекта: средняя оценка по 11-балльной шкале равна 8,7 во Франции и в России, 9 в Литве против соответственно 8,1, 8,0 и 8,6 у отцов.

Представленные выше результаты охватывают отношения респондента со всеми своими детьми, не живущими с ним на момент опроса, вне зависимости от семейной истории респондента. Однако предшествующие исследования показывают, что распад семьи родителей влияет как на возраст выделения детей из семьи родителей [Villeneuve-Gokalp, 2005], так и на частоту контактов между детьми и родителями [Grundy, Shelton, 2001]. Мы сравниваем взаимоотношения родителей и детей, не живущих с ними, выделяя три категории:

- родители по-прежнему живут в союзе и никогда не расходятся;
- один из родителей умер;

Таблица 2

**Частота встреч, уровень удовлетворенности родителей отношениями с детьми, не живущими с ними, в зависимости от семейной истории родителей**

Дети респондента	Частота встреч (в среднем в год)		Доля детей, которые не видят одного из родителей (%)		Качество отношений «дети–родители» (средняя оценка по шкале от 0 до 10)		Расстояние, отделяющее жилье детей и родителей (в среднем в минутах)	
	отец	мать	отец	мать	отец	мать	отец	мать
<i>Литва</i>								
От существующего брака	74	81	0,7	0,4	9,1	9,1	150	137
От брака, закончившегося смертью супруга/супруги	60	85	2,6	1,1	8,6	9,0	138	141
От брака, закончившегося разрывом	35	74	10,3	1,1	7,3	8,9	144	196
<i>Всего</i>	<i>64</i>	<i>80</i>	<i>3,1</i>	<i>1,1</i>	<i>8,6</i>	<i>9,0</i>	<i>148</i>	<i>155</i>
<i>Россия</i>								
От существующего брака	107	115	2,2	2,0	8,9	9,0	423	360
От брака, закончившегося смертью супруга/супруги	73	104	6,5	3,9	8,0	8,7	412	594
От брака, закончившегося разрывом	41	99	26,5	4,1	6,0	8,1	674	358
<i>Всего</i>	<i>87</i>	<i>107</i>	<i>9,0</i>	<i>3,3</i>	<i>8,0</i>	<i>8,7</i>	<i>491</i>	<i>447</i>
<i>Франция</i>								
От существующего брака	86	88	3,1	1,8	8,8	9,0	136	120
От брака, закончившегося смертью супруга/супруги	80	87	10,5	6,8	8,3	8,7	133	117
От брака, закончившегося разрывом	41	75	23,4	9,4	6,8	8,3	168	119
<i>Всего</i>	<i>71</i>	<i>83</i>	<i>10,4</i>	<i>5,3</i>	<i>8,3</i>	<i>8,7</i>	<i>147</i>	<i>119</i>

*Анализируемая группа:* дети от действующего или прошлого брачного союза, не живущие с респондентом.

- родители живы, но их союз распался (независимо от факта заключения брака), и они живут раздельно.

Именно фактор истории родительской семьи оказывает заметное влияние на характер отношений «родители–дети» (табл. 2). Во всех трех странах проекта они оказываются лучше в случае, если брак родителей сохраняется: отсутствия встреч крайне редки (между 1% и 3%), а средний уровень удовлетворенности находится на самом высоком уровне (9,0–9,1 у женщин и 8,8–9,1 у мужчин). Кроме того, именно в случае сохранения брака родителей различия в отношениях «отец–дети» и «мать–дети» самые незначительные: во Франции отцы видят детей в среднем 86 раз в год, а матери — 88 раз в год (различие незначимое); в России эти цифры различаются чуть сильнее (107 раз в год у отцов против 115 раз у матерей), в Литве — соответственно 74 и 81.

В ряде случаев смерть одного из родителей влечет за собой разрыв отношений с оставшимся в живых родителем, особенно когда вдовцом остается отец (во Франции 11% вдовцов ответили, что никогда не видят своих детей, против 7% вдов; это соотношение в России составило 7% и 4%, а в Литве — 3% и 1%). Это накладывает негативный отпечаток на оценку удовлетворенности отношениями с детьми: во Франции средняя оценка 8,3 у вдовцов против 8,8 у мужчин, чей брак сохраняется; в России — это 8 против 8,9; в Литве — 8,6 против 9,1. Однако именно распад семьи родителей оказывает наиболее существенное влияние на отношения с детьми.

### *1.2. Распад семьи приводит к ухудшению отношений между отцом и его детьми*

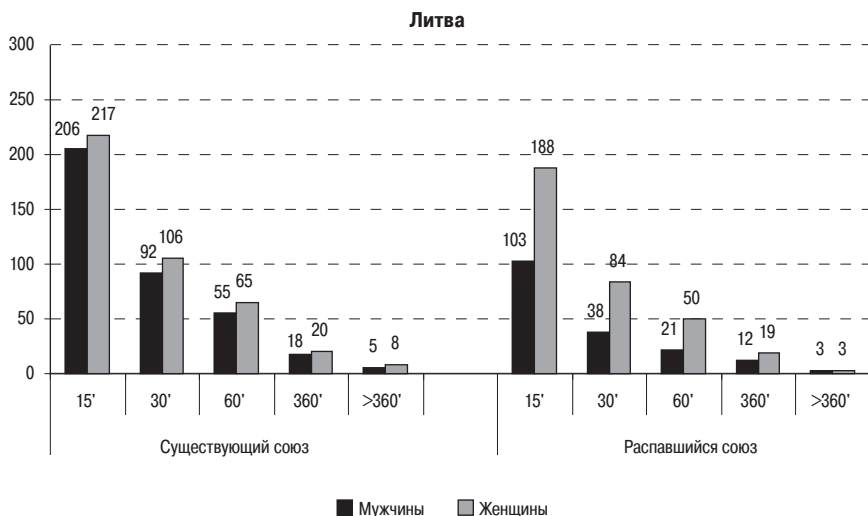
В случае распада брака родителей отношения с детьми меняются существенно, что объясняется появлением определенной негативной атмосферы. Если отсутствие встреч с детьми у женщин вырастает в этой группе незначительно по сравнению с предыдущей, то для мужчин разрыв более заметен: доля тех, кто никогда не видит своих детей от распавшегося брака, составляет почти четверть в России и Франции<sup>10</sup>; в Литве она также возрастает, но находится на уровне в два раза меньше, чем в двух первых странах (10%). Что касается женщин,

---

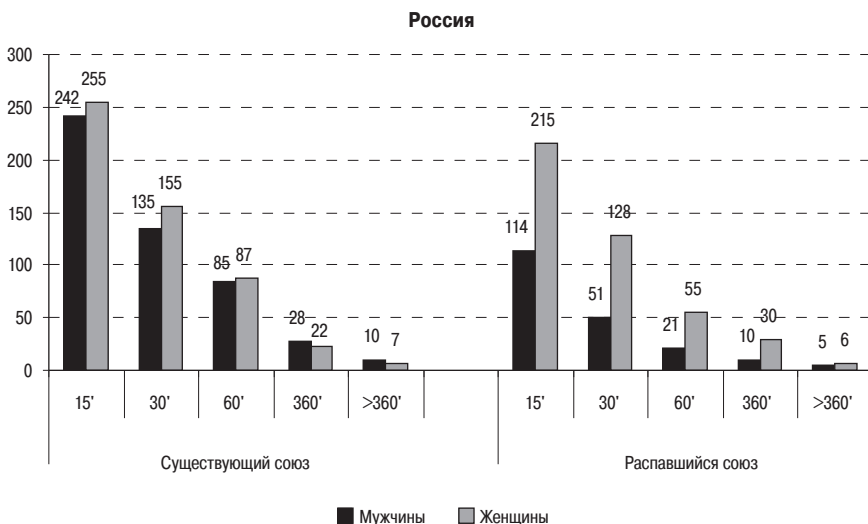
<sup>10</sup> Здесь возможна недооценка доли отцов, не имеющих никаких контактов с детьми, поскольку исследования GGS показывают, что отцы склонны преуменьшать число своих детей, особенно в случае отсутствия каких бы то ни было контактов [Breton, Prioux, 2009].

Рисунок 1

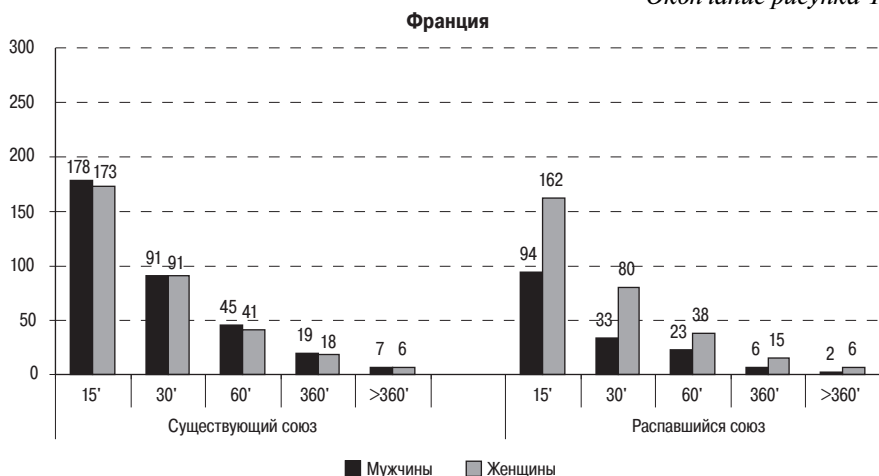
**Среднее число встреч (в расчете на год) родителей и их детей в зависимости от дальности расстояния между ними**



*Анализируемая группа: дети от действующего или прошлого брачного союза, не живущие с респондентом.*



*Анализируемая группа: дети от действующего или прошлого брачного союза, не живущие с респондентом.*



*Анализируемая группа:* дети от действующего или прошлого брачного союза, не живущие с респондентом.

то в России и Литве отношения матерей с детьми отличаются большой стабильностью независимо от их семейной истории: отсутствие контактов матерей с детьми, не живущими с ними после распада брака, составляет только 4% и 1% соответственно, чего нельзя сказать про ситуацию во Франции, где почти 10% матерей никогда не видят своих детей после распада брака.

Распад союза ухудшает и степень удовлетворенности родителей отношениями с детьми. Если у женщин после распада союза средние оценки удовлетворенности варьируют от 8,1 в России, 8,3 во Франции и до 8,9 в Литве — в случае сохраняющегося союза оценки женщин немного выше (9–9,1), то у мужчин наблюдается радикальное снижение: в частности в России оценки падают с 8,9 до 6, во Франции — с 8,8 до 6,8, а в Литве с 9,1 до 7,3. Таким образом, мужчины после распада брака высказывают свое негативное мнение по поводу деградации отношений с детьми в результате распада семьи.

Такое различие с отношениями «мать–дети» и «отец–дети», возникающее после распада родительской семьи, в значительной степени связано с практикой проживания детей с матерью в послеразводный период (во Франции в 9 из 10 случаев [Bonvalet, Lelièvre, 2006]). Становясь взрослыми, дети также часто живут близко от жилья матери. Но даже тот факт, что дети от распавшегося брака стараются жить ближе к матери, чем к отцу, не объясняет полностью отмеченные ген-

дерные различия в отношениях между родителями и детьми в частоте встреч «отец–дети» и «мать–дети» (рис. 1).

### *1.3. У мужчин отношения с детьми новой супруги от предыдущего союза лучше, чем с собственными, особенно в России*

Отношения респондентов с детьми новой супруги/нового супруга от предыдущего союза также проявляются по-разному в зависимости от пола респондента (табл. 3), но с обратным знаком. Литва в данном случае занимает особое место.

Как бы компенсируя нарушение отношений с родными детьми после распада брака, мужчины устанавливают более тесные, чем женщины, связи с детьми новой супруги от предыдущего союза, не живущими с ними одной семьей. Они видят их гораздо чаще, чем своих собственных детей от распавшегося союза, и эта особенность мужского поведения сильно проявляется в России: в среднем 115 встреч в год с детьми новой супруги и только 36 со своими детьми (соответственно 42 против 32 во Франции и 47 против 35 в Литве). Полное отсутствие контактов гораздо чаще отмечается по отношению к своим детям от распавшегося брака, чем по отношению к детям новой супруги: во Франции 16% мужчин не общается с детьми новой супруги и 28% с собственными детьми от распавшегося брака; этот разрыв еще более значителен в России — соответственно 3% и 27%. В Литве же различий практически не наблюдается (11% и 10%). Интересно отметить, что подобная картина складывается и в случае, когда мы рассматриваем показатель степени удовлетворенности отношениями: по ответам мужчин в России и Франции, они гораздо более удовлетворены отношениями с детьми новой супруги, чем со своими детьми от распавшегося союза, однако в Литве их оценка оказывается практически одинаковой (7,4–7,3).

Показатель расстояния, разделяющего место жительства отцов и детей (своих и детей новой супруги), в Литве и Франции составляет примерно 2 часа дороги и не может априори объяснить больший разрыв отношений со своими детьми, чем с детьми новой супруги во Франции и отсутствие различий в отношениях в Литве. В России этот показатель оказывается сверхзначимым: мужчины живут более чем в 12 часах (722 минут) дороги от своих детей против 4 часов (266 минут) дороги от детей новой супруги. Можно сказать, что после распада союза мужчина полностью «реконструирует», замещает свои семейные связи,



Таблица 3

**Частота встреч, уровень удовлетворенности родителей отношениями с детьми после распада брака и с детьми нового партнера от предыдущего союза, не живущими с ними**

	Частота встреч (в среднем в год)		Доля детей, ко- торые не видят одного из роди- телей (%)		Качество отно- шений «дети- родители» (средняя оцен- ка по шкале от 0 до 10)		Расстояние, отделяющее жилье детей и родителей (в среднем в минутах)	
	отец	мать	отец	мать	отец	мать	отец	мать
<i>Литва</i>								
Дети респон- дента от рас- павшегося брака	35	74	10,3	1,1	7,3	8,9	144	196
Дети ново- го партнера от предыдуще- го союза	47	29	12,3	31,5	7,4	6,2	133	203
<i>Россия</i>								
Дети респон- дента от рас- павшегося брака	36	99	27,1	4,1	5,9	8,2	722	362
Дети ново- го партнера от предыдуще- го союза	115	64	3,0	12,2	8,1	7,2	266	699
<i>Франция</i>								
Дети респон- дента от рас- павшегося брака	32	75	27,6	9,4	6,6	8,3	119	119
Дети ново- го партнера от предыдуще- го союза	42	35	15,9	13,4	7,2	7,3	122	153

*Анализируемая группа:* дети респондента от распавшегося брачного союза и дети нового партнера от предыдущего брака, не живущие с респондентом.

создает новое семейное окружение, особенно когда вступает в новый союз с женщиной, имеющей детей от предыдущего брака.

После распада брака женщины реже мужчин создают повторные союзы, но во всех случаях их отношения со своими детьми остаются на хорошем уровне, идет ли речь о частоте встреч или степени удовлетворенности отношениями. Однако при вступлении в повторный

союз с мужчиной, имеющим детей от предыдущего брака, женщины в большинстве своем не стараются наладить с ними хорошие отношения. Так, во Франции женщины видят в среднем своих детей 75 раз в год, но детей нового партнера только 35 раз (в России соответственно 99 и 64; в Литве — 74 и 29). По отсутствию каких-либо контактов с детьми нового супруга женщины во Франции показывают результат, близкий к ответам мужчин на аналогичный вопрос — 13% не видят детей нового супруга (16% по ответам мужчин). В России женщины не имеют никаких отношений с детьми нового супруга в 12% случаев, что значительно чаще, чем указывают в своих ответах мужчины — 3%. В Литве это соотношение также существенно — соответственно 32% и 11%. Неудивительна поэтому более низкая оценка качества отношений с детьми нового партнера по сравнению с собственными детьми от распавшегося союза во всех трех странах опроса: средняя оценка степени удовлетворенности женщин отношениями с собственными детьми составила во Франции — 8,3 против 7,3, когда речь идет о детях нового партнера; в России — соответственно 8,2 против 7,2; литовские женщины демонстрируют здесь самую низкую степень удовлетворенности (8,9 против 6,2) для страны, где, как правило, оценки качества отношений выше, чем в других странах.

Во Франции и в России противоположные тенденции отношений со своими детьми от распавшегося брака и детьми нового партнера выглядят естественными, если принять во внимание практику принятия решений о том, с кем остается ребенок после распада союза родителей — в подавляющем числе случаев именно женщины остаются с детьми (около 9 случаев из 10 и во Франции и в России), таким образом, мужчины чаще остаются одни, а женщина — с детьми. Когда она создает новый союз, то крайне редко живет одной семьей с детьми нового партнера от предыдущего брака, тогда как мужчины в этом случае, наоборот, имеют больше шансов жить одной семьей и воспитывать детей своей новой супруги. Более тесные связи между ними не прекращаются и тогда, когда повзрослевшие дети супруги начинают жить отдельно, тем более, что этому способствует и мать детей.

Это выявленное различие отношений со своими детьми и детьми нового партнера в зависимости от пола респондента совпадает с выводом, полученным в предыдущих исследованиях Лораном Тулемоном: «Отчим чаще, чем мачеха, живет с детьми нового партнера, и более длительное время одной семьей. Это совместное проживание порождает ощущение, что он воспитывает или что он воспитал этих детей»

[Toulemon, 2005]. Результаты опроса в Литве по этому сюжету ставят проблему интерпретации, к которой мы вернемся в заключении.

## **2. Какие факторы благоприятствуют лучшим отношениям между отцом и детьми?**

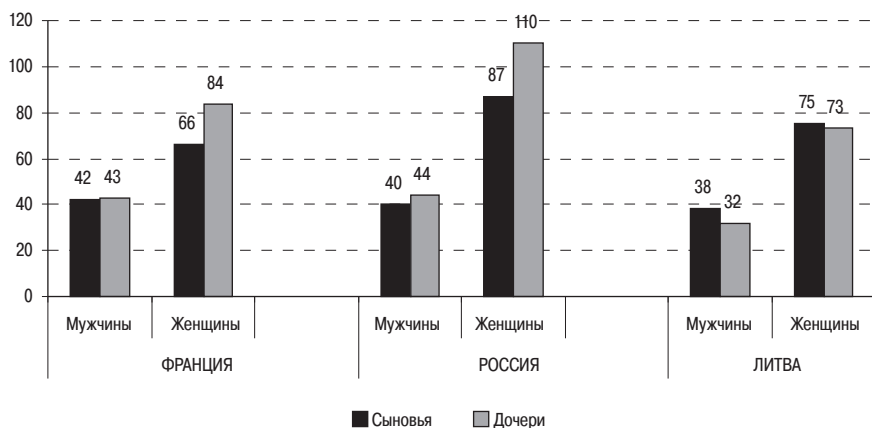
### *2.1. Отношения «мать–дочь» всегда более тесные*

Во Франции и России после распада брака родителей матери видят своих дочерей чаще, чем своих сыновей, в то время как частота встреч с отцами не зависит от пола ребенка (рис. 2): во Франции матери видят своих дочерей в среднем 84 раза в год, а сыновей — только 66; в России частота встреч составляет соответственно 110 и 87. Использование показателя отсутствия связей с детьми также указывает на более тесные связи матери и дочери, особенно в России (5% никогда не видят сыновей и в 3% случаев нет никаких отношений с дочерьми). Что касается степени удовлетворенности отношениями, то и мужчины, и женщины дают несколько более высокие оценки своим отношениям с дочерьми, чем с сыновьями.

Литовские респонденты демонстрируют другую картину отношений с детьми в зависимости от их пола: отцы немного чаще видят своих сыновей, чем дочерей; они также чаще не общаются с дочерь-

*Рисунок 2*

**Частота встреч родителей и детей от распавшегося брака в зависимости от пола ребенка**



*Анализируемая группа:* дети респондента от распавшегося брачного союза, не живущие с респондентом.

ми совсем (отсутствие встреч у 11% против 9% тех, кто не общается с сыновьями), а также выражают чуть меньшую степень удовлетворенности их отношениями (7,1 против 7,4). У матерей не наблюдается больших различий в отношениях с детьми разного пола, но оценка удовлетворенности все же выше, когда речь идет о дочерях (9 против 7).

Необходимо отметить, что различия отношений родителей и детей разного пола встречаются не только в ситуации распада брака. Предыдущие исследования на более общем массиве данных показали, каков бы ни был этап жизненного цикла семьи и семейная ситуация родителей, взаимоотношения матерей и дочерей всегда более активны [Régnier-Loilier, 2006]. Передача навыков повседневных домашних дел делает связь матери и дочери более тесной, что еще более усиливается в случае появления внуков. Впоследствии это способствует более внимательному отношению дочерей к пожилым родителям.

## *2.2. Отношения «отец–дети» лучше, когда ребенок маленький*

Качество отношений отцов с их детьми от распавшегося союза не в последнюю очередь зависит от возраста ребенка (*табл. 4*). Прежде всего это относится к Франции, где отношения с маленькими детьми намного лучше, чем со взрослыми: частота встреч выше, а отсутствие контактов в 2 раза реже (14% против 28%). Кроме того, более высока и средняя оценка удовлетворенности отношениями с маленькими детьми по сравнению со взрослыми. Возможно, что определяющую роль здесь играет правовое положение, жестко определяющее «право на встречи» детей и родителей, после распада брака. В ходе юридической процедуры прекращения союза устанавливается конкретный ритм и время встреч с ребенком, что заставляет отца не пренебрегать своим правом, и в то же время не дает возможности матери препятствовать общению отца и детей.

В России также встречи отцов с маленькими детьми более часты, чем со взрослыми, выше и средняя оценка удовлетворенности, но разница здесь минимальна (6,3 против 5,9). Привлекает к себе внимание тот факт, что полное отсутствие контактов практически не зависит от возраста ребенка: доля прекращенных отношений одинаково высока с маленькими и взрослыми детьми (соответственно 25% и 27%). Можно ли такое положение отнести на счет отсутствия в российском

Таблица 4

**Частота встреч и уровень удовлетворенности родителей отношениями с детьми после распада брака в зависимости от возраста ребенка в момент обследования**

Возраст ребенка	Частота встреч (в среднем в год)		Доля детей, которые не видят одного из родителей (%)		Качество отношений дети-родители (средняя оценка по шкале от 0 до 10)		Расстояние, отделяющее жилье детей и родителей (в среднем в минутах)	
	отец	мать	отец	мать	отец	мать	отец	мать
<i>Литва</i>								
Моложе 18 лет	32	н/д	10,7	н/д	7,3	н/д	103	н/д
18 и более	42	74	9,5	1,2	7,2	8,9	256	199
<i>Всего</i>	<i>35</i>	<i>74</i>	<i>10,3</i>	<i>1,1</i>	<i>7,2</i>	<i>8,9</i>	<i>145</i>	<i>197</i>
<i>Россия</i>								
Моложе 18 лет	57	132*	24,8	6,3*	6,3	6,8*	558	161*
18 и более	36	99	27,1	4,1	5,9	8,2	722	362
<i>Всего</i>	<i>41</i>	<i>99</i>	<i>26,5</i>	<i>4,1</i>	<i>6,0</i>	<i>8,1</i>	<i>674</i>	<i>358</i>
<i>Франция</i>								
Моложе 18 лет	61	74	13,7	9,2	7,3	6,9	177	164
18 и более	32	75	27,6	9,5	6,6	8,3	119	119
<i>Всего</i>	<i>41</i>	<i>75</i>	<i>23,4</i>	<i>9,4</i>	<i>6,8</i>	<i>8,3</i>	<i>168</i>	<i>119</i>

*Анализируемая группа:* дети респондента от распавшегося брачного союза, не живущие с респондентом.

*Примечание:* \* — внимание: в данной группе малое число наблюдений (N = 16).

законодательстве четкой регламентации прав и обязанностей отцов по воспитанию малолетних детей после распада брака?

Частота общения отцов с малолетними детьми, оставшимися с матерью после распада союза, в Литве даже несколько ниже, чем со взрослыми детьми (32% против 42%), по двум другим индикаторам качества отношений цифры практически совпадают: полное прекращение отношений наблюдается в 11% случаев, если ребенок маленький, и почти 10%, если он достиг совершеннолетия; степень удовлетворенности общением с маленькими детьми составила 7,3 против 7,2, когда речь идет о взрослых детях.

Влияет ли пол респондента на отмеченные особенности общения родителей с детьми разного возраста? Матери во Франции с одинаковой частотой видят своих детей вне зависимости от их возраста (74 и 75 раз в год), а доля случаев полного отсутствия отношений также практически одинакова (9% и 10%). Однако матери менее удовлетво-

рены своими контактами с маленькими детьми, чем со взрослыми (6,9 против 8,3), что может объясняться сожалением женщины по поводу того, что дети не находятся с ней постоянно. В России и Литве выявить какую-либо зависимость характера общения матери с детьми от возраста детей не представляется возможным в силу слишком малой частоты случаев раздельного проживания матери и ее малолетних детей от распавшегося союза.

### *2.3. Отношения «отец–дети» существенно зависят от длительности раздельного проживания*

Кроме возраста ребенка частота встреч зависит и от времени, прошедшего с момента распада союза, однако во Франции и России характер общения детей с матерью в меньшей степени подвержен влиянию времени, этот фактор больше влияет на отношения отцов и детей (рис. 3). Во всех трех странах частота встреч отцов и детей ниже, чем матерей и детей, какова ни бы была длительность периода после распада союза. Тем не менее если в России и Франции разрыв в частоте встреч отцов и матерей с детьми со временем увеличивается, то в Литве он относительно стабилен. Наконец, во всех трех странах сокращение частоты встреч отца и детей после распада союза происходит гораздо раньше, чем у матерей со своими детьми.

Ощущение удовлетворенности отношениями с детьми ослабляется у мужчин по мере отдаления во времени от даты распада брака: когда с этого момента прошло менее 5 лет, средняя оценка удовлетворенности составляет 8 баллов во Франции и 6,9 в России, оценка достигает наименьшего значения, когда распад союза произошел 16–20 лет назад (соответственно 5,6 и 4,9). Что касается женщин, то степень удовлетворенности остается стабильной во времени, особенно в России. В Литве средняя оценка удовлетворенности отношениями с детьми у женщин также оказалась стабильной во времени, и, кроме того, этот показатель мало меняется и у мужчин, лишь слабо падая в самом начале после-разводного периода.

### *2.4. Создание новой семьи ослабляет отношения «отец–дети»*

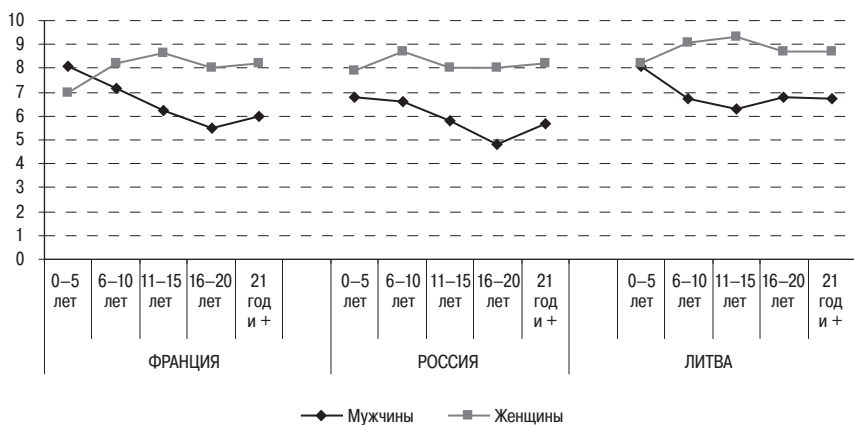
Тот факт, что связи родителей и детей ослабляются со временем главным образом у мужчин, может быть следствием того, что мужчины значительно чаще вступают в повторный союз, чем это делают

Рисунок 3

**Частота встреч и уровень удовлетворенности родителей отношениями с детьми после распада брака в зависимости от длительности периода после распада союза**



**Уровень удовлетворенности родителей отношениями с детьми**



женщины, и погружаются в новую семейную жизнь и новое семейное окружение.

Ответы французов показывают резкое нарушение отношений с детьми после создания повторного союза. У отцов в этом случае полное отсутствие встреч отмечается гораздо чаще, особенно когда в новой семье появляются дети (35%), а самая низкая оценка удовлетворенности парадоксально связана с новым, но бездетным союзом (6,1) (табл. 5).

*Таблица 5*

**Частота встреч и уровень удовлетворенности родителей отношениями со взрослыми детьми после распада брака в зависимости от семейного положения респондента**

Семейное положение респондента	Частота встреч (в среднем в год)		Доля детей, которые не видят одного из родителей (%)		Качество отношений «родители–дети» (средняя оценка по шкале от 0 до 10)	
	отец	мать	отец	мать	отец	мать
<i>Литва</i>						
Живет один	38	76	8,8	1,0	7,4	8,9
В новом союзе без детей	30	68	7,2	1,9	7,3	9,1
В новом союзе и есть дети	28	45	24,6	3,5	6,6	9,0
<i>Россия</i>						
Живет один	51	98	21,8	4,5	6,1	8,1
В новом союзе без детей	37	98	27,3	2,1	6,1	8,3
В новом союзе и есть дети	15	104	33,7	9,7	5,0	8,1
<i>Франция</i>						
Живет один	40	83	24,0	8,5	6,9	8,4
В новом союзе без детей	24	56	28,8	10,3	6,1	8,1
В новом союзе и есть дети	31	74	35,4	16,9	6,7	7,6

*Анализируемая группа:* взрослые дети респондента от распавшегося союза, не живущие с респондентом.

У матерей создание повторного союза провоцирует аналогичные изменения в поведении по отношению к детям от распавшегося союза: матери, оставшиеся одиночками, видят своих детей в среднем 83 раза в год, но вступление в новый союз уменьшает частоту встреч до 56. Встречи с детьми от распавшегося союза становятся чаще (в среднем 74 раза в год), когда у женщин появляются дети уже в новом браке, но это увеличивает и долю случаев полного разрыва контактов матери



и детей (17%), а также снижает степень удовлетворенности отношениями (7,6 баллов).

В России последствия создания нового союза родителями проявляются по-разному для мужчин и женщин: отношения отцов и детей в этом случае страдают больше, чем отношения матерей и детей. Если общее соотношение ответов мужчин в России и во Франции аналогично, то зависимость частоты контактов с детьми от семейного положения значительно сильнее в России: мужчины, оставшиеся одни, видят детей в три раза чаще, чем создавшие новые семьи и имеющие уже других детей (частота снижается с 51 раза в год до 15 раз). Полное нарушение отношений с детьми отмечается в первом случае у 22% мужчин, а среди мужчин, имеющих детей в новом союзе, — у 34%. Резко снижается и оценка удовлетворенности отношениями с детьми (с 6,1 до 5).

Женщинам в России свойственна большая стабильность в отношениях со своими детьми, а частота встреч даже немного выше, если у нее в новом союзе уже есть дети (104 раза в год). Единственный момент, сближающий ответы женщин в России с ответами по двум другим странам, это повышенная вероятность полного отсутствия контактов с детьми от распавшегося брака в случае рождения других детей в новом союзе (10%).

В Литве новая семья и появление в ней детей у матери самым негативным образом отражается на отношениях с детьми от распавшегося брака: частота встреч с детьми у одиноких матерей оценивается в среднем как 76 раз в год, эта цифра становится значительно ниже, если женщина вступает в новый союз (68 раз) и падает до 45 раз, когда у нее появляются дети. У мужчин изменение семейного статуса слабо влияет на частоту встреч с детьми, но доля полного отсутствия отношений в случае нового союза отца и появления в нем детей достигает 25%. Что касается удовлетворенности контактами с детьми, то ее оценка ниже всего именно когда у отца есть новая семья и дети (6,6), тогда как для литовских женщин в подобной ситуации этот показатель достигает своего максимума.

### *2.5. Тесные взаимоотношения родителей и детей: влияние различных факторов*

Для оценки чистого эффекта влияния разрыва союза родителей на вероятность впоследствии часто видеть детей (по крайней мере раз в неделю, в противопоставлении с более редкими встречами) и поддер-

живать с ними удовлетворяющие родителей отношения (9 или 10 баллов по шкале 0–10 в противопоставлении с более низкими оценками) мы использовали регрессионное логистическое моделирование. Итак, какие факторы способствуют сохранению тесных взаимоотношений между родителями и детьми, не живущими вместе, если союз родителей распался<sup>11</sup>?

В работах других исследователей уже была выявлена тесная зависимость характера общения родителей и детей от таких традиционно используемых индикаторов, как социальная категория и уровень образования респондента [Rénier-Loilier, 2006], а также религиозная практика, которая влияет на вероятность распада брака и повторного союза [Rénier-Loilier, Prioux, 2008], что, в свою очередь, отражается на частоте контактов с детьми (*табл. 5*). В данном случае в условиях независимости влияния предполагалось выявить именно те факторы, которые определяют отношения родителей и их детей (*табл. 6*).

Анализ результатов логистической регрессии показывает, что во всех трех странах наиболее сильное влияние на частоту встреч родителей и детей, не живущих вместе, оказывает расстояние, отделяющее их друг от друга, что достаточно очевидно. Фактор расстояния оценивался через время, обычно необходимое для того, чтобы добраться от дома родителей до места жительства детей. Естественно, что увеличение этого времени уменьшает вероятность частых встреч. Однако этот фактор оказывается незначимым для оценки качества отношений (удовлетворенность отношениями по 11-балльной шкале от 0 до 10) матерей и их детей в России и Литве и не влияет на удовлетворенность отцов отношениями с детьми во Франции.

Частота встреч в дальнейшем зависит от того, с кем жил ребенок в первое время после разрыва союза или развода родителей: вероятность еженедельных встреч значительно уменьшается (при прочих равных условиях), когда ребенок не жил с респондентом. В России и Франции это верно для матерей и отцов, а в Литве этот фактор оказывает влияние только на частоту встреч детей с отцами.

Следующие два фактора оказывают значимое влияние на частоту встреч родителей и детей во Франции и России, но не в Литве. Первый

---

<sup>11</sup> Под тесными взаимоотношениями в данном случае мы подразумеваем:

а) встречи детей и родителей не реже 1 раза в неделю;

б) высокую степень удовлетворенности состоянием отношений — оценка 9 или 10 по шкале 0–10.

Таблица 6

Оценка вероятности частых встреч родителей и детей (не реже одного раза в неделю) и высокого уровня удовлетворенности отношениями с детьми (9 или 10 по шкале 0–10) после распада союза родителей

Литва		ЧАСТОТА ВСТРЕЧ: видит детей не реже 1 раза в неделю в противоположность менее редким встречам				УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ: высокая оценка (9 или 10) в противоположность менее удовлетворенным			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
Константа		2,36	*	1,76	–	1,62	–	–0,29	–
Уровень образования	Начальное	2,92	**	0,09	–	0,85	–	0,42	–
	Незаконченное среднее	–0,59	–	–1,01	–	–1,32	**	0,36	–
	Среднее общее	–0,09	–	–0,07	–	0,00	–	0,25	–
	Начальное профессиональное	–0,67	–	–1,14	–	–2,65	***	–1,29	–
	Среднее специальное		ref		ref		ref		ref
	Высшее	0,53	–	–0,20	–	0,43	–	1,10	*
Религия	Католики	–0,03	–	–0,23	–	–1,88	**	0,28	–
	Называют себя католиками <sup>1</sup>		ref		ref		ref		ref
	Другие религии	–0,89	–	–0,17	–	–0,83	–	0,41	–
	Не верят	–1,03	–	–0,45	–	–0,75	–	1,32	–
Уровень дохода	1 (самые низкие)	1,27	–	0,43	–	–0,37	–	–1,67	***
	2	1,96	*	0,04	–	–0,90	–	–1,12	**
	3		ref		ref		ref		ref
	4	1,36	–	–0,34	–	–0,18	–	–0,61	–
	5 (самые высокие)	1,65	*	–0,26	–	–0,64	–	–1,05	*
Семейное положение респондента	Без партнера		ref		ref		ref		ref
	С партнером, но других детей нет	–0,03	–	0,24	–	–0,05	–	0,65	–
	С партнером и другими детьми	0,38	–	–0,24	–	0,22	–	–0,64	–

Литва		ЧАСТОТА ВСТРЕЧ: видит детей не реже 1 раза в неделю в противоположность менее редким встречам				УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ: высокая оценка (9 или 10) в противоположность менее удовлетворенным			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
Пол ребенка	Мальчик		ref		ref		ref		ref
	Девочка	-0,30	-	0,33	-	-0,30	-	0,32	-
Возраст ребенка в момент распада семьи	0–4 года	0,22	-	0,45	-	0,15	-	0,002	-
	5–9 лет	-0,88	-	0,43	-	0,82	-	0,71	-
	10–15 лет		ref		ref		ref		ref
	16 лет и больше	-0,67	-	0,33	***	0,39	-	0,37	**
Время, прошедшее с момента распада семьи	<6 лет		ref		ref		ref		ref
	6–10 лет	-1,24	**	0,01	-	-1,40	***	0,09	-
	11–15 лет	-1,98	**	0,28	-	-1,35	**	0,50	-
	16–20 лет	-1,77	**	0,18	-	-0,51	-	0,07	-
	21 год и более	-2,08	**	0,13	-	-1,21	**	0,04	-
Расстояние (время на транспорт)	<16 минут		ref		ref		ref		ref
	16–30 минут	-0,99	*	-1,36	**	-0,18	-	0,11	-
	30 минут–1 час	-2,61	***	-2,23	***	-1,40	**	-0,16	-
	1–6 часов	-3,32	***	-4,75	***	-1,05	**	0,63	-
	Больше 6 часов	Случай, редко встречающийся в Литве							
С кем жил ребенок после распада семьи?	С респондентом		ref		ref		ref		ref
	С бывшим супругом/супругой	-1,35	*	1,45	-	-0,63	-	-0,48	-
	Другое (с каждым из них, один и т. д.)	-0,54	-	-0,47	-	0,14	-	-0,21	-
Размер населенного пункта, где живет респондент	<10 000 жителей	-1,03	*	0,49	-	0,30	-	1,00	**
	10 000–200 000 жителей	-1,80	***	0,02	-	0,72	-	0,50	-
	>200 000 жителей		ref		ref		ref		ref
Число наблюдений и %	Да	354	51,0	346	36,5	338	48,7	335	35,4
	Нет	340	49,0	601	63,5	356	51,3	612	64,6

Россия		ЧАСТОТА ВСТРЕЧ: видит детей не реже 1 раза в неделю в противоположность менее редким встречам				УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ: высокая оценка (9 или 10) в противоположность менее удовлетворенным			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
Константа		0,93	—	1,17	*	0,26	—	0,41	*
Уровень образования	Начальное	0,36	—	0,55	—	0,33	—	-0,01	—
	Незаконченное среднее	0,89	—	0,14	—	0,11	—	0,69	***
	Среднее общее	1,26	***	0,04	—	-0,65	**	-0,49	**
	Начальное профессиональное	1,28	***	0,19	—	-0,19	—	0,33	—
	Среднее специальное		ref		ref		ref		ref
	Высшее	0,77	*	-0,23	—	-0,33	—	-0,03	—
Религия	Православные	0,44	—	0,40	—	-0,22	—	-0,10	—
	Называют себя православными <sup>1</sup>		ref		ref		ref		ref
	Не верят	0,18	—	-0,06	—	-0,20	—	-0,39	*
Уровень дохода	1 (самые низкие)	0,23	—	-0,18	—	-0,53	*	-0,59	***
	2	0,62	—	-0,13	—	-0,32	—	-0,22	—
	3		ref		ref		ref		ref
	4	-0,04	—	-0,02	—	0,11	—	-0,00	—
	5 (самые высокие)	0,85	*	0,40	—	0,21	—	-0,03	—
Семейное положение респондента	Без партнера		ref		ref		ref		ref
	С партнером, но других детей нет	0,67	**	-0,01	—	0,37	—	-0,04	—
	С партнером и другими детьми	0,36	—	-0,73	**	0,19	—	0,01	—
Пол ребенка	Мальчик		ref		ref		ref		ref
	Девочка	-0,16	—	0,44	***	0,17	—	0,51	***

Россия		ЧАСТОТА ВСТРЕЧ: видит детей не реже 1 раза в неделю в противоположность менее редким встречам				УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ: высокая оценка (9 или 10) в противоположность менее удовлетворенным			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
Возраст ребенка в момент распада семьи	0–4 года	–0,55	—	0,05	—	–0,21	—	–0,06	—
	5–9 лет	–0,64	—	–0,53	—	–0,28	—	–0,09	—
	10–15 лет		ref		ref		ref		ref
	16 лет и больше	–0,17	—	–0,77	***	–0,08	—	0,46	**
Время, прошедшее с момента распада семьи	<6 лет		ref		ref		ref		ref
	6–10 лет	–1,08	***	0,35	—	–0,19	—	0,32	—
	11–15 лет	–1,05	***	0,23	—	–0,27	—	–0,01	—
	16–20 лет	–1,16	***	0,33	—	–0,81	***	0,07	—
	21 год и более	–0,66	—	–0,36	—	–0,01	—	0,38	—
Расстояние (время на транспорт)	<16 минут		ref		ref		ref		ref
	16–30 минут	–1,18	***	–1,27	***	–0,09	—	–0,17	—
	30 минут – 1 час	–3,13	***	–2,51	***	–0,55	**	–0,31	—
	1–6 часов	–4,69	***	–3,85	***	–0,70	***	0,23	—
	Больше 6 часов	–5,12	***	–6,55	***	–0,73	***	0,07	—
С кем жил ребенок после распада семьи?	С респондентом		ref		ref		ref		ref
	С бывшим супругом/супругой	–1,85	***	–1,42	*	–0,41	—	–0,32	—
	Другое (с каждым из них, один, и т. д.)	–2,17	***	–0,80	*	–0,06	—	–0,22	—
Размер населенного пункта, где живет респондент	<10 000 жителей	1,51	***	0	—	–0,13	—	0,10	—
	10 000–200 000 жителей	–0,15	—	–0,17	—	–0,26	—	–0,12	—
	>200 000 жителей		ref		ref		ref		ref
Число наблюдений и %	Да	154	20,7	323	31,5	229	30,8	547	53,4
	Нет	589	79,3	701	68,5	514	69,2	447	46,6

Франция		ЧАСТОТА ВСТРЕЧ: ви- дит детей не реже 1 раза в неделю в противопо- ложность менее редким встречам				УДОВЛЕТВОРЕН- НОСТЬ: высокая оценка (9 или 10) в противопо- ложность менее удовлет- воренным			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
Константа		0,55	—	2,13	***	0,99	**	0,73	—
Уровень образования	Начальное	0,35	—	-0,79	—	-0,21	—	-0,31	—
	Незаконченное среднее	1,32	**	-0,97	*	-0,74	*	-0,97	**
	Среднее общее	1,31	**	-0,51	—	-0,57	—	-0,51	—
	Начальное проф- фессиональное	0,72	—	-0,77	—	-0,44	—	-0,46	—
	Среднее специ- альное		ref		ref		ref		ref
	Высшее	0,74	—	-0,06	—	-0,07	—	-0,53	—
Религия	Нет ответа	0,28	—	0,03	—	-0,76	**	0,30	—
	Мусульмане	1,68	***	-1,03	*	0,87	***	-1,15	***
	Католики	1,94	***	-0,51	—	0,44	—	-0,01	—
	Называют себя католиками <sup>1</sup>		ref		ref		ref		ref
	Другие рели- гии	0,15	—	-0,35	—	0,42	—	0,18	—
	Не верят	0,60	*	-0,30	—	-0,10	—	-0,41	*
Уровень дохода	1 (самые низ- кие)	-0,03	—	0,07	—	-0,62	***	0,11	—
	2	0,54	*	0,21	—	0,13	—	0,17	—
	3		ref		ref		ref		ref
	4	0,68	**	0,38	—	0,15	—	0,36	—
	5 (самые высо- кие)	0,57	**	0,09	—	-0,11	—	0,64	***
Семейное положение респондента	Без партнера		ref		ref		ref		ref
	С партнером, но других детей нет	-1,03	***	-0,48	**	-0,61	***	-0,29	*
	С партнером и другими детьми	-1,43	***	0,00	—	-0,77	***	0,01	—
Пол ребенка	Мальчик		ref		ref		ref		ref
	Девочка	0,11	—	0,63	***	0,13	—	0,02	—
Возраст ребенка в момент распада семьи	0–4 года	0,02	—	-0,02	—	-0,52	**	-0,25	—
	5–9 лет	-0,28	—	0,11	—	-0,24	—	0,46	**
	10–15 лет		ref		ref		ref		ref
	16 лет и больше	-0,10	—	-0,07	—	-0,10	—	-0,11	—

Франция		ЧАСТОТА ВСТРЕЧ: видит детей не реже 1 раза в неделю в противоположность менее редким встречам				УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ: высокая оценка (9 или 10) в противоположность менее удовлетворенным			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
Время, прошедшее с момента распада семьи	<6 лет		ref		ref		ref		ref
	6–10 лет	–0,18	—	0,43	—	–0,29	—	0,77	***
	11–15 лет	–0,16	—	0,59	—	0,01	—	1,17	***
	16–20 лет	0,00	—	0,12	—	–0,31	—	0,59	*
	21 год и более	–0,36	—	–0,46	—	–0,35	*	0,75	***
Расстояние (время на транспорт)	<16 минут		ref		ref		ref		ref
	16–30 минут	–1,13	***	–0,90	***	–0,40	*	–0,23	—
	30 минут – 1 час	–2,11	***	–2,31	***	–0,16	—	–0,26	—
	1–6 часов	–4,09	***	–4,59	***	–0,24	—	–0,67	***
	Больше 6 часов	–5,57	***	–6,95	***	–0,27	—	–0,44	*
С кем жил ребенок после распада семьи?	С респондентом		ref		ref		ref		ref
	С бывшим супругом/супругой	–1,09	***	–1,06	***	0,14	—	–0,56	**
	Другое (с каждым из них, один и т. д.)	–0,44	—	0,34	*	0,50	*	–0,24	—
Размер населенного пункта, где живет респондент	<10 000 жителей	–0,01	—	–0,15	—	–0,07	—	–0,21	—
	10 000–200 000 жителей	0,44	*	–0,29	—	–0,14	—	–0,22	—
	>200 000 жителей		ref		ref		ref		ref
Число наблюдений и %	Да	290	27,8	542	42,7	520	49,8	801	63,1
	Нет	755	72,2	727	57,3	525	50,2	468	36,9

*Анализируемая группа:* дети респондента от распавшегося брачного союза, не живущие с респондентом.

*Объяснение:* \* = значимость на 10-процентном уровне; \*\* = на 5-процентном уровне; \*\*\* = на 1-процентном уровне; — = не значимо; ref. = референтная группа.

*Примечание:* <sup>1</sup> — называют себя католиками/православными — респонденты, указавшие, что они исповедуют католицизм или православие, но никогда не посещают религиозные службы и не считают необходимым соблюдать религиозные обряды.



из них — семейное положение респондента в момент обследования, определяемое через наличие нового партнера и других детей в новом союзе, но его влияние проявляется по-разному.

Во Франции наличие нового союза и других детей (по сравнению с фактом одинокого проживания) однозначно снижает вероятность еженедельных встреч отцов с детьми от распавшегося брака и, соответственно, уменьшает удовлетворенность отношениями с ними. То же можно сказать и о вероятности частых встреч матерей со своими детьми от распавшегося брака, создавших новый, но бездетный союз. Однако если женщина имеет нового партнера и детей в этом новом союзе, то вероятность ее частых встреч с детьми не отличается от вероятности встреч для матерей, живущих без партнера.

В России вступление в новый союз отца (без детей в этом союзе) благоприятствует частым встречам с детьми от распавшегося брака, тогда как для матерей наличие детей в новом союзе ограничивает частоту встреч с другими детьми.

В Литве влияние семейного положения респондента и состава его семьи на вероятность частых встреч с детьми от предыдущего брака оказалось не значимым.

Второй фактор, который значим для отношений родителей с детьми после распада брака в России и Франции, но не в Литве — это пол ребенка. Он существенно сказывается на частоте встреч только матерей: они общаются с дочерьми гораздо чаще, чем с сыновьями. Однако на удовлетворенность отношениями этот фактор оказывает влияние только в России: матери дают более высокую оценку отношениям с дочерьми, чем с сыновьями.

Следующие два фактора проявляются только для женщин в России и Литве. Причем первый фактор — возраст ребенка в момент распада брака — оказывает в этих странах разнонаправленное действие. Для матерей в России при прочих равных условиях вероятность часто видеть своих взрослых детей (16 лет и старше) ниже, чем более юных. Одновременно оценка качества отношений с детьми этого возраста заметно выше, что говорит о вынужденной разлуке близких родственников. Следовательно, сокращение числа встреч связано не с отчуждением между матерью и взрослыми детьми, а, вероятно, с естественными причинами отъезда уже взрослых детей на учебу или работу в другие города и регионы. В Литве, наоборот, матери чаще встречаются с уже взрослыми детьми и также в большей степени удовлетворены отношениями с ними.

Действие второго фактора этой группы — длительности периода, прошедшего с момента распада семьи, отмечается только для мужчин: по сравнению с недавними разводами (менее 6 лет) более длительный послеразводный период провоцирует значительную деградацию отношений «отец–дети».

Результаты логистической регрессии в основном подтверждают выводы дескриптивного анализа, передавая все оттенки значимости некоторых тенденций, выявленных по литовским данным (влияние пола ребенка и семейного положения респондентов). Что касается других показателей, включенных в модель (кроме тех, которые использованы в дескриптивном анализе), то среди факторов, позитивно влияющих на частые контакты отцов с детьми после развода, можно назвать относительно высокий уровень доходов отца. Возможно, большая финансовая свобода позволяет легче преодолевать ограничения, связанные с возросшим расстоянием между отцом и ребенком после распада семьи, или поддерживать лучшие отношения с бывшей супругой, позволяющей ребенку чаще проводить время в доме отца.

Уровень образования отца также играет определенную роль: среднее и среднее техническое образование повышает вероятность еженедельных встреч отца и детей в России и Франции, а в Литве таким качеством обладает начальное образование.

Что касается религии, то ее роль не значима для России и Литвы, но заметна во Франции главным образом относительно частоты встреч отцов и детей: практикующие католики и мусульмане гораздо чаще видят своих детей по сравнению с группой мужчин, отнесших себя к католикам, но не выполняющих обязательные обряды католической религии. Женщины-мусульманки, наоборот, реже могут видеть своих детей, живущих отдельно. Частота встреч родителей и детей в зависимости от религиозных убеждений респондента аналогичным образом отражается на удовлетворенности отношениями: мусульмане-мужчины гораздо чаще дают самые высокие оценки своим контактам с детьми. Более редкие встречи с детьми женщин-мусульманок приводят к невысоким оценкам удовлетворенности.

Наконец, размер поселения, в котором живет респондент, проявляется как значимый фактор главным образом в России, где территориальные различия особенно сильны. Уровень и образ жизни значительно варьируют в зависимости от проживания в крупном,

малом городе или в сельской местности. Вероятность видеть своих детей, по крайней мере раз в неделю, при прочих равных условиях гораздо выше у отцов, живущих в малых населенных пунктах (до 10 тысяч жителей), чем у тех, кто живет в больших городах (более 200 тысяч жителей). В Литве эффект действия этого фактора обратный: вероятность частых встреч с детьми уменьшается с размером поселения.

### **3. Кто берет на себя инициативу развода: последствия для отношений с детьми**

Информация о том, кто был инициатором распада семьи, важна для понимания как характера и условий процесса развода, так и для последующих отношений родителей и детей. Информацию, которую предоставляют материалы обследования «Поколения и гендер» (GGS), базируется на ответах на вопрос: «Кто начал официальную процедуру развода?», т. е. здесь не рассматриваются незарегистрированные союзы<sup>12</sup>. Конечно, это ограничивает поле анализа, но тем не менее проливает свет на весь процесс распада союзов. Таким образом, в данном разделе рассматриваются отношения детей и родителей, официальный брак которых распался в результате развода.

#### *3.1. В России и во Франции женщины чаще декларируют свою инициативу развода*

Как уже отмечалось во введении, предыдущие исследования в разных странах показали различия ответов мужчин и женщин по вопросам, касающимся распада брака. Подобные различия можно найти и в ответах на вопросы обследования «Поколения и гендер» (рис. 4). В России и Франции респондент, будь то мужчина или женщина, часто приписывает себе инициативу официального оформления распада семьи.

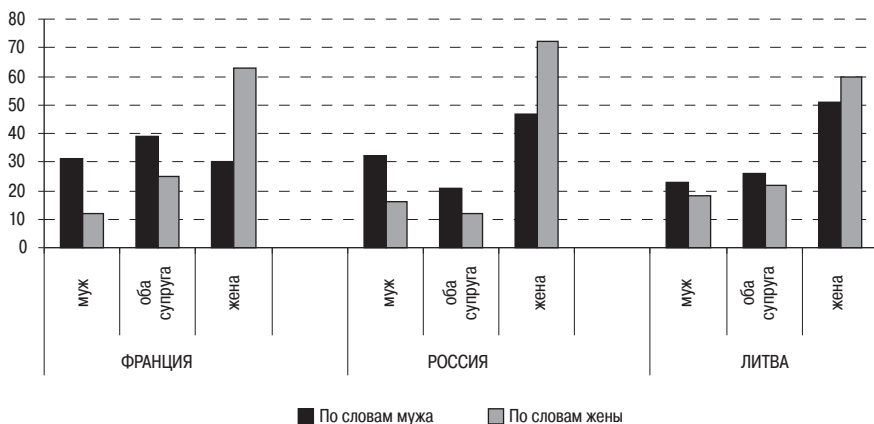
Так, во Франции 31% опрошенных мужчин сказали, что это они явились инициаторами развода, в то время как по ответам женщин только в 12% случаев именно муж подал заявление на развод. В свою

---

<sup>12</sup> В России 90% детей после распада союза — это дети родителей, чей брак распался в результате развода, в Литве эта цифра равна 92%, во Франции значительно ниже — 52%, что объясняется гораздо более широким распространением неформальных союзов, в том числе с детьми.

Рисунок 4

**Инициатор подачи официального заявления о разводе**



Анализируемая группа: родители детей от брака, распавшегося в результате развода.

очередь, 30% мужчин указывают на инициативу бывшей жены, а женщины претендуют на свою главенствующую роль в 63% случаев. Причем мужчины чаще, чем женщины, отвечают, что решение было обоюдным.

Та же картина наблюдается и в России, где, однако, мужчины и женщины чаще, чем во Франции, отмечают инициативу бывшего брачного партнера. Это более частое упоминание бывшего супруга/супруги в России связано с относительно редкими случаями ответов о совместном решении (в 2 раза реже, чем во Франции): 21% против 30% по ответам мужчин и 12% против 25% по ответам женщин.

Обследование GGS в Литве показало высокую степень близости ответов мужчин и женщин. Здесь мужчины реже, чем в России и во Франции, называют себя инициаторами развода, а женщины в своих ответах чаще уступают им эту роль. Это подтверждается и цифрами по случаям совместного заявления родителей — каждый четвертый ответ.

*3.2. Во Франции, в отличие от других стран, в случае их инициативы развода отцы часто живут со своими детьми*

Факт признания инициативы развода отражается на ответах мужчин о месте проживания детей после распада брака во всех трех странах (табл. 7). Отцы, которые говорят о своей инициативе, чаще от-

Таблица 7

**Место проживания детей после распада брака родителей в зависимости от того, кто был инициатором развода**

Страна	После развода ребенок остался с:	Ответы мужчин:			Ответы женщин:		
		Инициатор развода — это:			Инициатор развода — это:		
		муж	оба	жена	муж	оба	жена
Литва	Отцом	11,1	3,9	11,9	3,8	2,6	2,0
	Матерью	87,3	90,9	82,8	96,2	90,9	98,0
	Совместное воспитание*	1,6	5,2	5,3	0	6,5	0
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Россия	Отцом	10,1	5,6	2,7	3,9	0	0,2
	Матерью	87,4	92,2	94,6	96,1	98,4	98,9
	Совместное воспитание*	2,5	2,2	2,7	0	1,6	0,9
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Франция	Отцом	19,7	6,6	13,5	10,4	12,2	8,7
	Матерью	68,2	82,9	71,2	82,4	70,7	84,8
	Совместное воспитание*	12,1	10,5	15,4	7,2	17,1	6,5
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

*Анализируемая группа:* родители детей от распавшегося брака в результате развода. *Чтение таблицы:* во Франции, по ответам мужчин, когда они были инициаторами развода, в 19,7% случаев дети после распада брака жили с ними, эта доля падает до 6,6% в случае обоюдного согласия на развод и равна 13,5%, когда инициатором была жена.

*Примечание:* \* — совместное воспитание — проживание детей и в доме матери, и в доме отца. Эта форма официально существует во французской юридической практике.

мечают совместное проживание с детьми сразу после распада семьи. Тем не менее это касается лишь 20% мужчин во Франции, что в два раза больше, чем в России и Литве (соответственно 10% и 11%). Кроме того, в случае обоюдного решения о расторжении брака 11% отцов во Франции заявили, что проживание детей было распределено между отцом и матерью (только 2% в России и 5% в Литве).

Что касается женщин, то факт их инициативы расторжения брака мало влияет на место проживания детей после распада союза, особенно в России и Литве, где именно они в подавляющем числе случаев остаются с детьми. Во Франции в случае декларации женщиной принятия решения о разводе по обоюдному согласию сторон они чаще, чем мужчины (17% против 10%), говорят о совместном воспитании детей, которые живут поочередно и одинаковое время в доме матери и отца. Таким образом, то, кем было принято решение о разводе, и было ли это решение обоюдным отражается на месте проживания детей после распада семьи, но влияние это не очень существенно.

### *3.3. Способствует ли форма совместного воспитания детей лучшим отношениям отцов и детей?*

Проживание детей с одним из родителей или совместное воспитание не может не отражаться на последующих отношениях между детьми и родителями (*табл. 8*). Однако это влияние можно корректно оценить лишь на примере Франции, поскольку в России и Литве совместное воспитание или проживание детей после развода в доме отца — явления крайне редкие. И это неудивительно, если брать во внимание общественное мнение по вопросу «С кем предпочтительней жить детям после распада союза?». Во Франции, где традиционная практика передачи всех прав по уходу за ребенком только матери все чаще оспаривается, ответы опрошенных мужчин и женщин наиболее близки, в России и Литве наблюдается значительное гендерное различие в ответах. В России подавляющее большинство женщин и каждый второй опрошенный мужчина поддерживают традиционную практику передачи детей после развода матери, тогда как в Литве с этим соглашается лишь треть мужчин, а половина — никак не обозначает свою позицию по этому вопросу.

При рассмотрении французских данных о зависимости качества отношений между родителями и детьми от места проживания детей после распада семьи обращает на себя внимание факт практически идентичного характера отношений матерей и детей в случае проживания детей с матерью и при современной форме их воспитания совместно с бывшим супругом: в обоих случаях частота встреч в среднем составляет 75 в год, средняя оценка удовлетворенности — 8,3 балла, и очень близка доля полного отсутствия контактов (8,6% и 8,0%).

Таблица 8

**Частота встреч и уровень удовлетворенности родителей отношениями с детьми после распада брака в зависимости от места проживания детей после развода**

С кем жил ребенок после развода родителей?	Частота встреч (в среднем в год)		Доля детей, которые не видят одного из родителей (%)		Качество отношений «родители–дети» (средняя оценка по шкале от 0 до 10)	
	отец	мать	отец	мать	отец	мать
<i>Литва</i>						
С респондентом	45	68	0	2,1	8,3	8,7
С бывшим супругом/супругой	27	н/д	13,8	н/д	6,8	н/д
Совместное воспитание	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Жил самостоятельно	18	34	9,6	29,8	6,9	8,3
<i>Россия</i>						
С респондентом	97	103	19,4	3,3	7,0	8,2
С бывшим супругом/супругой	39	н/д	29,6	н/д	5,8	н/д
Совместное воспитание	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Жил самостоятельно	55	70	10,0	5,3	7,6	8,7
<i>Франция</i>						
С респондентом	38	75	22,1	8,6	6,4	8,3
С бывшим супругом/супругой	36	42	27,0	17,5	6,5	7,1
Совместное воспитание	57	75	9,1	8,0	8,0	8,3
Жил самостоятельно	52	н/д	21,2	н/д	7,5	н/д

*Анализируемая группа:* дети респондента от распавшегося союза, не живущие с респондентом.

*Примечание:* условно принимается, что все дети от распавшегося союза жили вместе.

С другой стороны, проживание с отцом после распада брака ухудшает отношения с матерью: частота встреч составляет в среднем 42 раза в год, отсутствие контактов увеличивается до 16% случаев, а оценка удовлетворенности падает до 7,1. Такое положение может объясняться тем, что отстранение матери от воспитания ребенка соответствует скорее маргинальной ситуации или в высшей степени конфликтному разводу.

Со стороны мужчин наблюдается иная картина. Отношения с детьми менее тесные в том случае, если ребенок жил только с отцом или только с матерью: частота встреч в среднем, соответственно, 38 и 36 раз в год, отсутствие контактов — 22% и 27%, а оценка удовлетворенности отношениями — 6,4 и 6,5. Лишь форма совместного воспитания, выбор которой говорит о нормальных отношениях между бывшими супругами, благоприятствует хорошим отношениям и с детьми. Частота встреч отца с детьми в этом случае достигает 57 раз в год, что, конечно, меньше, чем частота их встреч с матерью (75 раз). Главное, что полное отсутствие отношений уменьшается до 9%, а удовлетворенность отцом своими отношениями с детьми практически не отличается от аналогичной оценки, данной матерью (8).

Поздние разводы родителей, когда ребенок уже живет отдельно самостоятельной жизнью, — нечастое явление во всех рассматриваемых странах. Во Франции в этом случае отношения отцов и детей находятся почти на одном уровне с ситуацией совместного воспитания ребенка (частота встреч в среднем составляет 52 раз в год). В России полный разрыв контактов отца и детей, живших уже самостоятельно в момент развода, происходит гораздо реже по сравнению с ситуациями, когда несовершеннолетние дети остаются с одним из родителей после распада их брака (10% против 19,4% и 29,6% — табл. 8). В Литве самостоятельность ребенка в момент распада брака родителей также снижает частоту встреч отца и детей (18%). Возможно, такие результаты связаны с различиями в интенсивности общения детей и родителей на разных этапах жизненного цикла: встречи с родителями, как правило, становятся менее интенсивными, когда дети формируют свои семьи и начинают независимую жизнь. Однако исследования показывают возрастание частоты общения с появлением в молодой семье детей и необходимости обращения к межсемейной сети поддержки для их воспитания и ухода за ними [Ружже и др., 1983; Овчарова, Прокофьева, 2000].



## **Заключение**

Разработка данных обследований, проведенных по единой программе в Литве, России и Франции, дает нам картину по каждой из стран, выделяя общие тенденции, а также несомненную специфичность ситуации в том, что касается отношений родителей со своими детьми, живущими отдельно.

### *Общие тенденции*

Факт жизнеспособности тесных семейных отношений неоспорим. Когда родительская семья сохраняется, частота встреч родителей с ребенком, не живущим уже с ними, находится на относительно высоком уровне, а случаи полного отсутствия контактов крайне редки. При этом родители чувствуют себя в высшей степени удовлетворенными состоянием отношений с детьми.

В случае распада союза меняются главным образом отношения отца со своими детьми. Встречи с ними становятся все менее частыми, случаи полного разрыва более многочисленны, а неудовлетворенность таким характером отношений очевидна. Поскольку отцы остаются с маленькими детьми после распада семьи крайне редко, их ситуация, по определению, отличается от положения матери, с которой дети, как правило, проживают после развода. Частота контактов отцов с детьми в детстве не может не отражаться на их отношениях, когда дети уже вырастают. Отношения с матерью имеют другой характер, тесная связь с матерью не так заметна, когда родители живут по-прежнему вместе, но становится очевидна, когда семья прекращает существование. Нельзя сказать, что в этом случае отношения с матерью улучшаются (в целом на них это не может не сказаться), но отношения с отцом существенно ухудшаются.

Однако эти изменения не проходят одинаково в разных странах. На отношения между родителями и детьми влияют и другие факторы и действие их может быть разнонаправленным. Стабильность контакта с матерью и изменение поведения по отношению к отцу специфическим образом проявляются в каждой из стран проекта. В качестве примера можно привести различную реакцию на появление у родителей новой семьи и других детей, а также влияние отношений с детьми нового партнера от предыдущего союза.

### *Специфические особенности*

Появление нового партнера и детей в этом союзе всегда связывается с возрастанием доли полного разрыва с детьми от распавшегося брака. Тем не менее эта доля остается гораздо ниже, если новую семью создают матери, и различается по странам: в случае повторного союза матери во Франции разрыв отношений с детьми от распавшегося брака происходит в 2 раза реже, чем у отца, в России — в 3 раза реже, а в Литве разница увеличивается до 8 раз. Это показывает гораздо большую стабильность связей матери с детьми в России по сравнению с Францией и значительную уязвимость отношений детей с отцом, когда у него появляется новая семья, в Литве.

В случае повторного союза женщины редко живут вместе с детьми нового супруга от предыдущего брака, они видят их гораздо реже, чем собственных детей. Матери во Франции и России близки по степени отторжения от детей нового супруга, но во Франции различие по уровню общения между своими детьми и детьми нового партнера незначительно, тогда как в России оно очевидно. В Литве также наблюдается заметный разрыв в частоте контактов со своими детьми и детьми партнера, что говорит об относительной закрытости женщин к новому семейному кругу.

Мужчины, которые довольно продолжительное время живут с детьми новой супруги от предыдущего союза и принимают участие в их воспитании, сохраняют с ними лучшие отношения, чем со своими детьми от распавшегося брака. В России можно говорить о настоящей интеграции мужчины в новую семью, а случаев полного отторжения от детей новой супруги очень мало. Естественно предположить, что новая супруга делает все возможное, чтобы воссоздать семью в новом составе, найдя замену родному отцу ребенка. Во Франции ситуация иная, и здесь случаев полного отторжения мужчин от детей новой супруги достаточно много. В Литве интеграция в новую семейную среду не так однозначна: отсутствие контактов со своими детьми и детьми новой супруги встречается одинаково часто.

### **Литература**

1. *Avdeev A., Monnier A.* La nuptialité russe. Une complexité méconnue // *Population*. 1999. Vol. 54. №4–5. P. 235–676.
2. *Bonvalet C., Lelievre É.* Les relations parents-enfants après décohabitation // *Population et modes de vie. Note rapide*. 2006. №376/1. — 6 p.

3. *Breton D., Prioux F.* Observer la situation et l'histoire familiale des enfants // A. Régnier-Loilier (dir.) Portraits de familles. L'enquête Etude des relations familiales et intergénérationnelles. — Paris: Ined, coll. «Grandes enquêtes», 2009. P. 143–167.
4. *Eliseeva I.* The Family after Divorce in Russia: from the Objectives to the Database // Rapport INTAS-96–0033. 1999. Co-ordinator: Patrick Festy.
5. *Festy P.* Après la séparation: diversité et stabilité des comportements // Population. 1988. №3. P. 517–534.
6. *Festy P., Korchagina I.* Un mariage, deux divorces? Cohérence et incohérence des réponses masculines et féminines à des enquêtes sur le divorce en Russie // Population. 2002. Vol. 57. № 1. P. 11–34.
7. *Grundy E., Shelton N.* Contact between adult children and their parents in Great Britain 1986–99 // Environment and Planning. 2001. Vol. 33. №4. P. 685–697.
8. *Héran F.* La sociabilité, une pratique culturelle // Économie et statistique. 1988. №216. Insee. P. 3–22.
9. Ministère de la Justice. Annuaire statistique de la Justice. Séries 1994–1998, Edition 2000. — Paris: La Documentation Française, 2000. — 335 p.
10. *Pan Ké Shon J.-L.* D'où sont nos amis venus?.. // Insee Première. 1998. №613. Insee. — 4 p.
11. *Pettit E. J., Bloom B. L.* Whose Decision Was It? The Effects of Initiator Status on Adjustment to Marital Disruption // J. Marriage Family. 1984. Vol. 46. №3. P. 587–595.
12. *Prioux F.* L'évolution démographique récente en France: la fécondité à son plus haut niveau depuis plus de 30 ans // Population. 2007. Vol. 62. №3. P. 489–532.
13. *Prioux F.* Vivre en couple, se marier, se séparer: contrastes européens // Population et Société. 2006. №422. Ined. 4 p.
14. *Prokofieva L., Valetas M.-F.* L'initiative du divorce: point de vue féminin, point de vue masculin. Le cas de la Russie // Communication à la Conférence européenne de population (La Haye, Pays-Bas, 30 août-3 septembre 1999). — 12 p.
15. *Prokofieva L., Valetas M.-F.* Les causes de la rupture. Les femmes divorcées en France et en Russie // Communication à la Conférence européenne de la population. Cracovie. Pologne. 11–13 juin. 1997.
16. *Prokofieva L., Valetas M.-F.* Les pères et leurs enfants après un divorce en Russie // Enfants d'aujourd'hui: diversité des contextes, pluralité des parcours [actes du 11e]. Colloque international de Dakar. 10–13 décembre 2002. T. 1. P. 248–261.
17. *Regnier-Loilier A.* À quelle fréquence voit-on ses parents? // Population et Société. 2006. №427. Ined. — 4 p.
18. *Regnier-Loilier A., Prioux F.* Comportements familiaux et pratique religieuse // A. Régnier-Loilier (dir.) Portraits de familles. L'enquête Etude des relations

- familiales et intergénérationnelles. — Paris: Ined, coll. «Grandes enquêtes», 2009. P. 397–423.
19. *Regnier-Loilier A., Prioux F.* La pratique religieuse influence-t-elle les comportements familiaux? // *Population et Société*. 2008. №447. Ined. — 4 p.
20. *Roussel L.* Le divorce et les Français. II, L'Expérience des divorcés, avec la collab/de Jacques Commaille, Anne Boigeol et Marie-France Valetas. — Paris: Presses universitaires de France, coll. «Travaux et documents», 1975. Cahier 72. — 256 p.
21. *Toulemon L.* Enfants et beaux-enfants des hommes et des femmes // C. Lefevre, A. Filhon (dir.). *Histoires de familles, histoires familiales* — Paris: coll. «Les Cahiers de l'Ined», 2005. N° 156. P. 15–28.
22. *Villeneuve-Gokalp C.* Conséquences des ruptures familiales sur le départ des enfants // C. Lefevre, A. Filhon (dir.). *Histoire de familles, histoires familiales*. — Paris: coll. «Les Cahiers de l'Ined». 2005. №156. P. 235–249.
23. *Овчарова Л., Прокофьева Л.* Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // *Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ*. 2000. №4. С. 23–31.
24. *Прокофьева Л., Валетас М.* Отцы и их дети после развода // *Население и общество*. — Париж — Москва (ИНЕД-ЦДЭЧ). 2000. №50.
25. *Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С.* Структура и функции семейных групп. — М.: Финансы и статистика, 1983.
26. *Синявская О., Гладникова Е.* Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*/Под ред. Т.М. Малевой и О.В. Синявской. — М.: НИСП, 2007. С. 517–544.

А. Ренье-Луалье,  
И. Бадурашвили,  
Ш. Циклаури

## **Семейные ситуации, календарь ухода из родительского дома и межпоколенные взаимоотношения в Грузии и Франции<sup>1</sup>**

*В отличие от Франции, Грузия по-прежнему является очень традиционной страной, в которой совместное проживание партнеров до брака и неформальные союзы, в целом, остаются исключительным явлением. Кроме того, в силу семейных традиций сыновья после создания партнерского союза часто приходят жить с молодой женой в дом родителей. Эта специфическая для Грузии практика объясняет противоположные результаты наблюдений за процессом выделения из родительской семьи в двух странах. Во Франции люди старше 30 лет почти никогда не живут с родителями, в то время как в Грузии такие случаи нередки, особенно среди мужчин. Семейные траектории, которые вытекают в каждой стране из очень разного сочетания этапов взросления, в частности ухода из родительского дома и создания первого союза, приводят в итоге к весьма различным в двух странах отношениям между поколениями как в плане частоты встреч между родителями и детьми, так и на уровне общения.*

### **Введение**

В последние десятилетия в большинстве европейских обществ происходили глубокие социальные и культурные изменения. Если

---

<sup>1</sup> Печатается по изданию: Régnier-Loilier A., Badurashvili I., Tsiklauri Sh. Situations familiales, calendrier de décohabitation et relations intergénérationnelles en Géorgie et en France // Revue d'études comparatives Est-Ouest — RECCEO. 2009. Vol. 40. №3–4. Septembre–Décembre. P. 99–132. Перевод Э. Кустовой.

говорить о формах семейной жизни, то здесь отмечались рост числа домохозяйств, состоящих из одного человека [Borrel, Durr, 2005], и сокращение количества многопоколенных семей. Тем не менее вплоть до настоящего времени сохраняются существенные различия между странами.

Рост ожидаемой продолжительности жизни при рождении привел к тому, что сегодня дети и родители одновременно живут около полувека. Это ставит перед обществом новые проблемы и новые задачи. В этих условиях вопросы отношений между поколениями, качества связей, объединяющих членов одной семьи, и межпоколенная солидарность привлекают все большее внимание со стороны социальных наук.

Научные споры, посвященные проблеме межпоколенных отношений и взаимопомощи, тесно связаны с дискуссиями о формах совместного проживания представителей различных поколений. Вот уже несколько десятилетий социологи интересуются влиянием модернизации на эту область. Как утверждал Талкотт Парсонс, «изоляция нуклеарной семьи» является неизбежным следствием индустриализации и урбанизации. Уход взрослых детей из родительского дома, характерный для большинства современных обществ, несет определенную идеологическую нагрузку. Он вызывает своего рода ностальгию у тех, кто считает, что такая дистанция между поколениями приводит к одиночеству и изоляции индивидов. Этой концепции противостоит индивидуалистическая точка зрения, согласно которой возможность иметь собственное пространство и свою жизнь («having one's own life», «room of one's own») [Beck, 1995]), напротив, является важным преимуществом для индивида. Как полагают сторонники этой точки зрения, при наличии материальных условий и молодежь, и пожилые люди должны сохранять независимость и располагать личным пространством [Shoeni, 1998].

Недавние исследования выявили существенные расхождения между странами в том, что касается субъективного восприятия форм жизни лиц старшего возраста. В Нидерландах и Финляндии, например, пожилые люди обычно довольны тем, что живут одни, и рассматривают проживание с детьми скорее как свидетельство жизненной неудачи. В Италии и Греции их ровесники в подобной ситуации чаще жалуются на одиночество [de Jong Gierveld, van Tilburg, 1999; Julhä, Jokela, 1990]. Дальнейшие исследования показали, что прочные межпоколенные связи и взаимопомощь обуславливаются не столько фактом совместного проживания, сколько географической близостью и регулярными контактами.

В предлагаемой вниманию читателя статье сравниваются Грузия и Франция, страны с особенно далекими семейными традициями и ценностями. Грузия по-прежнему является очень традиционной страной, в которой совместное проживание партнеров до брака и неформальные союзы в целом остаются исключительным явлением, разводы и повторные браки также редки, а распределение домашних обязанностей по-прежнему носит классический характер (большинство матерей не работает). Во Франции семейная морфология, напротив, подверглась сильнейшим изменениям, особенно за последние 40 лет [Déchaux, 2007]. В отличие от Франции, в Грузии эволюция семьи еще очень плохо изучена, прежде всего из-за отсутствия надежных данных. Благодаря тому, что в 2006 г. эта страна приняла участие в программе «Поколения и гендер» (*Generations and Gender Survey — GGS*), сегодня мы больше знаем о грузинских семьях [Badurashvili et al., 2008] и можем — путем сравнения с французскими — выявить их особенности. Нас интересует, в частности, вопрос о том, как специфический национальный контекст влияет на семейное поведение индивидов, прежде всего на уход из родительского дома и его причины, т. е. те элементы, которые впоследствии отражаются на отношениях между родителями и взрослыми детьми<sup>2,3</sup>.

Мы начнем с рассмотрения семейных ситуаций по возрастам в обеих странах, что позволит выявить принципиально различную логику выделения из родительской семьи. В отличие от Франции, где люди старше 30 лет почти никогда не живут с родителями, в Грузии такие случаи нередки, особенно среди мужчин. Затем мы рассмотрим более подробно связь между уходом из дома родителей и созданием первого партнерского союза, что также позволит увидеть важные различия между этими двумя странами. Все это станет основой для изучения межпоколенных взаимоотношений, рассматриваемых в третьей части

---

<sup>2</sup> Вначале планировалось сравнить отношения между детьми и родителями после развода последних в четырех странах: Грузии, Литве, России и Франции. Однако культурные и семейные особенности Грузии (в частности редкость расторжения союзов и специфические семейные традиции) подтолкнули нас к тому, чтобы выполнить два различных исследования: во-первых, сравнить Грузию с одной из стран, а во-вторых, сопоставить частоту встреч детей и родителей после развода во всех изучаемых здесь странах, за исключением Грузии (см. статью *А. Ренье-Луалье и др.* в этом сборнике).

<sup>3</sup> Аналогичный анализ ухода из родительского дома и взаимоотношений родителей и взрослых детей в России, также выполненный на данных RusGGS, см. в статье *Синявской О. В., Гладниковой Е. В.* Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями в: Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1/Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской. — М., 2007. — *Прим. ред.*

статьи. В ней анализируется частота встреч между родителями и детьми, факторы, от которых она зависит, а также возможность говорить о личной жизни с родственниками. Различия в механизмах выделения из родительской семьи могут объяснить национальную специфику отношений между родителями и взрослыми детьми после их ухода из родительского дома. Несмотря на некоторые сходства, результаты характеризуются важными различиями между двумя странами. Мы постараемся выявить специфику межпоколенных отношений с гендерной точки зрения, а также их эволюцию, прослеживаемую от поколения к поколению.

## **1. Особенности логики выделения из родительской семьи в Грузии и Франции**

### *1.1. Грузины всех возрастов чаще, чем французы, живут с родителями*

Для изучения межпоколенных связей можно использовать различные показатели: материальная поддержка, оказываемая родителями детям, и, наоборот, обмен услугами, помощь в воспитании внуков, эмоциональная поддержка, частота встреч и др. Прежде чем обратиться к изучению связей между родителями и детьми, не живущими под одной крышей (прежде всего частоты их встреч), мы постарались понять логику, стоящую за уходом детей из родительского дома в Грузии и Франции. В каждой стране эта логика имеет свои важные особенности, свидетельствующие о различиях в межпоколенных взаимоотношениях.

Сопоставление семейных ситуаций на различных этапах жизненного цикла позволяет увидеть существенные различия. Не останавливаясь на подробном анализе состава домохозяйств, выделим четыре типа ситуаций, напрямую связанных с нашей темой:

- респондент живет отдельно от обоих родителей;
- респондент живет с матерью;
- респондент живет с отцом;
- респондент живет с обоими родителями.

Заметим, что мы ограничиваемся респондентами, у которых жив хотя бы один из родителей<sup>4</sup>. В противном случае есть риск завыше-

---

<sup>4</sup> В Грузии их число составило 2933 мужчины и 3480 женщин, во Франции — 2925 мужчин и 3869 женщин.

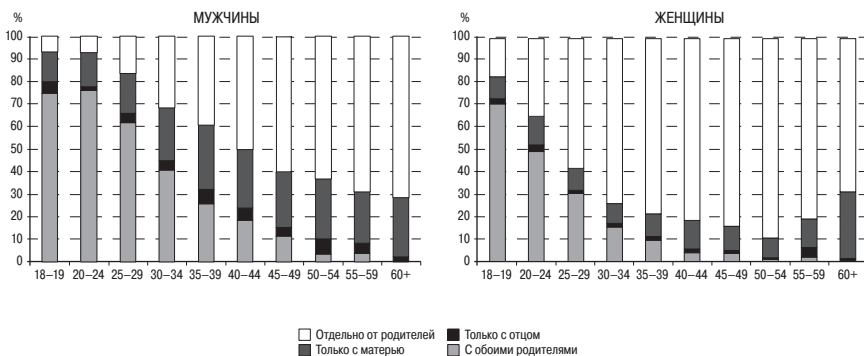


ния доли уходов из родительского дома у грузин старшего возраста из-за более низкой продолжительности жизни в этой стране: 68 лет у мужчин и 75 у женщин в 2006 г. [Tsuladze et al., 2006] по сравнению с 77 и 84 годами во Франции [Insee, 2006].

На рис. 1 и 2 отражено распределение респондентов по упомянутым выше категориям в зависимости от пола и возраста. Отметим

Рисунок 1

### Проживание с родителями в зависимости от пола и возраста респондента (Грузия)



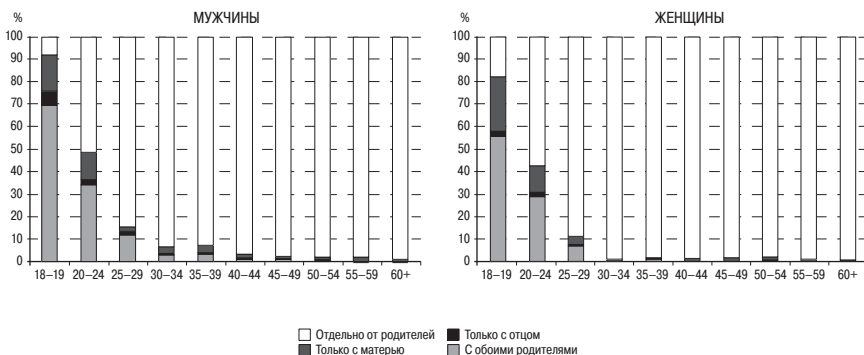
Источники: здесь и далее для всех рисунков и таблиц, если не указано иное, FraGGS (2005), GeGGS (2006).

Примечание: респонденты, имеющие по крайней мере одного живого родителя.

Пример прочтения рисунка: В Грузии 75% мужчин в возрасте 18–19 лет живет с обоими родителями.

Рисунок 2

### Проживание с родителями в зависимости от пола и возраста респондента (Франция)



Примечание: респонденты, имеющие по крайней мере одного живого родителя.

прежде всего, что при рассмотрении всех возрастов вместе (у респондентов, имеющих хотя бы одного живого родителя) грузины гораздо чаще, чем французы, живут с одним из родителей — 47% и 14%. Во Франции различие между мужчинами и женщинами невелико (с одним или обоими родителями живет 16% мужчин и 12% женщин), в отличие от Грузии, где во всех возрастах наблюдается существенное различие между полами (65% мужчин и 32% женщин). В возрасте 20–24 лет 76% грузинских мужчин живет с обоими родителями, а 7% — отдельно от них; у женщин этот показатель составляет 49% и 35%. Чем выше возраст респондентов, тем сильнее различие между женщинами и мужчинами. В 40–44 года с обоими родителями живет 18% мужчин и 4% женщин, а отдельно от них, соответственно, 50% и 81%.

При сопоставлении этих тенденций с французскими мы получаем две совершенно разные ситуации. Если в юности французы обоих полов почти всегда живут с одним или двумя родителями (92% мужчин и 82% женщин в возрасте 18–19 лет), то после 20 лет большинство из них отделяется: среди 20–24-летних отдельно от родителей проживает более половины, а среди 25–29-летних лишь 15% мужчин и 11% женщин продолжает жить с одним или двумя родителями (против соответственно 84% и 42% в Грузии). После 30 лет почти никто из французов не живет с одним или обоими родителями (менее 3%).

Наконец, в обеих странах больше женщин и мужчин живет с матерью, чем с отцом, но причины здесь различны. Во Франции такая ситуация чаще всего является следствием расторжения союза, в результате чего дети в 9 случаях из 10 остаются жить с матерью [Bonvalet, Lelièvre, 2006]. В Грузии последний показатель схож с французским, но расторжения партнерских союзов случаются гораздо реже<sup>5</sup>. Таким образом, в этой стране лишь небольшая доля случаев проживания детей только с матерью объясняется разводом. Причина такой семейной конфигурации кроется скорее в разной продолжительности жизни мужчин и женщин: грузинки чаще оказываются в ситуации вдовства, чем их соотечественники-мужчины<sup>6</sup>.

---

<sup>5</sup> В случае, если оба родителя живы, в Грузии среди них расторгло союз меньше 4%, а во Франции — 19%.

<sup>6</sup> Схожее явление мы наблюдаем и во Франции, где различия в смертности мужчин и женщин также влияют на проживание детей с матерью. Здесь, однако, роль этого фактора меньше, так как на момент смерти отца дети в большинстве случаев уже покинули родительский дом.

## *1.2. Грузия: традиционно более сильная ориентация на семью*

Различия в семейных конфигурациях, характерных для рассматриваемых стран, в значительной мере объясняются различиями в системах ценностей. Если в прошлом во Франции, особенно в сельской местности, родители и взрослые дети нередко жили под одной крышей, то сегодня ситуация в корне изменилась. В Грузии, напротив, совместное проживание многопоколенной расширенной семьи до сих пор является господствующей моделью. Традиционные нормы, доминирующие в этой стране, приводят к тому, что семья остается столпом межпоколенной взаимопомощи (*см. вставку 1*). Эти культурные особенности в сочетании с материальными и политическими реалиями, обуславливающими более трудный по сравнению с Францией доступ к отдельному жилью, позволяют объяснить тот факт, что даже после создания партнерского союза взрослые дети зачастую остаются жить с родителями, чаще всего в доме родителей мужа. Дело в том, что, по грузинской традиции, сыновья должны оставаться с родителями и заботиться о них, тогда как дочери, выйдя замуж, уходят в семью мужа [Badurashvili et al., 2008].

Сокращение с возрастом доли мужчин, живущих с одним или обоими родителями<sup>7</sup>, отчасти объясняется тем, что после 40 лет их дети, став взрослыми, в свою очередь, начинают создавать партнерские союзы. Кроме того, многие грузины одновременно живут под одной крышей с одним или несколькими братьями, находящимися в той же ситуации. В этих условиях совместное проживание нескольких семей в составе одного домохозяйства становится все более сложным, и в конце концов с родителями остается жить одна семья, чаще всего младшего сына. Как показало обследование, лишь 10% респондентов старше 45 лет, живущих с одним или обоими родителями, делит крышу с одним или несколькими братьями или сестрами.

После 55 лет существенно растет доля женщин, живущих с матерями, достигая 30% среди грузинок старше 60 лет. Это объясняется тем, что женщинам приходится брать на себя заботу о престарелых матерях, которые больше не могут жить одни. Такое укрепление связей между дочерьми и матерями в большинстве случаев происходит в от-

---

<sup>7</sup> Напомним, что здесь рассматриваются только те респонденты, у которых жив по крайней мере один из родителей.

сутствие братьев: 82% женщин старше 60 лет, живущих с матерями, не имеет братьев и сестер, в то время как среди их соотечественниц, живущих отдельно от родителей, таковых лишь 41%.

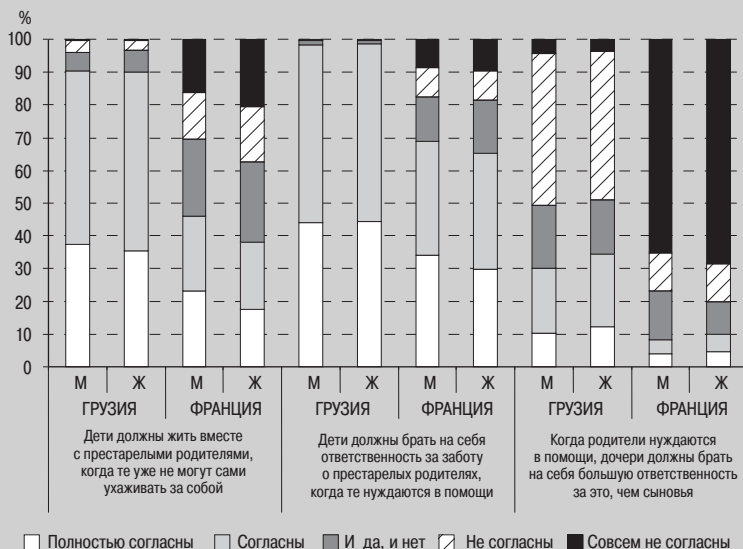
**Вставка 1. Взгляды респондентов на роль семьи в межпоколенной взаимопомощи**

Несмотря на то что вопросы, касающиеся взглядов, неизбежно несут на себе отпечаток фактического поведения респондентов (возможный эффект адаптации своего мнения с целью приведения его в соответствие с собственным поведением), они обеспечивают дополнительную информацию, позволяющую сравнить — путем их контекстуализации — практики, наблюдаемые в Грузии и Франции. Ценности и мнения относительно роли семьи в межпоколенной взаимопомощи позволяют осознать, насколько различается культурный контекст этих двух стран (см. подробнее об этом в статье С. Лефевр и др. в данном сборнике).

Так, 9 из 10 опрошенных в Грузии «полностью согласны» или «согласны» с тем, что дети должны забрать к себе в дом родителей, если те больше не могут жить одни. Во Франции такого мнения придерживается лишь один респондент из 10 (рис. 3). Почти все опрошенные в Грузии (и лишь 2/3 французов) «полностью согласны» или «согласны» с тем, что дети должны помогать родителям, если те в этом нуждаются. Кроме того, грузинские респонденты реже, чем французские, выступают против идеи, согласно которой забота о престарелых родителях должна ложиться в первую очередь на дочерей (рис. 3).

Рисунок 3

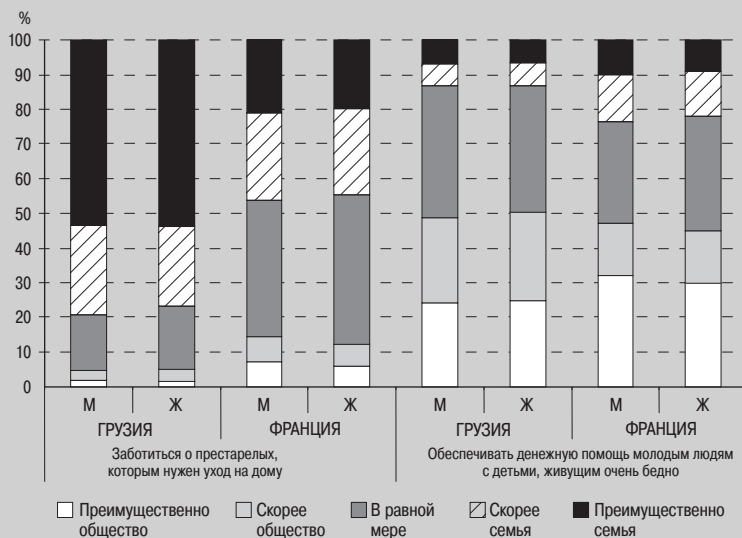
**Согласие и несогласие с мнениями о межпоколенной взаимопомощи, в зависимости от пола**



Наконец, в Грузии гораздо больше тех, кто считает, что забота о престарелых должна лежать скорее на семье, чем на обществе: с этим мнением согласно 80% опрошенных в этой стране и менее 50% во Франции (рис. 4).

Рисунок 4

**Согласие и несогласие с определенными мнениями о роли общества в заботе о пожилых людях и молодых семьях в зависимости от пола**



Во Франции наблюдается в корне отличная картина. Усилившееся стремление к независимости от социальных институтов (религии, брака, семьи) и распространение в XX в. индивидуалистических ценностей [Kaufmann, 1999; de Singly, 2000] объясняют тот факт, что молодежь покидает дом родителей, как только получает для этого возможность. Молодые пары поэтому крайне редко живут под одной крышей с родителями одного из партнеров, а когда это случается, речь чаще всего идет о временной ситуации.

## 2. Первый уход из родительского дома и создание партнерского союза: существенные различия в календаре событий у мужчин и женщин

Описанные выше культурные особенности не только отражают семейные ситуации мужчин и женщин, но и позволяют объяснить существенные различия в их календарях событий.

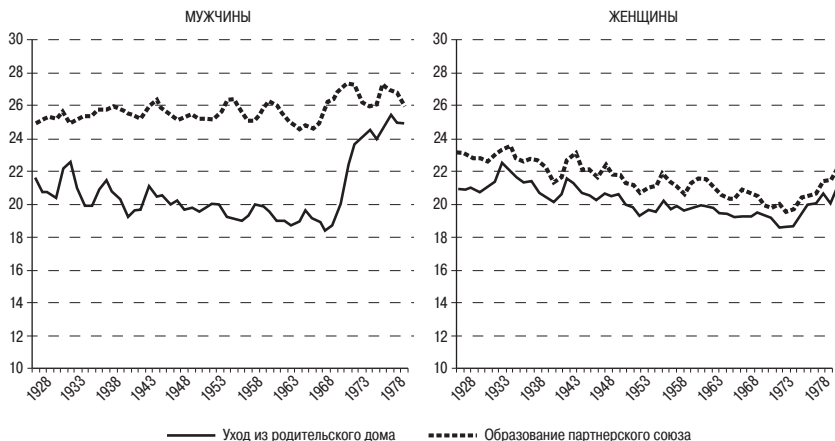
## 2.1. Эволюция календаря ухода из родительской семьи

Контраст между семейной ситуацией грузинских мужчин и женщин одного и того же возраста заставил нас обратиться к изучению эволюции календаря их первого ухода из родительского дома. Это событие было определено в обследовании GGS как первое проживание вне родительской семьи, продлившееся по меньшей мере три месяца без перерыва (рис. 5, 6).

На основе грузинского материала можно выделить несколько тенденций. Помимо случайных вариаций, наблюдаемых среди самых старших поколений и объясняемых меньшим количеством данных (эффект возраста), следует отметить снижение медианного возраста при первом уходе у женщин и мужчин поколений от 1928 г. до 1970 гг. Среди мужчин, родившихся в 1930 г., половина впервые покинула родительский дом в 20,8 лет, а половина женщин того же поколения — в 21 год. В поколении 1970 г. медианный возраст снизился до 18,7 лет у мужчин и 19,4 у женщин. При этом, однако, в самых молодых поколениях медианный возраст первого ухода заметно увеличивается среди женщин (21,1 года в поколении 1980 г.) и еще сильнее среди мужчин (24,8 года).

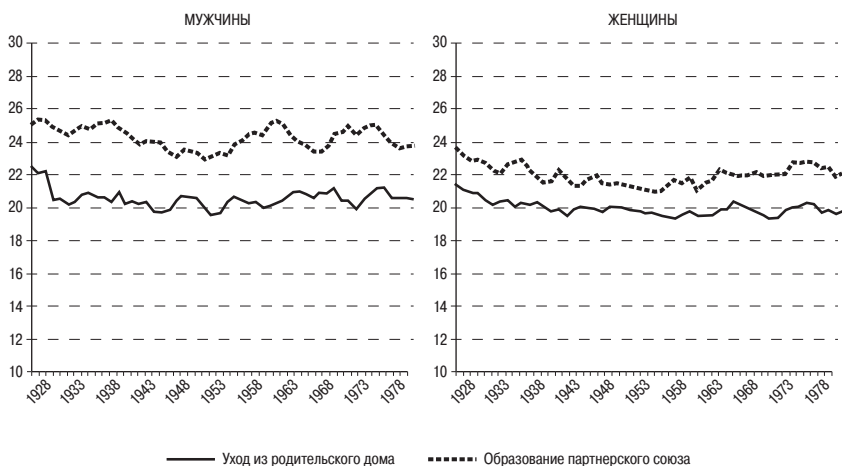
Рисунок 5

### Медианный возраст ухода из родительского дома и создания первого союза в зависимости от пола и года рождения (Грузия)



Пример прочтения рисунка: в Грузии половина мужчин, родившихся в 1980 г., покинула родительский дом в возрасте до 24,8 лет и половина мужчин того же поколения создала союз до 25,8 лет.

### Медианный возраст ухода из родительского дома и создания первого союза в зависимости от пола и года рождения (Франция)



Такое повышение возраста отчасти может быть обусловлено эволюцией поведения; резкое изменение, наблюдаемое у мужчин младших поколений, требует, однако, иного объяснения. Обследование GGS, к сожалению, не содержит прямой информации о причинах ухода из родительского дома. Тем не менее можно предположить, что чрезвычайно быстрое увеличение возраста при первом уходе связано с изменениями в законе о всеобщей воинской обязанности. В ноябре 1990 г. был отменен закон об обязательной воинской службе. Новый закон был принят только в 1992 г., и вплоть до 1993 г. граждане Грузии не служили в армии. Сегодня воинская служба является обязательной, но условия ее прохождения были существенно смягчены<sup>8</sup>. Учитывая, что первый уход юношей из родительского дома зачастую был связан с призывом в армию, изменение законодательства привело к резкому повышению возраста выделения из родительской семьи.

Во Франции календарь первого ухода не подвергался сильным изменениям. У мужчин медианный возраст этого события составляет

<sup>8</sup> Исключения делаются для студентов вузов. В силу того, что сегодня воинскую службу можно проходить за несколько раз, короткими периодами (меньше 3-х месяцев), это событие уже не является для мужчин важной причиной ухода из родительского дома, как это было в советское время.

20,1 лет как в поколении 1930 г., так и в поколении 1980 г., в то время как у женщин он немного снизился, с 20,2 до 19,6 лет, однако без явных колебаний для этих поколений (см. об этом в статье *А. Блюма и др.* в данном сборнике).

Эти результаты противоречат выводам других исследований. Так, Даниэль Куржо [Daniel Courgeau, 2000] и Клодин Аттиас-Донфю [Claudine Attias Donfut, 1995] сделали вывод о повышении возраста французов при уходе из родительского дома. Одно из вероятных объяснений таких расхождений заключается в использовании разных вопросников. Опираясь на обследования «Тройная биография» [INED, «ЗВ», 1981 г.] и «Молодежь и карьера» [INSEE, «EJC», 1997 г.], Даниэль Куржо определял возраст выделения из родительской семьи исходя из истории места жительства индивида. В его исследовании возраст первого ухода соответствует возрасту появления первого отдельного жилья, которое определяется как жилье, занимаемое самостоятельно на протяжении по меньшей мере 6 месяцев подряд (обследование «ЗВ», 1981 г.), или как первое жилье, оплачиваемое респондентом или его нанимателем (обследование «EJC»). В обследовании GGS такая информация отсутствует. В нашем распоряжении имеются только данные о возрасте первого ухода из родительского дома на срок более 3-х месяцев подряд, без уточнений относительно наличия отдельного жилья. Таким образом, этот первый уход может соответствовать поездке за границу сроком на 3 месяца, воинской службе и пр., не означая окончательного выделения из родительской семьи и приобретения независимости. Среди молодых французов, покидающих родительский дом, чтобы, например, поехать учиться, лишь 10% имеет стабильную работу, а треть материально полностью зависит от родителей. На протяжении следующего за уходом года чуть больше половины продолжает получать помощь от родителей [Bozon, Villeneuve-Gokalp, 1995]<sup>9</sup>. Переходные моменты, во время которых дети меняют статус, переходя от проживания с родителями к роли членов сети родственных отношений, потеряли сегодня свою четкость под влиянием таких явлений, как частичное совместное проживание и возвращение под родительскую крышу в результате неудачного брака или социального провала [Bonvalet, Lelièvre, 2006].

---

<sup>9</sup> При учете только их собственных доходов 90% студенческих домохозяйств оказывается за чертой бедности. Если же мы добавим ресурсы, поступающие от родственников, это число сократится до 20% [Robert-Bobbé, 2002].



Таким образом, несмотря на невозможность выявить четкую эволюцию медианного или среднего возраста при первом уходе из родительского дома, можно утверждать, что во Франции смысл этого события изменился по сравнению с прошлым.

## *2.2. Эволюция календаря создания первого партнерского союза*

В Грузии сама по себе эволюция календаря создания первого партнерского союза не позволяет выявить заметных изменений от поколения к поколению, особенно у мужчин. Это подтверждает гипотезу, согласно которой речь идет не о радикальной трансформации семейного поведения начиная с поколения 1970 г., а о влиянии политического фактора. Тем не менее самые молодые поколения грузин, особенно женщины, видимо, немного откладывают создание союза, в отличие от поколений 1930–1970 гг., у которых наблюдалось постоянное снижение этого возраста. Половина женщин 1970 года рождения состояла в партнерском союзе в возрасте 20 лет, тогда как медианный возраст женщин поколения 1980 г. был на 3 года больше (22,9 года). У мужчин 1980 года рождения медианный возраст при создании первого союза составлял 25,8 лет.

Различия в возрасте создания партнерского союза у мужчин и женщин характерны и для Франции: здесь в поколении 1980 г. медианный возраст составляет 23,4 года у мужчин и 21,8 года у женщин.

Для женщин в Грузии и Франции характерна сравнительно постоянная разница между медианным возрастом первого ухода из родительского дома и медианным возрастом первого совместного проживания с партнером: около года у первых и около полутора лет у вторых. Правда, у француженок этот показатель постепенно увеличивается: 1,4 года у родившихся в 1950 г. и 2,2 года в поколении 1980 г. У мужчин разница между медианными возрастными этими двух событий гораздо больше, особенно в Грузии, за исключением самых молодых поколений.

Эти явные гендерные различия также могут быть сопоставлены с причинами выделения из родительской семьи. Как уже упоминалось выше, обследование GGS не содержит сведений о причине первого ухода из дома родителей, тем не менее, сравнив даты некоторых событий, можно установить связи между ними и выявить возможную эволюцию поведения различных поколений. В частности, нас инте-

решает связь между первым уходом из родительского дома и первым партнерским союзом. Сопоставление дат этих событий с точностью до месяца позволяет выделить три типа случаев:

- точное совпадение моментов образования партнерского союза и первого ухода из родительского дома: можно предположить, что эти два события напрямую связаны друг с другом;
- первый уход предшествует образованию союза: в этом случае причина выделения из родительской семьи, вероятно, не связана с брачным календарем;
- наконец, первый уход происходит после образования партнерского союза или респондент никогда не покидал родительского дома больше чем на 3 месяца подряд<sup>10</sup>: в этом случае причины первого ухода (если таковой имел место) также могут не иметь прямого отношения к брачному календарю.

Различия в возрасте респондентов между второй и третьей категорией неизбежно вызывают искажения, так как у самых молодых респондентов было меньше времени, чтобы прожить эти два события<sup>11</sup>: в таком случае логично предположить, что они чаще создавали союз до ухода из дома родителей. Теперь сосредоточим внимание на возможной эволюции и различиях между первой категорией (одновременный первый уход из родительского дома и создание союза) и двумя другими.

На *рис. 7* показано распределение респондентов, имеющих в живых по крайней мере одного родителя, по трем категориям<sup>12</sup>. Рассмотрим теперь каждую страну в отдельности, обращая особое внимание на гендерные различия.

В Грузии бросается в глаза контраст между поведением женщин и мужчин. Если среди мужчин менее 10% покинуло родительский дом, чтобы создать собственную семью (как на то указывает совпадение

---

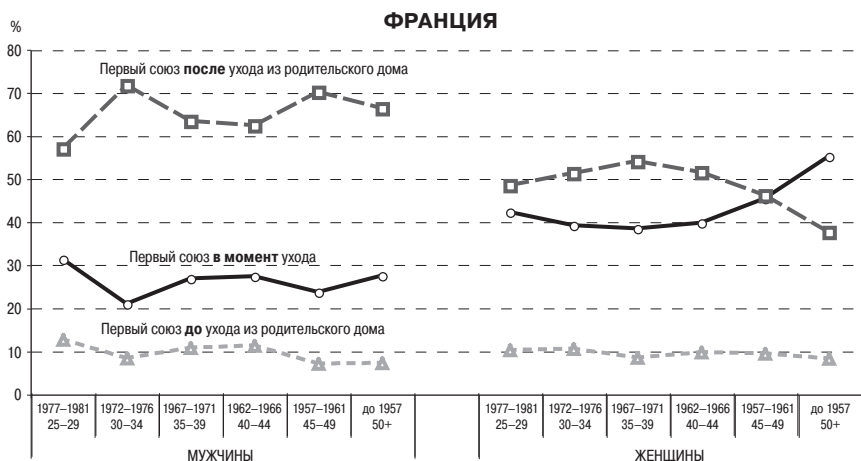
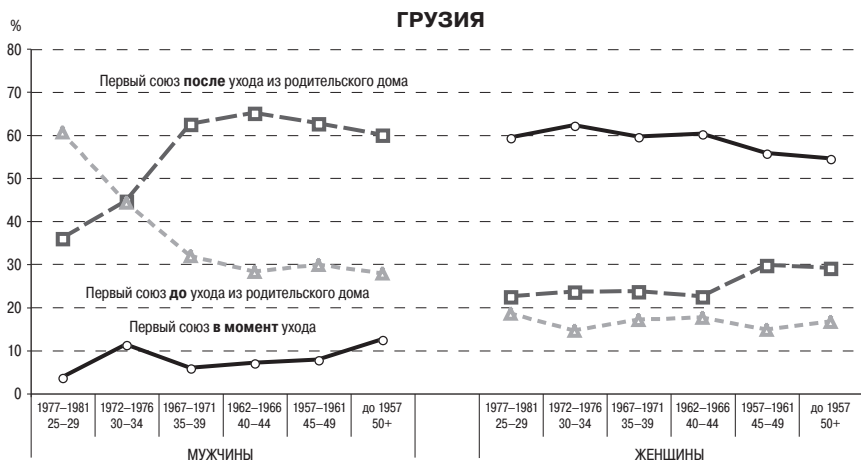
<sup>10</sup> Решение включить в эту категорию лиц, никогда не покидавших родительский дом, объясняется двумя главными причинами. Во-первых, в случае молодых респондентов вероятность того, что они уже покинули родительский дом, меньше, чем у самых старших, что влечет за собой эффект цензурирования выборки. Во-вторых, если эти индивиды однажды покинут родительский дом (до смерти родителей) на срок более 3-х месяцев, это произойдет после создания партнерского союза.

<sup>11</sup> По этой причине мы ограничиваемся изучением лиц старше 25 лет, имеющих опыт совместного проживания с партнером.

<sup>12</sup> Таким образом, мы различаем выделение из родительской семьи как элемент поведения респондента (он покидает дом родителей более чем на 3 месяца) от проживания без родителей в результате их смерти, то есть факта, не зависящего от поведения респондента.

Рисунок 7

**Доля респондентов, создавших партнерский союз с совместным проживанием до, после или в год первого ухода из родительского дома, в зависимости от пола и поколения**



*Примечание:* респонденты, проживавшие когда-либо с партнером и имеющие по крайней мере одного живого родителя.

В категорию «первый партнерский союз образован до ухода из родительского дома» включаются также респонденты, никогда не покидавшие дома родителей больше чем на 3 месяца.

двух дат во времени), то среди женщин таких больше половины. В момент образования союза большинство грузинок покидает дом родителей и переселяется — как того требует традиция — в семью мужа. В тех редких случаях, когда мужчины покидают родительский дом одновременно с созданием союза, речь обычно идет о людях, имеющих возможность приобрести собственное жилье. Напомним, что юридически такая возможность появилась недавно, с возникновением рынка жилья. В советской системе аренда квартир оставалась исключительным явлением, и даже сегодня по финансовым причинам покупка или аренда квартиры остается благом, малодоступным для большинства грузин.

Что касается женщин, то здесь нет существенных различий между тремя категориями по возрасту. Зато среди мужчин доля тех, кто покинул родительский дом до образования союза, заметно меньше в молодых поколениях: среди лиц в возрасте 25–29 лет таковых лишь 36%, тогда как среди 35–39-летних — 62%. Как уже упоминалось, отчасти это объясняется структурным эффектом, связанным с возрастом: у молодежи было меньше времени, чтобы прожить оба события (мы рассматриваем здесь только респондентов, образовавших партнерский союз, тогда как среди самых молодых многие, возможно, уже покинули родительский дом, но еще не создали союза). Учитывая, однако, что этот эффект никак не проявился в случае женщин, можно предположить, что возрастные различия объясняются другими факторами. Так, изменение наметившихся ранее тенденций может быть обусловлено тем фактом, что юношам больше не приходится покидать родительский дом из-за призыва в армию.

Во Франции также наблюдаются различия между женщинами и мужчинами, но в меньшей степени. Случаи создания партнерского союза до выделения из родительской семьи встречаются редко (менее 10%), и их доля не меняется от поколения к поколению. Женщины чаще, чем мужчины, впервые покидают родительский дом в связи с образованием партнерского союза: среди женщин в возрасте 35–39 таких 40%, а среди мужчин того же возраста — 25%. Если у мужчин наблюдается мало изменений от поколения к поколению, то у женщин эти события, судя по всему, постепенно все больше отодвигаются друг от друга во времени: среди француженок старше 50 лет 55% покинули дом родителей в момент создания союза, а среди 35–39-летних — 38%. Небольшое увеличение их доли, наблюдаемое среди самых молодых поколений, объясняется упомянутым выше эффектом возрастной структуры.

### **3. Отношения между родителями и детьми после ухода детей из родительского дома**

Описанные выше особенности семейных ситуаций французов и грузин сыграют свою роль и при анализе взаимоотношений между родителями и детьми. Как мы уже видели, в Грузии из родительского дома традиционно уходят женщины, тогда как во Франции это касается в равной степени обоих полов, причем после 25 лет практически никто из французов не живет с родителями. Таким образом, сравнивая отношения между детьми и родителями в двух странах, надо понимать, что речь идет о совершенно разном по своей структуре и характеристикам населении.

#### *3.1. Некоторые характеристики лиц, живущих отдельно от родителей*

Мы начнем с беглого выявления различий между грузинскими респондентами<sup>13</sup>, живущими с одним или обоими родителями, и их соотечественниками, проживающими отдельно. Здесь рассматривались только респонденты, имевшие в живых по крайней мере одного из родителей.

Как и следовало ожидать, среди лиц, живущих отдельно от родителей, большинство составляют женщины (70%); кроме того, эта категория респондентов старше тех, что живут с одним или обоими родителями: среди первых возраста 30 лет достигло 83%, а среди вторых — только 47%. У респондентов, живущих отдельно, гораздо чаще, чем у живущих с родителями, есть по меньшей мере один (живой) брат: в первом случае речь идет о 71% мужчин и 76% женщин, а во втором — о 52% мужчин и 57% женщин. Таким образом, здесь вновь дает о себе знать особое место сына в семейных отношениях и логике совместного проживания разных поколений в рамках одного домохозяйства.

Региональные особенности и степень урбанизации, напротив, не оказывают заметного влияния, хотя проживание отдельно от родителей встречается немного чаще в городской местности (59% лиц,

---

<sup>13</sup> Во Франции, как уже говорилось выше, практически все взрослое население старше 30 лет живет вне родительского дома. Отдельные случаи проживания с одним из родителей настолько редки, что они не могут исказить факторы, влияющие на частоту встреч родителей и детей.

живущих отдельно, проживают в городе, в то время как среди лиц, живущих с одним или обоими родителями, таковых 54%). Уровень образования также не оказывает существенного влияния на выбор той или иной модели совместного проживания.

Отмеченные выше характеристики лиц, живущих отдельно от своих родителей (старше возраст, преобладание женщин, частое наличие брата или братьев), сказываются на средней частоте контактов между родителями и детьми. Известно, например, что во Франции взрослые, не имеющие братьев и сестер, чаще видят своих родителей; кроме того, имеются некоторые различия, связанные с возрастом и полом [Régnier-Loilier, 2006]. Таким образом, частота встреч родителей и детей в Грузии зависит от структуры населения, живущего отдельно от родителей, и потому не может быть напрямую сопоставлена с ситуацией, наблюдаемой во Франции. Эти соображения отнюдь не исключают возможности сравнить факторы, влияющие в обеих странах на отношения между родителями и детьми после ухода детей из родительского дома.

### *3.2. Частота встреч и жизненный цикл*

В ходе обследования GGS людям, живущим отдельно, задавали вопрос о том, как часто они видят своих родителей. Мы решили не подсчитывать среднюю частоту встреч в неделю, месяц или год<sup>14</sup>, а посмотреть, какая доля мужчин и женщин видится со своими отцом и /или матерью не реже одного раза в неделю<sup>15</sup> (рис. 8).

Результаты по всем возрастам в целом во Франции показывают мало различий между мужчинами и женщинами. Правда, с матерью дети видятся немного чаще, чем с отцом: 43% мужчин не реже одного раза в неделю встречается с матерью и 40% с отцом; у женщин эти цифры составляют соответственно 45% и 39%.

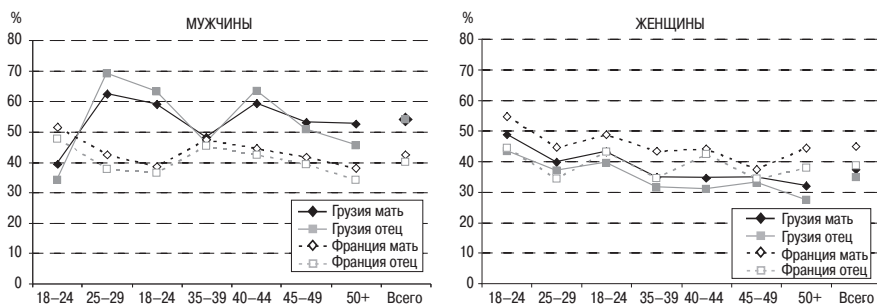
В Грузии респонденты видят обоих родителей с одинаковой частотой. Тем не менее между женщинами и мужчинами существует ряд важных различий. Женщины поддерживают меньше контактов с роди-

---

<sup>14</sup> У респондентов спрашивали: «Как часто Вы видите с Вашей матерью?» и «Как часто Вы видите с Вашим отцом?». В ответе они могли указать частоту встреч в расчете на неделю, месяц или год.

<sup>15</sup> Этот показатель часто используется в работах исследователей (например [Grundy, Shelton, 2001]). В нашем случае он позволяет при сравнении избежать влияния вариации, которая может сильно различаться в двух странах при близких показателях средней частоты.

**Доля респондентов, видящих родителей каждую неделю, в зависимости от пола и возраста**



*Примечание:* респонденты, живущие отдельно от родителей и имеющие по крайней мере одного живого родителя.

*Пример прочтения рисунка:* в Грузии 34,2% мужчин в возрасте 18–24 лет видится с отцом каждую неделю.

телями: раз в неделю видится с матерью 37% из них, а с отцом — 35%. У мужчин эти показатели достигают 54% по встречам как с матерью, так и с отцом. Эти различия объясняются особенностями грузинской культуры и традиций, согласно которым сыновья несут главную ответственность за родителей. Кроме того, выйдя замуж, женщины обычно уходят жить в семью мужа, что означает порой переезд в другой населенный пункт. Таким образом, географическая удаленность не может не сказаться на частоте встреч с родителями.

В то же время *рис. 8* позволяет увидеть важные различия в частоте встреч для мужчин в зависимости от их возраста. Только 34% сыновей 18–24 лет видит свою мать раз в неделю (и 40% отца); затем частота встреч возрастает, достигая, соответственно 62% и 69% у мужчин в возрасте 25–29 лет. В следующий возрастной промежуток частота встреч с родителями уменьшается, чтобы вновь начать расти после 40 лет. Эти колебания хорошо иллюстрируют межпоколенные связи в Грузии на разных этапах жизненного цикла. Юноши покидают родительский дом, отправляясь служить в армию или учиться в другой город или даже другой регион; в этот период у них нет возможности видиться с родителями каждую неделю. Затем они находят работу и селятся неподалеку от родителей (и даже возвращаются в их дом); родители часто приходят в гости и помогают сыновьям, особенно до их женитьбы. После 30–35 лет у большинства мужчин есть жена и работа, и они меньше нуждаются в помощи родителей. Через некоторое время

становятся взрослыми их дети, нуждающиеся, в свою очередь, в помощи (этот возраст часто называют поколением-«сэндвичем»). В этот момент частота встреч с родителями уменьшается, но после 45 лет она опять возрастает, так как престарелые родители все больше нуждаются в помощи. Что касается женщин, то частота их встреч с родителями подвержена гораздо меньшим колебаниям в зависимости от возраста. Тем не менее можно отметить пик контактов в возрасте 30–34 лет; это, вероятно, объясняется тем, что матери помогают дочерям в уходе за маленькими детьми (например, забирают внуков из школы).

Во Франции различия объясняются иначе. Молодежь чаще видит родителей, так как у французов 18–24 лет уход из родительского дома отнюдь не всегда сопровождается независимостью от родителей: последняя приобретается постепенно [Bozon, Villeneuve-Gokalp, 1995; Villeneuve-Gokalp, 1997; Maunaye, 2001], особенно в случае студентов. В этот период помощь со стороны родителей особенно велика [Déchaux, Negrin, 2004]. Частота контактов уменьшается примерно до 30 лет, по мере того, как дети становятся независимыми и начинают жить с партнером. Вариации, наблюдаемые в промежутке между 30 и 45 годами, и, в частности, пики в районе 30 лет у дочерей и 35 лет у сыновей отчасти связаны с рождением детей: оно приводит к мобилизации семейной помощи, в первую очередь со стороны бабушек, которые помогают ухаживать за внуками дошкольного возраста [Régnier-Loilier, 2006; Régnier-Loilier, Vivas, 2009]. Затем различия стираются, и контакты, вызванные потребностью в помощи, становятся более редкими [Delbès, Gaumu, 2003]. Наконец, более частые контакты с родителями по достижении 50 лет (наблюдаемые только у женщин), свидетельствуют о том, что именно дочери являются основным источником помощи для престарелых родителей.

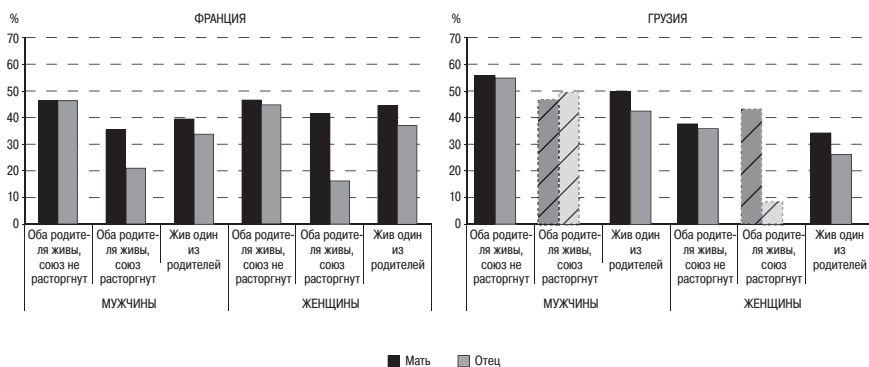
### *3.3. Влияние расторжения родительского союза на отношения с детьми*

Помимо этапов жизненного цикла на частоту встреч с родителями и межпоколенные связи влияют различные события.

Если в целом во Франции не наблюдается сколь-либо существенных различий в частоте встреч с отцом и матерью, ряд специальных исследований выявил воздействие развода (разрыва) родителей на последующие отношения с детьми [Prokofieva, Valetas, 2002; Régnier-Loilier, 2006; Vivas, 2007]. На *рис. 9* представлена доля дочерей и сы-



### Частота встреч в зависимости от брачно-партнерского состояния родителей и пола респондента



*Примечание:* респонденты, живущие отдельно от обоих родителей.

*Пунктиром* обозначены контингенты, насчитывающие менее 40 человек.

*Пример прочтения рисунка:* в Грузии среди мужчин, оба родителя которых живы и не расторгли союз, 57,4% видят не реже одного раза в неделю своих матерей и 56,7% — отцов.

новой, встречающихся с матерью и отцом не реже одного раза в неделю, по трем типам ситуации: родители живут вместе; родители живы, но живут раздельно; в живых находится лишь один из родителей.

Помимо того, что в Грузии больше доля лиц, видящих родителей не реже одного раза в неделю, ситуация первого типа (оба родителя живы и находятся в партнерском союзе друг с другом) не позволяет выявить сколь-либо существенных различий в частоте встреч с матерью и отцом. Во Франции при наличии обоих родителей и сохранении их союза 46% сыновей видит отца и мать каждую неделю; среди женщин раз в неделю встречается с матерью 46%, а с отцом — 45%. В Грузии с такой же частотой видит отца и мать 57% мужчин, в то время как среди женщин с матерью встречается 39%, а с отцом 37%.

В обеих странах смерть одного из родителей (в частности отца) приводит к некоторым изменениям: в этой ситуации возрастает удельный вес мужчин и женщин, регулярно встречающихся с матерью. Речь, однако, идет о незначительных различиях, которые могут быть связаны с возрастом оставшегося в живых родителя. В силу большей продолжительности жизни на момент смерти партнера женщины в среднем оказываются старше, чем мужчины в аналогичной ситуации. При этом, как мы помним, в старости связи с родными становятся более интенсивными.

Наконец, рассмотрим третий тип ситуации: расторжение родительского союза. Во Франции это событие оказывает заметное влияние на частоту встреч с отцом, тогда как в Грузии оно, видимо, приводит к ухудшению отношений отцов с дочерьми, но не с сыновьями. Так, 35% французов и 41% французенок, чьи родители расторгли союз, видят мать каждую неделю и только 21% и 16% соответственно среди них так же часто встречаются с отцом. Иными словами, разрыв союза имеет важные последствия для отношений с тем из родителей, кто перестает жить с детьми. В Грузии это явление наблюдается в случае женщин: после разрыва между родителями часто встречаются с матерью 45% грузинок, а с отцом — только 8%. Зато на отношениях с сыновьями это событие не сказывается: 48% мужчин, чьи родители расторгли союз, каждую неделю видятся с матерью и 52% с отцом. Эти результаты еще раз подтверждают особую роль, которую играют сыновья в семейных взаимоотношениях.

Помимо вопроса о частоте встреч респондентов просили оценить по 11-балльной шкале<sup>16</sup> качество своих отношений с родителями. На *рис. 10* представлены — по тем же типам ситуаций — средние оценки, данные дочерьми и сыновьями.

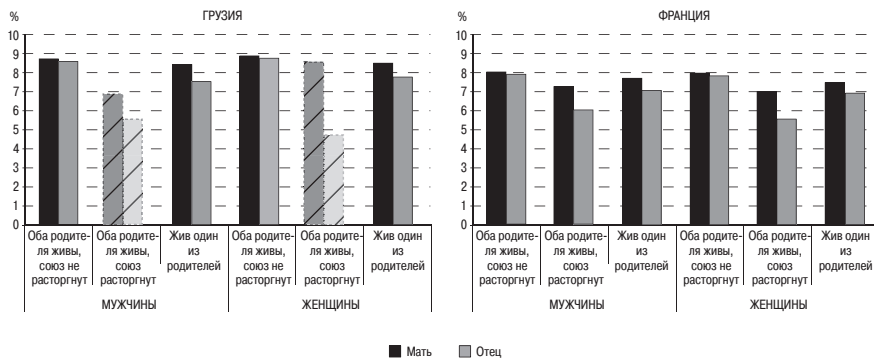
Ограничимся тем, что отметим сходство результатов в том, что касается оценки отношений с родителями. Когда родители живут вместе, мы не наблюдаем сколь-нибудь существенных различий: оценивая свои отношения с родителями, сыновья и дочери ставят в среднем около 9 баллов (из 10 максимально возможных) в Грузии и 8 во Франции<sup>17</sup>. Ситуация вдовства, по-видимому, приводит к некоторому ухудшению отношений с отцом. Наконец, в случае расторжения союза отношения с отцом в среднем оцениваются как гораздо менее удовлетворительные, чем с матерью, в том числе сыновьями в Грузии. Здесь вновь следует прибегнуть к объяснениям, приведенным выше по поводу различной частоты встреч с родителями в зависимости от их брачного состояния.

---

<sup>16</sup> Шкала от 0 до 10, где 0 соответствует ситуации, когда респондент совсем не удовлетворен, а 10 — полностью удовлетворен качеством отношений. — *Прим. ред.*

<sup>17</sup> Трудно напрямую сопоставлять средние показатели по этим двум странам. Грузины чаще, чем французы, очень высоко оценивают свои отношения с родителями. Нельзя, однако, утверждать, что у грузин лучше отношения с родителями, чем у французов, так как эти данные носят чрезвычайно субъективный характер и сильно варьируют в зависимости от стран. Поэтому здесь нашей целью было всего лишь определить влияние распада союза родителей на среднюю оценку удовлетворенности в зависимости от причины этого распада (расторжение союза или смерть одного из супругов).

**Качество отношений с родителями (средняя оценка по 11-балльной системе) в зависимости от брачного состояния родителей и пола респондента**



*Примечание:* респонденты, живущие отдельно от родителей.

*Пунктиром* обозначены контингенты, насчитывающие менее 40 человек.

*Пример прочтения рисунка:* в Грузии мужчины, оба родителя которых живы и не расторгли союз, полностью удовлетворены своими отношениями с матерью (средняя оценка 9 баллов из 10) и с отцом (средняя оценка 8,9 баллов из 10).

Тем не менее важность этих различий относительна в силу по меньшей мере двух причин. Во-первых, в Грузии к последней категории принадлежит лишь крайне ограниченное число респондентов: доля тех, чьи родители расторгли союз, составляет всего 4%, тогда как во Франции она достигает 19% (табл. 1). Таким образом, такая небольшая выборка затрудняет интерпретацию результатов (хотя последние и оказываются значимыми при проверке критерием  $\chi^2$ ). Во-вторых, даже если они и отражают определенные социальные реалии, такая ситуация в Грузии крайне редка. Во Франции, напротив, в силу их большого числа расторжения союзов накладывают сильный отпечаток на семейные отношения значительного числа людей: дети редко видят отцов, а последние, соответственно, мало общаются и со своими

Таблица 1

**Частота расторжений родительского союза**

Родители расстались?	Грузия	Франция
Нет	96,4	81,1
Да	3,6	18,9

*Примечание:* респонденты, оба родителя которых живы.

детьми, и со своими внуками [Régnier-Loilier, Vivas, 2009]. В Грузии, хотя в случае дочерей мы имеем дело со схожими тенденциями, доля лиц, затронутых разводом, существенно меньше.

### *3.4. Подтверждение результатов при прочих равных условиях*

Предпринятый выше анализ позволил выявить ряд факторов, которые, по всей видимости, влияют на частоту контактов между родителями и детьми в условиях их раздельного проживания (пол, возраст, брачное состояние родителей). Тем не менее полученные результаты отчасти могут быть искажены воздействием других факторов, в частности расстояния, отделяющего дом респондента от его родителей. Чтобы определить влияние только распада союза родителей или только возраста, мы прибегли к логистической регрессии. Чтобы подтвердить результаты описательного анализа, мы включили в модель различные переменные: брачное состояние родителей, возраст респондента при уходе из дома родителей и на момент опроса<sup>18</sup>. Кроме того, мы контролировали влияние ряда других переменных: времени, затрачиваемого на поездку к родителям, и количества братьев и сестер. Дело в том, что продолжительность поездки тесно связана с частотой встреч (чем дальше живут родители, тем труднее регулярно видеться с ними), но при этом она, в свою очередь, зависит от брачного состояния родителей. Кроме того, как показали предшествующие работы на примере Франции, дочери, имеющие только братьев, поддерживают более тесные отношения с родителями, а в целом наличие братьев и сестер, а также их (большое) количество приводит к уменьшению частоты встреч [Régnier-Loilier, 2006]<sup>19</sup>. Как в таком случае обстоит дело в Грузии? Для каждой страны мы измерили вероятность встреч респондента с отцом/матерью не реже одного раза в неделю *в сравнении* с меньшей частотой, как для женщин, так и для мужчин (*табл. 2*).

---

<sup>18</sup> Существует риск коллинеарности между возрастом респондента и его возрастом при уходе из родительского дома, поэтому в качестве референтной категории мы брали только «стыкующиеся» («совместимые») группы. Кроме того, чтобы измерить смещение, вызываемое коллинеарностью, были выполнены два типа моделирования: в первом случае брался только возраст респондента, а во втором — только возраст его ухода из родительского дома. Были получены результаты, отличающиеся большой устойчивостью. В статье представлена модель, включающая обе переменные.

<sup>19</sup> Мы не рассматривали социально-профессиональную категорию респондентов, так как эти результаты было бы трудно интерпретировать из-за огромных различий в структуре рынка труда двух стран.

Таблица 2  
**Вероятность (коэфф. В) встреч с родителями каждую неделю в сравнении с более редкими встречами**  
**(логистическая регрессия)**

Характеристика респондента	Грузия						Франция									
	мужчины			женщины			мужчины			женщины						
	отец	мать		отец	мать		отец	мать		отец	мать					
Константа	1,0	*	1,6	***	1,3	***	1,3	***	0,6	**	0,5	**	0,8	***	1,2	***
	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref
Брачно-партерский статус родителей	-0,2	-	-0,6	-	-2,2	***	0,4	-	-1,5	***	-0,6	***	-1,7	***	-0,3	-
	-0,5	-	-0,3	-	-0,2	-	-0,1	-	-0,2	-	0,0	-	-0,5	**	-0,2	-
<15 мин.	2,4	***	1,4	***	0,8	***	0,9	***	1,0	***	1,0	***	1,2	***	1,4	***
	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref
Время, затрачиваемое на поездку к родителям	-0,4	-	-0,8	***	-1,5	***	-1,2	***	-1,0	***	-0,9	***	-1,0	***	-0,9	***
	-1,9	**	-1,9	***	-2,0	***	-1,8	***	-2,0	***	-1,8	***	-1,3	***	-1,4	***
<2 часа	-2,4	***	-2,6	***	-3,0	***	-2,9	***	-1,9	***	-1,9	***	-2,2	***	-2,3	***
	-4,3	***	-4,6	***	-4,6	***	-4,6	***	-4,2	***	-4,3	***	-4,4	***	-4,5	***
2 ч и больше	0,8	**	0,4	-	0,3	-	0,4	***	0,1	-	0,1	-	0,2	-	0,3	**
	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref
Количество братьев (в живых)	0,5	-	-0,2	-	-0,7	***	-0,5	***	-0,4	**	-0,3	**	0,2	-	0,1	-
	0,6	*	0,2	-	0,3	-	0,3	**	0,3	-	0,4	***	0,2	-	0,2	-
Количество сестер (в живых)	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref
	-0,1	-	0,1	-	-0,4	*	-0,3	*	0,2	-	0,2	-	-0,3	*	-0,6	***
Возраст респондента, лет	-0,9	-	0,2	-	0,5	-	0,6	**	1,7	***	1,9	***	1,3	***	1,3	***

Характеристика респондента	Грузия				Франция								
	мужчины		женщины		мужчины		женщины						
	отец	мать	отец	мать	отец	мать	отец	мать					
25-29	0,7	-0,5	0,1	-0,1	0,5	*	0,4	*	-0,1	-	-0,1	-	
30-34	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	
35-39	-0,5	-0,2	-0,1	-0,1	0,1	-	0,1	-	-0,3	-	-0,2	-	
40-44	0,5	0,4	0,0	-0,1	-0,2	-	-0,2	-	-0,2	-	-0,3	*	
45-49	-0,3	-0,1	0,2	0,0	0,0	-	0,1	-	-0,4	-	-0,5	**	
50+	-0,4	-0,2	-0,2	-0,3	-0,2	-	-0,1	-	0,0	-	0,0	-	-0,1
моложе 18	0,6	0,3	-0,1	-0,1	-0,3	-	-0,1	-	-0,4	*	-0,6	***	
18-19	0,3	0,1	0,3	0,0	-0,3	-	-0,2	-	0,2	-	-0,1	-	
20-24	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	0,0	ref	
25-29	-0,1	-0,1	0,1	-	0,2	-	0,2	-	1,0	***	0,5	**	
30-34	0,4	0,3	0,4	-	2,1	***	1,5	***	1,5	**	0,6	-	
35+	1,5	**	0,3	-	2,5	**	1,4	*	1,0	-	0,2	-	
>=1 р./нед.	323	54,2	488	54,2	702	40,5	1033	43,0	962	40,8	1532	46,8	
<1 р./нед.	273	45,8	412	45,8	1033	59,5	1370	57,0	1395	59,2	1745	53,2	

Примечание: респонденты, живущие отдельно от родителей.

Уровень значимости коэффициентов: \* = при 10%, \*\* = при 5%, \*\*\* = при 1%; - = незначим; ref: референтная группа.

Жирным шрифтом обозначен значимый фактор, способствующий вероятности встреч с родителями не реже одного раза в неделю.

Пример прочтения таблицы: положительный (или отрицательный) статистически значимый коэффициент означает, что данный фактор увеличивает (или, соответственно, уменьшает) вероятность встреч с родителями не реже одного раза в неделю. Чем дальше значение этого параметра от 0, тем сильнее эффект данного фактора.

Как и следовало ожидать, расстояние является фактором, определяющим частоту встреч. Тем не менее другие характеристики также значимы для частоты встреч.

Прежде всего отметим, что брачное состояние родителей выступает важнейшим элементом как в Грузии, так и во Франции и описанные выше тенденции остаются в силе. В Грузии расторжение родительского союза существенно снижает вероятность еженедельных встреч дочерей с отцом (но не с матерью). У мужчин это событие не сказывается на частоте контактов. При наличии только одного живого родителя значимых различий не наблюдается. Во Франции разрыв между родителями влияет на отношения сыновей и с матерью, и с отцом, а дочерей — только с отцом.

Количество братьев и сестер также играет немалую роль. В Грузии вероятность еженедельных встреч с отцом выше у мужчин, не имеющих братьев и сестер. У женщин наличие по меньшей мере двух братьев и /или двух сестер приводит к уменьшению частоты контактов и с отцом, и с матерью. Схожий эффект наблюдается во Франции. Это не значит, что при наличии нескольких братьев и /или сестер отношения с родителями становятся менее тесными; скорее, они являются менее эксклюзивными, так как родители делят свое время между всеми детьми. Дети в таком случае по очереди видятся с родителями [Marpsat, 1991].

При прочих равных условиях в Грузии эффект возраста отсутствует. Мы не наблюдаем значимых эффектов ни для женщин, ни для мужчин. Это подтверждает выдвинутую выше гипотезу о том, что в юности и молодости грузинские мужчины реже видятся с родителями из-за того, что уезжают служить в армию или учиться, причем нередко далеко от родителей. Во Франции эффект молодого возраста также дает о себе знать: помощь, которую родители оказывают своим еще не обретшим финансовую независимость детям, находит отражение в более высокой частоте встреч. Наконец, во Франции заметно влияние возраста при первом уходе из родительского дома: чем раньше дети покидают родителей, тем меньше вероятность того, что их встречи будут регулярными, и наоборот. В Грузии этот фактор не влияет на частоту встреч.

### *3.5. Социальные контакты*

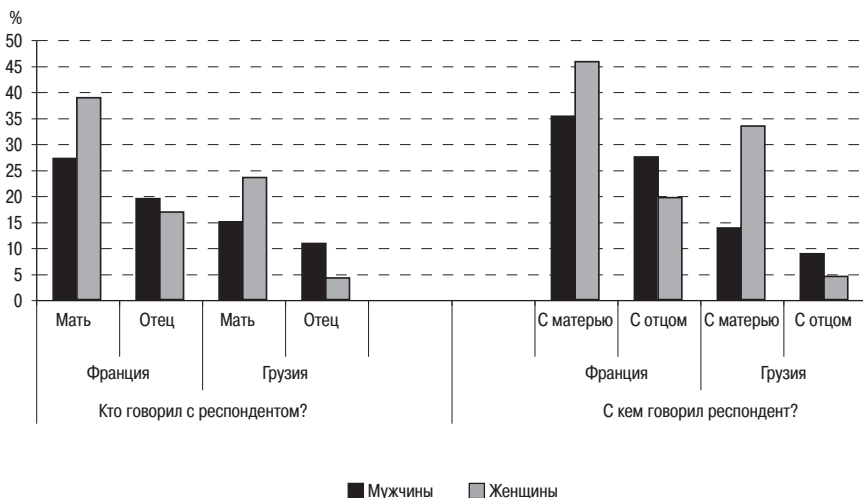
Помимо частоты встреч для анализа отношений с родителями можно использовать понятие «социальных контактов»: кому мы поверяем свои тайны? кто рассказывает нам о своих проблемах и радостях? В програм-

ме обследования имеется два вопроса, направленных на выявление доверительных отношений между индивидами: «В течение последних 12 месяцев Вы делились с кем-нибудь своими переживаниями и чувствами? Если да, то с кем?» и «В течение последних 12 месяцев кто-нибудь делился с Вами своими переживаниями и чувствами? Кто это был?». У респондентов была возможность выбрать до пяти человек среди следующих: партнер, мать, отец, теща/свекровь, тесть/свекр, дочь, сын, невестка, зять, бабушка, дедушка, сестры, братья, друзья, другие люди. Здесь мы сосредоточим внимание на респондентах, назвавших своего отца или мать.

Прежде всего отметим, что 62% французов утверждает, что они говорили с кем-то о своей личной жизни, причем женщины чаще, чем мужчины (70% и 53%), а 70% выслушивали кого-то (77% женщин и 63% мужчин). В Грузии наблюдается та же тенденция и достаточно близкие соотношения (73% рассказывали кому-то о своей жизни и 72% слушали); здесь их доля также выше среди женщин.

Рисунок 11

**Доля респондентов, обсуждавших (рассказывавших/слушавших) вопросы личного характера с матерью/отцом в течение последних 12 месяцев, в зависимости от пола**



*Примечание:* респонденты, в течение последних 12 месяцев делившиеся чувствами и переживаниями по меньшей мере с одним человеком.

*Пример прочтения рисунка:* во Франции 27% мужчин и 39% женщин разговаривали о своей личной жизни (делились чувствами, переживаниями) с матерью в течение последних 12 месяцев.



Французы, однако, чаще, чем грузины, поверяют свои тайны (или выслушивают их) близким родственникам (*рис. 11*). Так, француженки чаще делятся своими чувствами и переживаниями с матерями (39%) и отцами (17%), чем грузинки (соответственно 23% и 4%). Та же тенденция наблюдается и в обратном направлении: грузинские дети реже выслушивают кого-то из родителей, чем французские. Для объяснения этих различий, можно выдвинуть две гипотезы. Прежде всего в Грузии дети чаще живут с родителями: таким образом, они лучше знают личную жизнь друг друга, и часто у них складывается впечатление, что они никак специально не обсуждают эти вопросы друг с другом. Кроме того, здесь широко распространены тесные отношения с лицами, не являющимися членами семьи (соседями, друзьями): благодаря возможности обсуждать с ними свои проблемы, грузины в меньшей степени обращаются к родителям.

В целом, здесь можно отметить гендерные различия. Дети обсуждают свою жизнь скорее с матерью, чем с отцом, особенно дочери (на протяжении последних 12 месяцев 39% француженок и 27% французов говорили о своей личной жизни с матерью, и только 17% и соответственно 19% с отцом). Та же тенденция наблюдается и в обратном направлении: женщины чаще, чем мужчины, выслушивают своих родителей, причем скорее матерей, чем отцов.

## **Общая панорама**

Одной из целей обследования *GGS* было выявить — путем включения вопросов о взглядах на семью и гендерные отношения — национальные особенности демографического поведения с учетом культурного контекста и ценностей. С этой точки зрения предпринятое здесь сравнение Грузии и Франции представляет особый интерес, так как оно позволяет увидеть связи между ценностями, нормами и поведением индивида внутри семьи.

Сравнение межпоколенных взаимоотношений во Франции и Грузии указывает на существование в корне отличающихся друг от друга семейных моделей. В то время как во Франции совместное проживание с родителями дочерей и сыновей стало чрезвычайно редким явлением, особенно после 30-летнего возраста, в Грузии это нормальная ситуация, прежде всего в случае мужчин. Совместное проживание в рамках расширенной семьи по-прежнему является нормой, и сыновья,

как и раньше, остаются жить с родителями после женитьбы, в то время как девушки чаще всего переселяются в семью мужа. Такие определяемые полом различия в поведении переключаются с традиционно ожидаемой от сыновей особой преданностью в отношении родителей. Разумеется, опираясь на условные поколения<sup>20</sup>, трудно оценить возможную эволюцию во времени, тем не менее представляется, что эта семейная норма и сегодня продолжает господствовать в грузинском обществе: большинство грузин согласно с идеей, что дети должны материально помогать родителям и жить с ними, если те больше не могут самостоятельно ухаживать за собой<sup>21</sup>, или соответствующим образом адаптировать свой образ жизни.

В этой системе, пронизанной гендерными различиями, логика выделения из родительской семьи также зависит от пола. У женщин возраст при первом уходе из дома родителей обычно связан с возрастом при создании союза, тогда как у мужчин до недавнего времени эти два события не зависели друг от друга: отправляясь служить, юноши покидали родительский дом, чтобы потом вернуться туда<sup>22</sup>.

Эти особенности процессов выделения из родительской семьи и создания партнерского союза в конечном счете свидетельствуют о различии в отношениях между детьми и родителями в двух странах. В Грузии сыновья чаще, чем дочери, встречаются с родителями, в отличие от Франции, где женщины и мужчины видят обоих родителей с почти одинаковой частотой. Если во Франции развод родителей приводит к существенному ухудшению взаимоотношений между детьми и отцом, то в Грузии можно было бы ожидать иной ситуации. Поскольку здесь традиционно контакты с отцом более частые, дети, казалось бы, могут продолжать видеться с ним и после развода. Имеющиеся у нас данные не подтверждают этой гипотезы, но, учитывая крайне ограниченное их количество, точный ответ дать невозможно. В силу редкости разводов в Грузии углубленное изучение факторов, влияющих на ча-

---

<sup>20</sup> Самые молодые респонденты, жившие с родителями в момент обследования, пропорционально, возможно, менее многочисленны, чем в прошлом, но у нас нет возможности выяснить это, так как по Грузии нет данных по предыдущим годам (программа GGS стала первым обследованием такого масштаба, осуществленным в этой стране).

<sup>21</sup> В Грузии существует лишь 2 государственных дома для престарелых на 287 мест (см. статью *С. Лефевр и др.* в этом сборнике).

<sup>22</sup> Отмена закона о воинской службе в 1990 г. привела, однако, к очень быстрому увеличению возраста мужчин при первом уходе из дома родителей (медианный возраст повысился с 18 до 24 лет в когортах от 1970 до 1975 гг.); сегодня он приближается к возрасту создания союза.

стоту встреч с родителями, представляет в данном случае значительные трудности<sup>23</sup>.

Межпоколенные отношения, о которых шла речь в нашей работе, свидетельствуют, как и следовало ожидать, о существовании в Грузии и Франции совершенно различных моделей семейной и социальной организации. Исследования межпоколенных отношений позволяет заложить основу для изучения демографического поведения индивидов: формирование семьи, создание союза, выделение из родительской семьи, появление ребенка, выход на пенсию — все эти события не могут быть поняты без учета межпоколенных связей.

## Литература

1. *Attias-Donfut C.* (dir.). Les solidarités entre générations, Vieillesse, famille, Etat, Nathan. — Paris, 1995.
2. *Badurashvili I., Kapanadze E., Tsiklauri S. et al.* Gender Relation in Modern Georgian Society. — Tbilisi: UNFPA-GCPR, 2008. — 86 p.
3. *Beck U.* Eigenes Leben-Skizzen zu einer biographischen Gesellschaftsanalyse In eigenes Leben-Ausfüge in die unbekannte Gesellschaft // *Der wir leben*, U. Beck, W. Vossenkuhl, U. E. Ziegler. — Munich: C. H. Beck Verlagsbuchhandlung, 1995. С. 9–15.
4. *Bonvalet C., Lelièvre É.* Les relations parents-enfants après décohabitation. Note rapide Population-modes de vie // IAURIF. 2006. n°376/G. Juillet.
5. *Borrel C., Durr J.-M.* Enquêtes annuelles de recensement: premiers résultats de la collecte de 2004 // Insee Première. n°1001. Insee. 4 p.
6. *Bozon M., Villeneuve-Gokalp C.* L'art et la manière de quitter ses parents // *Population & Sociétés*. 1995. n°297. Ined. 4 p.
7. *Courgeau D.* Le départ de chez les parents: une analyse démographique sur le long terme // *Économie et statistique*. 2000. n°337–338. Insee. P. 37–60.
8. *de Singly F.* *Libres ensemble. L'individualisme dans la vie commune.* — Nathan, col Essais et Recherches, 2000. — 253 p.
9. *Déchaux J.-H.* *Sociologie de la famille, Coll. Repères.* — Paris: La Découverte, 2007. — 122 p.
10. *Déchaux J.-H., Herpin N.* Entraide familiale, indépendance économique et sociabilité // *Économie et statistique*. 2004. n°373. P. 3–32.
11. *Delbès C., Gaymu J.* La retraite quinze ans après // *Les cahiers de l'Ined*. 2003. n°154. Ined-Puf. — 223 p.
12. *Grundy E., Shelton N.* Contact between adult children and their parents in Great Britain 1986–99 // *Environment and Planning*. 2001. Vol. 33. №4. P. 685–697.

---

<sup>23</sup> См. в данном сборнике статью *А. Ренье-Луалье и др.*, посвященную сравнительному исследованию этих вопросов в Литве, России и Франции.

13. Insee. 2006. Bilan démographique 2006: [http://www.insee.fr/fr/ffc/pop\\_age4.htm#contenu](http://www.insee.fr/fr/ffc/pop_age4.htm#contenu).
14. *Jong Gierveld J., van Tilburg T. G.* Living arrangements of older adults in Netherlands and Italy: coresidence values and behaviour and their consequences for loneliness // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 1999. Vol. 14. P. 1–24.
15. *Jylhä M., Jokela J.* Individual experiences as cultural: a cross cultural study on loneliness among the elderly // *Aging and Society*. 1990. Vol. 10. P. 295–315.
16. *Kaufmann J.-C.* La femme seule et le prince charmant. — Paris, Nathan: Pocket, 1999. — 281 p.
17. *Maunay E.* Quitter ses parents. Trouver la bonne distance // *Terrain*. 2001. n°36.
18. *Prokofieva L., Valetas M.-F.* Les pères et leurs enfants après un divorce en Russie // *Actes du 11<sup>e</sup> colloque de l'Aidelf*. Dakar. 2002. T. 1. P. 248–261.
19. *Régnier-Loilier A.* À quelle fréquence voit-on ses parents? // *Population & Sociétés*. Ined. 2006. n°427. Octobre.
20. *Régnier-Loilier A., Vivas É.* Les déterminants de la fréquence des rencontres entre parents et enfants // *A. Régnier-Loilier (eds.) Photos de familles, Coll. Grandes enquêtes*. Ined (publication prévue en 2009).
21. *Shoeni R. F.* Reassessing the decline in parent-child old-age coresidence during the twentieth century // *Demography*. 1998. Vol. 35. P. 307–313.
22. *Tsuladze G., Maglaperidze N., Vadachkoria A.* Demographic Yearbook of Georgia. 2005. — United Nation Population Fund and Institute of demography and Sociology, 2006.
23. *Villeneuve-Gokalp C.* Le départ de chez les parents: définitions d'un processus complexe // *Economie et Statistique*. 1997. n°304–305. P. 149–162.
24. *Villeneuve-Gokalp C.* Les jeunes partent toujours au même âge de chez leurs parents // *Economie et Statistique*. 2000. n°337–338. P. 61–80.
25. *Vivas É.* La séparation des parents ou le décès de la mère distend les relations avec le père // *Insee Première*. 2007. n°1157. Insee. 4 p.

А. Блюм,  
П. Себий,  
С. Захаров

## Взросление во Франции и России: различия в перспективе поколений<sup>1</sup>

*Хотя политическая, экономическая и социальная системы России и Франции значительно различаются, обе эти страны начиная с середины XX в. проводили демографическую и семейную политику, основанную на мерах, стимулирующих рождаемость. Брачные и семейные траектории населения этих двух стран имеют схожие черты: и там и там заключение брака не является более единственной формой вступления в союз, в обеих странах повышается возраст рождения первого ребенка. Тем не менее очевидные сходства скрывают некоторые глубокие различия. Изучение календаря наступления первых событий взрослой жизни (завершение обучения, уход из родительского дома, первая работа, первое вступление в супружеский союз и рождение ребенка) и условий, в которых они происходят, показывает эволюцию процесса взросления во Франции и России. Проведенное исследование выявило сложность и в равной степени разнообразие изменений в жизни поколений, родившихся начиная с середины 1930-х гг.*

### Введение

Интересоваться эволюцией процесса взросления в России и во Франции, проводя сравнительный анализ — значит пытаться описать изменения, коснувшиеся основных демографических событий первых лет биографий мужчин и женщин в этих странах. Существует множество

---

<sup>1</sup> Печатается по изданию: Blum A., Sebille P., Zakharov S. Une transition vers l'âge adulte divergente en France et en Russie: une perspective génétationnelle // Revue d'études comparatives Est-Ouest — RECEO. 2009. Vol. 40. № 3–4. Septembre–Décembre. P. 133–161. Перевод С. В. Захарова и Е. В. Чуриловой.

социологических и демографических работ, направленных на изучение этапов социализации детей, а также рассматривающих последствия изменения календаря первых событий в истории жизни, например, удлинения периода обучения. Понятие «перехода» ко взрослому состоянию уже хорошо изучено [Bigot, 2007; Bourdieu, 1980; Eisenstadt, 1963; Galland, 2001; Toulemon, 1994]. Как правило, авторы представляют его как последовательность преодолеваемых этапов, среди которых главным образом выделяют завершение образования, уход из родительского дома, начало первой работы, вступление в первый брачно-партнерский союз и рождение первого ребенка [Singly, 2000; Galland, 2001; Villeneuve-Gokalp, 2001; Prioux, 2003; Rougerie, Courtois, 1997]. Целью нашей работы является не обсуждение понятия взросления и необходимости прохождения всей совокупности этапов для достижения статуса взрослого человека, а демонстрация того, как ключевые демографические события вписываются в историю поколений, которые их пережили. Речь идет также о лучшем понимании взаимосвязи между этими событиями и социальными, экономическими и политическими условиями жизни изучаемых поколений.

И во Франции, и в России в разные моменты их истории принимались меры демографической и семейной политики, оказывавшие кратко- или среднесрочное влияние на демографическое развитие. Между тем наметилась тенденция диверсификации моделей супружества и семейной жизни. В обеих странах бракосочетание перестало быть единственно возможной формой вступления в союз, и там и там откладывается рождение первых детей. Прекращение союза сопровождается созданием повторных союзов, что приводит к становлению новых форм семейной организации. Наконец, у наиболее молодых поколений формирование семейных пар и рождение детей все чаще происходит вне официального брака и все больше зависит от индивидуального стремления к стабильной и длительной экономической активности [Blum, Goussef, 2003].

Все эти демографические изменения свидетельствуют о наличии общих черт социально-демографической динамики, приносящей инновации. В то же время общность тенденций маскирует другую реальность, сложность которой мы надеемся воссоздать, предлагая анализ этих явлений у поколений последних 50 лет в России и во Франции. Мы рассмотрим каждое из событий, определяющих взросление, с целью выявить характеристики демографического поведения большинства, которые в итоге служат «моделями» перехода.

Рассматриваемое здесь лонгитюдное исследование включает поколения мужчин и женщин, родившихся между 1935 и 1974<sup>2</sup> гг., которые были опрошены по унифицированному вопроснику в России и во Франции в рамках сравнительного международного исследования по программе «Поколения и гендер» (*Generations and Gender Survey — GGS*). Учет исторического контекста позволяет не только идентифицировать изменения, которые могли произойти во время реализации этапов процесса взросления, но и установить отношения между, с одной стороны, моделями взросления и формирования семьи и, с другой — социальными, экономическими и политическими условиями, в которых проходило детство и юность рассматриваемых поколений. Экономическая, социальная и семейная политики, поощряющие рождение детей и предполагающие их социальную поддержку, меры, создающие благоприятные условия для получения жилья или работы, так же как и меры, направленные на сочетание профессиональной и семейной жизни, законодательство об абортах и контрацепции — все это может создать благоприятные условия для создания семьи, экономической и жилищной независимости молодежи. Аналогично политические и культурные изменения, важность которых не игнорируется ни для Франции, ни для России, могут лежать в основе новых социальных и демографических практик. Наконец, определенные экономические, политические и социальные потрясения — краткие, но сильные (например, война в Афганистане или социально-экономический и политический кризис конца 1980-х гг. в России, получение доступа к контрацепции во второй половине 1960-х и студенческие волнения 1968 г. во Франции) в силу своей масштабности не могли не повлиять на поколения, которые их пережили.

Мы изложим эволюцию совокупности событий, сопутствующих переходу к взрослой жизни у россиян и французов, а также обрисует социально-экономический контекст наступления этих событий для исследуемых поколений. Затем рассмотрим последствия изменений в календаре этих событий, делая акцент на их последовательности. В за-

---

<sup>2</sup> Для проведения нашего исследования в рамках вопросника GGS в России и Франции мы отобрали респондентов из поколений 1935–1974 гг. в возрасте от 31 до 70 лет на момент опроса. Чтобы избежать ошибок, связанных с указанием дат и последовательности событий жизни, мы не включали респондентов, рожденных до 1935 г. Так же поколения, рожденные после 1974 г., на момент опроса были слишком молодыми, чтобы пережить всю совокупность первых демографических событий.

ключение мы обобщим различные модели и подведем итог, обсудив вопрос о вероятной конвергенции поведенческих практик у россиян и французов.

## **1. Создание семьи: история поколений**

Даты и возраста, на которые приходится четыре из пяти вышеупомянутых событий взросления, отображаются и в российском, и во французском вопросниках. Однако в российском варианте первой волны (2004 г.) нет вопроса о первой работе, поэтому эти сведения отсутствуют и в нашем сравнительном анализе<sup>3</sup>. Для других событий имеется полная информация и определения, дающие возможность для сравнений. Подчеркнем, что в проекте GGS этот аспект программы обследований являет собой предмет большого интереса [Sebille, Renier-Loilier, 2007]. Хотя вопросы были адаптированы с учетом национальной специфики стран, соответствие исходному вопроснику позволяет полностью сравнивать изучаемые события. Под завершением образования подразумевается выход из школьной или университетской системы образования. В анкете GGS не спрашивались подробности о длительности перерывов в обучении. Было только уточнено, что окончание обучения относится к наивысшей ступени достигнутого уровня образования, что исключает дополнительные формы образования или последующее образование, если оно не меняет единожды достигнутый уровень школьного или университетского образования<sup>4</sup>. Окончание совместного проживания с родителями или уход из родительского дома определяется по дате начала первого периода проживания отдельно от родителей, длительность которого должна быть равной трем или более месяцам. В случае, если родители жили отдельно друг от друга, были разведены или один из них умер, уход из родительского дома

---

<sup>3</sup> Во второй волне исследования по программе GGS в вопросник был включен блок вопросов о профессиональной деятельности. В России в рамках промежуточного исследования на той же панели (исследование «Образование и занятость», 2005 г.), так же как и во Франции в рамках второй волны (2008 г.), была собрана информация о профессиональных траекториях в целом и о первой занятости в частности. В то же время эти данные на момент написания статьи были недоступны для международного использования, и поэтому не могли быть использованы в сравнительном анализе.

<sup>4</sup> Во французском вопроснике респонденты должны были точно указать длительность своего обучения, ответив на вопрос: «Когда начался и закончился период вашего обучения? (Укажите месяц и год)». К сожалению, в российском вопроснике респонденту задавался только вопрос о месяце и годе окончания учебного заведения самого высокого для него уровня.



определялся первым периодом, в течение которого респондент не жил ни с одним из своих родителей<sup>5</sup>. Под первым брачно-партнерским союзом понимается период сожительства под одной крышей с первым партнером в течение трех или более месяцев. Первые серьезные любовные отношения без совместного проживания не включались в понятие первого союза, но они представляют собой малую часть союзов, особенно у более старших поколений. Наконец, рождение первого ребенка — это появление у респондента первого биологического ребенка<sup>6</sup>.

Поколения, родившиеся до или в течение Второй мировой войны, во многом схожи в обеих странах. Два года отделяют медианный<sup>7</sup> возраст вступления в первый брак для мужчин и женщин, рожденных в обеих странах в 1935 г.; вступление в первый супружеский союз и рождение первого ребенка происходит практически в одном и том же возрасте: медианный возраст мужчин для этих событий — 24 (вступление в первый союз) и 26–27 лет (рождение первенца), в то время

---

<sup>5</sup> Однако ничто не указывает на особенности раздельного проживания в случае наличия нескольких мест жительства, наблюдавшегося у некоторых молодых людей, обычно родительского дома и индивидуального жилища. Во французском вопроснике вопрос звучал следующим образом: «В каком возрасте Вы впервые в жизни проживали отдельно от Ваших родителей в течение более трех месяцев? (Укажите возраст)». В российском варианте спрашивался месяц и год, когда респондент впервые начал жить отдельно от родителей по меньшей мере три месяца подряд.

<sup>6</sup> Вступление в первый союз отражалось в следующих вопросах: «Мы понимаем под «жизнью в паре» факт проживания под одной крышей с партнером/супругом в течение минимум трех месяцев». Если индивид жил на момент опроса со своим первым партнером/супругом, то ему задавался вопрос: «Когда Вы начали жить вместе? (Укажите месяц и год)». Если индивид уже жил с кем-либо до момента опроса, его просили ответить на следующие вопросы: «(Не считая Вашего нынешнего партнера/супруга) Проживали ли Вы в течение последних трех лет вместе с каким-либо партнером? Можете ли Вы мне назвать имя Вашего партнера? Когда он начал жить совместно с Вами? (Укажите месяц и год)». В российском вопроснике вопрос сформулирован следующим образом: «(Не считая Вашего нынешнего партнера/супруга) Вы когда-нибудь состояли в браке или жили с кем-либо вместе, как семейная пара не менее трех месяцев, не регистрируя брак?». Наконец, что касается рождения первого ребенка, вопросник позволял определить первого биологического ребенка респондента, а те дети, которые были усыновлены или опекались им, не принимались в расчет. Ребенок может быть умершим, рожденным в предыдущем союзе, проживающим или не проживающим с респондентом на момент проведения опроса. Дата рождения ребенка позволяла определить время этого события в календаре истории жизни респондента.

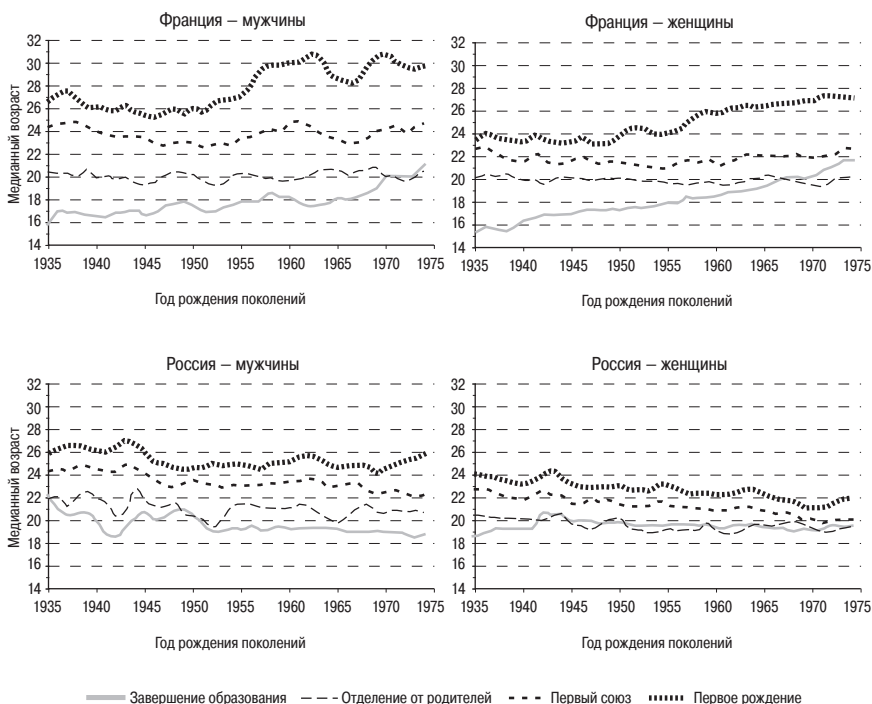
<sup>7</sup> Для удобства мы рассматриваем медианный возраст, т. е. возраст к которому 50% населения уже пережили данное событие. Некоторые индивиды могли еще не пережить это событие на момент проведения опроса, но способны пережить его в будущем. Использование данного определения позволяет, исходя из классической схемы дескриптивного биографического анализа [Courgeau, Lelievre, 1989; Vocquier, 1996], предположить в жизненном календаре молодых поколений время наступления изучаемых событий.

как у женщин, эти события происходили немного раньше — в 22–23 и 23–24 года. Существуют также общие для двух стран межпоколенные различия в медианном возрасте вступления в первый брак и рождения первого ребенка. В поколениях, рожденных около 1940-го г. в России и в 1940–1945 гг. во Франции, возраст первого вступления в союз и рождения первого ребенка снизился.

Взросление последующих поколений проходило несколько иначе (рис. 1). В обеих странах снижение медианного возраста вступления в первый союз и рождения первого ребенка было значительным, причем в России эта тенденция омоложения первой семьи сохранялась еще долгое время. Этапы взросления проходили в более раннем возрасте и в течение короткого интервала времени, и до недавнего вре-

Рисунок 1

**Медианный возраст событий, связанных с переходом к взрослому состоянию в России и во Франции**



Источник: здесь и далее для всех рисунков и таблиц, если не указано иное, RusGGS (2004) и FraGGS (2005).

Примечание: реальные поколения мужчин и женщин 1935–1974 гг. рождения.

мени рассматриваемые события оставались тесно связанными друг с другом. Однако во Франции у поколений мужчин, рожденных в середине 1940-х гг., и у женщин, рожденных после 1945 г., этапы взросления начали отодвигаться на более позднее время. С откладыванием рождения первого ребенка французские поколения стали разъединять этапы взросления, которые происходят во все более длительных временных интервалах. Обратившись к историческим условиям жизни поколений в России и во Франции, мы сможем лучше понять причины этих различий.

### *1.1. Культурная и контрацептивная революции: «переходные» поколения*

Во Франции поколения 1940–1945 гг. рождения провели свое младенчество во время войны, но в менее трагических условиях, нежели жители Восточной Европы или России. В дальнейшем они оказались в весьма благоприятной экономической и социальной ситуации, называемой «славным тридцатилетием». Рожденные в консервативном обществе, они первыми подвергли сомнению ценности 1950–1960-х гг. и, будучи более квалифицированными, чем старшие поколения, продемонстрировали молниеносное социальное восхождение.

В России поколения военных лет — самые малочисленные в XX в. Как и во Франции, они продукт консервативной, но несравненно более жесткой социализирующей системы — сталинизма. К тому же война, послевоенная разруха и репрессии исковеркали их детство. Многие дети остались сиротами, страдали от голода и насилия, когда они жили на оккупированных территориях или под бомбежками за линией фронта. Такие условия жизни нанесли психологическую травму (комплекс безотцовщины, см.: [Снегирева, Подчиненов, 2004] и подорвали здоровье. Многие дети рано умерли или были разлучены с родителями с самых малых лет. Не стоит забывать и характерную для данных поколений повышенную, во многом вынужденную географическую мобильность (эвакуации). Процент детей, воспитывавшихся, хотя бы временно, в интернатах, у родственников без одного или обоих родителей, был очень высок. Эти поколения отличаются повышенной смертностью [Вишневский, 2006, с. 289–293; Захаров, 1999; Adamets, Blum, Zakharov, 1994].

Вместе с тем малочисленные поколения 1940-х гг. воспользовались условиями низкой конкуренции при получении образования и карьерном росте. В этих поколениях едва ли не самый высокий в россий-

ской истории процент лиц, получивших высшее образование, — уровень, который смогут преодолеть только поколения второй половины 1970-х гг. Доступность образования уровней выше базового среднего (более 7–8 классов школы) была резко повышена отменой в 1955 г. платы за обучение в старших классах (8–10 классы), а также в учебных заведениях среднего специального (техникумы, педагогические и медицинские училища с 3–4-летним обучением) и высшего профессионального образования. Неслучайно почти 100% выпускников 10-х и 11-х классов в этих поколениях продолжили свое обучение. Процент городских жителей среди них по сравнению с предшественниками и следующими поколениями также оказался выше.

Кроме того, уменьшение на год длительности обязательной воинской службы вкупе с общим сокращением численности армии позволило мужчинам, особенно рожденным во второй половине 1940-х гг., завершить свое обучение раньше и получить специализированное, в первую очередь гражданское, инженерное образование.

Наконец, это первые поколения, которые достигли взрослых возрастов в условиях постсталинской России — во время хрущевской оттепели. Они вышли из системы образования, начали свою профессиональную деятельность и создавали семьи в менее жестких политических условиях. Аборты и разводы были снова разрешены. Мобильность из деревень в города снова стала возможной в некоторых случаях, в частности, в случае продолжения обучения. Репрессии, практиковавшиеся Сталиным за спонтанный отъезд в города, значительно сократились, а в 1970-х гг. сельские жители уже пользовались полной свободой передвижения [Попов, 1996]. Географическая мобильность стимулировалась также специальной политикой. Молодежь активно участвовала в кампаниях, организованных Хрущевым в поддержку освоения целины на Южном Урале и в Северном Казахстане. Эти кампании по примеру сталинских оргнаборов и распределений стали объектом интенсивной пропаганды, но уже не носили характер насильственной колонизации на ГУЛАГовский манер.

В то же время поколения, рожденные в 1940-х гг., пережили два периода социализации: начальный — в рядах строгой сталинской школы, последующий — в условиях «развенчания культа личности»<sup>8</sup>. Резкая

---

<sup>8</sup> Предполагается, что возрастной период формирования «характера» поколения закладывается в 16–17 и завершается к 25 годам [Mannheim, 1992; Schuman, Scott, 1989; Schuman, Corning, 2000].

трансформация «идеологической матрицы» во время их молодости имела разрушающие последствия с точки зрения авторитетов: из этих поколений вышли наиболее известные первые интеллектуальные противники социального и политического режима в СССР [Vorontov, 1993; Воронков, 2005]. Экономические трудности, с которыми они столкнулись в детстве, в сочетании с достаточно высоким уровнем образования, несомненно, внесли свою лепту в появление протестного «проекта шестидесятников».

Во Франции, как и в России, поколения, рожденные в 1945–1955 гг., явились переходными, с точки зрения эволюции демографического поведения, но пути, по которым развивается эволюция, различны. Эти поколения, называемые во Франции «поколением мая 1968 г.», которые Бернар Прэль [Préel, 2000] относит к числу «измененных поколений/поколений-мутантов» (*générations mutantes*), находились в центре трансформации французской модели семьи и становления «современной» модели взросления. Одно из значительных изменений коснулось участия женщин в экономической и социальной сферах. В противоположность предыдущим поколениям они массово интегрировались в рынок труда и в большинстве своем занимали рабочие места в третьем секторе на условии полной занятости. Их экономическая и жилищная автономия стала более ранней, социальный статус улучшился — они выиграли от восхождения по социальной лестнице, к которой их предшественницы не имели доступа. В конечном счете отличия от женщин предыдущих поколений, в большей степени подчиненных социальному и семейному контролю, кажутся радикальными.

Культурные и социальные изменения, в которых участвовали французские поколения послевоенного «бэби-бума», и демографические изменения, которые они привели в действие, происходили в благоприятных экономических, политических и социальных условиях. Продолжавшийся вплоть до начала 1970-х гг. сильный подъем французской экономики открыл для мужчин и женщин, в отличие от их предшественников, возможность более квалифицированной и лучше оплачиваемой занятости. Экономические и социальные изменения сочетались с многочисленными политическими и правовыми изменениями, которые сделали более доступным образование, облегчили процесс создания семьи, в частности, для женщин [Giubert-Lantoine, Leridon, 1998]. Закон Нойвирта (Neuwirth) в 1967 г. разрешил использование современных средств контрацепции, а закон Вайля (Veil) 1975 г. легализовал добровольное прерывание беременности.

Эта благоприятная конъюнктура повлияла на демографическое поведение. Переходное поколение значительно запаздывало с реализацией календаря рождений, выдвигая на первый план вступление в партнерский, неформальный союз. Либерализация нравов усилила желание автономии, ведущее к ранним союзам и адаптации новых форм семейной организации. Быстрый выход из родительского дома предшествовал вступлению во взрослую жизнь, и брак перестал быть единственно возможной формой совместной жизни. Также распространение средств контрацепции после 1967 г. позволило разобщить во времени уход из родительского дома, вступление в брачный союз и рождение первого ребенка. Все эти события происходили все в более и более поздних возрастах и все меньше ассоциировались с совместной супружеской жизнью (*рис. 1*). Наконец, данные поколения, вероятно, продолжали свое образование без задержки даже в том случае, если они вступали с кем-то в более или менее серьезные партнерские отношения [Sebillе, 2009].

Тесная связь между уходом из родительского дома и вступлением в партнерский союз, с одной стороны, и появление новых установок по отношению к семье, с другой, показывают, в какой степени можно определять поколения послевоенных лет как «переходные». Многие ценности прошлого, такие как вступление в брак в момент ухода из родительского дома, идут рядом с новыми моделями создания семьи: формирование пары отделяется от формирования семьи с детьми, предвещая тем самым иное демографическое поведение у последующих поколений.

Совершенно иная ситуация наблюдалась в России, где политические условия — совершенно отличные от французских — имели значительные последствия для послевоенной эволюции демографического поведения. Многочисленные поколения, рожденные в 1945–1955 гг., обретали взрослый статус в эпоху Брежнева: в период экономической, социальной и идеологической стагнации. Условия их жизни отличались от условий жизни предыдущих поколений. Период жестокости и чрезмерных репрессий в основном завершился со смертью Сталина, но оставил в наследство насильственный патернализм со стороны государства, который ограничивал индивидуальное поведение. Чрезмерно идеологизированная образовательная система, практически обязательные пионерские организации и комсомол<sup>9</sup> способствовали

---

<sup>9</sup> Коммунистический союз молодежи объединял подавляющее большинство молодых советских людей в возрасте от 14 до 28 лет.

распространению четко определенных нормативных образцов поведения, и влияние, иногда противоречивое, этих практик социального контроля, затрагивало самые широкие массы.

Будущие жизненные стратегии индивида задавались успехами обучения в школе, которой семья отдала приоритет в выполнении социализирующей функции еще в сталинский период. Именно семья была придатком школы, а не наоборот. Авторитет учителей во многих случаях мог быть даже выше авторитета родителей. Подчинение провозглашенным правилам и хорошая успеваемость открывали пути к высшему образованию и профессиональному продвижению. Мальчики могли этим же путем избежать обязательной службы в армии. В случае плохой успеваемости в школе единственной открытой дорогой после окончания 8-го класса было пополнение рабочего класса с промежуточной подготовкой в сфере начального профессионального образования<sup>10</sup>, к которой для мужчин еще добавлялась 2-летняя обязательная служба в армии, от которой освобождались только выпускники ПТУ, ориентированных на отрасли военно-промышленного комплекса. ПТУ выдавало формальное свидетельство о получении полного среднего образования, однако качество такого среднего образования было настолько низким, что процент поступающих в высшие учебные заведения на дневную форму обучения из числа окончивших ПТУ был статистически незначимым.

Для поколений 1945–1955 гг. рождения конкуренция на пути к образованию и высокой позиции в профессиональной карьере была чрезвычайно высока. Высшее образование постепенно превращалось в суперэлитное (образование для избранных). Для регулирования потоков государство устанавливало фильтры в виде жестких вступительных экзаменов, а также в виде специальных характеристик, которые выдавались руководством школ и комсомольских организаций (в них отражалась способность учиться, проявленная степень социальной активности, а также моральный облик). В условиях трудозатратной, экстенсивной экономики послевоенного периода государственная политика была направлена на поддержание нужной пропорции рабочего класса, сдерживание развития высшего образования и недопущение в интеллектуальные сферы деятельности недостойных, с точки зре-

---

<sup>10</sup> Продолжительность начального профессионального образования в системе профессиональных технических училищ (ПТУ) составляла 2 года на базе 8 классов средней школы и 1 год на базе 10 классов.

ния идеологов государства, категорий населения. Естественно, что теневой рынок частного репетиторства, коррупция и система блата<sup>11</sup> в системе образования приобрели массовый характер. Распределение на хорошие места работы, отбор кандидатов на вакантные должности также не обходились без протекции с активным использованием социальных сетей. Искусственное создание дефицита мест дневной (нормальной) формы обучения в университетах сопровождалось раздуванием системы квазивысшего образования — вечерней и заочной формы (на 1–2 года дольше, чем дневная форма), доступ к которой, с формальной точки зрения, получали только лица, имеющие постоянную работу, преимущественно рабочих профессий. Поэтому нередко можно было встретить молодого человека, который формально числился лаборантом или дворником, чтобы иметь документ, дающий право на обучение в высшем учебном заведении (зачастую справка покупалась или доставалась, опять же, по благу).

В результате вертикальная социальная мобильность была весьма ограниченной, хотя и не регулировалась столь жестко по признаку идеологической лояльности к власти, как в поздний сталинский период. Напротив, горизонтальная мобильность получила в период жизнедеятельности поколений 1950-х гг. последний исторический всплеск в связи с завершением урбанизационного процесса. Дополнительный импульс миграционной активности придала политика 1970-х гг. по ликвидации так называемых бесперспективных деревень, реструктуризации территориальной организации населения в рамках программы по развитию Нечерноземной зоны России и других проектов по интенсификации сельского хозяйства, реализовывавшихся после окончательного освобождения колхозников от обязательного прикрепления к земле. Усиление горизонтальной мобильности имело специфическую черту — она лишь в слабой степени способствовала вертикальной мобильности для тех же поколений: вчерашние колхозники становились низкоквалифицированными рабочими многочисленных заводов с отсталой технологией производства, работниками коммунальной сферы, испытывавшей проблемы с городскими кадрами.

Социально-экономический контекст жизнедеятельности данных поколений можно охарактеризовать одной фразой: экономика тотального дефицита, очередей и частично распределительной системы в эпоху перехода к массовому потреблению [Kornai, 1992]. Влияние западных

---

<sup>11</sup> Блат — система неформального обмена услугами.



стандартов ощущалось все сильнее: Россия в этот период приоткрывала «окна» на Запад для внешней информации и некоторых товаров массового спроса. Чем более расширялись стандарты потребления, чем больше нарастала скрытая инфляция, тем более тяжелые последствия для жизнедеятельности человека имела социалистическая плановая экономика. Нефтедоллары в 1970-х гг. лишь на время затормозили приближение коллапса на продовольственном рынке (массовая закупка зерна и продовольствия за границей) и, более того, разогрели неудовлетворенный спрос на потребительском рынке промышленных товаров (отложенный спрос быстро увеличивался). Деньги имели различную покупательную способность в зависимости от сферы занятости их владельца (привилегия потреблять в зависимости от места и стажа работы, партийности, прошлых заслуг и т. д.), а областные центры и столичные города постепенно становились закрытыми зонами<sup>12</sup>, поскольку только в них, и то не всегда, удавалось сбалансировать спрос и предложение.

Разочарование действительностью и официальной идеологией «строения коммунизма» быстро распространялось среди молодежи, диссидентство получило питательную среду. При этом нельзя сказать, что уровень жизни не повышался: питаться стали лучше, жилищная обеспеченность улучшилась. Однако неудовлетворенность общим экономическим положением в стране, узостью каналов социальной мобильности, отсутствием свободы слова и самовыражения быстро нарастала.

Одной из главных проблем для рассматриваемых поколений стало непреодолимое противоречие слитности сексуального, матримониального, репродуктивного и образовательного поведения [Темкина, 2004; Zakharov, 2008]. Либерализация сексуальных практик, снижение возраста начала половой жизни не сопровождалось контрацептивной революцией, как это было во Франции и в других западных странах. Советское государство фактически не только выступало против распространения современных средств контрацепции, но и табуировало публичное обсуждение проблем сексуальности и планирования семьи [Avdeev, Blum, Troitskaja, 1994; Blum 1994]. Культура планирования семьи была очень низкой, да и к тому же контрацептивы, даже незапрещенные, как, например, презервативы, были в дефиците [Popov, Visser, Ketting, 1993]. В результате ранние незапланированные беременности,

---

<sup>12</sup> Доступ в них сдерживался институтом прописки.

которых становилось с каждым годом все больше, часто оказывались реализованы в рождениях, что в свою очередь стимулировало браки вдогонку. Возраст начала формирования семьи снижался, вступая в противоречие с необходимостью завершения образования и тяжелыми условиями начала трудовой деятельности. Молодая семья (уже с ребенком) попадала в зависимость от материальной и нематериальной помощи со стороны еще работающих родителей и государства. Круг замыкался: патерналистское навязывание традиционных стереотипов поведения в модернизирующемся обществе приводило к проблемным ситуациям, требующим еще большего усиления патерналистского вмешательства. Ранние вынужденные браки резко усилили тенденцию к росту разводов. Поколения 1950-х были первыми российскими поколениями, в которых для женщин опыт проживания в нескольких браках и рождения детей от нескольких супругов стал нормальной практикой.

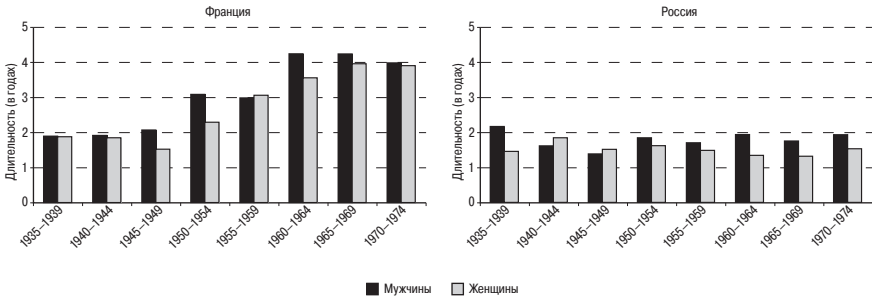
Мягкому переходу, наблюдаемому во Франции, где снижение влияния ценностей предыдущих поколений сопровождалось увеличением предложения контрацептивов, в России соответствовал запоздалый и ограниченный переход к новым практикам без должной трансформации ценностных ориентиров. Все этапы взросления — уход из родительского дома, вступление в союз, рождение ребенка, скорее навязанные, чем желанные, неумолимо концентрировались на коротком временном отрезке жизненного цикла.

### *1.2. Формирование семьи: откладывание во Франции и омоложение в России*

Россия представляет собой особый случай с точки зрения эволюции формирования семьи. В Европе, в частности во Франции, тенденция к повышению возраста вступления в брак и рождения детей окончательно установилась в поколениях 1960-х гг. рождения. Начиная с поколений 1955–1965 гг. возраст вступления в первый союз, а затем и возраст рождения первого ребенка неуклонно увеличивались, и разъединение брачности и рождаемости, начатое предыдущими поколениями, утвердилось. Образовав союз, мужчины и женщины выдерживали все больший промежуток времени перед производством на свет потомства (*рис. 2*), что привело к появлению новой модели, в которой вступление в союз не было больше связано с созданием семьи с детьми. Этот разрыв между двумя событиями вначале был следствием усложнения

Рисунок 2

**Средняя длительность периода между вступлением в брачно-партнерский союз и рождением первого ребенка в России и во Франции, лет**



Примечание: здесь и далее для рисунков, если не указано иное, реальные поколения мужчин и женщин 1935/39–1970/74 гг. рождения.

матримониальных и семейных стратегий, когда второй союз с ребенком (детьми) мог следовать за первым союзом без ребенка. Молодые люди извлекали определенную выгоду от появившейся возможности совместной жизни без детей до того момента, как созреет решение о рождении ребенка [Régnier-Loilier, 2007; Mazuy, 2006]. Эта модель стала практиковаться поколениями 1960-х в то время, когда экономическая и социальная ситуация (кризис 1980-х) не способствовала ни занятости, ни экономической и жилищной автономии. Молодежь была вынуждена откладывать вхождение на рынок труда, в то время как предыдущие многочисленные поколения «бэби-бума» были все еще активными и не предоставляли в условиях растущей безработицы возможностей для последующих поколений.

Поколения россиян, рожденных в 1960-е гг., находились в исторических условиях, которые частично соответствовали условиям поколений, рожденных в 1930-е и в начале 1940-х гг. Во-первых, это также малочисленные поколения в силу того, что они являются детьми «детей войны». Во-вторых, им так же как и в свое время их родителям пришлось пережить ресоциализацию: детство и школьные годы они прожили в условиях, мало чем отличающихся от условий поколений 1950-х гг. рождения, а взрослая жизнь началась в принципиально иных условиях — «смутного» времени после смерти Л. Брежнева.

Смена веков — идеологических и экономических ориентиров — сопровождалась быстрым нарастанием проявлений тотального кризиса экономической и политической системы. Растущая инфляция приоб-

ретала открытую форму, а дефицит базовых для жизнеобеспечения товаров приводил к бесконечным очередям в магазинах. Приход М. Горбачева к власти, провозгласившего курс на ускорение экономического роста и либерализацию идеологического режима (политика гласности), хотя и вызвал кратковременную эйфорию от положительных социальных ожиданий, не принес конструктивных новаций, способных стабилизировать ситуацию в стране.

Характерной чертой мужчин данных поколений является их активное участие в войне в Афганистане (декабрь 1979 — февраль 1989). В начале 1980-х гг. меняется практика призыва на воинскую службу в сторону резкого сокращения категорий лиц, не подлежащих призыву. Особенно серьезные изменения касались студентов, которые в мирное время всегда получали отсрочку от призыва. Было принято беспрецедентное решение об обязательном призыве (с 1 января 1984 г.) студентов высших и средних специальных учебных заведений, как успешно сдавших вступительные экзамены, так и окончивших первый курс. В результате на пространстве бывшего СССР удалось призвать в армию на 270 тыс. чел. больше, чем в предыдущие годы [Градосельский, 2005]. Последствиями данного решения стало снижение среднего уровня образования у поколений, родившихся во второй половине 1960-х гг.

Женщины этих поколений также продемонстрировали снижение доли получивших высшее образование по причине, которая косвенно была связана с войной в Афганистане. На принятие решения об усилении мер семейной политики в 1981 г.<sup>13</sup>, видимо, повлияли жалобы военного руководства о снижении численности потенциальных рекрутов, усилившиеся в связи с введением войск в Афганистан. Следует заметить, что хотя среди причин, обосновывающих необходимость демографической политики, всегда называлась проблема дефицита трудовых ресурсов, было очевидно, что нехватка солдат также имела в виду, хотя в явном виде этот аргумент не приводился. Так или иначе, но новые меры семейной политики, среди которых главной инновацией были частично оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком, начали действовать и вскоре принесли значительный всплеск рождений с пиком в 1987 г. Как показывает анализ, главный демографический эффект от новой политики заключался не столько в повышении итоговой рождаемости поколений (он был крайне не-

---

<sup>13</sup> Новые меры на территории России начали действовать в 1982–1983 гг.

значителен), сколько в еще большем ускорении темпов формирования семей — календарь браков и рождений еще больше сместился к молодым возрастам [Avdeev, Monnier, 1994; Захаров, 2006; Zakharov, 2008]. Получив возможность находиться на законных основаниях с маленькими детьми дома, многие женщины рассматриваемых поколений совсем отказались от получения профессионального образования или отложили его завершение на период после рождения ребенка. Однако и этот вариант большинством не был реализован, поскольку каждая третья мать, не выходя из отпуска по уходу за первым ребенком, вновь оформляла отпуск в связи с рождением второго ребенка. Возраст материнства и интервалы между первым и вторым рождением были уникально низкими в российской истории [Захаров, 2006].

Если говорить в целом, то поколения 1960-х гг. оказались более успешными, чем поколения 1950-х гг. рождения. Начало экономических реформ в первой половине 1990-х гг. они встретили еще в очень молодом возрасте и потому могли гибко корректировать жизненные стратегии, адаптируясь к быстро меняющейся политической и социально-экономической действительности. Именно эти поколения быстрее других современников переориентировались на частный сектор и свободный рынок труда. Они решительнее старших меняли сферы занятости, реагируя на спрос, и зачастую делали это довольно успешно. Наиболее активные представители данных поколений сейчас составляют костяк российского бизнеса и все настойчивее проникают в высшие политические структуры.

Потрясения 1990-х гг. в одинаковой степени затронули и мужчин, и женщин и имели серьезные последствия для организации российского общества. Так, женщины, которые рано родили детей и стремились к участию в экономических и политических изменениях, столкнулись с невозможностью совмещения профессиональной деятельности и семейной жизни. Многие молодые отцы были вынуждены искать вторую работу или полностью сосредоточиться на карьере, дающей им возможность в случае необходимости одному содержать семью. Отмечая этот феномен, некоторые специалисты даже ставили вопрос: не происходит ли регресс в российском обществе в сторону прежнего, более традиционного гендерного порядка<sup>14</sup>?

---

<sup>14</sup> См. дискуссию по данному вопросу и результаты сравнительного международного исследования на эту тему: [Здравомыслова, Арутюнян, 1998].

### 1.3. От Советского Союза к России: новая модель семьи

Отсрочка создания семьи — важное измерение демографического поведения в Европе. Оно утвердилось во Франции начиная с поколений середины 1950-х — начала 1960-х, из-за чего возраст рождения первого ребенка сдвинулся с 25 лет к 26 годам у женщин и с 27 лет к 30 годам для мужчин. В России это произошло позднее. Вплоть до поколений 1970-х гг. календарь вступления в первый союз и материнства свидетельствовал скорее о сильном снижении возраста родительства: до 20–21 года у женщин и 22–24 лет у мужчин. Только в следующих поколениях возраст начал увеличиваться (*рис. 1*); падение коммунистического режима отчасти объясняло такой внезапный поворот. Условия реализации первых этапов истории жизни поколений, рожденных в 1970-е и последующие годы, кардинально изменились. Как мы видели, семейная политика, проводимая на протяжении десятилетия реформ 1980-х гг., имела следствием значительное конъюнктурное повышение рождаемости, которая до этого начиная с 1950-х гг. не прекращала снижаться. Однако ухудшение экономической ситуации и исчезновение советского государства привели к переопределению семейной модели. Новое российское государство сокращало свое финансовое участие, переходя от всеобщей социальной защиты к адресной помощи, постоянство которой не было гарантировано. Помощь, прежде предоставляемая государством, передавалась все больше и больше семейно-родственному окружению [Lefèvre, 2005]. Эта «приватизация» системы иждивения вынудила переопределить роли и статусы внутри семьи. Женщины, которые до этого работали, все чаще увольнялись, чтобы растить детей.

Поколения, рожденные в 1970-х гг., в период своего взросления пережили фундаментальные политические и экономические изменения. Их главная отличительная черта заключается в том, что с политической, экономической и социальной точек зрения, они быстро приняли новые практики, более соответствующие тем, которые существуют в других европейских странах [Blum, Gousseff, 2003]. Возраст вступления в брак и рождения первого ребенка увеличился, особенно у мужчин. Эта тенденция, наблюдавшаяся в Европе десятилетиями раньше, с опозданием возобладала в России. Поколение, которое воплотило ее, оказалось аполитичным и прагматичным, не верит в государство и отклоняет проявления патернализма во всех его проявлениях. Представители данных поколений изначально сделали ставки на высшее

образование и профессионализм и полагают, что основа свободы лежит в экономической сфере, а не в политике. Для них никакая власть не является авторитетной, и они предпочитают индивидуальные ценности и гедонизм [Семенова, 2005]. Именно это поколение совершило революцию потребительских и властных притязаний в конце 1980-х — начале 1990-х гг. [Magun, 2003; Магун, Энговатов, 2004].

Молодые россияне, которые прониклись скорее американской социальной моделью, нежели европейской, отказались от распространения социальной защиты в свою пользу, расценивая это как увековечение падшей системы. Они вспоминают свое пионерское прошлое как игру, а бедность своих родителей рассматривают как специфическую советскую болезнь или неудачу. Эти поколения первыми эффективно начали контролировать рождаемость с помощью современных средств контрацепции. Они откладывают рождение первого ребенка и закончили с опытом поспешного взросления предыдущих поколений. Институт брака также уступил свои права. Свободный союз быстро распространяется как подготовительный или альтернативный браку [Захаров, 2007; Blum, Lefèvre, 2006]. Ценности и семейные практики, использовавшиеся в течение десятилетий, наконец-то получили благоприятную почву для развития.

## **2. Эволюция формирования семьи и ее влияние на взросление**

### *Место семьи в истории жизни*

Во Франции модель вхождения в процесс формирования семьи в разрезе поколений менялась в течение двух периодов: омоложение календаря вплоть до переходных поколений 1945–1955 гг., сменившееся обратным процессом — повышением возраста рождения первого ребенка и увеличением срока между двумя начальными этапами создания семьи: вступлением в первый союз и рождением первого ребенка.

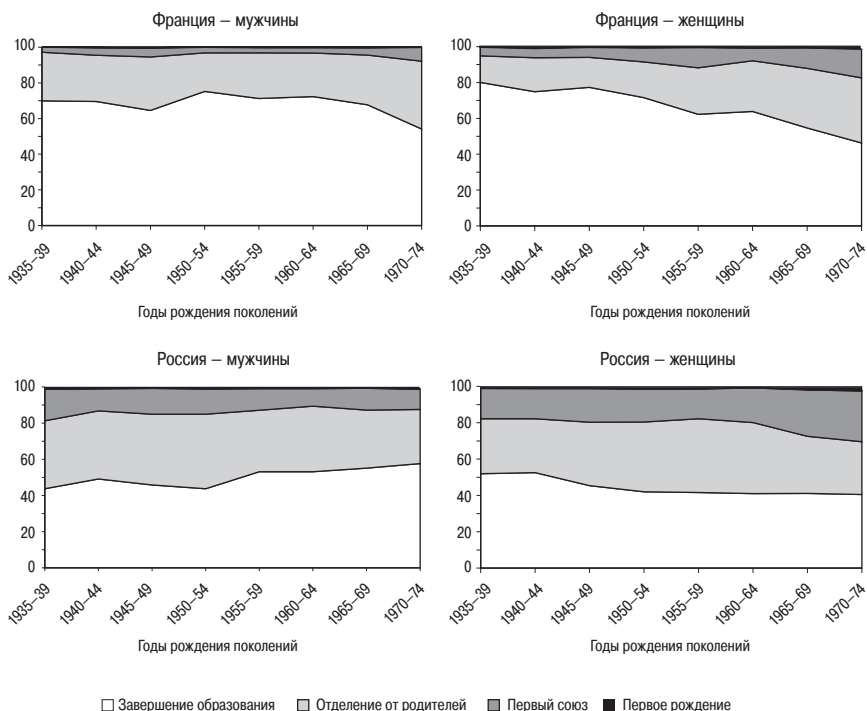
Эта тенденция сформировалась при относительно неизменном возрасте ухода из родительского дома (медианный возраст составляет 19–20 лет и 20–21 год соответственно для мужчин и женщин) и при увеличении длительности обучения (*рис. 1*). Медианный возраст завершения образования увеличился с 16 до 21 года у мужчин и с 15 до 21 года для женщин. Поколения 1945–1955 гг., которые участвовали в социальных и культурных изменениях конца 1960-х, были теми

поколениями, чей уровень образования повышался наиболее быстро. В отличие от старших поколений, многие из них учились в университете [Chauvel, 2006]. В то же время во Франции завершение обучения для большинства оставалось первым в цепочке изучаемых событий (рис. 3). Мужчины и женщины следующих поколений все чаще и чаще покидали родительский дом до наступления этого события.

Российская модель формирования семьи выигрывала в скорости у французской за счет более раннего начала семейной жизни. Близкая к французской модели для поколений 1935–1940 гг. рождения, она сильно омолодилась в поколениях 1970-х, находившихся в возрасте около 20 лет на момент распада Советского Союза. В течение рассматриваемого периода первые демографические события жизненного цикла концентрировались на коротком отрезке времени, и, в частности для половины женщин, рожденных в начале 1970-х гг., завершение образования, уход

Рисунок 3

**Структура поколений по характеру первого случившегося в жизни индивида социально-демографического события на пути перехода к взрослому состоянию в России и во Франции, в %**





из родительского дома, вступление в первый союз и рождение первого ребенка следовали один за другим на интервале менее чем в 3 года (рис. 1). Создание семьи в течение советского периода отличалось тесной связью с рождением детей — действовала социокультурная модель, характеризующая быстрым получением статусов супругов, отца и матери. Эта связь нарушилась в начале 1990-х гг., что свидетельствовало о том, что молодое поколение адаптирует новое демографическое поведение, особенно в отношении стадий формирования семьи. В то же время календарь завершения образования и выхода из родительского дома мало изменился. Более того, специфика советских условий, политика государства и формы семейной организации благоприятствовали неизменности этого календаря вплоть до начала 1990-х [Buttner, 2005]. В результате российская и французская модели в отношении первого этапа взросления разошлись: несмотря на относительно слабо увеличившийся возраст завершения образования, для большинства российских мужчин и женщин уход из родительского дома и, в меньшей мере, вступление в брачно-партнерский союз оказались первыми из четырех рассматриваемых событий. Важность, придаваемая созданию семьи, и связанность событий во времени способствовали, без сомнения, установлению такой последовательности. Русские люди в большей степени, чем французы, были ориентированы на создание семьи, и казалось, что они главным образом подчинялись логике «возрастных циклов жизни», которая предполагает, что вступление в союз и рождение первого ребенка происходят в ранних возрастах.

Анализ календаря событий не только дает ясную картину эволюции поведения и изменений в жизненном цикле, он также может показать, как происходило упорядочивание различных этапов взросления. Последовательное рассмотрение отдельных событий позволяет понять это лучше.

## *2.2. Выделение из родительской семьи: получение образования во Франции, создание собственной семьи в России*

Первая рассматриваемая последовательность событий — «завершение образования и уход из родительского дома». Повышение медианных возрастов свидетельствует об увеличении длительности обучения, сильно повлиявшем на эту последовательность во Франции: мужчины и, главным образом, женщины все чаще покидают родительский дом до завер-

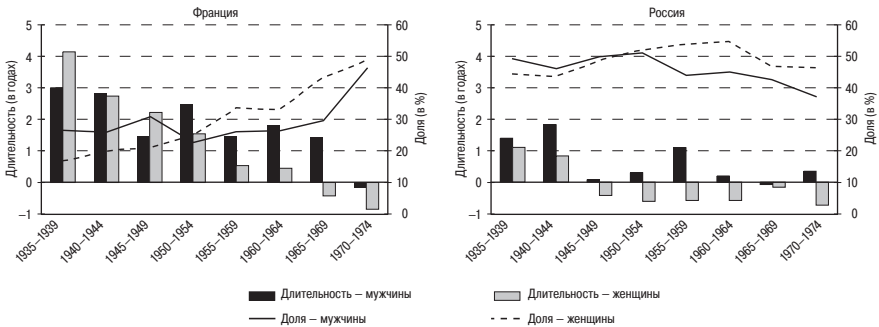
шения своего образования. Поколения 1945–1955 гг. — первые поколения, которые значительно увеличили длительность своего образования, смогли воспользоваться благоприятными экономическими и социальными условиями для раннего раздельного проживания. В жилищной сфере конъюнктура была одинаково хорошей и в конце 1960-х, и в начале 1970-х, что способствовало усилению жилищной и экономической независимости. Вместе с культурными изменениями, порожденными движением 1968 г., эти перемены были благоприятны в первую очередь для женщин. Они все больше приобщались к высшему образованию и рассматривали уход из родительского дома как средство эмансипации.

Тенденция продолжать образование после ухода из родительского дома утвердилась в поколениях 1960–1965 гг. Однако ухудшение экономической ситуации и сложности с трудоустройством [Monnier, 2007] побуждали молодых людей не торопиться с выходом на рынок труда и инвестировать в свое высшее образование, чтобы затем извлекать выгоду из более высоких компетенций [Préel, 2000]. Также они были вынуждены обосновываться в больших городах, где имелись образовательные учреждения соответствующего уровня, так что выход из родительского дома для большинства являлся первым этапом взросления. Такая последовательность событий была характерна для 15% женщин и 27% мужчин в поколениях 1935–1939 гг. рождения, а в поколениях 1970–1974 гг. рождения, соответственно для 35% и 38% (рис. 3). Исходя из экономического контекста той эпохи, учеба и раздельное проживание становились возможными, по крайней мере отчасти, благодаря помощи, предоставляемой родителями, которые находились в заведомо лучших условиях [Herpin, Dechaux, 2005; Laferrère, 2005; Jauneau, 2007]. В целом экономически завися от своих родителей, молодые люди все же разъезжались с ними, как только представлялся случай [Villeneuve-Gokalp, 2001]. Так, около 50% мужчин и женщин поколений 1970–1974 гг. покинули родительский дом до завершения своего образования (рис. 4).

В России последовательность этапов не менялась, и период времени, отделяющий окончание обучения и выделение из родительской семьи, лишь в минимальной степени различался в поколениях. По своему календарю эти два события оставались сильно сближенными, что свидетельствовало об их тесной связи. В частности это верно для поколений послевоенных лет (1945–1955 гг. рождения), у которых промежуток времени между окончанием обучения и раздельным проживанием с родителями уменьшился, став даже отрицательным для женщин (события поменялись местами во времени). Величина интервала на уровне значе-

Рисунок 4

**Средняя длительность периода между завершением образования и выделением из родительской семьи (гистограммы) и доля мужчин и женщин, у которых выделение из родительской семьи произошло до завершения образования (кривые)**

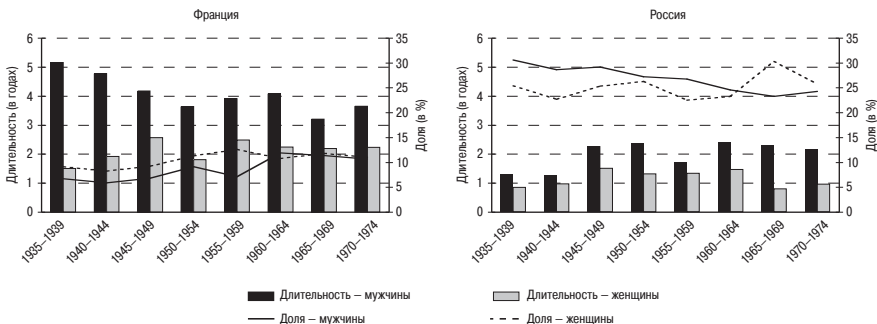


ний менее одного года становится характерной для российской модели. Фактически и в противоположность Франции доля мужчин и женщин, покидавших своих родителей до завершения образования, была постоянно высокой у всех поколений (варьировала между 40% и 55%), даже если она в дальнейшем снижалась. Патернализм государства, так же как и высокая мобильность студентов, мужчин, призванных на воинскую службу, объясняют эту отличительную черту России.

Последовательность «раздельное проживание с родителями—вступление в союз» позволяет определить природу различий между французской и российской моделями взросления и создания семьи (рис. 5). В России эти два этапа настолько тесно взаимосвязаны, что 30% мужчин и 40% женщин переживают их одновременно. Однако специфика российской модели — более значимая роль, отводимая вступлению в брак в процессе выделения из родительской семьи. Для 20–30% мужчин и женщин изучаемых поколений вступление в брачно-партнерский союз предшествовало уходу из родительского дома. Эти результаты подтверждают наблюдаемые практики для всех этих поколений: прием молодой пары в дом родителей и активная вовлеченность семей супругов в жизнь молодых.

Во Франции доля мужчин и женщин, проживающих у своих родителей после создания супружеского союза, была минимальна (между 5 и 12%; см. рис. 5). Так же и раздельное проживание, которое начиналось все раньше в цепочке событий, связанных с вхождением во взрослую жизнь, открывало относительно долгий период одинокой

**Средняя длительность периода между выделением из родительской семьи и вступлением в первый брачно-партнерский союз (гистограммы) и доля мужчин и женщин, у которых вступление в брачно-партнерский союз произошло до выделения из родительской семьи (кривые)**



жизни, что было очень редким явлением в России. В более старших поколениях (1935–1944 гг. рождения), однако, средний период, который отделял раздельное проживание и вступление в союз, различался для мужчин (5 лет) и женщин (2 года). Эти различия возвращают нас к тому факту, что мужчины и женщины до начала 1960-х гг. получали доступ к социальной и экономической автономии в различном ритме, что долго характеризовало французскую модель взросления и формирования семьи. Выход из родительского дома и вступление в первый союз происходили одновременно для более чем 60% женщин, рожденных до 1955 г., по сравнению с 30% мужчин. Эти различия впоследствии ослабли, и все большее число женщин проживало в одиночестве в течение некоторого времени, приближаясь тем самым к мужскому типу поведения.

*2.3. Более долгое взросление во Франции по сравнению с Россией*

Принимая во внимание всю совокупность рассматриваемых этапов взросления, можно заключить, что преодоление каждого из них занимало более длительный период времени во Франции, чем в России. Контрацептивная революция, произошедшая во Франции во второй половине 1960-х гг., внесла вклад в распространение французской модели более долгого перехода. Контроль рождений в поколениях, родившихся после середины 1950-х гг., значительно отсрочил рождения первых детей. Помимо увеличения длительности образования это зна-

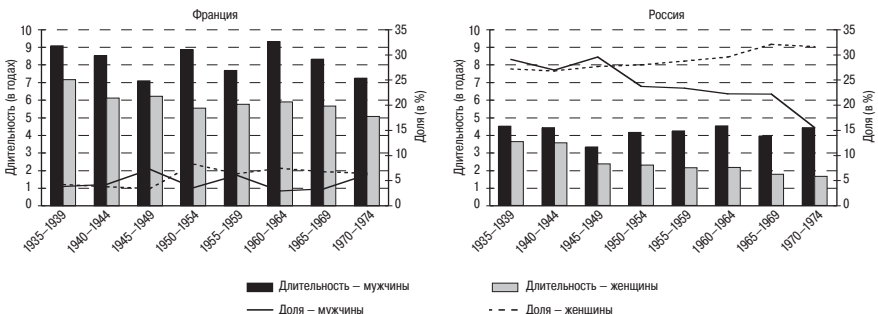
чительно повлияло на взросление в целом (рис. 6). Разъединение этапов завершения образования и рождения первого ребенка стало нормой, и атипичные случаи, когда рождение первенца предшествовало завершению обучения, были редки (около 5%).

В России, наоборот, все было переплетено. Календарь взросления оказывался очень насыщен событиями, и у многих мужчин (от 20% до 30%) и женщин (более 30%) к окончанию обучения уже был первый ребенок. Как мы видели, модель взросления в России ассоциируется с формированием семьи, тогда как во Франции эта связь выражена гораздо слабее. В итоге находит подтверждение идея о том, что российская модель в большей степени соответствовала представлениям о естественных «возрастных циклах жизни».

В настоящее время эта модель, очевидно, претерпевает изменения. Среди тех, кто родился после 1970 г. — свидетелей и участников экономических и социальных трансформаций 1990-х гг. — рождение первого ребенка реже предшествовало завершению обучения. Более позднее формирование семьи и эволюция этапов взросления указывают на то, что в России формируется новая модель взросления, более близкая к французской модели, и это прежде всего касается мужчин. Занятость, наличие жилья, завершение обучения стали, по-видимому, необходимыми условиями для реализации проекта по созданию семьи. Модель, полагающаяся на патернализм государства и отсутствие современной контрацепции, в наиболее молодых поколениях, кажется, изживает себя.

*Рисунок 6*

**Средняя длительность периода между завершением образования и рождением первого ребенка (гистограммы) и доля мужчин и женщин, у которых рождение первого ребенка произошло до завершения образования (кривые)**



### **3. Различия моделей взросления в России и во Франции**

Различия российской и французской моделей взросления кажутся очевидными. С одной стороны, календарь всех событий этого периода жизни эволюционировал от поколений к поколению по-разному, с другой — относительная однородность мужского и женского поведения характеризует новые поколения во Франции, в то время как в России, наоборот, различия между мужчинами и женщинами с начала 1990-х гг. усилились. Анализ выявил, что на поведение и стратегии, наблюдаемые на различных этапах взросления, оказывали влияние как исторические, социальные и культурные контексты, так и экономические и политические факторы.

Две последовательности: «вступление в союз–раздельное проживание с родителями» и «рождение первого ребенка–завершение обучения» являются основными для выделения моделей взросления, объясняемых спецификой демографического поведения в каждой из стран. Вступление в первый союз до ухода из родительского дома — редко наблюдаемое поведение во Франции, где молодые поколения имеют опыт жизни в одиночестве без родителей и супруга. Это не характерно для России, где создание союза может предшествовать раздельному проживанию; молодые люди, создавшие собственные семьи, при опросе отмечали, что либо зависели, либо проживали вместе со своими родителями или родителями супруга. Такое положение может складываться по экономическим причинам (из-за невозможности получения отдельного жилья) или быть выражением семейной солидарности.

Рождение первенца до завершения образования считается во Франции атипичным поведением и может означать невозможность контролировать рождаемость. Хотя оно в большей степени присуще поколениям, еще не пережившим «контрацептивную революцию», для тех, чье взросление прошло после 1970-х гг., это означало раннюю и «случайную» рождаемость или, наоборот, выбор в пользу рождения в период массового распространения высшего образования. В России рождение ребенка во время обучения было более распространено и в противоположность Франции, очевидно, объяснялось отсутствием эффективного контроля рождаемости и ограничительной политикой по отношению к контрацептивным средствам вплоть до 1990-х гг. В то же время ранний возраст рождения первого ребенка был выра-

жением модели, дающей быстрый доступ к высокому статусу отца и матери, т. е. к статусу «взрослого человека». Совпадение календарей завершения образования и рождения ребенка свидетельствует о том месте, которое занимает проект создания семьи в процессе взросления, даже если молодые россияне сегодня все больше отступают от него.

Изучение всей совокупности данных позволило выделить четыре группы изменений, наблюдавшихся в переходе к взрослой жизни, начиная с поколений, рожденных незадолго до начала Второй мировой войны (1935), и вплоть до тех, которые родились в разгар экономического кризиса 1970-х гг.

### *Различия мужских и женских путей взросления (поколения, родившиеся до 1945 г.)*

Первая модель взросления, наблюдавшаяся как во Франции, так и в России, относится к поколениям, рожденным между 1935 и 1945 гг. Для них характерны большие различия в моделях взросления мужчин и женщин. Для мужчин ранний выход из образовательной системы, быстрый доступ к занятости и раздельное проживание с родителями сочетается с поздним формированием семьи, вступлением в партнерский союз и рождением первого ребенка. Их взросление более долгое, как если бы поиск экономической стабильности заставлял их откладывать создание семьи. В этом проявлялись социальные нормы 1950-х гг. В это время мужчина еще воспринимался как основной кормилец семьи. Ему было необходимо занимать стабильную должность прежде, чем вступить в союз и начать реализовывать репродуктивную стратегию. Женщины, наоборот, имели более ранний календарь взросления, и более короткий цикл формирования семьи у них соотнобразовывался с традиционной моделью создания семьи. Представленные на рынке труда в меньшей степени, чем мужчины, они все еще воспринимались как основные хранительницы домашнего очага и семьи. Более причастные к созданию семьи, они вступали в брак и быстро рожали ребенка.

### *Быстрое взросление (поколения 1945–1954 гг.)*

Во Франции эти поколения находились в центре больших социальных, политических и демографических изменений XX в., в то время как в России брежневская стагнация держала их в железном ошейнике и сдерживала все робкие попытки изменений, несмотря на чаяния на-

селения. Во Франции экономические и социальные условия поколений «бэби-бума» были особенно подходящими для переопределения демографического поведения. Начиная с середины 1960-х гг. они участвовали в обновлении норм и социальных практик, которые, в свою очередь, облегчили им приобретение жилищной и экономической независимости. Эта эмансипация молодежи, особенно молодых женщин, благоприятствовала выходу из родительского дома, вступлению в брачно-партнерский союз и контролю рождаемости. Рассматриваемые здесь поколения также были первыми, которые отделили формирование партнерства от рождения первого ребенка. Из их поисков автономии и либерализации сексуального, социального и семейного поведения постепенно выросла модель взросления и создания семьи, освобожденная от социальных ограничений, которым их предшественники в течение долгого времени были подчинены.

Напротив, в России наиболее напряженный период пришелся на поколения, свободные от сталинизма, но подчиненные строгому контролю и практически мало меняющейся экономической системе, которая принимала форму патерналистского государства. Поколения 1945–1954 гг. были далеки от того, чтобы пережить аналогичную сексуальную революцию, как и во Франции. Консервативный и малоэффективный режим, который последовал за репрессивным сталинским, противостоял новаторским социальным практикам. Хотя аборт и разводы были официально разрешены, использование средств контрацепции не было распространено. В таких условиях российские модели взросления сильно отличались от тех, которые развивались во Франции. Они характеризовались недостаточной обособленностью событий, которые накладывались друг на друга и происходили в короткий промежуток времени, а также тем, что окончание обучения незамедлительно сопровождалось созданием семьи. Наследием принудительной институциональной системы явилась сильная фрустрация, наиболее явное проявление которой выразилось в появлении диссидентства.

### *Откладывание против постоянства (поколения 1955–1964 гг.)*

Во Франции поколения, появившиеся после периода «бэби-бума», столкнулись с ухудшением экономической ситуации и увеличением профессиональной нестабильности. Поиск работы оказался трудным для мужчин и еще более проблематичным для женщин, и увеличение



периода обучения, значимый фактор, как мы это видели, для женщин этих поколений, являлось альтернативой занятости. Однако принципиальное изменение — это откладывание формирования семьи и рождения первого ребенка. Отметим также, что на проявления экономического кризиса конца 1970-х — начала 1980-х гг., мужчины и женщины отреагировали по-разному. В то время как мужчины переопределили приоритеты своего взросления, женщины ориентировались в зависимости от ситуации. На протяжении всего времени поколения 1955–1964 гг. были первыми, которые должны были адаптировать этапы взросления к экономическим трудностям. Называемые поколениями социального упадка [Préel, 2000], они откладывали время наступления событий, что их сильно отличает от поколений послевоенного «бэби-бума».

В России эти же поколения перенесли сильный и противоречивый шок. Современники войны в Афганистане, дорого стоившей стране, они затем столкнулись с социально-экономическими трансформациями и реформами 1990-х гг., так же как и с распадом патерналистского государства и эрозией нравственных ценностей советской эпохи. Они оказались в ситуации, когда происходили радикальные социальные и демографические перемены. Поддерживаемые в первые годы своей взрослой жизни семейной политикой государства 1980-х гг., они сохранили прежнюю демографическую модель раннего взросления, этапы которого были тесно переплетены.

### *Трудности и адаптация (поколения 1965–1974 гг.)*

Для последних рассматриваемых здесь поколений французов, вошедших во взрослую жизнь после второй половины 1980-х гг., экономический и социальный климат был таким же тяжелым. Рынок труда сузился, тогда как поколение «бэби-бума» по-прежнему давало многочисленных работников. Удлинение образования тогда рассматривалось как альтернатива, отодвигающая его завершение на второе, третье место в списке первоначальных этапов жизненного цикла. В этих условиях ограничения накапливались до момента выхода молодых людей из родительского дома: необходимость продолжения образования в более-менее удаленном месте, иногда зависимость от семейной помощи для обеспечения жильем и часто одинокое проживание до момента получения первой стабильной работы. Вступление в партнерский союз все больше расходилось во времени с рождением первого

ребенка и созданием семьи. С изменением нравов и распространением эффективного контроля рождений утвердился особый период жизни в одиночестве или в паре, отдавая тем самым создание семьи.

В России поколения, рожденные в 1965–1974 гг., были первыми, кто поменял свое демографическое поведение. Они пользовались плодами столь ожидаемой контрацептивной революции, образовывали союзы, которые не так быстро сопровождались рождением ребенка и стремились получить работу до того, как начинали думать о создании семьи. Однако еще рано утверждать, что эта модель, близкая наблюдаемой во Франции, действительно утвердилась. Перспективы этих поколений на самом деле неясны, и они не пользуются гарантиями, предлагаемыми европейскими социальными системами. Вероятно, мужчины приняли новый модус поведения, в то время как женщины, возможно, все еще предпочитают придерживаться более традиционных норм и по возможности оставаться вне рынка труда.

\* \* \*

Результаты нашего анализа главных этапов взросления — завершения образования, ухода из родительского дома, получения первой работы, вступления в первый союз и рождения первого ребенка — показывают, что демографическое поведение, находясь под сильным влиянием различных исторических условий в России и во Франции, тем не менее подчиняется с некоторым отставанием или в несколько другой форме общей логике. Поведение, сформированное поколениями, прошедшими через большую часть второй половины XX в., имело признаки демографических моделей, иногда пригодных только для мужчин или для женщин, а иногда было свойственно отдельным поколениям. Сложность перехода ко взрослой жизни, упорядоченная последовательность порогов, которые надо преодолеть на этом пути и календари событий в истории жизни затрудняют, как это было показано, анализ перехода от одного типа биографии к другому. Вне преобладающего поведения наблюдались атипичные, но характерные для специфической части населения пути взросления, делающие относительным понятие общей модели перехода к взрослой жизни. Представляется, что этот переход из детского или подросткового состояния к статусу взрослого человека хорошо вписывается в процесс автономизации по отношению к родителям в плане достижения экономической

и жилищной независимости, но также и в процесс преодоления порогов на пути, ведущем к созданию семьи. Тем не менее эволюция календаря поведенческих практик, связанных с достижением взрослого статуса, как во Франции, так и в России показывает, что последовательность событий шаг за шагом изменялась, и что рождение первого ребенка перестало жестко зависеть от других событий в биографии человека. Сегодня многие мужчины и женщины в молодых поколениях пока еще не произвели на свет ребенка.

## Литература

1. *Adamets S., Blum A., Zakharov S.* Disparites et variabilites des catastrophes demographiques en URSS // *Dossiers et Recherches*, 42, janvier. — Paris: INED, 1994.
2. *Avdeev A., Blum A., Troitskaja I.* Histoire de la statistique de l'avortement en Russie et en URSS jusqu'en 1991 // *Population*. 1994. Vol. 49. №4–5. P. 903–934.
3. *Avdeev A., Monnier A.* (1994) A la decouverte de la fecondite russe contemporaine // *Population*. 1994. Vol. 49. №4–5. P. 859–902.
4. *Blum A., Gousseff C.* Russie. D'un recensement a l'autre // *Le Courrier des pays de l'Est*. 2003. №1035. Mai. P. 15–26.
5. *Blum A., Lefèvre C.* Apres 15 ans de transition, la population de la Russie toujours dans la tourmente // *Population et Societes*. 2006. №420. Fevrier. P. 1–4.
6. *Bocquier P.* L'analyse des enquetes biographiques. — Paris: Ceped, 1996.
7. *Büttner O.* Les anciens textes fondateurs dans les pays de l'Est. Un droit base sur la pratique // *Informations sociales*. 2005/4. №124. P. 42–52.
8. *Courgeau D., Lelièvre E.* Analyse demographique des biographies. — Paris: Ined, 1989.
9. *de Singly F.* Penser autrement la jeunesse // *Lien social et politiques*. 2000. №43. P. 9–21.
10. *Galland O.* Entrer dans la vie adulte: des etapes toujours plus tardives mais resserrees // *Economie et Statistique*. 2001. №337–338. Fevrier. P. 13–36.
11. *Guibert-Lantoine C., Leridon H.* La contraception en France: un bilan apres 30 ans de liberalisation // *Population*. 1998. Vol. 53. №4. P. 785–812.
12. *Herpin N., Düchaux J.-H.* Entraides familiales, independance economique et sociabilite // *Economie et Statistique*. 2005. №373. Avril. P. 3–32.
13. *Jauneau Y.* L'independance des jeunes adultes: chomeurs et inactifs cumulent les difficultes // *Insee Premiere*. 2007. №1156. Septembre. P. 1–4.
14. *Kornai J.* The Socialist System. The Political Economy of Communism. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.

15. *LaFerrere A.* (2005), Quitter le nid: entre forces centripetes et centrifuges // *Economie et Statistique*. 2005. №381–382. Octobre. P. 147–175.
16. *Lefèvre C.* Peut-on parler de politique familiale a l'Est? La politique familiale entre politique de l'emploi et politique de lutte contre la pauvreté // *Informations sociales*. CNAF. 2005. №124. P. 6–14.
17. *Magun V.S.* The Changes in Aspirations and Life Strategies of Russian and Ukrainian Youth During the Revolutionary Decade: 1985–1995 // T. Horowitz, B. Kotik-Friedgut, St. Hoffman (Eds.) *From Pacesetters to Dropouts: Post-Soviet Youth in Comparative Perspective*. — Lanham, MD: University Press of America, 2003. P. 149–175.
18. *Mannheim K.* *Essays on the Sociology of Culture*. — London: Routledge, 1992.
19. *Mazuy M.* Etre pret-e, etre prêts ensemble? Entree en parentalite des hommes et des femmes en France, These de doctorat de demographie. — Universite Paris 1 Pantheon-Sorbonne, 2006.
20. *Monnier A.* Le baby-boom: suite et fin // *Population et Societes*. 2007. №431. Fevrier. P. 1–4.
21. *Popov A., Visser A.Ph., Ketting E.* Contraceptive knowledge, attitudes, and practice in Russia during the 1980s // *Studies in Family Planning*. 1993. Vol. 24. №4. P. 227–235.
22. *Préel B.* Le choc des generations. — Paris: La Decouverte, 2000.
23. *Prioux F.* L'age a la premiere union en France: une evolution en deux temps // *Population*. 2003. Vol. 58. №4–5. P. 623–644.
24. *Regnier-Loilier A.* Avoir des enfants en France. Dřsirs et rřalitiřs. — Paris: Ined, coll. «Les Cahiers de l'Ined», 2007. №159.
25. *Rougerie C., Courtois J.* Une etape du passage a l'age adulte: l'emploi qui compte // *Population*. 1997. Vol. 52. №6. P. 1297–1327.
26. *Schuman H., Corning A.* (2000), Collective Knowledge of Public Events: The Soviet Era from the Great Purge to Glasnost // *Am. J. Sociology*. 2000. Vol. 105. №4. P. 913–956.
27. *Schuman H., Scott J.* Generations and Collective Memories // *Ame. Sociological Review*. 1989. Vol. 54. №3. P. 359–381.
28. *Sebille P.* Un passage vers l'age adulte en mutation? // A. Regnier-Loilier (ed.). *Portraits de familles. L'enquete Etude des relations familiales et intergenerationnelles*. — Paris: Ined, coll. «Grandes Enquetes», 2009. P. 315–340.
29. *Sebille P., Regnier-Loilier A.* Amenagements du questionnaire Generations and Gender Surveys en France (vague 1). — Paris: Ined, coll. «Documents de Travail». 2007. №144. — 191 p.
30. *Villeneuve-Gokalp C.* Les jeunes partent toujours au meme age de chez leurs parents // *Economie et Statistique*. 2001. №337–338. Fevrier. P. 61–80.
31. *Voronkov V.* Die Protestbewegung der «Sechziger»-Generation. Der Widerstand gegen das sowjetische Regime 1956–1985 // *Osteuropa*. 1993. Vol. 43. №10. P. 939–948.

32. *Zakharov S. V.* Russian Federation: From the first to second demographic transition // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. №24. P. 907–972.
33. *Вишневский А. Г.* (ред.). Демографическая модернизация России, 1900–2000. — М.: Новое издательство, 2006.
34. *Воронков В. М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста // Ю. Левада, Т. Шанин (ред.). Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168–200.
35. *Градосельский В. В.* Комплектование вооруженных сил СССР в 1970–1980-е годы // *Военно-исторический журнал*. 2005. №9. С. 18–21.
36. *Захаров С. В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: Экспертиза, Рекомендации, Обзоры. 2006. №5 (Осень-зима). С. 33–69; [http://spero.socpol.ru/docs/N5\\_2006-33\\_69.pdf](http://spero.socpol.ru/docs/N5_2006-33_69.pdf)
37. *Захаров С. В.* Когортный анализ смертности населения России (долгосрочные и краткосрочные эффекты неравенства поколений перед лицом смерти) // *Проблемы прогнозирования*. 1999. №2. С. 114–131.
38. *Захаров С. В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1. / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. — М.: НИСП, 2007. С.75–126. Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. Российская семья на европейском фоне. — М.: Эдиториал СССР, 1998.
39. *Магун В., Энгватов М.* Структура и межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 // *Вестник общественного мнения*. 2004. №4 (Июль-август). С. 70–82.
40. *Попов В.* Паспортная система советского крепостничества // *Новый мир*. 1996. №4.
41. *Семенова В. В.* Современные концепции эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Ю. Левада, Т. Шанин (ред.). Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 80–107.
42. *Снегирева Т., Подчиненов А.* «Сын за отца не отвечает?»: комплекс безотцовщины в советской литературе // С. Ушакин (ред.). Семейные узы: модели для сборки. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. Кн. 2. С. 83–102.
43. *Темкина А.* Половая жизнь в позднесоветском браке // С. Ушакин (ред.). Семейные узы: модели для сборки. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. Кн. 1. С. 515–547.

*В. Станкунине,  
С. Захаров, А. Маслаускайте,  
М. Баублите, А. Ренье-Луалье*

## **Переход к новой модели формирования брачно-партнерских союзов во Франции, Литве и России<sup>1</sup>**

*В статье рассматривается переход к новым формам брачно-партнерских отношений, а также структурные и социокультурные предпосылки их возникновения в трех странах — Литве, России и Франции. Для каждой из этих стран свойственна определенная траектория изменения моделей формирования семьи: постепенная во Франции, запаздывающая в Литве и непоследовательная в России. Во Франции, в которой наблюдается фактически всеобщая распространенность консенсуальных союзов, селективность связана только с одним продолжающим действовать фактором — религиозностью. В Литве и России, где новые формы партнерских союзов получили распространение много позднее, переход еще не завершен, группа «первопроходцев» новых отношений отличается культурными и структурными особенностями.*

### **Введение**

С конца XX в. в промышленно развитых странах отмечаются серьезные изменения демографических тенденций в части формирования брачно-партнерских союзов. Можно говорить о переходе к новой модели формирования семьи, характеризующейся повышением возраста вступления в брак и распространением консенсуальных союзов, т. е. союзов,

---

<sup>1</sup> Печатается по изданию: *Stankuniene V., Zakharov S., Régnier-Loilier A., Maslauskaitė A., Baublyte M.* La transition vers de nouvelles formes d'union en France, en Lituanie et en Russie // *Revue d'études comparatives Est-Ouest* — RECEO. 2009. Vol. 40. № 3–4. Septembre–Décembre. P. 163–208. Перевод С. В. Захарова.

основанных на согласии, на неформальных отношениях, юридически не оформленных как брачный союз. Несмотря на общий характер изменений, в разных странах этот процесс имеет разную интенсивность, что позволяет выделить среди них страны—лидеры перемен, государства, в которых наблюдаются умеренные трансформации, и страны, демонстрирующие минимальные сдвиги. В подобных классификациях посткоммунистические страны зачастую группируются вместе и противостоят развитым странам Запада. Однако такой подход упускает из виду существование значительных различий между ними и затушевывает действие специфических факторов, стоящих за этими различиями.

В 1990-х гг. посткоммунистические страны параллельно с политическими, экономическими и социальными преобразованиями переживают быструю трансформацию моделей формирования семьи, которые до этого на протяжении нескольких десятилетий либо оставались стабильными, либо испытывали незначительные изменения. Сдвиги, которые обозначились с 1990 г. в странах Восточной и Центральной Европы, очень похожи на изменения, происходившие четыре десятилетия назад в странах Северной и Западной Европы и несколько позже случившиеся в южноевропейских странах. Эти изменения обобщаются в понятии «Второго демографического перехода» [Lesthaeghe, van de Каа, 1986; van de Каа, 1987]. Хотя эволюция семейных отношений в посткоммунистических странах является отголоском изменений, происходящих в других частях Европы, остаются важные вопросы, требующие изучения. Одинаковы ли во всех этих странах изменения, происходящие в модели формирования семьи на протяжении последних двух десятилетий? Действительно ли они строго следуют по пути западных стран, как это нередко утверждается в дискуссиях об общих чертах новейших изменений в брачно-партнерских отношениях в данном регионе? Более того, предопределило ли одновременное начало основных социально-экономических и политических изменений, приведших к фундаментальной модернизации социальной жизни в посткоммунистических странах, сходство в изменениях индикаторов, характеризующих институт семьи, невзирая на социокультурные, структурные и исторические различия [Reher, 1998; Mamolo, 2005]?

Цель данной статьи — выявить на базе результатов выборочных исследований по международной программе «Поколения и Гендер» (*Gender and Generation Survey, GGS*), сходные и специфические черты в изменении стратегий формирования семьи в Литве, России и Франции — странах с различным социокультурным контекстом и историче-

ским опытом. Для анализа были выбраны три страны, на протяжении длительного времени представлявшие противоположные общности в демографическом, культурном, политическом и историческом развитии. В терминах стратегии формирования семьи эти страны находились по разную сторону от известной для специалистов условной линии Санкт-Петербург—Триест [Najnal, 1965]. На культурный прогресс и на изменения в брачном поведении в этих странах по-разному влияли доминирующая религиозная среда и процессы секуляризации. В течение многих десятилетий исторический, политический и экономический прогресс предоставлял индивиду различные условия при выборе жизненного пути и поведения в демографической сфере. Очевидно, что все это придало специфические черты траекториям изменения моделей формирования семьи в каждой стране.

Статья состоит из четырех разделов: в первом разделе мы анализируем историческое развитие моделей формирования семьи во всех трех странах, выявляя исторические предпосылки текущих изменений, во втором рассматриваем становление современной модели формирования брачно-партнерских союзов. В этом разделе используются два инструмента анализа: оценка изменений в сроках начала брачно-партнерских отношений у реальных поколений по году рождения и определение типа партнерства к определенному возрасту в разрезе реальных поколений. Такой анализ позволит нам охарактеризовать различные траектории перехода к новой модели формирования брачно-партнерских союзов в исследуемых странах. В третьем разделе рассматривается отношение населения к новым формам брачно-партнерских отношений, их социальная приемлемость и природа изменений, происходящих с семьей. Заключительный раздел посвящен изучению социальных групп, находящихся в авангарде распространения новых моделей формирования семьи, обсуждается вопрос селективности попадания в эту группу.

## **1. Исторические особенности эволюции формирования семьи в Литве, России и Франции**

Исследователи, изучающие эволюцию брачно-партнерских отношений в посткоммунистических странах, обычно обращают внимание на изменения, которые наблюдаются с начала 1990-х гг. Их обычно рассматривают как универсальный феномен, несмотря на то, что ключевые демографические индикаторы показывают значительную вариа-



бельность в начальных датах, скорости и направленности изменений, корни которых уходят в далекое прошлое. Ниже представлена краткая сравнительная оценка индикаторов, иллюстрирующих процесс модернизации семьи: общие тренды, а также специфические особенности изменений в рамках парадигмы Второго демографического перехода с акцентом на роли исторических и социокультурных факторов в каждой стране. Для оценки изменений в характере формирования семьи используются тайминговые характеристики (средний возраст вступления в первый брак), доля никогда не состоявших в браке (как следствие распространенности позднего и не обязательного для всех брака) и тип брачно-партнерского союза (в качестве индикатора выступает внебрачная рождаемость, которая косвенно свидетельствует о распространенности консенсуальных союзов и деинституциализации семьи). Литовские и российские показатели формирования семьи сравниваются с показателями во Франции.

***Тайминговые (возрастные) характеристики формирования семьи.*** В соответствии с имеющимися сегодня историческими, статистическими и аналитическими данными в рассматриваемых странах в начале XX в. действовали различные модели брака: Литва представляла так называемый европейский (или, точнее, традиционный западноевропейский) тип брачности, в России преобладал традиционный неевропейский тип брачности [Најнал, 1965], в то время как Франция уже демонстрировала первые признаки отхода от европейского типа брачности (*Вставка 1*). Европейский тип брачности, характеризующийся высокой долей окончательного безбрачия (*табл. 1, Приложение 1 и 2*), был распространен среди населения Литвы вплоть до середины XX в. [Marcinkevičienė, 1999; Станкуниене, 1989; Stankuniene, 1995, 2001; Вишнеvский, 1977; Вишнеvский, Тольц, 1983; Волков, 1986; Blum, Rallu, 1993]. Литва располагалась вблизи восточной границы географической зоны распространения европейского типа брачности, соответствуя ареалу доминирования среди населения католической и протестантской веры [Vishevskij 1977; Vishnevskij, Tolts 1983]. Напротив, Россия, находясь по другую сторону этой условной границы, демонстрировала ранние браки и низкую долю окончательного безбрачия, и продолжалось это вплоть до середины 1990-х гг.

Однако политические перемены и изменения в законодательстве первых десятилетий XX в. не могли не повлиять на модель формирования семьи в России. Перед Второй мировой войной в Советском Союзе действовало самое либеральное на мировом фоне семейное законода-

**Вставка 1**

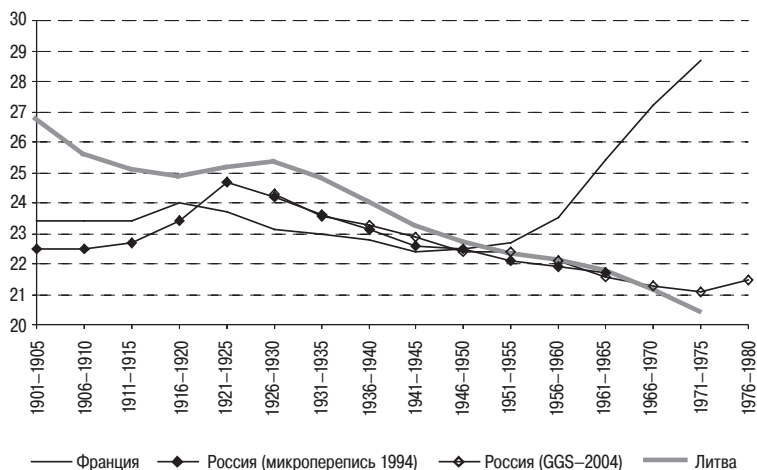
Понятие и эпоха европейского типа брачности в западноевропейских странах тщательно исследованы и описаны многими авторами [Hajnal, 1965; Hoffmann-Nowotny, 1987; Blum, Rallu, 1993; Prieux, 2007]. В странах бывшего Советского Союза исследования тенденций в брачности в контексте западно-восточных моделей начали развиваться в начале 1970-х гг., когда стали доступны данные больших выборочных обследований населения СССР, проведенных в 1960 и 1967 гг. Российским исследователям [Дарский, 1972; Вишневский, 1977] была хорошо известна знаменитая работа Дж. Хайнала (1965), переведенная на русский язык [Вишневский, Кон, 1979]. Данные обследований свидетельствовали о том, что 15 республик, входивших в состав СССР, имели сильные различия, касающиеся траекторий демографического перехода, включая различные модели брачного поведения в историческом контексте [Вишневский, Волков, 1983; Ильина, 1984; Тольц, 1988; Darsky, Scherbov, 1995; Дарский, Ильина, 2000]. Исторические и социокультурные предпосылки возникновения, сохранения и сближения в послевоенный период двух типов брачности — европейского в балтийских странах (точнее на территориях западнее линии Хайнала «Санкт-Петербург–Триест») и традиционного в России и на Украине — активно обсуждались демографами сквозь призму межэтнических различий. Используя термин «этничность», ученые кодировали сложный комплекс социокультурных, религиозных, социально-экономических и других специфических факторов демографического поведения, которые были сформированы в предыдущие эпохи [Бондарская, 1976; Бондарская, Ильина, 1979; Дарский, Ильина, 1990].

До недавнего времени в Литве эволюция семьи не являлась объектом должного научного исследования. Доминирование европейского типа брачности в Литве обсуждалось только в некоторых работах литовских исследователей, при этом неглубоко [Станкуниене, 1989; Stankuniene, 1995, 1997, 2001; Marcinkeviciene, 1999]. Демографы из других стран также отмечали, что Литва была одной из стран, в которых превалировал европейский тип брачности [Вишневский, 1977; Вишневский, Тольц, 1983; Волков, 1986; Blum, Rallu, 1993].

тельство, которое отменяло церковный брак и уравнивало в правах юридически оформленные и неоформленные союзы (Семейные кодексы 1918, 1926–1944 гг., *Вставка 2, Приложение 1*). Война в значительной мере дестабилизировала ситуацию на брачном рынке в России, вызвав временное, но резкое повышение возраста вступления в первый брак (затронуты были поколения 1910–1920-х гг. рождения, *рис. 1*).

После Второй мировой войны в европейских странах возобладала тенденция к более ранним бракам и снижению доли никогда не состоявших в браке. Более низкий возраст вступления в брак, отмечавшийся практически во всей Западной и Северной Европе, ознаменовал собой начало периода (1950–1960-х гг.), названного «золотым веком» брака [Festy, 1970–1971; Sobotka, Toulemon, 2008]. Во второй половине XX в. тенденция к более раннему браку обозначилась и в странах Балтии. Однако в силу ненадежности статистики населения в первое после-

**Средний возраст при вступлении в первый брак в Литве, России и Франции: поколения женщин 1901–1980 гг. рождения**



Источники: Для Франции: Festy, 1979; Prioux, 2007; Council of Europe, 2004. Для Литвы: результаты специальной разработки 30% микроданных переписи населения 2001 г. Для России: расчеты С. В. Захарова, основанные на специальной разработке данных Микропереписи 1994 г. и данных РидМиж/RusGGG-2004 с экстраполяцией для самых молодых поколений.

военное десятилетие и вплоть до начала 1960-х гг. точно датировать начало и оценить скорость изменения возрастных характеристик брака в Литве не представляется возможным.

В то же время в России в ответ на пертурбации, вызванные войной, средний возраст заключения первого брака для женских когорт, родившихся в 1920-е гг. и вступающих в брак в первое десятилетие после войны, достиг почти 25 лет, что превысило значение показателя для Франции для тех же поколений (рис. 1). Подобный эффект, связанный с массовой реализацией отложенных в годы войны браков, наблюдался после Первой мировой войны во Франции, которая, как известно, имела для этой страны более тяжелые демографические последствия, чем Вторая мировая [Henry, 1966].

Траектории изменений характеристик брачности на западе и востоке Европы вновь радикально разошлись после 1960-х гг. [Monnier, Rychtarikova, 1992; Vishnevskij, Zakharov, 1995]. Если в России, Литве и в других странах Восточной и Центральной Европы на протяжении следующих двух с лишним десятилетий возраст вступления в брак

продолжал снижаться, то в странах, расположенных западнее Берлинской стены, в начале 1970-х гг. произошел резкий поворот к более позднему браку, обозначивший наступление эпохи Второго демографического перехода. В результате к началу 1990-х гг. возрастные характеристики брака в России вернулись к низким значениям, наблюдавшимся столетием ранее: средний возраст регистрации первого брака для женщины составил 21–22 года [Захаров, 2006, 2007; Вишневский, 2006, *Приложение 3*]. В Литве переход к раннему и всеобщему браку продолжался также до начала 1990-х гг. Минимального значения средний возраст вступления в брак — 23,8 лет для мужчины и 22,1 для женщины — достиг в Литве в 1992 г. В то время как во Франции снижение возраста вступления в брак остановилось в 1970-х гг., достигнув минимума для женщин на уровне 22,5 лет в 1972–1975 гг. [Council of Europe, 2000].

Тренд к более позднему браку обозначился во Франции с середины 1970-х гг., а в России и Литве двумя десятилетиями позже — в середине 1990-х гг. В 2006 г. средний возраст вступления в первый брак во Франции достиг 30 лет — 31,3 года для мужчин и 29,3 года для женщин (*Приложение 3*). Показатели для Литвы и России в том же году были существенно ниже: 26,2 года для мужчин и 23,3 года для женщин в России, 27,3 года и 25,1 года соответственно в Литве.

Итак, во Франции и Литве переход от позднего к более раннему браку означал революционную смену возрастной модели формирования семьи в направлении модели брачности, радикально отличавшейся от прежнего исторического типа европейской (западноевропейской) брачности, господствовавшей в этих странах на протяжении столетий. Однако начиная с 1970-х гг. исторические пути Франции и Литвы разошлись. Литва продолжила тренд к еще более раннему браку, длившийся еще приблизительно два десятилетия, в результате чего было достигнута конвергенция с моделью брачности в России. В то же время Россия, пережив флюктуации характеристик брачности под воздействием специфических исторических событий, в целом сохранила приверженность к раннему браку и, более того, усиливала ее вплоть до последнего десятилетия XX в.

**Деинституционализации семьи.** В развитии процесса деинституционализации семейно-брачных отношений Россия стоит особняком в ряду рассматриваемых стран и вообще среди европейских стран по причине исторически более ранней секуляризации брака и распространения внебрачных союзов, ставшей результатом политики большевиков после

**Вставка 2**

В число первых декретов правительства большевиков входили декрет «О расторжении брака» (16 (29) декабря 1917) и декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (18 (31) декабря 1917), декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января (5 февраля) 1918), которыми государство признавало только гражданский (нерелигиозный) брак, зарегистрированный в органах ЗАГС. «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» (16 сентября 1918 г.) объединил в себе различные декреты и законодательные инициативы. Новые законы устанавливали равные права супругов в браке и при разводе (были убраны такие условия, как уважительные причины для развода, доказательство вины супруга, отказались от судебной процедуры при обоюдном согласии супругов на развод) и признавали равные права всех детей, рожденных в браке и вне брака. «Кодекс о браке, семейном и опеке» от 19 ноября 1926 г. стал еще одним шагом на пути к либерализации семейно-брачных отношений. Начиная с 1927 г. был разрешен внесудебный развод по требованию одного из супругов (мнение другого супруга могло быть проигнорировано). Кроме того, закон устанавливал равные права за союзами, которые были зарегистрированы органами ЗАГС (браками де-юре), и за незарегистрированными союзами (браками де-факто). Обязанности по содержанию супруга и детей также устанавливались равными независимо от формы союза. Поскольку зарегистрированный брак не давал каких-либо юридических или материальных преимуществ супругам и детям, регистрация брака теряла смысл. Тем более, что люди еще не забыли о сакральном смысле венчального церковного брака («перед богом») и в целом относились с недоверием к новой, слишком формальной системе регистрации «советского» брака. В результате консенсуальные союзы (браки де-факто) — сожительства, как их стало принято называть, — получили стремительное распространение.

революции, а именно социальных экспериментов, затронувших частную и семейную жизнь. Либерализация семейного законодательства в 1920–1930-х гг. создала в России условия для уникального, по мировым меркам, прецедента: равноправное сосуществование двух типов союзов — зарегистрированных браков и неформальных сожительства. Консенсуальные союзы были обычным явлением вплоть до Второй мировой войны, когда очередное изменение законодательства<sup>2</sup>, на этот раз в рестриктивном направлении, затормозило, а вероятнее всего, об-

<sup>2</sup> Указ Президиума Верховного Совета СССР «О браке и семье», принятый в 1944 г. (8 июля), отменил признание законом браков де-факто (что спровоцировало волну браков, вызванных «регуляризацией» [Avdeev, Monnier, 2000] и ввел новый порядок для разводов, который можно считать запретом на развод. По закону 1944 г., женщина, родившая ребенка вне брака, не имела права обращаться в суд с просьбой о получении поддержки в воспитании ребенка со стороны отца ребенка. В свидетельстве о рождении ребенка, рожденного вне брака, в графе, предназначенной для информации об отце ребенка, стоял прочерк, что означало лишение ребенка права носить фамилию отца ребенка. В этом смысле статус незаконнорожденного ребенка, существовавший в Российской империи, был восстановлен.

ратило вспять процесс деинституционализации традиционного брака. В послевоенный период и вплоть до 1990-х гг. распространенность консенсуальных супружеских союзов в России поддерживалась на умеренном уровне, и зарегистрированный брак оставался доминирующей формой брачно-партнерских союзов (табл. 1, Приложение 1).

По сравнению с Россией консенсуальные союзы во Франции и Литве до Второй мировой войны были скорее исключением, чем общей практикой. В послевоенный период этот тип партнерских отношений постепенно распространяется во Франции, особенно с начала 1970-х гг., и сейчас его распространение достигло очень высокого уровня. «С 1965 по 1995 г. сожитительство стало обычной поведенческой практикой — сейчас 90% супружеских пар начинают совместную жизнь с неформального союза, в то время как прежде — 10%» [Toulemon, 1997]. В от-

*Таблица 1*

**Пути перехода к современной модели формирования семьи в Литве, России и Франции**

Страна	До середины XX в.	Середина XX в. — середина 1960-х гг.	Конец 1960-х — начало 1990-х гг.	С середины 1990-х гг.
<i>Возрастные характеристики брака</i>				
<b>Литва</b>	Поздний брак	Ранний брак		Более поздний брак
<b>Россия</b>	Ранний брак			Более поздний брак
<b>Франция</b>	Отход от позднего брака с середины XIX в.	Ранний брак	Поздний брак	
<i>Деинституционализация семьи — распространенность консенсуальных союзов</i>				
<b>Литва</b>	Отсутствует (исключительные случаи)	Слабая		Увеличивается
<b>Россия</b>	Увеличивается с 1918 по 1940 гг.	Умеренная		Увеличивается/высокая
<b>Франция</b>	Отсутствует (исключительные случаи)	Увеличивается		Увеличивается/очень высокая
<i>Уровень окончательного безбрачия</i>				
<b>Литва</b>	Высокий	Очень низкий		Растущий
<b>Россия</b>	Очень низкий	Низкий		Растущий
<b>Франция</b>	Снижение от высокого к умеренному	Очень низкий	Растущий	

личие от Франции, в Литве консенсуальные союзы оставались девиантной формой брачного поведения вплоть до 1990-х гг.

Уровень внебрачной рождаемости часто используется в качестве меры деинституционализации семьи<sup>3</sup>. Во Франции и Литве доля внебрачных рождений долгое время оставалась низкой. Во Франции она начинает увеличиваться с уровня 8–9% в 1960-х гг., в Литве — с уровня 7% в начале 1990-х гг., т. е. тремя десятилетиями позже. В России этот показатель находился на относительно высоком уровне (10%) еще до начала трансформационных процессов. Затем в 1980-х гг. он начинает медленно расти, а в 1990-х просто взмывает вверх, так же как и в Литве. На момент проведения обследования GGS показатель внебрачной рождаемости составлял 48% во Франции [Pla, 2008], 32% в России [Демографический ежегодник России, 2009] и 29% в Литве [Statistics Lithuania, 2008]. По этому показателю Россия и Литва быстро догоняют Францию, в которой уже в 1960-е гг. начали происходить изменения в стратегии формирования семьи.

Показатель внебрачной рождаемости как индикатор модели формирования брачно-партнерских союзов указывает на то, что деинституционализация семьи в этих странах происходила по-разному. Во Франции и Литве достаточно четко прослеживаются поворотные моменты

---

<sup>3</sup> Показатель внебрачной рождаемости соотносится с разными законодательными и социальными условиями. Сегодня все законы, относящиеся к детям, рожденным вне брака, во всех трех рассматриваемых странах не имеют каких-либо дискриминационных или стимулирующих положений. Что касается России и Литвы, законы 1968 г. не только закрепили равенство в правах всех детей на всех территориях СССР, но и предоставили право добровольного (внесудебного) признания отцовства с момента регистрации ребенка, родившегося вне брака, на основании совместного заявления матери и отца ребенка [Avdeev, Monnier, 2000]. В этом случае закон устанавливал, что права и обязанности родителей в отношении воспитания ребенка, рожденного у пары, не состоявшей в зарегистрированном браке, являются такими же, как и в отношении ребенка, родившегося в зарегистрированном браке. Тем не менее в Литве долго сохранялось довольно прохладное отношение общества к детям, рожденным вне брака, которое начало меняться с началом трансформации семьи. Быстрое распространение и увеличение в продолжительности сожителств, фиксируемые обследованиями [Zakharov, 2008], наблюдаемые не только в России, но и в Литве с момента начала трансформации семьи, являются основными причинами роста числа детей, рожденных вне брака. В 2001–2005 гг. в России вне брака родилось 29,6% всех новорожденных, из них 46,8% были зарегистрированы на основании совместного заявления матери и отца ребенка, которые не находились в зарегистрированном браке. В Литве соответствующие показатели в 2005 г. составили 28,4% и 68,1% [Statistics Lithuania, 2008]. Во Франции высокий показатель рождаемости сочетается с высоким уровнем внебрачной рождаемости. Это свидетельствует о том, что дети, рожденные вне брака, в наши дни нормально принимаются обществом (этого не было 40 лет назад). Действительно, около 95% детей признаются отцами, а с 1970 г. дети, рожденные вне брака, имеют равные права с детьми зарегистрированного брака.

на пути перехода от всеобщей брачности к распространению консенсуальных союзов. Единственное отличие заключается в том, что принятие новой модели брачности в Литве начинается на три десятилетия позже. В то же время в России под воздействием специфических исторических, культурных и законодательных условий деинституционализация семьи была инициирована до середины XX в., т. е. раньше, чем во Франции и Литве, и в первой половине 1990-х гг. — в то же время, что и в Литве — только получила дополнительный импульс ускорения одновременно с радикальными экономическими, политическими переменами и становлением новой системы социальных отношений.

Итак, решительный переход к новой модели формирования семейных союзов во Франции, России и Литве начался в разное время — в начале 1970-х гг. во Франции и в начале 1990-х гг. в Литве и России. Нужно также иметь в виду, что процесс трансформации семьи, деинституционализации жизненных условий и изменения параметров модели формирования брачно-партнерских союзов в двух восточноевропейских странах был далек от единообразия, начинался с различных стартовых позиций и имел свои особенности в различные исторические периоды.

## **2. Переход к новой модели формирования брачно-партнерских союзов в разрезе реальных поколений в Литве, России и Франции**

### *2.1. Межпоколенческие сдвиги в возрасте вступления в первый брачно-партнерский союз*

Исторически различные модели брачности и разное время наступления переломных моментов на пути к новому типу брачно-партнерских отношений во Франции, России и Литве привели к различным возрастным характеристикам первого партнерского союза. Траектория Франции в отношении распространения новой модели формирования семьи выделяется наиболее заметно (*рис. 2, 4*). Во-первых, как уже говорилось выше, трансформации затронули более ранние поколения, чем в двух других странах. Во-вторых, скорость изменений во Франции также была много выше. В результате к началу XXI в. достигнутые во Франции позиции существенно отличались от российских и в еще большей степени от позиций Литвы. На первый взгляд, путь перехода к новой модели формирования брачно-партнерских союзов



в России и Литве был сходен. Однако более детальный анализ стратегий формирования первых супружеских союзов в разрезе реальных поколений выявил существенные особенности.

**Зарегистрированный брак как форма первого брачно-партнерского союза.** Если говорить в целом, то кумулятивные коэффициенты вступления в первый брак для поколений, рожденных в 1930-е гг. (когорты 1930–1939 гг.) сходны во всех трех рассматриваемых странах (рис. 2). В то же время стратегии брачного поведения тех же когорт в Литве и России имеют специфические особенности: более поздние браки сочетаются с более высокой долей когда-либо состоящих в браке в старших возрастах в Литве, а в России на фоне более раннего вступления в брак наблюдаются существенно более низкие коэффициенты когда-либо состоящих в зарегистрированном браке в возрастах старше 25 лет, как при сравнении с Францией, так и, особенно, в сравнении с Литвой (рис. 3).

Первые признаки появления новой модели формирования семьи во Франции обнаруживаются в поколениях 1940-х гг. рождения: коэффициенты вступления в первый брак становятся ниже, чем у предшествующих когорт. В то же время в России и в Литве доля когда-либо состоящих в браке в молодых возрастах (в 19–22 года) становится заметно выше в поколениях 1940-х гг. рождения, по сравнению с поколениями 1930-х (рис. 2, 3).

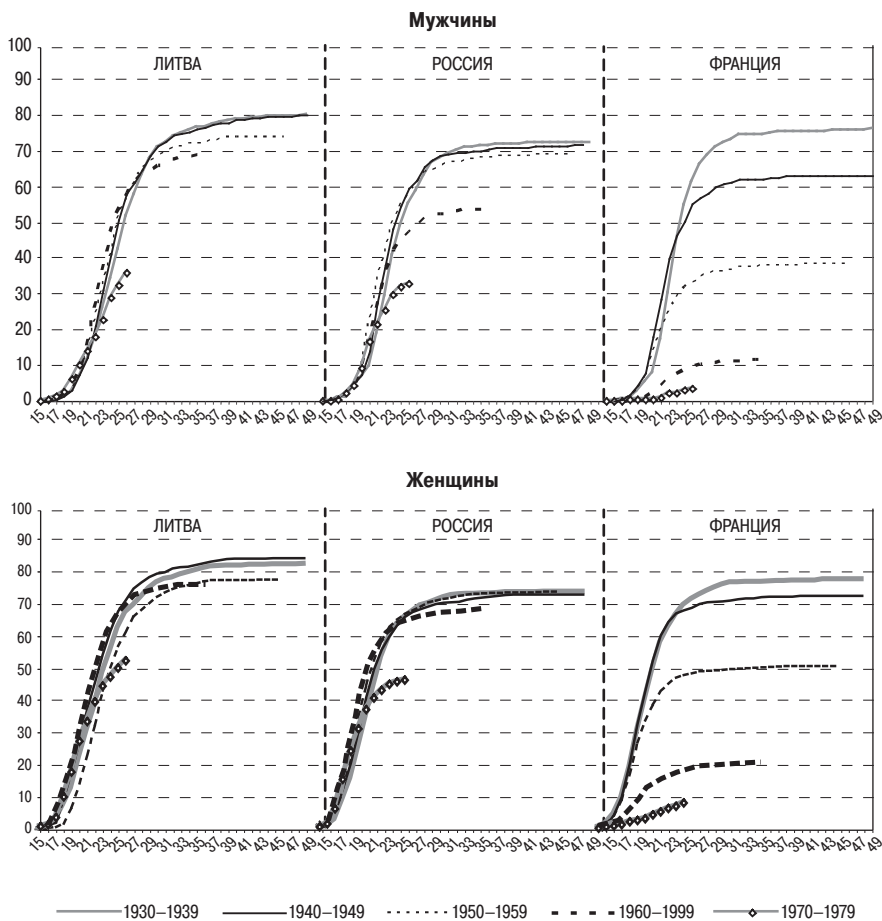
С каждым новым поколением тенденция распространения нового типа формирования семьи во Франции усиливается: коэффициенты брачности быстро снижаются (рис. 2), распространенность брака как формы первого партнерского союза к каждому возрасту уменьшается, коэффициенты брачности в юном возрасте падают практически до нуля в самых молодых поколениях (родившихся в 1970-х гг. и позднее).

В то же время в России брак в очень молодом возрасте типичен для всех анализируемых поколений. Наивысший процент лиц, когда-либо состоявших в первом браке, достигается к 25 годам. Однако в возрастах старше 25 лет кумулятивные показатели в России оказываются ниже, чем в Литве, а в самой старшей когорте (1930-х гг. рождения) находятся на том же уровне, что и во Франции. В России частота заключения браков в очень молодом возрасте начинает снижаться только в самых последних поколениях — родившихся в 1970-х гг. и позднее (рис. 2, 3).

Рассмотрение специфических черт официального брака в качестве первого для индивида брачно-партнерского союза и изменений, про-

Рисунок 2

**Кумулятивный к указанному возрасту процент мужчин и женщин, для которых первый союз с совместным проживанием партнеров начался с официального брака**



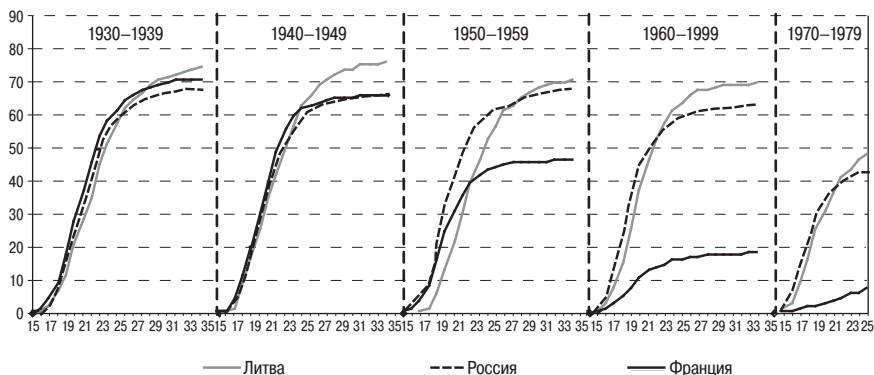
Источник: Здесь и в рис. 3–10 LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

Примечание: здесь и далее, если не указано иное, реальные поколения 1930–1939, 1940–1949, 1950–1959, 1960–1969 и 1970–1979 гг. рождения.

изошедших от поколения к поколению в трех странах, приводит нас к следующим заключениям:

а) кумулятивная возрастная функция доли лиц, избравших официальную форму брака в качестве первого супружеского союза, для поколений 1930-х и 1940-х гг. рождения имеет сходный вид во всех рас-

**Кумулятивный к указанному возрасту процент женщин, для которых первый союз с совместным проживанием партнеров начался с официального брака**



сма­три­вае­мых стра­нах. Од­на­ко в по­сле­дую­щих по­ко­ле­ни­ях раз­ли­чия меж­ду стра­на­ми зна­чи­тель­но уве­ли­чи­ва­ют­ся, в пер­вую оче­редь по при­чи­не пе­ре­хо­да к но­во­му ти­пу фор­ми­ро­ва­ния се­мьи во Фран­ции;

б) во Фран­ции мас­со­вый от­каз от ран­не­го и прак­ти­че­ски все­об­ще­го бра­ка, ха­рак­тер­но­го для по­ко­ле­ний 1930-х и 1940-х гг., про­изо­шел в по­ко­ле­ни­ях 1950-х гг. ро­ж­де­ния. В по­сле­д­них из рас­сма­три­вае­мых по­ко­ле­ний (1960-х и 1970-х гг. ро­ж­де­ния) офи­ци­аль­ный бра­ка как фор­ма пер­во­го сою­за с со­вмес­тым про­жи­ва­ни­ем пар­т­не­ров ма­ло рас­про­странен да­же в стар­ших воз­рас­тах. Сво­им ран­ним от­хо­дом от тра­ди­ци­он­ной стра­те­гии фор­ми­ро­ва­ния се­мьи Фран­ция вы­де­ля­ет­ся на фоне ана­ли­зи­руе­мых стран;

в) хо­тя по ти­пу пер­во­го бра­чно-пар­т­нер­ско­го сою­за Лит­ва и Рос­сия prin­ци­пи­аль­но не раз­ли­ча­ют­ся, на­чи­ная с по­ко­ле­ний 1950-х гг. ро­ж­де­ния Рос­сия де­мон­стри­ру­ет бо­лее вы­со­кие, чем в Лит­ве, коэф­фи­ци­ен­ты брач­но­сти в ран­нем воз­ра­сте, со­че­та­ю­щие­ся с по­ни­жен­ной ито­го­вой до­лей ко­гда-ли­бо со­сто­яв­ших в бра­ке с пер­вым пар­т­не­ром в стар­ших воз­рас­тах;

г) Лит­ва вы­де­ля­ет­ся на­ибо­лее зна­чи­тель­ным пре­об­ла­да­ни­ем офи­ци­аль­но­го бра­ка сре­ди пер­вых сою­зов с со­вмес­тым про­жи­ва­ни­ем пар­т­не­ров. Оче­вид­но, что до сих пор из­ме­не­ния, свя­зан­ные с пе­ре­хо­дом к но­вой стра­те­гии фор­ми­ро­ва­ния се­мьи, за­т­ро­ну­ли Лит­ву в на­имен­шей сте­п­ени.

**Консенсуальный союз (сожительство) как форма первого брачно-партнерского союза.** Процесс деинституционализации семьи и распространения консенсуальных союзов в рассматриваемых странах сильно различается в силу неодинаковых стартовых позиций, длительности, скорости, последовательности изменений и широты охвата этим процессом различных социальных групп.

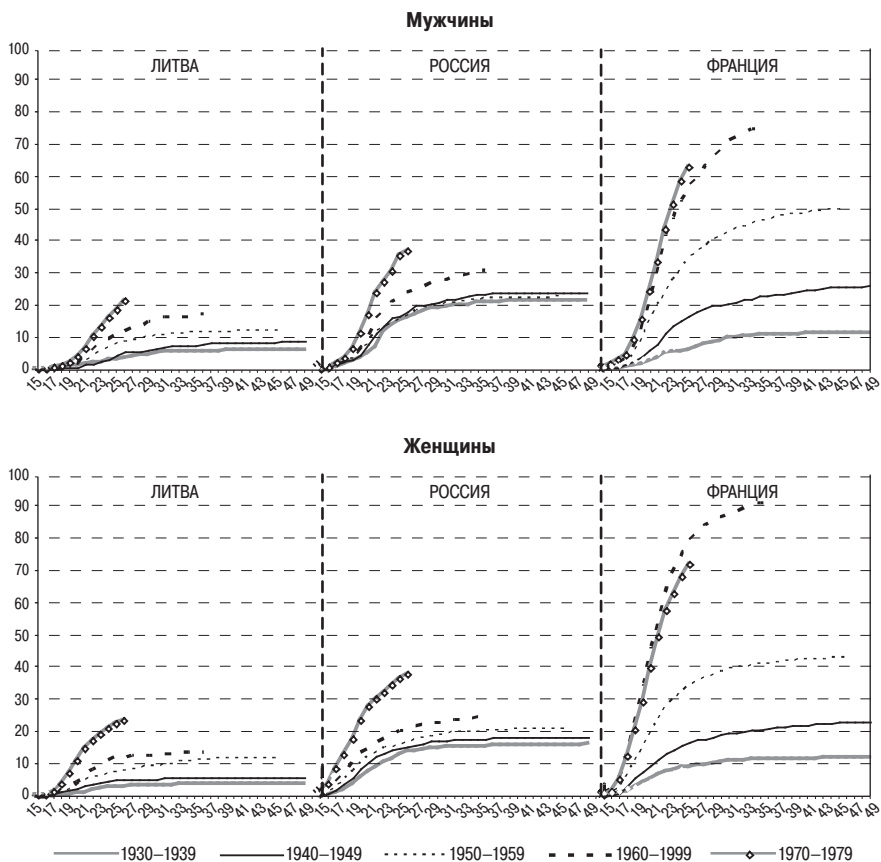
Хотя сегодня во Франции доля консенсуальных союзов чрезвычайно высока: значительно превышает показатели в России и совершенно несопоставима с низкой распространенностью в Литве, в своей поворотной точке, имевшей место 40 лет назад, распространенность неформальных союзов во Франции была на низком уровне. Частота консенсуальных союзов среди первых союзов в когортах 1930-х гг. рождения составляла лишь половину от российских показателей для тех же когорт и незначительно отличалась в большую сторону от показателей в Литве. Трансформация модели формирования семьи во Франции началась в 1960-х гг., затронув первыми поколения рожденных в 1940-х гг., и с тех пор продвинулась очень далеко. В настоящий момент консенсуальный союз как форма первого партнерства представляет собой универсальный феномен для молодежи во Франции (рис. 4).

В России, как свидетельствуют данные GGS, неформальные союзы среди первых союзов были достаточно распространены уже в поколениях 1930-х, 1940-х и 1950-х гг. рождения (около 20% представителей этих когорт начинали свою семейную жизнь с неформальных отношений с партнером, рис. 4), т. е. для каждого пятого представителя поколений, еще не затронутых процессами Второго демографического перехода, первый брачно-партнерский союз был сожительством. Такая ситуация главным образом объясняется спецификой исторического, политического развития и особенностями брачно-семейного законодательства. Распространение консенсуальных союзов в России ускоряется в начале 1990-х гг. Новый этап в развитии процесса затрагивает поколения 1960-х гг. рождения и интенсифицируется среди тех, кто родился в 1970-х гг. Итак, к началу Второго демографического перехода рост распространенности сожительства в России *не был новым феноменом*, но получил дополнительный импульс развитию под действием новых факторов.

Напротив, распространение консенсуальных союзов в Литве, которое началось в начале 1990-х гг. и может быть зафиксировано начиная с поколений, родившихся во второй половине 1960–1970-х гг. — дей-

Рисунок 4

**Кумулятивный к указанному возрасту процент мужчин и женщин, для которых первый союз с совместным проживанием партнеров начался с неформальных отношений (с сожительства)**



ствительно, новый феномен. Вплоть до самых последних изменений консенсуальные союзы в Литве можно было рассматривать как пример девиантного поведения. Однако с 1990-х гг. они быстро набирают популярность.

Во всех анализируемых странах распространение сожительства прямо связано со снижением возраста, в котором начинались брачно-партнерские отношения в форме консенсуального союза. Каждое новое поколение во все более молодом возрасте обретало первый опыт совместной жизни без соответствующей регистрации отношений.

Однако исходные уровни распространенности консенсуальных союзов и траектории их последующего роста сильно различаются в представленных странах. Как показывает *рис. 4*, в России самые старшие поколения свои первые союзы формировали на основе неформальных отношений в два раза чаще, чем в двух других рассматриваемых странах. Последующие когорты (родившиеся в 1940–1950-х гг.) следовали такому же брачному поведению. Следовательно, можно заключить, что в России легитимность консенсуальных союзов имеет корни в прошлом и изначально не была связана с ценностно-нормативными факторами, ассоциируемыми со Вторым демографическим переходом.

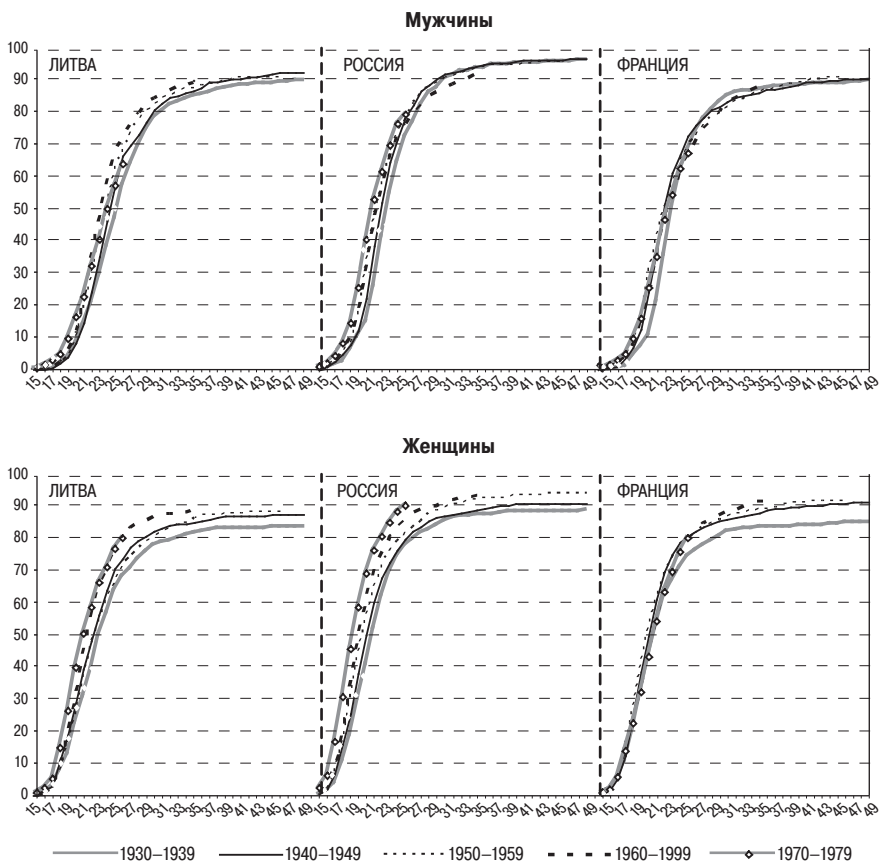
**Формирование первых союзов в форме брака или консенсуального союза.** Анализ первых партнерских союзов без разделения их на браки и консенсуальные союзы свидетельствует о том, что возрастные стратегии формирования первых союзов с совместным проживанием партнеров и доля взрослых индивидов, имевших когда-либо в своей биографии опыт супружеской жизни, не испытали существенных изменений в поколениях, родившихся между 1930 и 1979 гг., ни в одной из рассматриваемых стран (*рис. 5*). Однако более детальное рассмотрение показывает, что небольшое различие в трендах изменения возраста начала первого партнерства все-таки имело место:

- 1) возраст наступления первого брачно-партнерского союза понемногу снижался с каждым новым поколением в Литве и России. Более того, доля тех, кто имел опыт первых союзов к тому или иному возрасту, увеличилась среди женщин во всех странах и среди мужчин в Литве. Между тем заметных возрастных различий формирования первых союзов между поколениями во Франции, кроме женских поколений 1930–1939 гг. рождения, не обнаружено (*рис. 5*);
- 2) в России выявлены наивысшие показатели когда-либо имевших опыт брачно-партнерских союзов для мужчин, в то время как во Франция — самые низкие.

Соответственно во всех странах снижение доли вступающих в первый партнерский союз в форме брака компенсировалось увеличением доли тех, кто выбирал неформальные отношения для первого союза. Более того, снижение возраста формирования консенсуальных союзов в Литве и России было результатом более раннего наступления первых союзов в целом.

Анализ текущей литовской и российской статистики брачности обычно приводит к заключению, что в этих странах в связи с изменив-

**Кумулятивный к указанному возрасту процент мужчин и женщин, когда-либо состоявших в брачно-партнерских союзах всех типов**



шимися условиями брак откладывается на более поздний возраст. Однако проведенный выше анализ поставил вопросы, ответы на которые могут привести к противоположным выводам. А вдруг откладывание брака не более чем иллюзия? Может быть, снижение брачности проявляет себя как откладывание брака только на начальной стадии трансформации модели формирования семьи? Почему бы не предположить, что Россия и Литва, в которых «золотой век» брака с его ранним всеобщим браком, низкой долей окончательного безбрачия и низкой распространенностью консенсуальных союзов длился вплоть до 1990-х гг., сегодня адаптируют тип формирования брачно-партнерских союзов

с низкой интенсивностью регистрации браков при первом опыте совместного проживания партнеров (*рис. 2*) и доминированием консенсуальных союзов в молодом возрасте (*рис. 4*), сходный с тем, что практиковали французы, родившиеся в 1960–1970-х гг.?

## *2.2. Межпоколенные различия в возрастных стратегиях вступления в первый союз*

Анализ кумулятивных функций вступления в первые союзы (в форме брака или консенсуального союза) к конкретному возрасту высвечивает особенности стратегии формирования первых партнерских союзов в рассматриваемых странах в разрезе поколений и пола. Он также дает возможность идентифицировать авангардные поколения, которые первыми адаптируют новую модель формирования брачно-партнерских союзов.

### ***Возраст вступления в первый союз, начавшийся с регистрации брака***

Браки мужчин в очень молодом возрасте (до 20 лет) были нечастым явлением в поколениях 1930–1940–1950-х гг. во всех изучаемых странах — к 20 годам не более 10% мужчин имели брачный опыт. В Литве и России тот же уровень поддерживался и в поколениях, родившихся в 1960-х — первой половине 1970-х гг. (*рис. 6*). Начиная с когорт 1960-х гг. рождения во Франции и рожденных во второй половине 1970-х гг. в России и Литве частота регистрации браков при первом партнерском союзе в очень молодом возрасте резко падает, и доля когда-либо состоявших в браке к возрасту 20 лет совсем снижается во всех странах, приближаясь к нулю во Франции.

Омоложение брачности после Второй мировой войны привело к возрастанию доли женщин, когда-либо регистрировавших брак со своим первым партнером (*рис. 6*). Данная тенденция прослеживается во Франции для поколений 1930–1940-х, в России — для поколений 1930–1960-х гг. рождения. В Литве тот же тренд был характерен вплоть до когорт, родившихся в первой половине 1970-х гг. Наивысших значений доля женщин, когда-либо состоящих в браке к 20 годам, достигла в России в поколениях 1950–1960-х гг. рождения, превысив 30% (32% и 35% соответственно для данных поколений). Браки юных женщин с первым партнером широко распространились и во Франции: в поколениях 1930–1950-х гг. рождения к возрасту 20 лет почти 30% состояли в браке. Этот факт обычно интерпретируют как свидетельство насту-

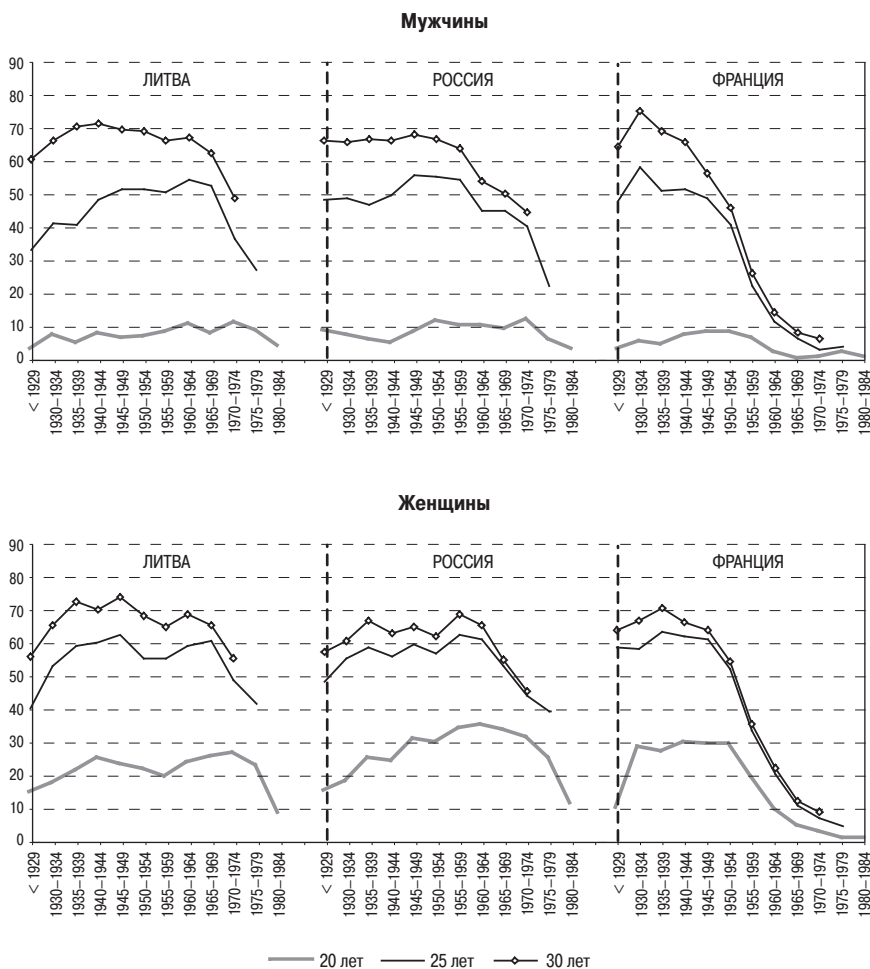


пления «золотого века» брака в развитых странах. В Литве, несмотря на заметный рост ранних браков, данный показатель для женщин так и не превысил 25% (рис. 6).

Динамика доли зарегистрировавших брак с первым партнером к возрасту 25 лет показывает, что в Литве переход от поздне-

Рисунок 6

**Кумулятивный процент мужчин и женщин, для которых первый союз с совместным проживанием партнеров начался с регистрации брака**



Примечание: здесь и для рис. 7, 8 к возрасту 20, 25 и 30 лет, реальные поколения второй половины 1920-х — первой половины 1980-х гг. рождения.

го к более раннему браку среди женщин пришелся на поколения 1930–1940-х гг. рождения, а среди мужчин — на последующие поколения 1950–1960-х. Однако поколения 1970-х гг. рождения вновь продемонстрировали снижение интенсивности заключения брака (или его откладывание). Изменения интенсивности заключения браков с первым партнером не совсем очевидны в России. Сдвиг в сторону более ранней брачности в старших поколениях был незначительным по причине высокой распространенности ранних и очень ранних браков в прошлом. Снижение доли зарегистрировавших брак в первом союзе к 25 годам характерно для россиян, родившихся в 1960-е гг. Во Франции, переход от позднего к раннему браку отразился только на поколениях 1920–1930-х гг. (рис. 6). Последствия нового этапа эволюции брачности — перехода к новому типу брачно-партнерских отношений, сопряженного с глубоким падением коэффициентов брачности, — становятся очевидными во Франции уже для поколений 1940-х гг. рождения. Уменьшение доли мужчин и женщин, для которых первый партнерский союз является официальным браком, продолжается ускоренным темпом в поколениях 1950-х гг. рождения и достигает крайне низких значений в поколениях 1960-х гг. и последующих.

### ***Специфические различия в возрастной функции вступления в брак для некоторых поколений***

**Литва.** Зафиксированные колебания коэффициентов брачности в самых молодых возрастах для поколений 1960-х — первой половины 1970-х гг. послужили основанием для более детального анализа (рис. 6). Были проведены дополнительные расчеты со специальным акцентом на те возрастные группы, на брачном поведении которых в наибольшей степени сказались политические изменения в Литве в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Кумулятивные значения показателей для поколений 1968–1973 и 1965–1967 гг. рождения показывают, что мужчины этих когорт в возрастах 18–22 года и 23–25 лет значительно чаще заключали браки, чем представители предшествующих поколений. Такое поведение обусловлено политической нестабильностью в Литве в конце 1980-х — начале 1990-х гг. С самого начала периода национального возрождения и активизации движения за независимость, так же как и вскоре после принятия Декларации о независимости Литвы (в 1990 г.), которая не была признана советской центральной властью, молодые литовцы

предпринимали все усилия, чтобы избежать службы в Советской Армии. Наличие детей в зарегистрированном браке было одним из легальных оснований получить отсрочку или освобождение от обязательного призыва на воинскую службу. В результате число браков среди мужчин призывного возраста (18–25 лет) значительно возросло. В 1990 г. коэффициент брачности мужчин в возрасте до 20 лет был в 1,8 раза выше, чем в 1985 г. [Statistics Lithuania, 1991]. Однако с начала 1990-х гг. брачность мужчин в Литве значительно снизилась, наиболее сильно с 1992 по 1994 г., особенно среди молодых мужчин. За 1991–1998 гг. коэффициент брачности для мужчин в возрасте до 20 лет снизился на 63%, а для 20–24-летних мужчин — на 53% [Statistics Lithuania, 1992; Statistics Lithuania, 1999]. Мужчины старших возрастов снизили брачность менее заметно. Сходное снижение коэффициентов брачности продемонстрировали и женщины.

Вслед за высоким процентом формирования семей в самых ранних бракоспособных возрастах для когорт 1968–1973 гг. рождения и к 23–25 годам для когорт 1965–1967 гг. рождения последовало медленное снижение интенсивности вступления в брак для этих же поколений в старших возрастах. Специфический тренд омоложения брачности был недолгим и завершился к концу 1980-х гг. На его смену пришли флюктуации возрастных характеристик брачности, которые в свою очередь открыли путь новому тренду повышения возраста вступления в брак. Так, представители поколений 1968–1973 гг. рождения продемонстрировали специфическое брачное поведение, когда достигли бракоспособного возраста. Возрастная функция вступления в первый брак была крайне необычна, особенно для родившихся в 1970–1973 гг. Крайне высокая доля мужчин и женщин из этих поколений заключила брак в 18, 19 и 20 лет в конце 1980-х — начале 1990-х гг. А в возрасте 22–24 года коэффициенты брачности у них, напротив, были существенно ниже, чем у предыдущих поколений.

Однако необходимо сделать еще одно дополнительное замечание, касающееся прочих специфических условий, сложившихся в Литве в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и оказавших воздействие на брачное поведение молодых мужчин, входящих в бракоспособный возраст. Как было указано выше, в начале 1990-х гг. некоторые мужчины женились раньше, чтобы избежать службы в Советской Армии. Другая часть молодых мужчин добивалась того же поступлением в высшие

учебные заведения<sup>4</sup>. Действующий в то время в СССР закон предполагал отсрочку от призыва на период до завершения образования. Те же молодые люди, что не женились и не обучались в высших учебных заведениях, «уходили в бега», т. е. непосредственно скрывались от призыва. Итак, первая группа мужчин женилась раньше, чем обычно, усиливая тенденцию к омоложению брачности, в то время как вторая и третья группы откладывали брак по причине обучения или полуплебального образа жизни. Такая ситуация поддерживалась в течение 3-х лет (в 1989–1991 гг.) до момента международного признания независимости Литвы. Далее последовал экономический кризис, достигший своего апогея в 1992 г. и продолжавшийся вплоть до 1995 г. Это вызвало очередную коррекцию брачного поведения упомянутых выше когорт, на сей раз в силу влияния экономического фактора. В поисках путей для выживания значительная часть молодых людей вовлеклась в коммерческую миграцию — челночную торговлю со странами Запада. Расширившиеся связи с западными странами привели к проникновению западных ценностей и предпочтений в литовскую социальную жизнь, поэтому неслучайно, что те, кто не вступил в брак по достижении бракоспособного возраста в конце 1980-х — начале 1990-х гг., продолжали откладывать его. В этой группе новые формы брачно-партнерских отношений распространялись быстрее всего, институционализация семейной жизни начала ослабевать, и консенсуальные союзы получили распространение.

**Россия.** Мужчины, родившиеся в 1945–1949 гг., продемонстрировали более значительное увеличение частоты ранних браков, чем женщины тех же когорт. Отчасти это объясняется тем, что в 1966 г. срок службы в армии по призыву был сокращен на один год (с 3-х до 2-х лет в наземных и воздушных частях и с 4-х до 3-х лет на флоте). В результате больше мужчин могло жениться к 20 годам и еще больше к возрасту 25 лет. Аналогично резкое падение доли мужчин, зарегистрировавших брак к 25 годам, из числа рожденных в 1960–1964 гг., может быть связано с изменениями в законе о призыве на воинскую службу. После вторжения Советской Армии в Афганистан (1979 г.) власти внесли изменение в соответствующее законодательство с целью расширения числа категорий мужчин, подлежащих призыву [Градо-

---

<sup>4</sup> В это время в Литве были введены специальные меры, направленные на освобождение молодых мужчин от службы в Советской Армии путем предоставления им права приоритетного доступа к системе высшего образования.

сельский, 2005]. С 1984 по 1988 г. подлежали призыву даже студенты высших и средних специальных учебных заведений после завершения первого академического года, что не имело прецедента в мирное время. На *рис. 6* четко отражен «афганский след», выразившийся в падении доли мужчин, для которых первый союз стал зарегистрированным браком к 25 и 30 годам.

Имелись и другие причины, объясняющие, почему от поколения к поколению наблюдались флюктуации доли женщин, когда-либо вступивших в брак, нарушающие общий тренд омоложения брачности. Так, для весьма специфической когорты, родившихся в 1940–1944 гг., снижение доли женщин, вступивших в брак, может быть связано с более высокой миграционной подвижностью и резким повышением уровня достигнутого образования, последовавшего за отменой платы за обучение в старших классах средней школы (8–11-е классы), в средних и высших профессиональных учебных заведениях. Более низкая вероятность вступления в брак также может объясняться плохим здоровьем и высокой распространенностью сиротства и бедности, характерных для данных поколений («дети войны»).

Для когорт 1950–1954 гг. рождения снижение брачности связано с масштабной миграцией молодых женщин из сельской местности в города в 1970-х гг. вследствие завершения паспортизации сельского населения (1974 г.) и открывшихся возможностей для девушек покидать свои деревни для получения образования и работы без специального разрешения местных властей. Если говорить в целом, то Россия в эти годы завершала урбанизационный процесс, что не могло не сказаться на брачном поведении. Напротив, более высокие показатели брачной активности в поколениях 1955–1964 гг. рождения мы можем ассоциировать с новыми мерами семейной политики, введенными в действие в начале 1980-х гг. (включая такую инновацию, как отпуск по уходу за ребенком, не существовавший прежде). Брачный рынок для женщин, представляющих эти поколения, был очень выигрышным в конце 1970-х — начале 1980-х гг., принимая во внимание многочисленность потенциальных женихов, которые, согласно традиции, должны быть на 2–4 года старше невест.

Скачок в доле мужчин и женщин, вступивших в брак к возрасту 20 лет, отмеченный для когорт, родившихся в первой половине 1970-х гг. (*рис. 6, 8*), вероятно, был связан с либерализацией законодательства об обязательном призыве на воинскую службу. В 1989 г. было призвано 70% всех мужчин призывного возраста, в то время как в 1991 г. только

около 48% [Градосельский, 2005]. Очень ранний брак и рождение ребенка гарантировали, что молодой человек надолго освобождался от призыва. В дополнение к этому следует отметить, что в конце 1980-х — начале 1990-х гг. активизировался давний тренд снижения возраста сексуального дебюта, подтолкнувший к более раннему браку женщин, рожденных в первой половине 1970-х гг. [Кон, 1997; Голод, 2005].

Как указывалось выше, консенсуальные союзы (сожительства) в России стали распространенным явлением в 1920–1930-х гг., намного раньше, чем во Франции и в Европе в целом. Так, в поколениях россиян, родившихся до войны и формировавших свои семьи в 1950-х гг., до 20% мужчин и женщин в возрастах до 30 лет строили свои первые союзы на основе неформальных отношений. К тому же послевоенная тенденция начинать супружескую жизнь в более раннем возрасте, рассмотренная выше, сопровождалась медленным, но последовательным ростом распространенности неформальных союзов среди молодежи (рис. 4). В то же время весьма вероятно, что временное падение доли тех, кто начинал свои первые союзы с сожительства в поколениях женщин 1955–1965 гг. рождения, объясняется усилением государственной семейной политики в 1980-х гг., принесшей дополнительные преимущества зарегистрированным бракам. Однако уже среди представителей поколений, родившихся во второй половине 1960-х гг., консенсуальные союзы начинают бурно распространяться. Сегодня до 25% женщин к возрасту 20 лет и до 45% к возрасту 25 лет не регистрируют брак, начиная жить с партнером. Данные для мужчин подтверждают эти цифры: 40–45% первых союзов — неформальные союзы.

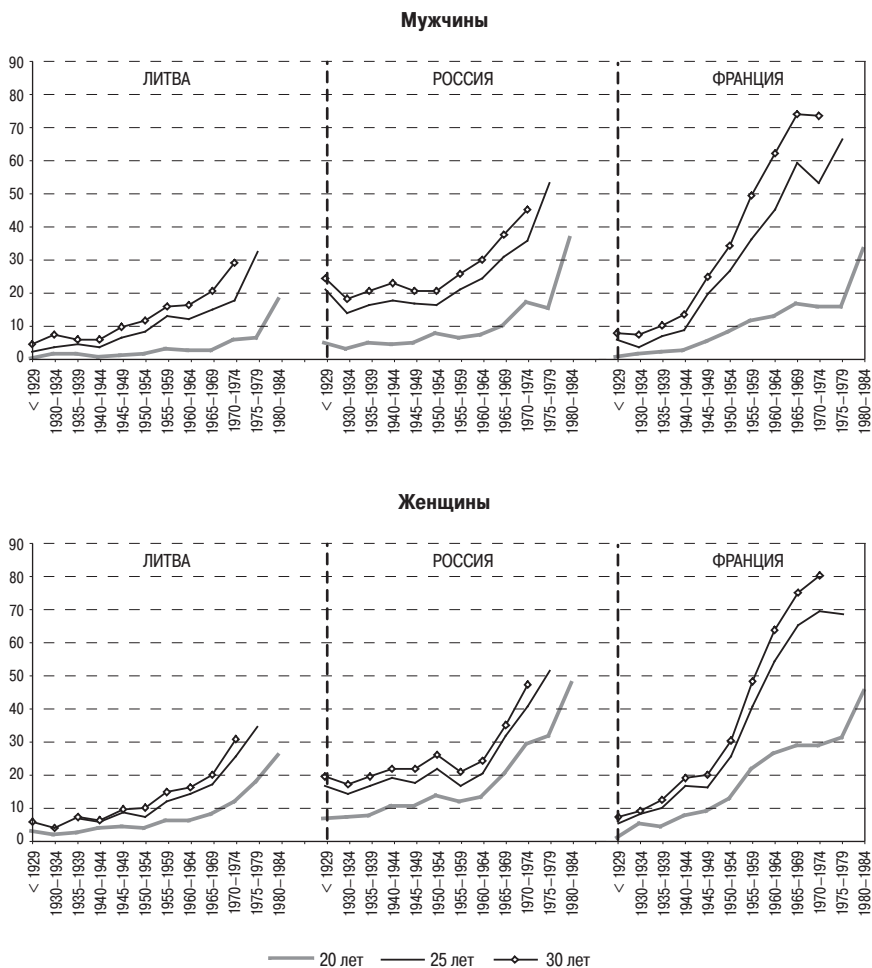
#### ***Возраст вступления в первый союз, начавшийся как консенсуальный***

Динамика доли первых брачно-партнерских союзов, начавшихся как консенсуальные, к возрасту 20, 25 и 30 лет, по сути, противоположна динамике доли первых союзов, основанных на официальном браке (рис. 6, 7).

За быстрым снижением коэффициентов брачности в молодых возрастах последовал рост распространенности консенсуальных союзов во всех странах. Однако Литва в отношении уровня и скорости распространения консенсуальных союзов стоит в стороне от Франции и России: очень низкий процент первых союзов, основанных на неформальных отношениях, поддерживался в Литве среди поколений, родившихся и в 1930-х, и в 1940-х, и в 1950-х гг. (рис. 7).

Рисунок 7

**Кумулятивный процент мужчин и женщин, для которых первый союз с совместным проживанием партнеров начался с неформальных отношений**

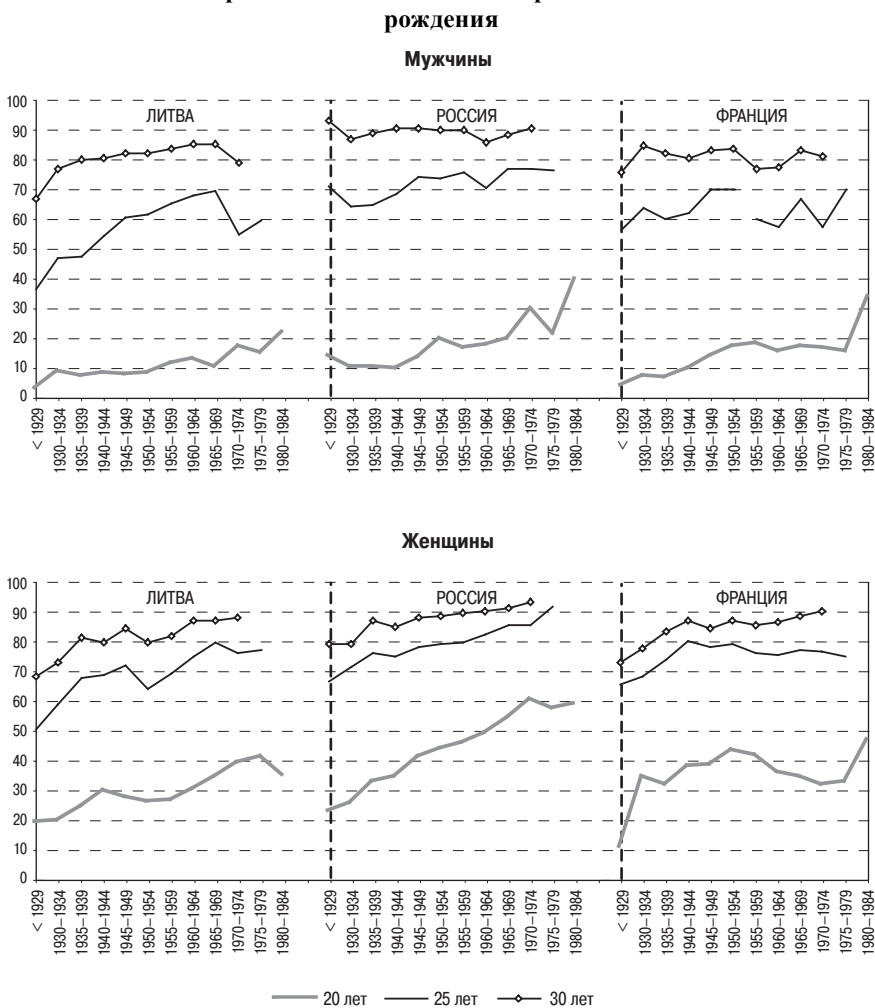


**Возрастные особенности формирования первого союза в разных странах**

Основные выводы, которые могут быть сформулированы исходя из сравнительного изучения возрастных характеристик формирования первых брачно-партнерских союзов всех типов в разрезе реальных поколений в Литве, России и Франции (рис. 5, 8), сводятся к следующему:

Рисунок 8

**Кумулятивный процент мужчин и женщин, имевших когда-либо опыт совместного проживания с партнером (в форме брака или консенсуального союза): к возрасту 20, 25 и 30 лет, реальные поколения второй половины 1920-х — первой половины 1980-х гг.**



- 1) наивысшее значение доли лиц, когда-либо проживавших с партнером в форме брака или консенсуального союза, было достигнуто в России, и это преимущество на фоне Литвы и Франции сохранялось для всей рассмотренной последовательности поколений;



- 2) наибольшие межпоколенные изменения в возрастных характеристиках формирования первых союзов касаются женщин во всех трех странах. Рост доли женщин, формирующих свои первые союзы в раннем и очень раннем возрасте, — очевидный факт, особенно ярко это проявилось в России;
- 3) для литовских мужчин переход от позднего формирования первых союзов, характерного для старших поколений, к более раннему началу совместной жизни, не очевиден. В то же время брачно-партнерское поведение самых молодых из рассмотренных поколений было нарушено: прирост доли тех, кто начинает семейную жизнь в очень раннем возрасте (к возрасту 20 лет), сочетается со снижением в старших возрастах (итоговой) доли лиц, когда-либо имевших опыт совместного проживания с партнером (причины, лежащие в основе этих изменений, обсуждались выше).

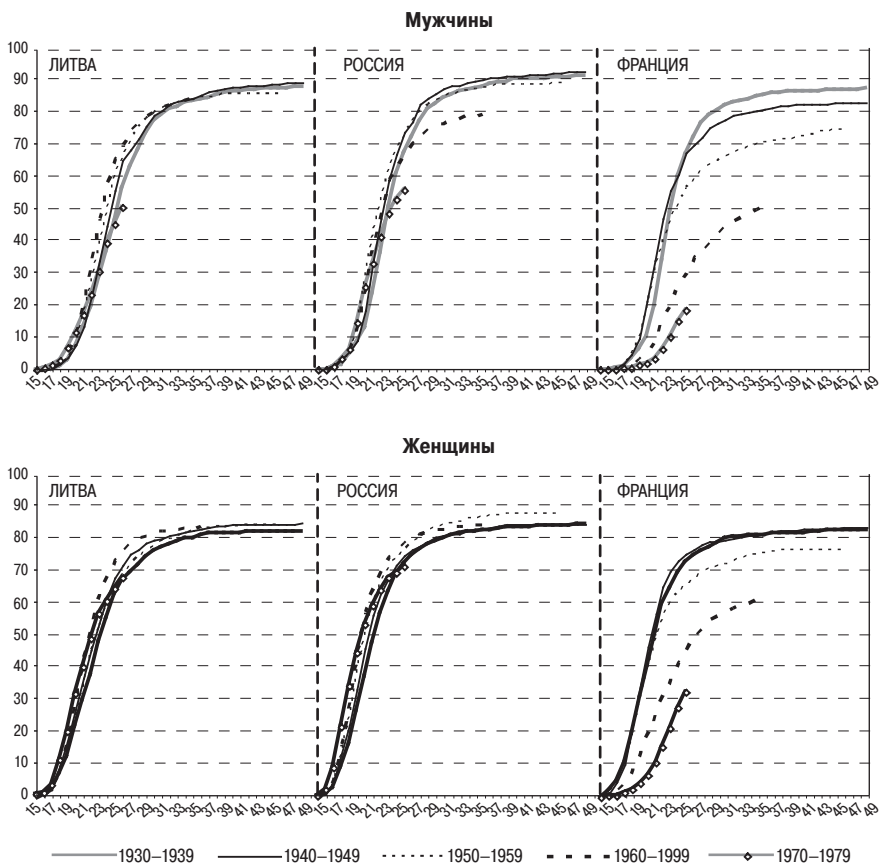
### *2.3. Первые браки: межпоколенная динамика*

При переходе от старших к младшим поколениям снижается доля лиц, регистрирующих брак в первых союзах. Сожительства среди обретающих опыт совместного проживания партнеров становятся общей практикой. Во Франции этот тренд берет свое начало несколько десятилетий назад. В России первые союзы, основанные на неформальных отношениях, хотя и охватывают значимый сегмент общества в первой половине XX в., лишь с начала 1990-х гг. становятся массовым явлением [Zakharov, 2008]. Для Литвы изменение стратегии формирования первых партнерских союзов, — без сомнений, новый феномен, возникший в начале 1990-х гг., тем не менее быстро получающий распространение.

Сожительство становится альтернативой официальному браку как форме супружества или является лишь прелюдией нормативного брака? Есть много способов ответить на этот вопрос. В данном исследовании мы ограничимся рассмотрением процесса формирования первых союзов, не слишком углубляясь в историю вопроса и не изучая длительность сожительств или вероятность перехода от сожительства к браку в жизненном цикле семьи.

В Литве, как следует из *рис. 9*, брак долго оставался нормативной формой семейных отношений — итоговые показатели брачности оставались высокими, превышая 80% мужчин и женщин, когда-либо со-

**Кумулятивный к указанному возрасту процент мужчин и женщин, когда-либо состоявших в официальном браке**



стоявших в браке во всех поколениях, кроме самой молодой когорты. Лишь поколения 1970–1979 гг. рождения обнаруживают первые признаки снижения коэффициентов брачности. В России мужчины начинают снижение интенсивности заключения браков на десятилетие раньше (начиная с поколений 1960–1969 гг. рождения), но снижение начинается с еще более высокого уровня итоговой брачности — 90% и выше от общей численности мужчин в предшествующих поколениях. А во Франции брак оставался типичной формой союзов для большинства только среди представителей поколений, появившихся на свет в 1930–1940-х гг., для которых итоговый показатель вступления в пер-

вый брак превышал 80%. Затем с каждым новым поколением французов доля, когда-либо проживавших в официальном браке, снижалась, а если брак и регистрировался, происходило это во все более старших возрастах.

### **3. Отношение населения к новым формам брачно-партнерских отношений**

Существует очевидная взаимосвязь между распространенностью консенсуальных союзов и позитивным отношением населения к данному феномену: чем шире распространяются консенсуальные союзы в обществе, тем выше толерантность к ним и все более предпочтителен для населения данный тип партнерских отношений.

Доля респондентов, которые полагают, что *«это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться»*, имеет самое низкое значение в Литве (рис. 10). Однако ситуация в Литве меняется быстро при переходе от старших возрастных групп к младшим. Среди представителей старших поколений, родившихся в 1930-х гг., позитивно рассматривают такой модус поведения лишь около 10%, в то время как из числа родившихся в 1970–1980-х гг. — около 60%. Низкий уровень принятия консенсуальных союзов в Литве может быть связан с тем, что данный феномен имеет очень короткую историю. В то же время результаты различных исследований позволяют утверждать, что Литва — страна с относительно консервативным населением [Katus et al., 2008; Stankuniene, Maslauskaite, 2008].

Среди рассматриваемых стран позитивные установки по отношению к консенсуальным союзам наиболее высоки во Франции, где этот тип отношений присутствует уже несколько десятилетий. Во Франции более половины респондентов самых старших возрастных групп (родившихся в 1930-х гг.) высказывают позитивное отношение к супружеским парам, юридически не оформившим свои отношения. Среди молодых респондентов из поколений 1970–1980-х гг. рождения положительное восприятие данной практики находится на уровне 80%. Во Франции, в отличие от Литвы и России, консенсуальные союзы положительно принимаются и на уровне ценностных установок, и на уровне поведенческих практик. Так, Франция демонстрирует наиболее высокий процент респондентов, «полностью согласных» с утверждением, что нормально жить с супругом, не регистрируя брак. Строго позитив-

ное восприятие консенсуальных союзов у французов возрастает с 32% среди родившихся в 1930-х гг. до 60% среди родившихся в 1980-е гг. Напротив, «полностью согласные» с рассматриваемым утверждением весьма малочисленны в Литве и России, хотя и наблюдается увеличение их доли в младших возрастных группах. Среди мужчин и женщин самых старших возрастных групп строго положительное отношение к консенсуальным союзам высказывают 2–3%, а среди самых младших — 14–16%.

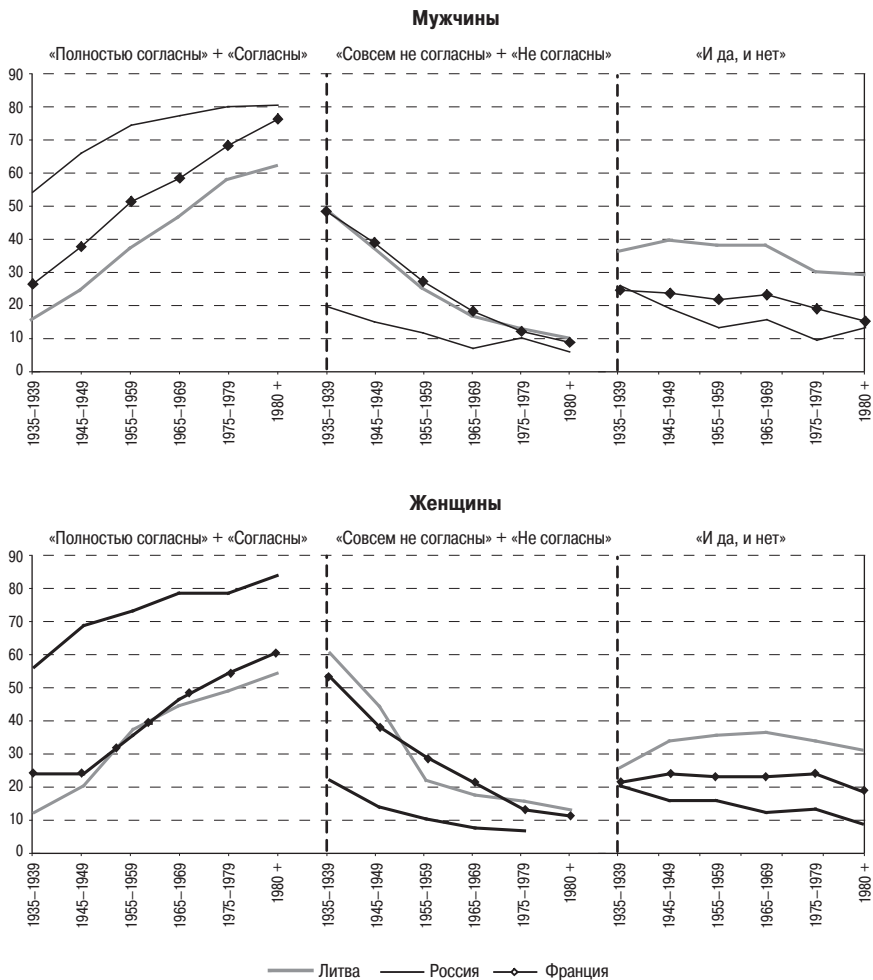
Если говорить в целом, то Россия занимает промежуточное положение среди трех стран по степени позитивного восприятия обществом практики консенсуальных союзов.

Литва отличается от Франции и России высокой долей тех респондентов, которые не высказывают определенного отношения к консенсуальным союзам: около 1/3 респондентов отвечают «и да, и нет» на вопрос о «нормальности» данной практики (*рис. 10, Приложение 4*). По существу, речь может идти о выраженной социальной аномии в ответ на быстрое изменение ценностей и норм в весьма консервативной среде (как результат рассогласования между ценностями и стандартами). Заметим, что высокая частота неопределенных ответов при выражении собственного мнения наблюдалась и в других обследованиях населения, проведенных в Литве [Stankuniene, Maslauskaite, 2008].

Мы не обнаружили существенных социально-демографических различий в отношении населения к консенсуальным союзам, за небольшим исключением литовских и российских женщин, продемонстрировавших несколько более высокий уровень консерватизма, выраженный в более низкой доле позитивных ответов (*рис. 10, Приложение 4*). Анализ мнений относительно консенсуальных союзов в разрезе групп населения по уровню образования показывает, что имеющиеся различия крайне незначительны и не имеют четкой тенденции. Только в Литве прослеживается большая склонность молодежи к высказыванию положительных мнений относительно сожительства без регистрации брака. Кроме того, в Литве пожилые люди более склонны выражать нейтральную позицию («ни за, ни против») по отношению к данной форме семейного союза.

Субъективная оценка консенсуальных союзов предоставляет важную информацию о том, насколько универсальным и фундаментальным является процесс перехода к новому жизнеустройству и как он будет развиваться в будущем. Чем более позитивно отношение, тем более фундаментальны сдвиги в деинституционализации семьи. Превалирование отрицательных оценок по отношению к некоторым типам се-

Отношение респондентов к консенсуальным союзам



Примечание: ответы на вопрос: «Это нормально, когда неженатая пара живет вместе, даже если они не планируют пожениться»; поколения мужчин и женщин, родившиеся в 1930–1980-х гг.

мей диагностирует социальное неприятие новых практик и, возможно, медленное осознание изменений. Отсутствие определенного мнения («ни да, ни нет») может указывать на индифферентное, нейтральное или толерантное отношение к изменениям, так же как и на негостеприимные условия для распространения феномена.

## 4. Консенсуальные союзы в Литве, России и Франции: сходство и различия

### 4.1. Развитие процесса и типы консенсуальных союзов: обобщение результатов предыдущих исследований

В предыдущем разделе статьи были идентифицированы авангардные поколения, которые первыми адаптировали в своем поведении новые модели формирования семьи. Следующая задача — обнаружить «первопроходцев» деинституциализации семьи, принимая во внимание социокультурные и прочие структурные факторы. Другими словами, нужно понять, являются ли социальные силы, предрасполагающие к тому, что индивиды выбирают в качестве формы совместной жизни консенсуальный союз, одинаковыми во всех странах, несмотря на различия в тенденциях распространения данного типа союза во времени. Представляют ли «первопроходцы» практики консенсуальных союзов одни и те же социально-демографические и социокультурные группы населения во всех трех странах?

Вопросы о природе консенсуальных союзов и «пионерах» распространения данного типа семейных союзов широко дискутируются в научной литературе. Имеется множество публикаций, посвященных данной теме, в которых анализируется опыт отдельных стран [Ноем, 1986; Villeneuve-Gokalp, 1991; Thornton, 1991; Toulemon, 1997; Raley, 1996; Björnberg, 2001; Seltzer, 2000; Smok, 2000; Smock, Gupta, 2002; Smock, Manning, 2004; Kulik, 2005; Kostova, 2007; Philopov, Jasilioniene, 2007; Mynarska, Bernardi, 2007], а также межстрановых исследований [Kiernan, 2001, 2002, 2004; Heuveline, Timberlike, 2004; Liefbroer, Dourleijn, 2006; Sobotka, Toulemon, 2008]. В демографической и социологической литературе обычно используются два подхода к рассмотрению консенсуальных союзов как феномена: первый рассматривает их в контексте более широкого процесса трансформации семьи и использует степень их распространения в качестве индикатора (наряду с другими) общего процесса изменения характеристик семьи; в рамках другого подхода исследователи занимают реверсивную позицию: консенсуальные союзы *per se* становятся в центр исследовательского интереса и как бы выделяются из контекста дискуссии об общих закономерностях процесса трансформации семьи. Эта исследовательская стратегия соответствует целям нашего исследования и будет вкратце обсуждена ниже.

Главный вопрос, требующий ответа, — идентификация «первопроходцев» такой поведенческой практики, как консенсуальный союз. В странах, где консенсуальный союз не является доминантной формой брачно-партнерских отношений, «первопроходцы» должны быть специфической, выделяющейся социальной группой. С позиции индивида выбор в пользу консенсуального союза есть селективный процесс в терминах ценностных ориентаций или социально-экономических условий. При этом в исследованиях обычно контролируется некоторый набор переменных.

Селективная гипотеза предполагает, что на индивидуальный выбор влияют уровень достигнутого образования и социально-экономический статус. В ряде предыдущих исследований доказывалось, чем ниже уровни образования и дохода, тем выше предрасположенность к консенсуальным союзам [Bumpass, Lu, 2000; Thornton, Axinn, Teachman, 1995; Wait, 1995].

В последнее время при проверке селективной гипотезы по отношению к консенсуальным союзам стали привлекаться социокультурные факторы: в списке переменных стали появляться отношение к религии, ценностные ориентации и мнения [Smock, Gupta, 2002]. Эффект степени религиозности, гендерных предпочтений и отношений к браку проверялся в отношении лиц, проживающих в консенсуальных союзах [Björnberg, 2001; Batalova, Cohen, 2002; Bernhardt, 2002; Reneflot, 2007; Mynarska, Bernardi, 2007; Régnier-Loilier, Prioux, 2009].

На межпоколенном уровне анализа опыт развода родителей или воспитание в неполной семье считаются важнейшими факторами, подталкивающими к принятию новых стратегий формирования семьи. Есть исследования, доказывающие, что опыт проживания в детстве в неполной семье повышает риск формирования союза на основе сожительства, а не брака [Thornton, 1991; Axinn, Thornton, 1996; Turcotte, Bélanger, 1997; Wolfinger, 2005]. Теоретическое объяснение этой взаимосвязи опирается на идею о том, что дети, пережившие развод родителей или воспитывавшиеся в неполной семье, имеют другое представление о долге и обязательствах и будут склонны выбирать нетрадиционные формы семейных отношений.

На основании результатов ранее проведенных исследований можно сделать несколько выводов. Во-первых, гипотеза селективности применима в большей степени к Литве и России, характеризующимся меньшей распространенностью консенсуальных союзов, чем Франция. Можно также предположить, что во Франции людей, начавших

свой первый союз с неформальных отношений, не будет так сильно отличать какой-то определенный набор характеристик, как в Литве или России. Во-вторых, в анализ необходимо включить факторы семейной жизни родителей и старших поколений в семье — можно предвидеть, что развод родителей, пережитый в детстве, будет располагать взрослеющих детей к вступлению в консенсуальный союз; можно также ожидать, что существует зависимость брачного поведения детей от качества отношений в родительском союзе — привлекательность брака может быть ниже для тех детей, у родителей которых была низкая удовлетворенность своим брачным союзом. В-третьих, необходимо принимать во внимание индивидуальные демографические особенности поколения, структурные характеристики (образование, занятость, место жительства) и такие социокультурные факторы, как религиозность.

Все эти факторы будут учтены в дальнейшем анализе, использующем логистические регрессии. Зависимая переменная определяется как тип первого партнерского союза, где значение 1 присвоено первым союзам, начавшимся как консенсуальный союз, а значение 0 тем союзам, которые начались как зарегистрированный брак. В дополнение к модели, которая была применена для всех поколений, были сконструированы два других набора логистических регрессий — для когорт респондентов, родившихся до и после 1960 г., чтобы идентифицировать «первопроходцев» и проверить являются ли факторы когортно-зависимыми.

#### *4.2. «Первопроходцы» в формировании консенсуальных союзов*

**Индивидуальные факторы.** Как следует из предыдущих разделов статьи, возраст является, вероятно, самым существенным фактором, с которым связано принятие нового пути формирования семьи. Во всех рассматриваемых странах вероятность формирования консенсуального союза непосредственно связана с возрастом (*табл. 2*): чем моложе когорты, тем больше риск такого союза. Во Франции высокие шансы формирования первого партнерства в форме консенсуального союза имеют все когорты родившихся после 1940 г., это касается в равной степени и мужчин, и женщин. Для когорт, родившихся в 1960-х гг., эта вероятность возрастает особенно стремительно, что отражает изменения в демографическом развитии французской семьи в 1960-е гг., когда происходило быстрое замещение браков консенсуальными союзами.



Таблица 2

**Относительный риск формирования первого партнерства в форме  
консенсуального союза для женщин и мужчин**

Факторы	Женщины			Мужчины		
	Литва	Россия	Франция	Литва	Россия	Франция
<i>R год рождения</i>						
1930–1939	1	1	1	1	1	1
1940–1949	1,98***	1,2	1,66***	1,29	1,27	2,19***
1950–1959	4,35***	1,46***	3,75***	2,11***	1,18	5,18***
1960–1969	5,64***	2,02***	14,93***	2,96***	2,09***	17,89***
1970–1979	12,11***	4,12***	19,75***	6,03***	3,42***	20,58***
<i>R образование</i>						
Высшее	1	1	1	1	1	1
Среднее	0,96	1,09	0,93	0,72***	1,46***	0,86
Ниже среднего	1,8***	1,47***	0,51***	0,88	1,65***	0,68***
<i>R занятость</i>						
Работает	1	1	1	1	1	1
Безработный	1,03	0,92	1,18	1,07	1,06	0,91
Другое	1,07	1,09	0,9	1,08	0,9	0,67***
<i>Тип поселения</i>						
Сельские поселения (≤ 10 000 жителей)	1	1	п. а.	1	1	п. а.
Города (10 до 100 000 жи- телей)	1,39**	1,15	п. а.	1,61***	1,32**	п. а.
Другие города (более 100 000 жителей)	1,11	1,68***	п. а.	1,27*	1,95***	п. а.
Столичные города#	1,14	2,17***	п. а.	1,19	2,36***	п. а.
<i>R религия/частота посещения церкви</i>						
Неверующие	1	1	1	1	1	1
Католики/≥1 в неделю	0,66		0,28***	0,56**		0,25***
Католики/≥1 в месяц	0,8		0,49***	0,58***		0,81
Католики/≥1 в год	0,97		0,63**	0,7**		0,65**
Католики/иногда	1,07		0,88	0,89		0,99
Православные/≥1 в неделю	1,24	0,89		0,7	1,18	
Православные/≥1 в месяц	1,11	0,77**		1,04	1,58*	
Православные/≥1 в год	1,95	0,76***		1,15	0,89	
Православные/иногда	0,8	0,81*		1,29	0,89	
Мусульмане/≥1 в неделю		1,02	0,22***		0,19***	0,15***
Мусульмане/≥1 в месяц, год или иногда		0,28***	0,15***		0,36***	0,45***
Другое		0,76	0,89		0,842	0,41***

Факторы	Женщины			Мужчины		
	Литва	Россия	Франция	Литва	Россия	Франция
<i>Родительская семья</i>						
Родители живут вместе/жили вместе	1	1	1	1	1	1
Разведены	0,86	1,26**	1,22	1,15	1,36**	1,07
Никогда не жили вместе	0,48	0,89	1,2	0,92	0,82	2,17
<i>Оценка брака родителей</i>						
Хороший	1	1	1	1	1	1
Ни плохой, ни хороший	1,54**	1,24	0,72**	1,54*	1,24	0,73
Плохой	1,24**	1,2***	0,84	1,02	1,09	0,94
<i>Число наблюдений</i>	3344	4515	3746	3212	2687	2936
<i>R<sup>2</sup> (Показатель качества модели Нагелькерке)</i>	0,14	0,104	0,398	0,12	0,13	0,383
<i>-2Log псевдоправдоподобие</i>	2881,81	5195,74	3861,7	2899,21	3212,36	3065,93

*Примечания:* здесь и в табл. 3, 4 R — краткое обозначение респондента; \*\*\* — значимо на уровне 0,01%; \*\* — значимо на уровне 0,05%; \* — значимо на уровне 0,1%; п. а. — данные отсутствуют; # — Для России эта категория включает Москву и Санкт-Петербург.

Вероятность вступить в консенсуальный союз для наиболее пожилых женских когорт в Литве сопоставима с показателями для тех же когорт во Франции. Однако, в отличие от Франции, наиболее значительный рост этого показателя приходится на самую молодую женскую когорту, родившуюся в 1970-е гг. Подобные процессы наблюдаются и для мужского населения Литвы, начиная с когорт, родившихся в 1950-е гг., но риски пока не достигли уровня, зафиксированного для женских когорт. Таким образом, в Литве женщины опережают мужчин в принятии новой модели формирования семьи. Более того, в поколениях 1970-х гг. рождения консенсуальные союзы уже широко распространены, и особенно высокий риск вступления в такой союз имеют женщины.

В России относительно умеренный рост вероятности вступления в первое партнерство в форме консенсуального союза наблюдается для всех женских поколений, родившихся после 1950 г., и для мужских поколений, появившихся на свет после 1960 г. Несомненно, значимый вклад в этот процесс вносит тот факт (о нем мы говорили выше), что консенсуальные союзы имеют в России глубокие исторические корни. Они были распространены уже в самых старших поколениях.

Во Франции уровень образования является значимым предиктором неформального характера первого союза только для людей с самым низким уровнем образования (*табл. 2*). Вероятность того, что женщины и мужчины с низким уровнем образования начнут свое первое партнерство с сожительства гораздо ниже, чем для населения, имеющего высшее образование. Однако зависимость между низкой вероятностью консенсуального союза в качестве первого партнерства и низким уровнем образования более характерна для поколений, родившихся до 1960 г., и фактически не наблюдается в последующих поколениях (*табл. 3, 4*). Таким образом, только для старших поколений более низкий уровень образования действует как фактор селективности для «первопроходцев».

В Литве и России существует обратная зависимость между уровнем образования и шансами формирования консенсуального союза. При этом для населения Литвы характерны определенные гендерные различия (*табл. 2*). В России нет существенных различий ни для полов, ни для поколений: чем ниже уровень образования, тем выше вероятность того, что первый союз начнется с сожительства. Схожий тренд наблюдается и для женского населения Литвы, но ситуация с мужским населением совершенно иная (*табл. 3, 4*). Можно предположить, что это является следствием специфики литовского брачного (партнерского) рынка. Как показывают ранее проведенные исследования, более низкий уровень образования снижает символическую ценность мужчины как потенциального партнера, и самая большая доля никогда не вступавших в брак мужчин обнаруживается для поколений с самым низким уровнем образования, родившихся после 1950 г. [Stankuniene, 2006. P. 171]. Можно предположить, что мужчины с низким уровнем образования — не самые привлекательные партнеры для любого союза. Наши результаты воспроизводят ранее установленную зависимость между низким уровнем образования и высокой вероятностью консенсуального союза в Литве и России, за исключением мужского населения Литвы.

Фактически не нашла подтверждения связь между статусом на рынке труда и вероятностью формирования первого партнерства в форме консенсуального союза. Для занятых и безработных женщин и мужчин в Литве и России эти вероятности существенно не различаются. Исключение составляет Франция, в которой для женских когорт, родившихся до 1960 г., безработица увеличивала вероятность сожительства.

Тип поселения является сильным предиктором вероятности формирования первого союза в форме сожительства в России<sup>5</sup> (табл. 2). Городские жители с большей вероятностью, чем сельские, вступают в первое партнерство в форме консенсуального союза независимо от размера городского поселения, и эта закономерность характерна для женщин и мужчин обеих групп поколений. В отличие от России, Литва не демонстрирует такой четкой зависимости между типом поселения и склонностью к формированию первого партнерства в форме консенсуального союза. Вероятность начать семейную жизнь с сожительства значительно выше только в городах с населением менее 100 000 жителей. Эффект прослеживается и для обоих полов, и для поколений (табл. 3, 4). В Литве жители городов не отличаются более выраженной склонностью вступать в первое партнерство в форме консенсуального союза по сравнению с жителями сел.

Наш анализ включал один социокультурный фактор — религиозность. Для его измерения была использована переменная, интегрирующая признак формальной религиозной идентичности (принадлежность к конфессии) и частоту посещений церковных ритуалов (общинных служб или мессы). Были выделены несколько исторически доминирующих конфессий или религиозных сообществ в каждой стране. Были произведены замеры для общины католиков в Литве и Франции, православия в России и для ислама во Франции и России.

Было обнаружено, что для мусульман России и Франции конфессиональная принадлежность является сильным предиктором. В обеих странах женщины и мужчины, исповедующие ислам, с меньшей вероятностью, чем неверующие, вступают в первое партнерство в форме консенсуального союза (табл. 2). Зависимость между конфессиональной принадлежностью к исламу и типом первого союза ясно прослеживается для поколений, родившихся после 1960 г. для мужчин и женщин во Франции, а в России особенно для мужского населения (табл. 3, 4).

Для христианского населения Франции эффект религиозности одинаков для женщин и мужчин. В целом, женщины-христианки в меньшей степени склонны вступать в первый союз в форме сожительства,

---

<sup>5</sup> К сожалению, для Франции сконструировать сходные категории для типа поселения не представляется возможным, в силу того, что во французской базе данных возможная группировка по плотности населенных пунктов не может быть дополнена разбиением на городской и сельский тип поселения.

Таблица 3

**Относительный риск формирования первого партнерства в форме сожительства**

Факторы	Женщины			Мужчины		
	Литва	Россия	Франция	Литва	Россия	Франция
<i>R год рождения</i>						
1930–1939	1	1	1	1	1	1
1940–1949	1,71**	1,18	1,59***	1,31	1,29	2,14***
1950–1959	3,29***	1,55***	3,43***	2,19**	1,23	5,1***
<i>R образование</i>						
Высшее	1	1	1	1	1	1
Среднее	2,02***	1,15	0,56***	0,77	1,37*	0,88
Ниже среднего	2,49***	1,39**	0,32***	1,21	1,54**	0,53***
<i>R занятость</i>						
Работает	1	1	1	1	1	1
Безработный	0,7	1,36	1,48*	0,9	1,1	0,99
Другое	0,78	1,25	0,9	0,92	0,95	0,72**
<i>Тип поселения</i>						
Сельские поселения (≤ 10 000 жителей)	1	1		1	1	
Города (10 до 100 000 жителей)	1,49*	0,88	п. а.	1,75**	1,25	п. а.
Другие города (более 100 000 жителей)	0,8	1,32**	п. а.	1,15	1,77***	п. а.
Столичные города	0,87	1,86***	п. а.	1,19	2,07***	п. а.
<i>R религия/частота посещения церкви</i>						
Неверующие	1	1	1	1	1	1
Католики/≥1 в неделю	0,7		0,28***	0,69		0,2***
Католики/≥1 в месяц	0,69		0,63**	0,74		0,77
Католики/≥1 в год	0,92		0,56**	0,81		0,46***
Католики/иногда	1,34		0,71	0,81		0,68*
Православные/≥1 в неделю	1,28	0,96		1,12	1,36	
Православные/≥1 в месяц	1,31	0,74**		1,58	1,5**	
Православные/≥1 в год	1,23	0,75**		1,59	0,8	
Православные/иногда	1,21	0,82		1,21	0,89	
Мусульмане/≥1 в неделю		0,78	5,05		0,29	0,23*
Мусульмане/≥1 в месяц, год или иногда		0,38***	0,28**		0,77	0,75
Другое		0,88	1,03		0,65	0,38**
<i>Родительская семья</i>						
Родители живут вместе/жили вместе	1	1	1	1	1	1
Разведены	1,26	1,07	1,45**	0,98	1,31	1,1
Никогда не жили вместе	0,53	0,72	0,95	0,48	1,25	9,65*

Факторы	Женщины			Мужчины		
	Литва	Россия	Франция	Литва	Россия	Франция
<i>Оценка брака родителей</i>						
Хороший	1	1	1	1	1	1
Ни плохой, ни хороший	1,03	1,5*	0,67**	1,57	0,94	0,8
Плохой	1,48**	1,2*	0,78	1,88	1	1,05
<i>Число наблюдений</i>	<i>1897</i>	<i>2539</i>	<i>2080</i>	<i>1809</i>	<i>1319</i>	<i>1664</i>
<i>R<sup>2</sup> (Показатель качества модели Нагелькерке)</i>	<i>0,08</i>	<i>0,03</i>	<i>0,2</i>	<i>0,04</i>	<i>0,03</i>	<i>0,2</i>
<i>— 2Log псевдоправдоподобие</i>	<i>1088,35</i>	<i>2704,31</i>	<i>2195,04</i>	<i>1025,33</i>	<i>1453,36</i>	<i>1834,43</i>

*Примечание:* женщины и мужчины, когорты 1930–1959 гг. рождения.

вне зависимости от степени религиозности, т. е. частоты посещений церковных ритуалов. Среди мужского населения религиозность выступает значимым фактором только для тех, кто посещает церковные обряды не меньше одного раза в неделю. Этот тренд прослеживается для обеих групп поколений (*табл. 3, 4*). Таким образом, можно заключить, что во Франции связь между гендером, принадлежностью к христианству и традиционным матримониальным поведением слабо меняется со временем, носит стабильный характер [Régnier-Loilier, Prioux, 2009].

В России зависимость от принадлежности к христианству прослеживается только для женского населения. Православные женщины, посещающие церковные службы по крайней мере раз в месяц или несколько раз в год, демонстрируют более низкую склонность к формированию первого партнерства в форме консенсуального союза по сравнению с неверующими женщинами (*табл. 2*). При этом во временной перспективе данное наблюдение следует ограничить когортами женщин, родившихся до 1960 г. Для более молодых поколений женщин связь между матримониальным поведением и религиозностью выражена слабее.

Обратная картина наблюдается в Литве. Здесь фактор принадлежности к христианству является сильным предиктором брачного поведения мужчин, а не женщин, причем в молодых, а не старших, поколениях. Родившиеся после 1960 г. мужчины, исповедующие католицизм и посещающие церковь раз в неделю или раз в месяц, в значительной степени реже (по сравнению с неверующими мужчинами) вступают в первый партнерский союз в форме сожительства. В то же время брач-

Таблица 4

**Относительный риск формирования первого партнерства в форме сожительства**

Факторы	Женщины			Мужчины		
	Литва	Россия	Франция	Литва	Россия	Франция
<i>R год рождения</i>						
1960–1969	1	1	1	1	1	1
1970–1979	2,08***	2,04***	1,48***	2,06***	1,63***	1,31*
<i>R образование</i>						
Высшее	1	1	1	1	1	1
Среднее	0,79*	1,05	1,61**	0,68***	1,56***	0,85
Ниже среднего	2,04***	1,52***	0,92	0,67*	1,72***	0,97
<i>R занятость</i>						
Работает	1	1	1	1	1	1
Безработный	1,11	1,02	0,75	1,2	1,04	0,48
Другое	1,2	1,05	0,99	1,29	0,83	0,35
<i>Тип поселения</i>						
Сельские поселения (≤ 10 000 жителей)	1	1		1	1	
Города (10 до 100 000 жителей)	1,32*	1,174*	п. а.	1,58***	1,38**	п. а.
Другие города (более 100 000 жителей)	1,28	1,745***	п. а.	1,27	2,12***	п. а.
Столичные города	1,35	2,173***	п. а.	1,18	2,68***	п. а.
<i>R религия/частота посещения церкви</i>						
Неверующие	1	1	1	1	1	1
Католики/≥1 в неделю	0,56		0,28***	0,45**		0,3**
Католики/≥1 в месяц	0,88		0,46***	0,48***		0,69
Католики/≥1 в год	0,95		0,83	0,65**		0,96
Католики/иногда	0,99		1,19	0,97		1,52**
Православные/≥1 в неделю	1,30	0,78		0,46	1,05	
Православные/≥1 в месяц	1,08	0,79		0,83	1,65	
Православные/≥1 в год	4,99*	0,76**		0,96	0,95	
Православные/иногда	0,6	0,78		1,41	0,89	
Мусульмане/≥1 в неделю		1,82	0,07***		0,17**	0,18***
Мусульмане/≥1 в месяц, год или иногда		0,23***	0,14***		0,29***	0,29***
Другое		0,64	0,66		0,58	0,45***
<i>Родительская семья</i>						
Родители живут вместе/жили вместе	1	1	1	1	1	1

Факторы	Женщины			Мужчины		
	Литва	Россия	Франция	Литва	Россия	Франция
Разведены	0,8	1,37**	1,03	1,18	1,35*	0,99
Никогда не жили вместе	0,45	1,05	1,2	1,03	0,66	0,58
<i>Оценка брака родителей</i>						
Хороший	1	1	1	1	1	1
Ни плохой, ни хороший	1,71**	1,08	0,81	1,50	1,45	0,59
Плохой	1,13	1,18	0,93	0,92	1,16	0,76
<i>Число наблюдений</i>	<i>1447</i>	<i>1976</i>	<i>1666</i>	<i>1403</i>	<i>1368</i>	<i>1272</i>
<i>R<sup>2</sup> (Показатель качества модели Нагелкерке)</i>	<i>0,07</i>	<i>0,12</i>	<i>0,119</i>	<i>0,07</i>	<i>0,12</i>	<i>0,08</i>
<i>— 2Log псевдоправдоподобие</i>	<i>1759.74</i>	<i>2470.94</i>	<i>1579.55</i>	<i>1862.5</i>	<i>1750.21</i>	<i>1196.18</i>

*Примечание:* женщины и мужчины, когорты 1960–1979 гг. рождения.

ное поведение женщин Литвы не испытывает на себе влияния фактора религиозности. Из этого следует, что в Литве фактор религиозности, вероятно, не играет роли в принятии более либеральной модели формирования семьи среди женщин, но значим для молодых мужчин.

**Межпоколенческие факторы.** Связь между разводом родителей и формированием первого союза в форме сожительства значима только для России и для когорт, родившихся после 1960 г. В России дети разведенных родителей независимо от пола чаще вступают в первое партнерство в форме сожительства, чем выходцы из семей, не распавшихся из-за развода. Этот результат соответствует выводам исследований влияния разводов в межпоколенной перспективе, которые обсуждались выше. Однако обнаружить такой эффект в Литве и Франции нам не удалось.

Оценка качества родительского брака является важным предиктором формирования первого партнерства в форме консенсуального союза для женской части населения Литвы и России. Литовские и российские женщины, которые оценивают родительский брак либо как ни плохой, ни хороший, либо как плохой, с большей вероятностью вступают в первый союз в форме сожительства по сравнению с теми, кто оценивает брак родителей как хороший. Эта зависимость устойчива во времени в Литве, но в России наблюдается только в старших когортах. Подводя итоги, можно сказать, что устойчивость родительской



семьи и качество брака родителей существенно не влияют на брачное поведение детей во Франции, развод родителей значим для России, а качество родительского брака играет роль в России и Литве, но только для женского населения. Для женщин Литвы качество родительского брака играет более важную роль, чем тип родительской семьи, в принятии решений о браке и выборе новой модели формирования семьи.

Подводя итоги обсуждению и возвращаясь к теме «первопроходцев» в формировании консенсуальных союзов, можно сделать вывод о том, что во всех рассматриваемых странах прослеживаются разные факторы — предикторы формирования первого партнерства в форме консенсуального союза и что они чувствительны к временным и гендерным параметрам.

В Литве «первопроходцы» в формировании семьи среди женщин — это женщины с низким уровнем образования, проживающие в городах среднего размера и невысоко оценивающие качество родительского брака. Этот набор параметров достаточно стабилен, т. е. он характерен для когорт, родившихся до и после 1960 г. Что касается литовских мужчин, то здесь фактор времени имеет большее значение. Для поколений мужчин, родившихся до 1960 г., практически не наблюдается значимых факторов, которые влияют на их предрасположенность к формированию первого союза в форме сожительства. Для более молодых поколений мужчин важными предикторами становятся образование, религиозность и место жительства. Вероятность формирования консенсуального союза как первого союза выше для мужчин с высшим образованием, проживающих в городах среднего размера и не отличающихся религиозностью. Факторы родительской семьи для мужского населения незначимы.

Для России для женского и мужского населений важными факторами являются образование и место жительства. Люди с низким образованием, живущие в городах, демонстрируют более выраженную склонность к формированию первого союза в форме сожительства. Эти факторы не зависят от времени; иначе говоря, они значимы для когорт, родившихся как до, так и после 1960 г. Религиозность является переменной, чувствительной ко времени, она по-разному влияет на брачное поведение женщин и мужчин. Принадлежность к православию — важный фактор для женского населения, родившегося до 1960 г., она снижает вероятность формирования первого партнерства в форме консенсуального союза. Напротив, конфессиональная принадлежность

к православию никак не влияет на брачное поведение российских мужчин. Религиозность важна только для мужских когорт, родившихся после 1960 г., имеющих исламскую идентичность. Другим важным предиктором, чувствительным к времени и гендеру, является оценка респондентами качества родительского брака. Для женщин, родившихся до 1960 г., негативная или нейтральная оценка родительского брака увеличивает вероятность консенсуального союза как первого партнерского союза.

Во Франции, как и ожидалось, тип первого партнерства все меньше зависит от действия структурных факторов. В поколениях, родившихся до 1960 г., значимыми предикторами консенсуальных союзов как первого союза были высшее образование, нерелигиозность или номинальная принадлежность к католицизму и опыт воспитания в неполной родительской семье. Эти предикторы значимы для обоих полов. Для женщин также играла роль безработица, увеличивая вероятность формирования первого партнерства в форме консенсуального союза. Однако для когорт, родившихся после 1960 г., действие этих факторов сходит на нет, за исключением фактора религиозности. Принадлежность к исламу существенно снижает вероятность вступления в первый союз в форме сожительства и для мужчин, и для женщин. Принадлежность к католицизму значительно уменьшает вероятность такого союза для женщин, независимо от частоты посещения церковных обрядов. Для мужчин, относящих себя к католическому вероисповеданию, действие этого фактора прослеживается только для тех, кто посещает церковь не реже одного раза в неделю.

По результатам сравнительного анализа по странам можно сделать несколько выводов. Первый касается Франции: селективность в отношении «первопроходцев» в более молодых когортах связана с фактором религиозности, особенно мусульман. Второй вывод относится к Литве и России: здесь селективность характерна для обеих групп поколений, несмотря на различия в наборе действующих факторов для этих стран.

## **Выводы**

Итак, все рассматриваемые страны — Франция, Литва и Россия — демонстрируют весьма различные исторические пути, по которым шли демографические изменения в формировании брачно-партнерских союзов на протяжении XX в. и в последние годы. В начале XX в. после

Второй мировой войны вплоть до 1970-х гг. Литва и Франция имели очень похожие тенденции в области брачности: в начале XX в. в обеих странах доминировал европейский тип брачности, а затем в более поздний период, длившийся до начала 1970-х гг., обе страны пережили расцвет модели традиционной семьи. В то же время в России демографическая динамика формирования семьи в начале XX в. была под влиянием неевропейского типа брачности и семейного эксперимента большевиков, который обусловил раннее распространение консенсуальных союзов. После 1960 г. Франция уже следовала по западному пути, демонстрируя явные признаки Второго демографического перехода, в то время как модели формирования семьи Литвы и России сближались. В исторической перспективе рассматриваемые страны представляют собой три пути изменения моделей формирования семьи. Франция — это пример *последовательного перехода* сначала от европейской модели брачности к модели традиционной семьи и затем к модели, характерной для Второго демографического перехода, т. е. новой модели формирования семьи. Траектория Литвы — это путь *затянувшегося перехода*, выразившийся в отходе от европейской модели и длительном периоде традиционной модели семьи и затем в переходе к модели Второго демографического перехода. Россия представляет извилистый путь *деформированного перехода*: он начался с неевропейской модели брачности, пережил этап экспериментов с нетрадиционными формами супружества, а затем вновь обрел черты традиционной модели семьи и, наконец, вышел на путь, ведущий к модели Второго демографического перехода.

Все три пути развития модели формирования семьи связаны с установками в общественном мнении по отношению к распространению новых форм семейной жизни: там, где они более либеральные, процесс перехода продвинулся дальше, где менее либеральны — переход носит более затяжной характер. Вместе с тем очевидно, что особенности исторического пути страны проявляются в специфических чертах новой модели формирования семьи в этой стране.

Исследование выявило, что при переходе к новой модели формирования семьи, сопровождающемся увеличением доли консенсуальных союзов среди первых союзов, во всех рассматриваемых странах в разрезе поколений доля взрослых, которые когда-либо состояли в партнерстве, либо не менялась, либо увеличивалась (в основном среди литовских и российских женщин). Снижение частоты браков как формы первого союза компенсировалось распространением консенсуальных

союзов. Кроме того, более раннее вступление в консенсуальный союз женщин привело к более раннему началу формирования первого партнерства, особенно в России и Литве.

«Первопроходцев» в формировании новых форм семейной жизни отличает набор определенных факторов, которые чувствительны к параметрам времени/поколения и гендерным характеристикам в каждой стране. Во Франции время/поколение — важный фактор, влияющий на селективность группы «первопроходцев». С течением времени происходит сдвиг от многофакторной селективности к однофакторной. В отличие от пожилых когорт, для которых обнаруживается важность многих детерминант — индивидуальных характеристик, структурных, социокультурных и межпоколенческих, для младших поколений значим только один фактор — социокультурный. Религиозность выступает едва ли не единственным фактором, который влияет на вероятность формирования первого партнерства в форме консенсуального союза.

В России и Литве набор факторов, характеризующий «первопроходцев», более устойчив во временной перспективе и определяет группу «модернизаторов» форм семейной жизни. В обеих странах, таким образом, до сих пор действует многофакторная селективность. Образование, место жительства, религиозность и факторы, связанные с родительской семьей, влияют на вероятность консенсуального союза как формы первого партнерства, однако при этом наблюдаются существенные различия по странам, связанные со временем/поколением и гендерными характеристиками каждой страны. В России факторы образования и места жительства мало зависят от пола респондента и принадлежности к определенному поколению, в то время как обратная картина наблюдается для факторов религиозности и факторов, связанных с родительской семьей. Поэтому в России низкий уровень образования и проживание в городах формируют группы мужчин и женщин — «первопроходцев», вне зависимости от года рождения этих людей. В Литве эти факторы действуют схожим образом в отношении женского населения, но в отношении мужчин образование имеет обратный эффект. Поэтому в Литве в молодых поколениях мужчин «первопроходцами» становятся лица не с низким, а с высшим образованием. В России влияние христианской религиозности прослеживается только для пожилых женских когорт, снижая вероятность формирования ими первого партнерства в форме консенсуального союза. Мусульманская религия является значимым фактором для молодых мужских когорт. В Литве христианская религиозность не влияет на вероятность формирования консенсуального

союза как формы первого союза ни для старших, ни для младших поколений женщин, но является важным фактором для молодых мужчин. В обеих странах для «первопроходцев» действует один фактор, связанный с родительской семьей, — оценкой качества родительского брака, однако его действие ограничено женским населением и более ясно выражено в старших поколениях. На фоне всей совокупности проанализированных эффектов особенно поражают результаты по факторам образования и религиозности для литовских мужчин, и эта специфическая связка между гендером, поколением и брачным поведением отделяет Литву от двух других стран.

Таким образом, сравнивая селективность «первопроходцев» во всех странах, можно заключить, что во Франции, в которой наблюдается фактически всеобщая распространенность консенсуальных союзов, селективность связана только с одним продолжающим действовать фактором — религиозностью. Франция представляет собой пример однофакторной селективности, в то время как в России и Литве — странах, в которых новая модель формирования семьи была принята позже, селективность носит многофакторный характер. Поэтому авангардную социальную группу определяет действие нескольких факторов структурного и социокультурного плана.

## **Литература**

1. *Бондарская Г. А.* Этническая дифференциация рождаемости в СССР и ее сущность // *Л. Е. Дарский* (ред.). Рождаемость. — М.: Статистика, 1976. С. 106–120.
2. *Бондарская Г. А., Ильина И. П.* Этническая дифференциация брачности в СССР. Демографический аспект // *А. Г. Волков* (ред.). Демографическое развитие семьи. — М.: Статистика, 1979. С. 7–36.
3. *Вишневский А. Г.* (ред.). Демографическая модернизация России, 1900–2000: Коллективная монография. — М.: Новое издательство, 2006.
4. *Вишневский А. Г.* (ред.). Брачность, рождаемость и смертность в России и СССР. — М.: Статистика, 1977.
5. *Вишневский А. Г., Волков А. Г.* (ред.). Воспроизводство населения СССР. — М.: Финансы и статистика, 1983.
6. *Вишневский А. Г., Кон И. С.* (ред.). Брачность, рождаемость и семья за три века: Сб. переводных статей. — М.: Статистика, 1979.
7. *Вишневский А. Г., Тольц М. С.* Брачность и ее влияние на рождаемость // *А. Г. Вишневский, А. Г. Волков* (ред.). Воспроизводство населения СССР. — М.: Финансы и статистика, 1983.

8. Волков А. Г. Семья — объект демографии. — М.: Мысль, 1986.
9. Голод С. И. Что было пороком стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. — М.: Ладомир, 2005.
10. Градосельский В. В. Комплектование Вооруженных сил в СССР в 1970–1980 // Военно-исторический журнал. 2005. №9. С. 18–21.
11. Дарский Л. Е. Формирование семьи. — М.: Статистика, 1972.
12. Дарский Л. Е., Ильина И. П. Таблицы брачности основных национальностей союзных республик СССР (По данным микропереписи 1985 г.) // Экономика, демография, статистика: Исследования и проблемы. — М.: Наука, 1990.
13. Дарский Л. Е., Ильина И. П. Брачность в России. Анализ таблиц брачности. — М.: Информатика, 2000.
14. Естественное и механическое движение населения Литвы. 1965–1970. — Вильнюс, 1971.
15. Захаров С. В. Возрастная модель брака в России // Отечественные записки. 2006. №4 (31). С. 271–300.
16. Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. Т. XVI. №4. С. 73–112.
17. Ильина И. П. Тенденции брачности женщин в СССР // Т. С. Баталина (ред.). Наши женщины. — М.: Финансы и статистика, 1984. С. 27–35.
18. Кон И. С. Сексуальная культура в России. — М.: ОГИ, 1997.
19. Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад/Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Наука, 2006.
20. Население России 2006, 2007. Ежегодный демографический доклад/Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2008.
21. Станкуниене В. Воспроизводство населения Литвы // Демографическое развитие Литвы. — Вильнюс, 1989.
22. Тольц М. С. Эволюция брачности в советский период // Л. Л. Рыбаковский (ред.). Население СССР за 70 лет. — М.: Наука, 1988. Р. 75–95.
23. Avdeev A., Monnier A. Marriage in Russia. A Complex Phenomenon Poorly Understood // Population. An English Selection. 2000. Vol. 12. P. 7–49.
24. Axinn W. G., Thornton A. The Influence of Parents' Marital Dissolutions on Children's Attitudes towards Family Formation // Demography. 1996. Vol. 33. №1. P. 66–81.
25. Batalova J. A., Cohen Ph. N. Premarital Cohabitation and Housework: Couples in Cross-National Perspective // Journal of Marriage and Family. 2002. Vol. 64. P. 743–755.
26. Bernhardt E. Cohabitation and Commitment: is cohabitation really indistinguishable form marriage in Norway and Sweden? // Paper presented at the Annual Meeting of Population Association of America. New York City. 2007. 29–31 March.
27. Björnberg U. Cohabitation and Marriage in Sweden — Does Family Form Matter? // International Journal of Law, Policy and the Family. 2001. Vol. 15. P. 350–362.

28. *Blum A., Rallu J.L.* European Population // European Population. II. Demographic Dynamics. — Paris, 1993.
29. *Bumpass L.L., Lu H.H.* Trends in cohabitation and implications for children's family contexts in the United States // Population Studies. 2000. Vol. 54. P. 29–41.
30. Council of Europe. Recent demographic developments in Europe 2000. — Strasbourg, 2000.
31. Council of Europe. Recent demographic developments in Europe 2004. — Strasbourg, 2004.
32. *Darsky L., Scherbov S.* Marital Status Behavior of Women in the Former Soviet Republics // European Journal of Population. 1995. Vol. 11. № 1. P. 31–62.
33. *Festy P.* Évolution de Nuptialité en Europe Occidentale depuis la Guerre // Population. 1970. Vol. 25. № 2. P. 29–274; 1971. Vol. 26. № 2. P. 331–379.
34. *Festy P.* Le fécondité des pays occidentaux de 1870 à 1970. — Paris: INED, 1979. P. 145.
35. *Gyventojai pagal šeiminių padėtį* [Population by marital status]. — Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos vyriausybės, 2003 (In Lithuanian).
36. *Hajnal J.* European Marriage Patterns in Perspective // Population in History. — London, 1965.
37. *Halbwachs M., Sauvy A.* Le point de vue du nombre. 1936. Édition critique sous la direction de Marie Jaisson et Éric Brian // INED. 2005. P. 309.
38. *Henry L.* Perturbations de la nuptialité résultant de la guerre 1914–1918 // Population. 1966. Vol. 21. № 2. P. 273–315.
39. *Heuveline P., Timberlike J.M.* The Role of Cohabitation in Family Formation: the United States in Comparative Perspective // Journal of Marriage and Family. 2004. Vol. 66. P. 1214–1230.
40. *Hoem J.* The impact of education on modern family-union initiation // European Journal of Population. 1986. Vol. 2. № 2. P. 113–133.
41. *Hoffmann-Nowotny J.* The Future of the Family. In: European Population Conference // Plenaries. 1987. Vol. 1. Helsinki.
42. *Katus K., Poldma A., Puur A.* Work-Family Orientation and Female Labour Market Participation // People, Population Change and Policies: Lessons from the population policy acceptance study. — Springer, 2008. Vol. 1. P. 113–140.
43. *Kiernan K.* The Rise of Cohabitation and Childbearing outside Marriage in Western Europe // International Journal of Law, Politics and the Family. 2001. Vol. 15. P. 1–21.
44. *Kiernan K.* The State of European Unions: An Analysis of FFS data on partnership formation and dissolution // M. Macura, G. Beets (eds.). Dynamics of Fertility and Partnership in Europe: Insights and Lessons from Comparative Research. — United Nations. 2002. Vol. 1.
45. *Kiernan K.* Unmarried cohabitation and parenthood in Britain and Europe // Law and Policy. 2004. Vol. 26. P. 33–55.

46. *Kostova D.* Cohabitation vs. Marriage in Bulgaria // Paper presented at the Annual Meeting of Population Association of America. — New York City. 2007. 29–31 March.
47. *Kulik M. C.* The emergence of cohabitation as a first union and its later stability: the case of Hungarian women // MPIDR Working Paper WP. 2005–031.
48. *Lesthaeghe R., van de Kaa D. J.* Twee demografische transitities? // *D. J. van de Kaa, R. Lesthaeghe* (eds.). Bevolking: groei en krimp. — Deventer: Van Loghum Slaterus, 1986.
49. *Liefbroer A., Dourleijn E.* Unmarried cohabitation and union stability: testing the role of diffusion using data from 16 European countries // *Demography*. 2006. Vol. 43. P. 202–221.
50. Lietuvos gyventojai. 1923 m. rugsejo 17 d. surasymo duomenys [Population of Lithuania. Data of 17 September 1923 census] (1925). — Kaunas [in Lithuanian and French].
51. Lietuvos statistikos metrasčiai (1927–1940). [Statistical Yearbooks of Lithuania]. — Kaunas, Vilnius [in Lithuanian and French].
52. *Mamolo M.* Union Formation, Marriage and First Birth: Convergence across Cohorts in Austria, Hungary, Northern Italy and Slovenia? Session 54: Eastern and Western Europe: Convergence and Divergence // IUSSP XXV International Population Conference. Tours. France. 2005. July 18–23.
53. *Marcinkeviciene D.* Vedusių visuomenė: santuokos ir skyrybos Lietuvoje XIX a. pab. — XX a. pr. [The society of married people. Marriage and divorce in Lithuania: XIX<sup>th</sup> — beginning of XX<sup>th</sup> century]. — Vilnius, 1999 [in Lithuanian].
54. *Monnier A., Rychtarikova J.* The division of Europe into East and West // *Population. An English Selection*. 1992. Vol. 4. P. 129–160.
55. *Mynarska M., Bernardi L.* Meanings and attitudes attached to cohabitation in Poland: Qualitative analyses of the slow diffusion of cohabitation among the young generation // *Demographic Research*. 2007. Vol. 16. P. 519–554.
56. Pagrindiniai 1989 metų gyventojų surasymo duomenys. [Main data of population census 1989]. — Vilnius: Lietuvos valstybinis statistikos komitetas, 1990 [in Lithuanian].
57. *Philopov D., Jasilioniene A.* Union formation and fertility in Bulgaria and Russia: a life table description of recent trends. MPIDR Working Papers WP 2007–005.
58. *Pla A.* Bilan démographique 2007. Des naissances toujours très nombreuses // Première. 2008. n°1170; <http://www.insee.fr/fr/ffc/ipweb/ip1170/ip1170.pdf>
59. *Prioux F.* L'évolution démographique récente en France // *Population-F*. 2007. Vol. 62. №3.
60. *Raley R. K.* A shortage of marriageable men? A note on the role of cohabitation in black-white differences in marriage rates // *American Sociological Review*. 1996. Vol. 69. P. 73–83.



61. *Régnier-Loilier A., Prioux F.* La pratique religieuse influence-t-elle les comportements familiaux? // A. Régnier-Loilier (dir.). Photos de familles. — Paris: Ined, 2009. Ch. 14. Coll. «Grandes enquêtes».
62. *Reher D.S.* Family Ties in Western Europe: Persistent Contrasts // *Population and Development Review*. 1998. Vol. 24. №2. P. 203–234.
63. *Reneflot A.* A gender perspective on preferences for marriage among cohabiting couples // *Demographic Research*. 2007. Vol. 15. P. 311–328.
64. *Résultats statistiques du recensement général de la population.* — Paris: Imprimerie Nationale, 1926. Tome I, deuxième parti. P. 34.
65. *Seltzer J.A.* Families formed outside of marriage // *Journal of Marriage and Family*. 2000. Vol. 62. P. 1247–1268.
66. *Smock P.J.* Cohabitation in the United States: An appraisal of research themes, findings, and implications // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 1–20.
67. *Smock P.J., Gupta S.* Cohabitation in Contemporary North America // A. Booth, A. C. Crouter (eds). *Just Living Together. Implications of Cohabitations on Families, Children, and Social Policy.* — Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 53–85.
68. *Smock P.J., Manning W.D.* Living Together Unmarried in the United States: Demographic Perspectives and Implications for Family Policy // *Law and Policy*. 2004. Vol. 26. P. 87–117.
69. *Sobotka T., Toulemon L.* Changing family and partnership behaviour: Common trends and persistent diversity across Europe // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. P. 85–137.
70. *Stankuniene V.* Santuokos, istuokos, santuokinis statusas [Marriages, divorces, marital status] // *Lietuvos gyventoju struktura ir demografinė raida [Population of Lithuania: Composition and Demographic Development]*. — Vilnius: Statistics Lithuania, Institute for Social Research, 2006 (In Lithuanian).
71. *Stankuniene V.* Family in the Baltic States: Trends and Features // *Demographic Changes and Population Policy in Lithuania.* — Vilnius, 1995.
72. *Stankuniene V.* A changing Lithuanian family throughout the 20<sup>th</sup> century // *The XXIV General Population Conference. Salvador de Bahia. Brazil. 18–24 August 2001 Session 44: «The Demography of Central and Eastern Europe».*
73. *Stankuniene V., Maslauskaitė A.* Family transformations in the post-communist countries: attitudes toward changes // *People, Population Change and Policies. Lessons from the population policy acceptance study.* — Springer, 2008. Vol. 1. P. 113–140.
74. *Statistics Lithuania.* Lietuvos gyventojai 1990 [Population of Lithuania]. — Vilnius: Statistics Lithuania, 1991 [in Lithuanian].
75. *Statistics Lithuania.* Lietuvos gyventojai 1991 [Population of Lithuania]. — Vilnius: Statistics Lithuania, 1992 [in Lithuanian].
76. *Statistics Lithuania.* Demographic Yearbook 1998. — Vilnius: Statistics Lithuania, 1999 [in Lithuanian and English].

77. Statistics Lithuania. Demographic Yearbook 2000. — Vilnius: Statistics Lithuania, 2001 [in Lithuanian and English].
78. Statistics Lithuania. Demographic Yearbook 2007. — Vilnius: Statistics Lithuania, 2008 [in Lithuanian and English].
79. *Thornton A. T.* Influence of the marital history of parents on the marital and cohabitation experience of children // *American Journal of Sociology*. 1991. Vol. 96. P. 868–894.
80. *Thornton A. T., Axinn W. G., Teachman J. D.* The influence of school enrollment and accumulation on cohabitation and marriage in early adulthood // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60. P. 762–774.
81. *Toulemon L.* Cohabitation is here to stay // *Population: An English Selection*. 1997. Vol. 9. P. 11–46.
82. *Turcotte P., Bélanger A.* The dynamics of formation and dissolution of first common-law unions in Canada. — Ottawa: Statistics Canada, 1997.
83. *van de Kaa D.* Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. № 1 (March).
84. *Villeneuve-Gokalp C.* From marriage to informal union: recent changes in the behavior of French couples // *Population: An English selection*. 1991. Vol. 3. P. 81–111.
85. *Vishnevskij A., Zakharov S.* Similitudes et divergences des transitions de fécondité en Europe de l'Est et de l'Ouest depuis 1880 // *D. Tabutin, T. Eggerickx et C. Gourbin* (eds.). *Transitions démographiques et sociétés*. Chaire Quetelet 1992. — Institut de Démographie, Université Catholique de Louvain, Louvain-la-Neuve, Académia/L'Harmattan, 1995. P. 477–493.
86. *Wait L.* Does marriage matter? // *Demography*. 1995. Vol. 32. P. 483–507.
87. *Wolfinger N. H.* *Understanding the Divorce Cycle. The Children of Divorce in Their Own Marriages*. — Cambridge University Press, 2005.
88. *Zakharov S. V.* Russian Federation: From the first to second demographic transition // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. P. 907–972.

## ПРИЛОЖЕНИЕ 1

### Исторические пути изменений в моделях формирования партнерств в Литве, России и Франции

#### *Литва*

Период	Основные характеристики
До середины XX в.	<b>Европейский тип брачности:</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• поздний брак</li> <li>• большая доля никогда не состоявших в браке</li> </ul>
Середина XX в. — конец 1980-х гг.	<b>Традиционная модель семьи:</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• более молодой брак → ранний брак</li> <li>• небольшая доля никогда не состоявших в браке</li> <li>• формирование партнерского союза через брак</li> </ul>
С 1990-х гг.	<b>Трансформация семьи → современная модель формирования партнерства:</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• более поздний брак</li> <li>• распространение сожительства</li> <li>• увеличение доли никогда не состоявших в браке</li> </ul> <p style="text-align: center;">↓</p> Переход к новой модели формирования партнерства

#### *Россия*

Период	Основные характеристики
До 1920-х гг.	<b>Неевропейский тип брачности:</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• ранний брак</li> <li>• очень низкая доля никогда не состоявших в браке</li> </ul>
1920–1950-е гг.	<b>Либеральный семейный кодекс (1918, 1926–1944)</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• религиозный брак под сильным давлением государства</li> <li>• постепенное установление гражданской регистрации брака</li> <li>• широкое распространение консенсуальных союзов</li> <li>• начавшийся процесс формирования новых семейных форм прерван на время войны</li> </ul>
1950–1990-е гг.	<ul style="list-style-type: none"> <li>• доминирование зарегистрированного брака, разводы растут</li> <li>• возраст вступления в первый брак опускается до уровня ранней брачности традиционной модели</li> </ul>
С 1990-х гг.	<b>Трансформация семьи → современная модель формирования партнерства:</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• более поздний брак</li> <li>• распространение сожительства</li> <li>• увеличение доли никогда не состоявших в браке</li> </ul> <p style="text-align: center;">↓</p> Переход к новой модели формирования партнерства

## Франция

Период	Основные характеристики
До конца XIX — начала XX в.	<b>Европейский тип брачности:</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• поздний брак</li> <li>• большая доля никогда не состоявших в браке</li> </ul>
Конец XIX — начало XX в. — до 1970-х гг.	<b>Традиционная модель семьи:</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• более молодой брак → ранний брак</li> <li>• небольшая доля никогда не состоявших в браке</li> <li>• формирование партнерского союза через брак</li> </ul>
С 1970-х гг.	<b>Трансформация семьи → современная модель формирования партнерства:</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• более поздний брак</li> <li>• распространение сожительства</li> <li>• увеличение доли никогда не состоявших в браке</li> </ul> <p style="text-align: center;">↓</p> Переход к новой модели формирования партнерства

## ПРИЛОЖЕНИЕ 2

### Доля никогда не состоявших в браке по полу и возрасту в Литве, России и Франции, в %

Годы	1923	1989	2001	1926	1989	2002	1923	1989	2001
Страна	ЛИТВА			РОССИЯ			ФРАНЦИЯ		
<i>Мужчины</i>									
20–24	87,5	65,8	82,4	47,5	59,5	73,6	80,1	90,5	97,6
25–29	60,2	22,2	42,0	15,6	20,8	34,8	36,2	54,5	75,8
30–34	34,7	11,5	19,5	6,8	10,5	16,8	20,4	28,3	49,4
35–39	20,2	8,5	11,8	4,1	6,8	10,0	14,3	16,4	34,6
40–44	10,6	6,6	8,6	3,1	4,7	7,0	11,6	11,2	23,6
45–49		5,6	7,8	2,6	3,7	5,4	10,3	9,7	15,7
<i>Женщины</i>									
20–24	73,3	41,8	65,0	28,0	33,5	52,6	56,8	76,3	91,9
25–29	43,0	15,3	26,1	9,1	12,0	21,8	29,5	38,4	62,0
30–34	25,1	9,0	13,1	5,7	6,9	10,9	19,2	19,6	39,2
35–39	16,5	6,3	9,0	4,3	5,3	6,8	13,9	12,3	26,7
40–44	12,5	5,3	7,3	4,2	4,5	5,1	12,2	8,8	17,5
45–49		5,1	6,3	4,1	3,5	4,5	11,6	7,3	12,0

*Источники:* для Литвы: Pagrindiniai, 1990; Gyventojai, 2003; Lietuvos gyventojai, 1925. Для России: Население России, 2006. Для Франции: Insee, Situation démographique, 2006.

### ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Средний возраст вступления в первый брак в Литве, России и Франции  
(для вступивших в брак к возрасту 50 лет)

Годы	ЛИТВА		РОССИЯ		ФРАНЦИЯ	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1925–1939*	29,1–30,3	25,7–26,0	...	...	<b>26,7**</b>	<b>23,4</b>
Середина 1960-х гг.	26,3***	24,7	<b>26****</b>	<b>24</b>	24,8*****	22,7
1980		23,0	24,3	22,4	25,1	23,0
1981		23,4	24,4	22,4	25,3	23,1
1982		23,3	24,3	22,4	25,5	23,3
1983		23,3	24,3	22,3	25,7	23,6
1984		23,3	24,1	22,2	25,9	23,9
1985		22,3	24,2	22,2	26,3	24,2
1986		22,8	24,3	22,3	26,5	24,5
1987		22,9	24,4	22,3	26,8	24,8
1988		22,7	24,3	22,2	27,1	25,0
1989		22,5	24,1	22,0	27,3	25,3
1990#	24,1	22,4	24,0	21,9	27,6	25,6
1991	24,0	22,2	24,0	21,8	27,8	25,8
1992	<b>23,8</b>	<b>22,1</b>	<b>23,9</b>	<b>21,7</b>	28,1	26,1
1993	24,0	22,2	<b>23,9</b>	<b>21,7</b>	28,4	26,4
1994	24,2	22,3	24,0	21,8	28,7	26,7
1995	24,4	22,4	24,2	22,0	28,9	26,9
1996	24,5	22,5	24,4	22,2	29,4	27,4
1997	24,6	22,8	24,5	22,3	29,6	27,6
1998	24,8	22,9	24,7	22,3	29,8	27,7
1999	25,2	23,3	24,9	22,5	29,9	27,8
2000	25,7	23,7	25,1	22,6	30,2	28,0
2001	26,1	24,0	25,4	22,8	30,2	28,1
2002	26,4	24,3	25,7	23,0	30,4	28,3
2003	26,7	24,5	25,8	23,1	30,6	28,5
2004	26,9	24,8	26,1	23,3	30,8	28,8
2005	27,0	24,9	26,1	23,3	31,1	29,1

Годы	ЛИТВА		РОССИЯ		ФРАНЦИЯ	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
2006	27,3	25,1	26,2	23,3	31,3	29,3
2007	27,7	25,5	26,4	23,5		

*Примечания:* \* — Lietuvos statistikos metrasčiai (1927–1940). — Kaunas, Vilnius; \*\* — *Halbwachs M., Sauvy A.* Le point de vue du nombre. 1936. Édition critique sous la direction de Marie Jaisson et Éric Brian // INED. 2005. P. 309; \*\*\* — *Estestvennoe i mechanicheskoe dvizhenie naselenia Litvi 1965–1970.* — Vilnius, 1971 (In Russian); \*\*\*\* — *А. Вишнеvский* (ред.). 2006. С. 121; \*\*\*\*\* — среднее для 1965–1970 гг.; # — данные для 1990–1999 гг. из Statistics Lithuania. — Vilnius, 2001.

*Источники:* для России: расчеты авторов на основе официальной статистики браков: для периода до 1997 г. использованы однолетние коэффициенты брачности. В расчетах для периода с 1997 г. — оценки на основе показателей для возрастных интервалов: –18, 18–24, 25–34, 35+ (С 1997 г. российское статистическое агентство использует эти необщепринятые возрастные интервалы для своих расчетов); Население–2007. Для Литвы.: *Statistics Lithuania*, 2008; Stankuniene, 2001. Для Франции: Insee, Situation démographique, 2006.

## ПРИЛОЖЕНИЕ 4

### Отношение к консенсуальным союзам

Годы рождения	Согласен («согласен» + «полностью согласен»)	«Ни да, ни нет»	Не согласен («не согласен» + «совсем не согласен»)	Число ответов
<b>ЛИТВА</b>				
<i>Мужчины</i>				
1930–1939	15,2	36,0	48,8	491
1940–1949	23,9	39,0	37,1	556
1950–1959	36,9	37,9	25,2	699
1960–1969	46,0	37,6	16,4	956
1970–1979	57,7	29,6	12,6	989
1980+	61,7	28,6	9,7	994
<i>Женщины</i>				
1930–1939	13,2	25,8	60,9	797
1940–1949	21,1	34,1	44,9	818
1950–1959	37,9	36,2	22,5	721
1960–1969	44,6	36,9	18,5	905
1970–1979	49,6	34,5	15,9	1,022
1980+	55,0	31,2	13,8	981
<b>РОССИЯ</b>				
<i>Мужчины</i>				
1930–1939	26,4	24,7	48,7	497

*Переход к новой модели формирования брачно-партнерских союзов...*

<b>Годы рождения</b>	<b>Согласен («согласен» + «полностью согласен»)</b>	<b>«Ни да, ни нет»</b>	<b>Не согласен («не согласен» + «совсем не согласен»)</b>	<b>Число ответов</b>
1940–1949	37,6	23,5	38,9	510
1950–1959	51,4	21,5	27,1	796
1960–1969	58,4	23,1	18,5	876
1970–1979	68,5	18,9	12,4	806
1980+	76,1	15,1	8,8	555
<i>Женщины</i>				
1930–1939	24,5	21,7	53,8	1,113
1940–1949	36,4	24,5	39,0	944
1950–1959	46,5	23,8	29,7	1492
1960–1969	54,5	23,4	22,1	1263
1970–1979	61,4	24,7	13,6	1,136
1980+	69,0	18,8	12,0	643
<b>ФРАНЦИЯ</b>				
<i>Мужчины</i>				
1930–1939	54,3	25,7	20,0	560
1940–1949	66,1	18,9	15,0	748
1950–1959	74,6	13,4	12,0	803
1960–1969	77,2	15,7	7,0	879
1970–1979	80,3	9,3	10,4	742
1980+	80,6	13,1	6,3	428
<i>Женщины</i>				
1930–1939	56,5	21,0	22,4	691
1940–1949	69,2	16,5	14,4	869
1950–1959	73,3	16,1	10,6	1,085
1960–1969	78,7	13,1	8,2	1,086
1970–1979	79,4	13,3	7,4	964
1980+	84,1	9,1	6,8	722

*Источники:* FraGGS; LitGGS; RusGGS.

*Примечание:* ответы на вопрос: «Это нормально, если незамужняя пара живет вместе, даже если у нее нет намерения вступить в брак?».

Л. Шартон, С. Сурков,  
М. Баублите, В. Станкуниене

## Репродуктивные намерения и реальные рождения во Франции, Литве и России<sup>1</sup>

*Авторы исследования изучают структурные изменения, произошедшие в моделях формирования одно- и двухдетных семей в Литве, России и Франции. В данной статье речь идет о репродуктивных намерениях бездетных женщин и мужчин или имеющих уже к моменту опроса одного ребенка, а также рассматриваются факторы, определяющие желание завести первого и второго ребенка. Исследование базируется на данных опросов, проведенных в указанных странах в рамках международной программы «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey — GGS). Авторы приходят к следующим выводам: желание завести ребенка чаще выражают респонденты во Франции, чем в Литве и России; условия, при наличии которых люди сообщают о намерении родить первого и второго ребенка, неодинаковы; и наконец, переменные, оказывающие влияние на намерения завести ребенка сходны во всех трех изучаемых странах.*

### Введение

Модели рождаемости в последние десятилетия значительно изменились как в западноевропейских странах, например, во Франции, так и в восточноевропейских, таких как Литва и Россия. Главные изменения связаны со снижением рождаемости (в среднем у женщин рождается меньше детей), повышением возраста первого и последующих рождений и увеличением рождений вне брака.

---

<sup>1</sup> Печатается по изданию: Charton L., Surkov S., Baublyte M., Stankuniene V. Intentions de fécondité et naissances en France, Lituanie et Russie // Revue d'études comparatives Est-Ouest — RECEO. 2009. Vol. 40. № 3–4. Septembre–Décembre. P. 209–240. Перевод С. В. Суркова.



Согласно статистике, во Франции с 1975 г. коэффициент суммарной рождаемости (КСР) был близок к 2,00 (1,91 в 2005 г.) (*рис. 1*). Несмотря на снижение КСР по сравнению с 1960-ми гг., во Франции рождаемость пока еще близка к уровню замещения поколений. В то же время большие семьи становятся все более и более редким явлением, а средний возраст матерей при рождении с 1977 г. постоянно повышается (26,5 лет в 1976 г.), достигнув 29,5 в 2005 г. В то же время рождения вне брака составили более трети от числа всех живых рождений с 1993 г. (46,4% в 2005 г.).

Демографическая статистика в России с начала 1990-х гг. показывает очень низкий уровень рождаемости: КСР понизился с 1,90 в 1990 г. до 1,29 в 2005 г. (*рис. 1*), и даже увеличение рождаемости в последние годы не изменило долгосрочную тенденцию. Начиная с поколений, родившихся в конце 1940-х гг., женщины демонстрируют недостаточный для замещения поколений уровень рождаемости, большие семьи становятся редкостью. С 1990 г. сильно выросло число рождений вне брака, составив к 2005 г. приблизительно 30% от общего числа рождений. Главным образом это произошло за счет распространения практики совместного проживания вне брака. Средний возраст матери при рождении детей повышается с середины 1990-х гг. и в 2006 г. составляет 26,6 лет.

В Литве между 1990 и 2002 гг. коэффициент суммарной рождаемости также постоянно снижался с 2,02 до 1,24 (*рис. 1*). Начиная с поколений, родившихся после 1950 г., уровень рождаемости также не обеспечивает воспроизводство поколений. Увеличение рождаемости с 2002 г. (в 2005 г. КСР=1,27) в основном носило компенсаторный характер: увеличение показателей наблюдалось среди женщин старших возрастов (30 лет), отложивших рождение ребенка во время трудного переходного периода. Средний возраст матерей при рождении начал увеличиваться с 1990-х гг. (в 1990 г. — 25,9 лет, а в 2005 г. — 27,6 лет). Кроме того, за 1995–2005 гг. число детей, родившихся вне брака, увеличилось в 1,7 раза и составило, как и в России, около 30% всех рождений в 2005 г.

Существенные изменения с 1960-х гг. потребности в детях (выражаемой как индивидами, так и парами), которая обычно выступает катализатором процесса воспроизводства, повлияли на матримониальное и репродуктивное поведение, так же как на методы контрацепции и регулирование аборт. Незапланированные рождения нередки и сегодня, но тенденция, наблюдаемая в постиндустриальных обществах,

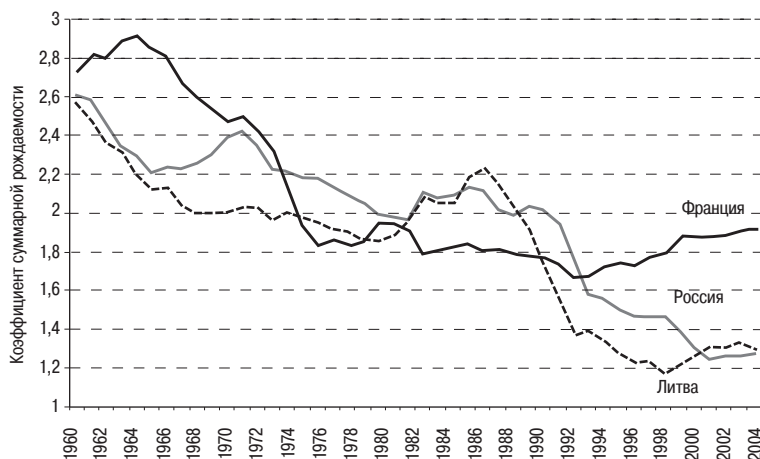
такова, что доля запланированных партнерами детей увеличивается [Dagnaud, Mehl, 1987; Dandurand et al., 1994; Leridon, 1995]. Это сравнительное исследование трех стран посвящено эволюции моделей рождаемости и репродуктивным намерениям женщин и мужчин.

Желание иметь детей — сложный процесс, так как у детей существуют различные социальные функции в разных обществах и в различных жизненных ситуациях. Ребенок может быть воплощением эмоциональных связей между партнерами, восприниматься как продолжение рода или давать родителям возможность обрести социальную идентичность, которую невозможно получить другими способами [Bourguignon, 1987; Charton, 2006]. Данные примеры отнюдь не исчерпывают причины, по которым принимается решение о рождении ребенка, но в целом иллюстрируют «направляющий образ семьи» [Kellerhals et al., 1982], что, вероятно, влияет на желаемое число детей, время их рождения и роль в рамках семьи [Langevin, 1984; Cicchelli, 2001].

Несмотря на то, что использование современных методов контрацепции позволяет эффективно контролировать рождаемость, различные исследования [Monnier, 1987; Toulemon, Leridon, 1999; Toulemon, Testa, 2005] показали несоответствие между желаемым числом детей (2 в среднем в западных странах, прежде всего во Франции) и фактическими рождениями. Согласно данным российского обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в 2004 г. в рамках международной программы «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey — GGS), число желаемых детей в России обычно выше, чем фактическое число рождений. Медиана желаемых детей равна двум; медиана фактических рождений — одному. Ситуация в Литве схожа с российской.

Невзирая на социальные, экономические и политические различия между Литвой, Россией и Францией, есть некоторые общие черты в репродуктивном поведении населения этих стран. Поскольку рождаемость играет ключевую роль в воспроизводстве населения, она стала важной социальной проблемой. Анализ тенденций в рождении детей находится в центре внимания данной статьи. Второй аспект анализа связан с намерениями родить детей. В частности, мы попытались определить, могут ли различия в уровнях рождаемости между тремя рассматриваемыми странами объясняться разными репродуктивными намерениями. Основные вопросы исследования: каковы различия и общие черты в репродуктивном поведении населения Литвы, России

**Коэффициент суммарной рождаемости (КСР), в Литве, России и Франции в 1960–2005 гг.**



Источник: здесь и в последующих рисунках и таблицах LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

и Франции? какие факторы влияют на намерения родить в этих странах? есть ли связь между репродуктивными намерениями и коэффициентами рождаемости?

Исследования, представленные в статье, основаны на данных национальных опросов в рамках международной программы «Поколения и гендер», проведенных в России в 2004 г. (RusGGS), во Франции в 2005 г. (FraGGS) и в Литве в 2006 г. (LitGGS). Ретроспективные данные позволяют изучить изменение репродуктивного поведения населения по возрастным когортам, начиная с 1960-х гг. во всех трех странах. Собранные данные также позволяют оценить, связаны ли намерения родить (еще одного) ребенка с определенными особенностями внутри каждой страны, и идентифицировать их.

Работа представляет результаты двух направлений исследований. Во-первых, в статье анализируются переход к рождениям первого и второго порядка и возраст женщин и мужчин, проживавших в Литве, России и Франции, после 1966 г., в момент рождения первых/вторых детей по когортам. Эти исследования отражают структурные изменения в формировании семьи в разрезе когорт. Во-вторых, намерения родить ребенка в течение трех лет после даты опроса были проанализированы для женщин и мужчин, родившихся между 1960 и 1984 г.

и не имевших детей, и отдельно для тех женщин и мужчин, уже являющихся биологическим родителем одного ребенка. С помощью логистической регрессии [Allison, 1982] оценены факторы, позитивно влияющие на желание завести ребенка по сравнению с отсутствием такого желания (отрицательные или неопределенные намерения). Были использованы три группы переменных, которые показали связь с желанием родить ребенка. Первая характеризует влияние социального окружения, родительской семьи и личного опыта [Desplanques, 1985; Axinn et al., 1994; Marechal, 1997; Ekert-Jaffé et al., 2002]. В качестве индикаторов используются социокультурная среда (измеренная через национальность респондента), число родных братьев и сестер, брачная история родителей, образование респондента и его партнерская биография (измеренная через число предшествующих партнерских союзов). Вторая группа переменных касается текущих условий и описывается через социально-демографические особенности (пол, когорта рождения, уровень религиозности), тип поселения, в котором проживает респондент, размер жилья, статус партнерства, намерение его изменить (вступить в брак), и, наконец, статус занятости [Montgomery, Casterline, 1996; Lollivier, 2001]. Третья группа включает переменные, которые могут быть идентифицированы как «семейные ценности» респондентов, включая их мнения относительно роли ребенка и предпочитаемой среды воспитания детей [Anderton et al., 1987]. Эти данные позволяют оценить взгляд респондентов на семью и детей, а также восприятие статуса родителя на протяжении жизни и отношение к роли мужчины и женщины в семье [Thomson, 2001]. В число факторов, связанных с желанием иметь детей, также включены пол и возраст первого ребенка на момент опроса [Yamaguchi, Ferguson, 1995; Hank, Kohler, 2003].

## **1. Партнерства, браки и рождения**

### *1.1. Первые и вторые рождения*

Согласно данным GGS, первое рождение во Франции обычно происходит в более позднем возрасте, чем в Литве и России. Во Франции процент женщин, у которых к 20 годам уже есть ребенок, устойчиво снижается: с 12% (для когорт 1945–1949 гг. рождения) до 5% (для когорт 1970–1974 гг. рождения) (рис. 2а). Более чем у половины женщин, родившихся до 1960 г., к 25 годам уже был ребенок, в когортах 1970–1974 гг. рождения — только у каждой четвертой. Появление первого

ребенка в разрезе когорт происходит все позже. В рассматриваемой выборке во Франции половина женщин стали матерями к 28 годам, при этом в когортах, родившихся в 1930–1949 гг., таких было 75%, а в когорте 1970–1974 гг. рождения лишь 53%. Мужчины из более молодых когорт также становятся отцами позже. Так, в когортах 1926–1959 гг. рождения около половины стали отцами к 28 годам, и лишь 22% в когортах 1960–1974 гг. рождения.

В России в послевоенное время и вплоть до начала 1990-х гг. имела место тенденция к более раннему появлению первого ребенка, как у женщин, так и у мужчин<sup>2</sup>. Только 25% женщин в когорте 1940–1944 гг. рождения были матерями в возрасте 21 года, в когорте 1960–1974 гг. рождения таких было уже более половины. В самых старших когортах (1926–1929 гг. рождения) 50% женщин были матерями к возрасту 25 лет. Также имелась тенденция к более раннему отцовству, что особенно заметно между когортами 1940–1944 и 1945–1949 гг. рождения. В то время как 37% мужчин в когорте 1940–1944 гг. были отцами в возрасте 24 лет, для более молодых когорт 1945–1949 гг. рождения отцами к этому возрасту становились более половины мужчин (например, 54% для когорты 1945–1949 гг. рождения). При этом с 1990-х гг. в России появилась тенденция к откладыванию рождения первенца на более поздний срок, наблюдаемая и у женщин, и у мужчин.

Напротив, в Литве, которая по уровню рождаемости находится между Россией и Францией, первое рождение в раннем возрасте всегда было довольно редким явлением. Среди женщин самых старших когорт (1926–1934 гг. рождения) приблизительно 10% были матерями к 20 годам. Наибольшая доля женщин, которые стали матерями к возрасту 20 лет, наблюдалась в когорте 1965–1969 и 1970–1974 гг. рождения (20% и 25% соответственно). В целом материнство наступало раньше с каждой когортой. Половина женщин стали матерями в возрасте 26 лет в когортах 1926–1934 гг. рождения, в возрасте 25 лет — в когортах 1935–1939 гг. рождения, в возрасте 24 года в когортах 1940–1959 гг. рождения и в возрасте 23 года в когортах 1960–1969 гг. рождения. Отцовство в возрасте 21 года всегда было относительно редко (менее 8%). Половина мужчин становилась отцами к возрасту 28 лет в самых старших когортах (1926–1934 гг. рождения), к возрасту

---

<sup>2</sup> Однако с начала 2000-х гг. некоторые россияне моложе 30 лет начали добровольно откладывать рождение первенца (см.: Zakharov, 2007b).

27 лет в когортах 1935–1944 гг. рождения, к возрасту 26 лет — в когортах 1945–1954 гг. рождения и в возрасте 25 лет в младших когортах (1955–1969 гг. рождения).

Во Франции пропорция бездетных мужчин в возрасте 45 лет колеблется от 11% (для когорты 1935–1939 гг. рождения) до 19% (для когорты 1960–1964 гг. рождения). Для женщин норма бездетности была относительно устойчива, начиная с когорты 1930–1934 гг. рождения, и близка к естественной норме бесплодия 11%. В России бездетность встречается редко. В когортах от 1930–1934 гг. рождения для женщин (1926–1929 гг. рождения для мужчин) до когорты 1960–1964 гг. рождения доля бездетных, мужчин и женщин, менее 10%. В Литве доля бездетных женщин колеблется от 10% среди когорт, родившихся в 1940–1950-х гг., до 18% в старшей когорте 1926–1929 гг. рождения. Пропорция бездетных мужчин колеблется от 10% в когортах с конца 1930-х до начала 1960-х гг. рождения до 16% в старшей возрастной когорте.

Из данных, представленных на *рис. 2б*, следует, что во Франции доля женщин, у которых есть второй ребенок, относительно постоянна (приблизительно 70%) в когортах 1930–1959 гг. рождения, а доля муж-

Рисунок 2а

**Кумулятивный показатель первого рождения по полу и возрастным когортам родителей в Литве, России и Франции**

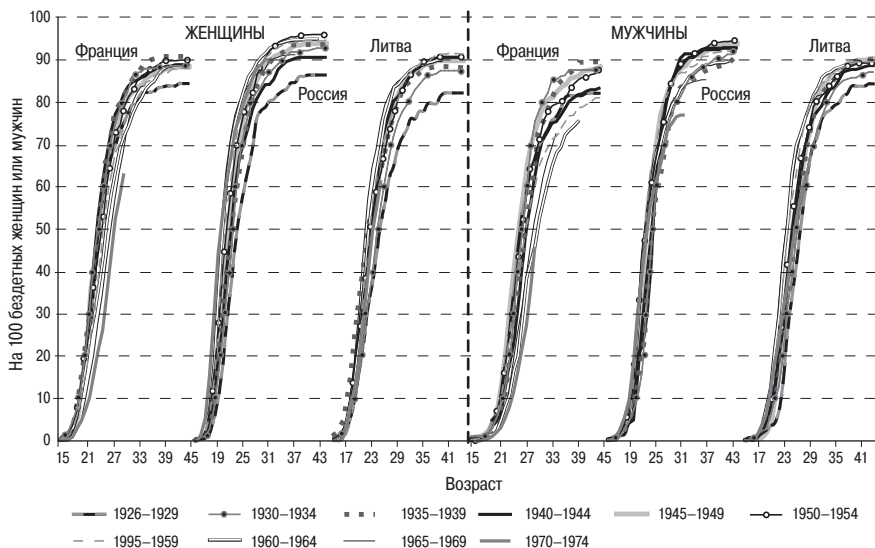
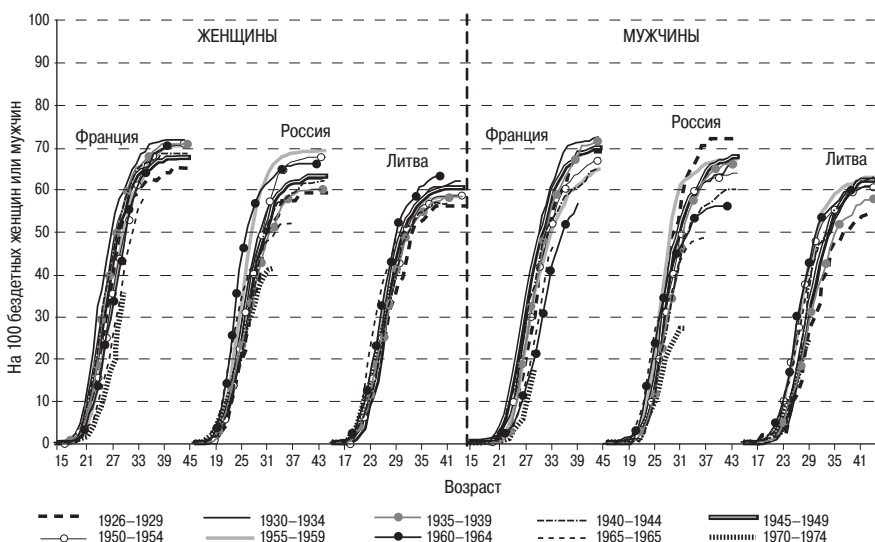


Рисунок 26

**Кумулятивный показатель рождения второго ребенка по полу и возрастным когортам родителей в Литве, России и Франции**



чин уменьшается (с 72% до 65%). В России доля женщин, имеющих второго ребенка, немного увеличивается между самыми старшими и самыми молодыми когортами (58% для когорты 1926–1929 гг. рождения и 69% для когорты 1955–1959 гг. рождения), для мужчин эта доля относительно устойчива в когортах 1930–1959 гг. рождения и находится в пределах 60–67%. В Литве доля мужчин и женщин, у которых есть второй ребенок, ниже, чем во Франции и России. Доля людей, имеющих второго ребенка, варьирует по когортам 1930–1959 гг. рождения: между 56% и 61% для женщин и 58% и 61% для мужчин.

*1.2. Первый ребенок чаще рождается в браке в Литве и России и вне брака во Франции*

*1.2.1. Брачный статус в момент зачатия ребенка*

Во Франции большинство первых рождений планировалось и происходило в браке до конца 1980-х гг., в России и Литве — до конца 1990-х гг. (табл. 1). Во Франции доля детей, зачатых в браке, сократилась с 70% в конце 1960-х гг. до 59% во второй половине 1980-х, 48% в начале 1990-х гг. и 39% в начале 2000-х. В начале 2000-х гг. порядка половины первых детей были зачаты в неформальном партнерстве.

В России и Литве доля брачных зачатий постепенно уменьшалась с конца 1960-х гг., преодолев 50-процентный порог в начале 2000-х гг.: в 1965–1969 гг. доля брачных зачатий составляла 76% и 67% соответственно, в 2000–2005 гг. — 49% и 43%.

Во Франции доля детей, зачатых вне любого партнерского союза, между 1965 и 1974 г. составляла приблизительно 25%. Несмотря на социальное осуждение близких отношений вне брака, это явление было достаточно распространено. В то время как доля рождений вне партнерского союза была относительно постоянной в России (приблизительно 20–24%) и колебалась в Литве (с 22% в 1965–1969 гг. до 29–30% в 1990–2005 гг.), во Франции во второй половине 1970-х гг. доля детей, родившихся вне партнерского союза, упала с 17% в 1975 г. до 10% в начале 2000-х гг.

Во Франции конец 1970-х гг. и, особенно, начало 1980-х гг. ознаменовались существенным изменением условий, в которых происходило зачатие ребенка. В то время как количество рождений вне союза и рождений в браке уменьшилось, количество рождений в партнерствах вне брака значительно увеличилось. Доля рождений в неформальных партнерских союзах увеличилась с 22% в начале 1980-х гг. до 50% в 2000–2005 гг. В России это изменение произошло главным образом в начале 1990-х гг.: с 15% первых рождений, запланированных в неформальных партнерствах, в 1965–1989 гг., до 20% в начале 1990-х и 34% в 2000–2005 гг. До 1990-х гг. доля первых рождений в партнерствах вне брака была чрезвычайно низка в Литве — менее 6%. Их доля начала увеличиваться только в начале 1990-х гг. и превысила 20% (22%) в начале 2000-х гг.

### ***1.2.2. Эволюция добрачных зачатий***

Наблюдая изменения в статусе партнерства родителей между зачатием и рождением первого ребенка между 1965 и 2005 г. во Франции, мы обнаружили, что доля добрачных зачатий (родитель не состоит в браке в момент зачатия и состоит в браке в момент рождения) составляла приблизительно 19% в 1965–1969 гг., 23% в начале 1970-х гг. и меньше чем 4% в 2000–2005 гг. (*табл. 1*). Небольшое повышение этой доли в начале 1970-х гг. произошло благодаря увеличению количества пар, находящихся в момент зачатия в партнерстве вне брака. В то время как близкие отношения вне брака стали более распространены во Франции, брак на тот момент все еще оставался предпочтительной формой отношений для рождения детей [Prioux, 1974; Leridon, 1990].



Начиная с середины 1980-х гг. беременности, которые произошли вне партнерского союза (матери не проживают с биологическим отцом), значительно реже приводили к созданию брачного союза. Напротив, в Литве и России доля добрачных зачатий — вне союза или в партнерствах вне брака — увеличились за эти годы с 13% в конце 1960-х до 28% в начале 2000-х гг. Пропорция добрачных зачатий в партнерствах повысилась в последние годы (с 1–5% соответственно в 1965 и 1969 гг. до 10% и 19% в 2000–2005 гг.).

Снижение доли добрачных зачатий во Франции (вне союза или в партнерстве вне брака) является результатом глубоких сдвигов в отношении к браку и рождению, которые привели к законодательным изменениям, особенно в части прав на наследство и доступа к средствам современной контрацепции. Законы от 3 января 1972 г. и от 22 июля 1987 г.<sup>3</sup> минимизируют разницу в статусе детей, родившихся в браке и вне его, и предусматривают совместную родительскую ответственность в отношении детей [Munoz-Pérez, 2004]. Начиная с 1965 г., в России произошло два важных законодательных изменения: 30 июля 1969 г. был принят Кодекс РСФСР о браке и семье, впоследствии замененный Семейным кодексом Российской Федерации от 29 декабря 1995 г., который определил основные ограничения, связанные с разводом и обязательствами родителей. Тем не менее увеличение добрачных зачатий вне союза или в партнерствах вне брака стало главным образом результатом социальных, экономических и культурных изменений. Аналогично увеличение добрачных зачатий в Литве связано с недавним быстрым изменением в ценностях и нормах в отношении брачно-партнерского поведения.

### ***1.2.3. Неформальные партнерства и первые рождения***

Во Франции до конца 1970-х гг. у четырех из пяти рожденных детей родители состояли в браке (*табл. 1*). Партнерский статус родителей на момент рождения первого ребенка впоследствии значительно изменился. Наряду с уменьшением в доле рождений одинокими женщинами (с 8% в 1965–1974 гг. до 6% в 1995–2005 гг.) и женатыми парами (с 88% в 1965–1974 гг. до 76% в 1980–1984 гг. и до 44% в 2000–2005 гг.) доля рождений в партнерствах вне брака повысилась с 4% в 1965–1974 гг. до 17% в 1980–1984 гг. и 50% в начале 2000-х гг. Брак больше не является предпочтительной формой для рождения детей, так как появление

<sup>3</sup> С тех пор, конечно, законодательство продолжало развиваться.

## Статус партнерства в момент зачатия и рождения первого ребенка в Литве, России и Франции

Страна	Год рождения 1-го ребенка	Статус партнерства в период зачатия*				Изменения в статусе между зачатием и рождением**						Статус партнерства в момент рождения				Число респондентов
		без партнера (одиночка)	партнерство вне брака	брак	%	одиночка вступила в партнерство	одиночка вступила в брак	партнерство вне брака	нет изменений	%	без партнера (одиночка)	партнерство вне брака	брак	%		
Литва	1965–1969	22,2	1,5	76,3	100,0	1,0	12,8	0,6	85,6	100,0	8,1	1,8	90,1	100,0	594	
	1970–1974	22,5	2,1	75,4	100,0	0,7	11,4	0,5	87,4	100,0	9,7	2,3	88,0	100,0	527	
	1975–1979	26,4	4,4	69,2	100,0	0,7	17,0	2,6	79,7	100,0	8,1	2,3	89,6	100,0	565	
	1980–1984	29,1	5,2	65,7	100,0	0,7	18,9	2,7	77,7	100,0	9,2	2,8	88,0	100,0	673	
	1985–1989	23,8	5,7	70,5	100,0	0,4	15,9	3,4	80,3	100,0	7,5	2,2	90,3	100,0	825	
	1990–1994	29,7	9,0	61,3	100,0	1,6	17,6	4,3	76,5	100,0	10,7	6,1	83,2	100,0	876	
	1995–1999	30,5	14,2	55,3	100,0	1,3	18,1	8,5	72,1	100,0	11,5	6,4	82,1	100,0	747	
	2000–2005	28,6	22,1	49,3	100,0	3,6	17,9	9,6	68,9	100,0	7,5	15,5	77,0	100,0	765	
	1965–1969	20,7	12,4	66,9	100,0	1,3	8,8	4,6	85,3	100,0	10,7	9,1	80,2	100,0	672	
	1970–1974	19,7	12,4	67,9	100,0	1,1	8,1	5,0	85,8	100,0	11,1	8,1	80,8	100,0	961	
1975–1979	21,3	12,8	65,9	100,0	0,5	13,4	6,4	79,7	100,0	7,9	6,6	85,5	100,0	958		
1980–1984	20,2	14,3	65,5	100,0	0,7	12,5	7,2	79,6	100,0	8,1	7,3	84,6	100,0	1068		
1985–1989	21,4	15,6	63,0	100,0	1,8	11,4	6,8	80,0	100,0	9,6	10,2	80,2	100,0	1063		
1990–1994	21,8	19,5	58,7	100,0	1,8	11,5	8,4	78,3	100,0	10,2	11,9	77,9	100,0	976		
1995–1999	24,4	24,1	51,5	100,0	2,8	14,1	10,0	73,1	100,0	8,9	15,9	75,2	100,0	717		
2000–2005	22,4	34,2	43,4	100,0	2,7	9,3	18,5	69,5	100,0	12,3	17,3	70,4	100,0	664		
Россия																

Франция	1965–1969	25,0	5,5	69,5	100,0	1,0	16,1	2,4	80,5	100,0	7,8	4,2	88,0	100,0	687
	1970–1974	26,3	8,5	65,2	100,0	0,9	17,6	5,1	76,4	100,0	7,8	4,3	87,9	100,0	754
	1975–1979	16,9	13,3	69,8	100,0	1,6	8,0	5,9	84,5	100,0	7,3	9,0	83,7	100,0	709
	1980–1984	13,7	21,6	64,7	100,0	1,9	4,1	6,6	87,4	100,0	7,7	16,8	75,5	100,0	569
	1985–1989	11,9	29,1	59,0	100,0	2,1	2,3	5,2	90,4	100,0	7,5	26,0	66,5	100,0	643
	1990–1994	11,5	40,8	47,7	100,0	2,4	2,5	4,7	90,4	100,0	6,6	38,5	54,9	100,0	742
	1995–1999	9,6	45,2	45,2	100,0	2,4	0,7	3,7	93,2	100,0	6,4	43,9	49,7	100,0	734
	2000–2005	10,3	50,4	39,3	100,0	3,5	0,7	3,7	92,1	100,0	6,2	50,1	43,7	100,0	760

Примечания: здесь и в табл. 2 \* — дата зачатия была оценена путем вычитания 8 месяцев с даты рождения; \*\* — дети, зачатые в партнерствах вне брака и рожденные вне брака или союза, не рассмотрены.

первого ребенка на сегодняшний день чаще происходит в партнерстве вне брака [Toulemon, 1994]. В России и Литве большинство первых рождений происходят в рамках брака (соответственно 90% и 80% в 1965 и 1969 гг. и 77% и 70% в 2000 и 2005 гг.). Рождения в партнерствах вне брака немного увеличились с начала 1980-х в России (с 7% в 1980–1984 гг. до 12% в 1990–1994 гг. и до 17% в 2000–2005 гг.) и с начала 1990-х в Литве (с 6% в 1990–1994 гг. до 16% в 2000–2005 гг.). Доля рождений вне партнерского союза осталась относительно постоянной и составила порядка 10% всех рождений.

#### ***1.2.4. Брак, особые условия рождения второго ребенка***

Хотя большинство вторых рождений между 1965 и 2005 гг. происходило в браке (процент снизился с 95% до 91% в Литве, с 92% до 62% во Франции и с 88% до 83% в России), увеличение доли вторых рождений в неформальных союзах наблюдалось с начала 1980-х гг. во Франции, с начала 1990-х гг. в России и с 1995–1999 гг. в Литве (*табл. 2*). Во Франции доля вторых рождений в неформальных союзах увеличилась с 5% в 1975–1979 гг. до 35% в 2000–2005 гг. В России эта доля выросла с 7% в 1985–1989 гг. до 14% в 2000–2005 гг., в то время как в Литве — с 3% в 1990–1994 гг. до 8% в 2000–2005 гг. В отличие от первого рождения, статус партнерства между зачатием и рождением второго ребенка меняется редко независимо от рассматриваемой страны и когорт. Большинство семей проживают в браке. В 1980–1990 гг. во Франции и в России доля вторых рождений в браке, оставаясь наибольшей, немного уменьшается за счет большей распространенности вторых рождений в неформальных партнерствах. Доля вторых рождений в неформальных союзах выросла с 2–4% в 1985–1999 гг. в Литве, Франции и России до 8%, 35% и 14% соответственно в 2000–2005 гг.

Так же как и брачный статус родителей в момент зачатия и рождения второго ребенка, интенсивность и календарь рождений различаются в рассматриваемых странах. Бездетность, хотя и относительно низка во Франции, еще более редко встречается в Литве и России, где мужчины и женщины становятся родителями раньше, чем во Франции. Во всех трех странах увеличивается число детей, зачатых в неформальных союзах. Это привело к увеличению добрачных зачатий в России и небольшому увеличению рождений в незарегистрированных партнерствах в Литве и России, а также к резкому увеличению первых рождений вне брака во Франции. В восточноевропейских странах большинство рождений все еще происходит в брачных со-

Таблица 2

Статус партнерства в момент зачатия и рождения второго ребенка в Литве, России и Франции

Страна	Год рождения 2-го ребенка	Статус партнерства в период зачатия*				Изменения в статусе между зачатием и рождением**						Статус партнерства в момент 2-го рождения				Число респондентов
		без партнера (одиночка)	партнерство вне брака	брак	%	одиночка в партнерство вне брака	партнерство вне брака стало браком	нет изменений	%	без партнера (одиночка)	партнерство вне брака	брак	%			
Литва	1965-1969	4,0	2,1	93,9	100,0	0,0	0,9	0,3	98,8	100,0	3,0	1,8	95,2	100,0	329	
	1970-1974	3,2	1,3	95,5	100,0	0,0	1,0	0,0	99,0	100,0	2,2	1,3	96,5	100,0	371	
	1975-1979	5,0	1,8	93,2	100,0	0,0	1,0	0,2	98,8	100,0	4,3	1,7	94,0	100,0	398	
	1980-1984	4,7	1,7	93,6	100,0	0,0	0,5	0,2	99,3	100,0	4,0	1,4	94,6	100,0	424	
	1985-1989	3,3	2,5	94,2	100,0	0,2	0,6	0,2	99,0	100,0	2,7	2,3	95,0	100,0	479	
	1990-1994	5,2	2,9	91,9	100,0	0,0	1,4	0,5	98,1	100,0	4,0	2,5	93,5	100,0	555	
	1995-1999	4,1	5,4	90,5	100,0	0,2	1,2	0,8	97,8	100,0	2,9	4,7	92,4	100,0	484	
	2000-2005	4,0	8,9	87,1	100,0	0,7	1,5	2,0	95,8	100,0	1,8	7,5	90,7	100,0	450	
	1965-1969	9,4	4,6	86,0	100,0	0,2	0,7	1,2	97,9	100,0	8,9	3,6	87,5	100,0	415	
	1970-1974	7,0	5,8	87,2	100,0	0,0	0,6	1,0	98,4	100,0	6,6	4,8	88,6	100,0	497	
1975-1979	5,6	6,3	88,1	100,0	0,0	1,1	1,1	97,8	100,0	5,1	5,3	89,6	100,0	552		
1980-1984	5,8	6,1	88,1	100,0	0,0	0,8	2,2	97,0	100,0	5,3	4,1	90,6	100,0	740		
1985-1989	3,6	8,9	87,5	100,0	0,5	0,7	2,8	96,0	100,0	3,0	6,6	90,4	100,0	836		
1990-1994	4,5	12,1	83,4	100,0	0,4	1,3	3,3	95,0	100,0	2,9	9,4	87,7	100,0	553		
1995-1999	7,1	17,8	75,1	100,0	0,5	0,3	4,4	94,8	100,0	6,8	13,9	79,3	100,0	366		
2000-2005	4,1	19,5	76,4	100,0	0,3	1,5	5,5	92,7	100,0	2,6	14,2	83,2	100,0	344		
Россия																

Окончание табл. 2

Страна	Год рождения 2-го ребенка	Статус партнерства в период зачатия*				Изменения в статусе между зачатием и рождением**						Статус партнерства в момент 2-го рождения				Число респондентов
		без партнера (одиночка)	партнерство вне брака	брак	%	одиночка в партнерство вне брака	одиночка в брак	партнерство вне брака стало браком	нет изменений	%	без партнера (одиночка)	партнерство вне брака	брак	%		
Франция	1965–1969	5,5	3,0	91,5	100,0	0,2	0,5	0,2	99,1	100,0	4,8	3,1	92,1	100,0	474	
	1970–1974	5,7	3,8	90,5	100,0	0,0	0,6	0,4	99,0	100,0	5,1	3,4	91,5	100,0	554	
	1975–1979	3,3	4,8	91,9	100,0	0,4	0,8	0,6	98,2	100,0	2,1	4,6	93,3	100,0	521	
	1980–1984	3,7	10,3	86,0	100,0	0,6	0,3	1,9	97,2	100,0	2,8	9,0	88,2	100,0	492	
	1985–1989	5,4	13,5	81,1	100,0	1,2	0,1	1,7	97,0	100,0	4,1	13,0	82,9	100,0	466	
	1990–1994	4,4	24,9	70,7	100,0	1,1	0,3	1,7	96,9	100,0	3,0	24,3	72,7	100,0	522	
	1995–1999	5,4	31,0	63,6	100,0	0,9	1,1	2,9	95,1	100,0	3,4	29,0	67,6	100,0	625	
	2000–2005	4,9	35,1	60,0	100,0	1,4	0,2	1,9	96,5	100,0	3,3	34,5	62,2	100,0	648	

юзях, тогда как во Франции более чем половина первых рождений происходят вне брака, но в партнерстве. В то же время большинство вторых рождений происходит в браке, однако во Франции выражена тенденция к увеличению вторых рождений в рамках партнерства вне брака. Фактически семьи во Франции все чаще формируются вне брака.

Заводя ребенка, люди принимают решение, имеющее значительные последствия для их дальнейшей жизни. В денежном выражении можно вычислить стоимость воспитания детей, но не удовлетворение от появления на свет малыша, функция полезности которого психологическая по своей природе [Coleman, 1999]. В современных обществах с рыночной экономикой, характеризующихся большим уровнем риска [Beck, 1999], пары соизмеряют прямые и альтернативные количественные издержки иметь детей с качественными показателями психологической удовлетворенности. Склонность людей наслаждаться жизнью и обеспечивать собственную экономическую безопасность (в частности благодаря образованию, профессиональной карьере, сбережениям) не совместима с необратимыми обязательствами по рождению ребенка, которые связаны с нестабильностью: более низким доходом в течение периода, связанного с прерыванием занятости, более высокими потребительскими расходами и экономической ответственностью за иждивенцев [Chesnais, 2000]. Следующий раздел статьи посвящен анализу переменных, связанных с намерениями иметь детей.

## **2. Репродуктивные намерения**

### *2.1. Репродуктивные намерения в разрезе пола, когорты и рассматриваемых стран*

Намерения завести детей — решающий индикатор предполагаемого рождения. Конечно, намерения далеко не всегда соответствуют реальному репродуктивному поведению, но этот индикатор показывает отношение к рождению детей в обществе. Намерения завести детей варьируют по полу и когортам. Они также зависят от числа уже имеющихся детей. Чтобы сравнить намерения родить детей во Франции, Литве и России, были построены две таблицы в разрезе пола и когорт: для тех, у кого еще нет детей, и для тех, у кого есть только один биологический ребенок (*табл. 3, 4*). Беременные и физиологически неспособные к рождению детей пары были исключены из ана-

лиза, так же как и пары, в которых женщина была в возрасте 50 лет или старше<sup>4</sup>.

### ***2.1.1. Желание завести первого или второго ребенка сильнее всего выражено во Франции***

Среди интервьюируемых в возрасте 18–45 лет (родившихся между 1960 и 1987 гг.) в трех рассматриваемых странах большее желание завести первого или второго ребенка выражено во Франции<sup>5</sup> (табл. 3).

Во Франции реже всего хотят завести ребенка в ближайшие три года респонденты в возрасте до 26 лет, а также в возрасте старше 35 лет (40 для женщин). Среди респондентов в возрасте 18–20 и 21–25 лет 63% и 34% женщин и 40% и 37% мужчин заявили, что они не хотят заводить ребенка в течение следующих трех лет. Еще 34% и 47% и 13% и 54% тех же самых половозрастных групп ответили, что у них нет определенных планов завести ребенка в этот период. Это показывает, что в самых молодых возрастных группах респондентам трудно представить себя, формирующими семью. Трудность в выражении ясного желания иметь или не иметь детей, характерна для женщин в возрасте до 35 лет и для мужчин в возрасте до 40 лет. Среди людей, не имеющих детей, желание завести их в ближайшее время выражено более четко в возрасте 31–35 для женщин и в 26–35 для мужчин. В этих возрастных группах 41% женщин и 31% мужчин ответили, что они хотят завести ребенка в течение следующих трех лет. После 40-летнего возраста желание иметь детей ослабевает: 77% женщин и 66% мужчин ответили, что не планируют заводить детей. Независимо от возраста мужчины говорят о своих репродуктивных намерениях более открыто, чем женщины (что, возможно, связано с меньшими возрастными ограничениями, так как, в отличие от женщин, они могут стать родителями и в более старших возрастах).

В России и, даже в большей степени в Литве, большинство респондентов не планируют родить детей в ближайшее время. Наибольшее

---

<sup>4</sup> Чтобы обеспечить сравнимость репродуктивных намерений в Литве, России и Франции в обследовании GGS применялся следующий подход: вопрос о репродуктивных намерениях задавался всем респондентам обследования, за исключением следующих категорий: 1) беременные женщины (а также мужчины, чья партнерша была беременна); 2) женщины в возрасте 50 лет и старше (и мужчины, чья партнерша была в возрасте 50 лет и старше); 3) респонденты, которые физически не способны иметь детей (или партнер/партнерша не способна иметь детей). Во всех трех странах мы использовали вопрос о намерениях родить ребенка в ближайшие три года с момента опроса.

<sup>5</sup> Мы рассматриваем намерения родить только первого или второго ребенка, поскольку число детей более высокой очередности недостаточно, чтобы получить статистически значимые результаты.



Таблица 3  
**Намерения родить ребенка в течение ближайших трех лет в Литве, России и Франции среди респондентов, не имеющих детей, и имеющих одного биологического ребенка, в разрезе пола и когорт**

Страна	Пол	Когорты	При- бли- зитель- ный возраст	Репродуктивные намерения респондентов, не имеющих детей, в %				Репродуктивные намерения респондентов, имеющих одного биологического ребенка, в %			
				опреде- ленно да*	опреде- ленно нет**	скорее да, скорее нет или не знаю	число респон- дентов	опреде- ленно да*	опреде- ленно нет**	скорее да, скорее нет или не знаю	число респон- дентов
Франция	Муж- ской	1960–1964	41–45	16,6	66,4	17,0	95	12,5	77,2	10,4	59
		1965–1969	36–40	18,6	36,2	45,2	88	25,0	50,1	24,9	85
		1970–1974	31–35	30,2	20,0	49,8	137	39,4	27,8	32,8	91
		1975–1979	26–30	31,5	15,9	52,6	209	31,3	17,4	51,3	53
		1980–1984	21–25	9,3	37,1	53,6	253	(29,3)	(33,8)	(36,9)	14
	1985–1987	18–20	4,1	39,6	12,8	146	(0,0)	(0,0)	(0,0)	0	
	1960–1964	41–45	14,2	77,2	8,7	71	6,0	84,4	9,6	89	
	1965–1969	36–40	36,8	33,5	29,7	86	17,0	65,4	17,7	111	
	1970–1974	31–35	41,0	15,1	43,8	112	37,8	23,3	38,9	113	
	1975–1979	26–30	35,1	11,3	53,7	210	44,4	12,4	43,1	79	
Литва	Муж- ской	1980–1984	21–25	18,4	34,4	47,2	374	35,4	21,0	43,6	50
		1985–1987	18–20	3,9	62,5	33,6	236	(59,8)	(27,0)	(13,2)	8
		1960–1964	42–46	4,7	51,2	44,2	43	0,0	62,6	37,4	107
		1965–1969	37–41	3,6	34,5	61,8	55	1,5	43,8	54,7	136
		1970–1974	32–36	13,7	20,6	65,6	131	14,2	23,9	61,9	155
1975–1979	27–31	11,3	16,2	72,5	204	8,1	11,9	80,0	161		
1980–1984	22–26	10,8	20,0	69,2	380	11,4	15,9	72,7	88		
1985–1986	20–21	0,9	55,1	44,0	468	(0,0)	(33,3)	(66,7)	6		

Страна	Пол	Когорты	При- бли- зитель- ный возраст	Репродуктивные намерения респондентов, не имеющих детей, в %				Репродуктивные намерения респондентов, имеющих одного биологического ребенка, в %			
				опреде- ленно да*	опреде- ленно нет**	скорее да, скорее нет или не знаю	число респон- дентов	опреде- ленно да*	опреде- ленно нет**	скорее да, скорее нет или не знаю	число респон- дентов
	Жен- ский	1960–1964	42–46	0,0	60,7	39,3	28	1,0	77,1	21,9	105
		1965–1969	37–41	5,3	44,7	50,0	38	0,7	65,5	33,8	139
		1970–1974	32–36	7,9	12,7	79,4	63	4,4	36,3	59,3	182
		1975–1979	27–31	18,2	7,3	74,5	137	11,9	20,5	67,6	185
		1980–1984	22–26	8,7	15,7	75,6	287	12,3	16,7	71,1	114
		1985–1986	20–21	3,1	48,0	48,8	477	(4,3)	(30,4)	(65,2)	23
		1960–1964	40–44	2,6	44,2	53,2	35	5,4	62,7	31,8	144
		1965–1969	35–39	11,1	38,9	50,0	49	3,7	46,5	49,8	137
		1970–1974	31–34	22,9	21,8	55,3	82	10,2	18,5	71,2	188
		1975–1979	25–30	23,7	12,9	63,4	224	16,3	30,4	53,3	166
Россия	Муж- ской	1980–1984	21–24	11,7	36,9	51,4	443	8,1	33,9	58,1	57
		1985–1986	18–20	3,0	57,2	39,8	137	(0,0)	(71,4)	(28,6)	3
		1960–1964	40–44	0,0	71,4	28,6	26	2,1	76,2	21,7	175
		1965–1969	35–39	22,7	12,1	65,2	30	2,3	57,3	40,4	162
		1970–1974	31–34	18,5	10,2	71,3	49	9,7	34,0	56,3	236
		1975–1979	25–30	36,7	11,5	51,9	124	15,7	25,0	59,3	312
		1980–1984	21–24	19,3	20,9	59,8	357	7,4	31,3	61,3	174
		1985–1986	18–20	3,9	44,2	51,9	176	(11,9)	(11,9)	(76,2)	19

*Примечания:* здесь и в табл. 4 беременные и бесплодные пары не включены; пары, в которых женщина в возрасте 50 лет и старше не включены. \* — респонденты, выразившие намерение завести ребенка в ближайшие 3 года с момента опроса; \*\* — респонденты, выразившие намерение не завести ребенка в ближайшие три года с момента опроса. Цифры в скобках не являются значимыми.

желание демонстрируют респонденты 26–30 лет (31–35 лет для мужчин в Литве): 37% женщин и 24% мужчин в России и 18% женщин и 14% мужчин в Литве ответили, что планируют завести первого ребенка в течение следующих трех лет. Напротив, более трети респондентов не хотели бы родить ребенка в течение ближайших трех лет: в России это главным образом касается женщин до 20 лет (44%) и мужчин до 26 лет (37% в возрасте 21–25 лет и 57% в возрасте 18–20 лет) и в возрасте старше 35 лет (39% в возрасте 36–40 лет и 44% в возрасте 41–45 лет); в Литве — мужчин и женщин в возрасте до 21 года (55% и 48% соответственно) и в возрасте старше 35 лет (35% и 45% соответственно).

В то время как во Франции родители одного биологического ребенка во время опроса кажутся более определившимися по вопросу рождения второго ребенка, в России и Литве это не так. В ходе опроса во Франции примерно 44% женщин в возрасте 26–30 лет, имевших одного ребенка, выразили намерение родить второго ребенка в течение трех лет. При этом около 65% женщин в возрасте 36–40 лет, имевших одного ребенка, не планировали заводить второго (84% в возрасте 41–45 лет). Среди мужчин 31–35 лет 39% выразили желание завести второго ребенка, в то время как порядка 50% мужчин 36–40 лет и 77% 41–45 лет не планировали это. В России и Литве желание завести второго ребенка выразили немногие. Треть 30–34-летних женщин и более половины 35-летних и старше не хотели бы рожать второго ребенка. Аналогично более 60% мужчин 35-лет и старше в обеих странах сообщили о своем нежелании иметь второго ребенка.

Таким образом, можно проанализировать различия в желании родить ребенка в разрезе пола, когорты и страны. Тот факт, что далеко не все респонденты выражают это желание, или делают это в разный период времени, показывает, что существуют условия, от которых зависит желание иметь детей. Для выявления факторов, которые положительно или отрицательно связаны с намерениями людей завести ребенка в ближайшие три года, были построены логистические регрессии. Сами регрессии строились отдельно для респондентов, не имеющих детей, и для тех, у кого уже есть один биологический ребенок.

## *2.2. Факторы, влияющие на желание родить ребенка*

Помимо описания репродуктивных намерений в разрезе пола и когорт для респондентов, не имеющих детей, и для людей с одним или двумя детьми, важно сравнить факторы, связанные с этими на-

мерениями в Литве, России и Франции, чтобы увидеть, есть ли связь между намерениями и коэффициентами рождаемости. Было построено шесть логистических регрессий на основе данных французских, литовских и российских данных GGS: для каждой страны по одной модели для респондентов, не имеющих детей, и для респондентов, имеющих одного биологического ребенка. В качестве зависимой переменной выступала дамми-переменная, показывающая намерение завести ребенка в ближайшие 3 года, в качестве независимых переменных выступали пол, когорта рождения, число родных братьев (сестер), гражданство респондентов (во Франции), статус занятости и т. д. К сожалению, доход респондентов не учитывался, так как многие респонденты в ходе опроса предпочитали не раскрывать информацию о своем доходе. *Таблица 4* показывает результаты регрессий для респондентов, не имеющих детей, *таблица 5* для тех, у кого есть один биологический ребенок.

### ***2.2.1. Факторы, определяющие желание родить первенца***

Во всех трех странах женщины выражают свои намерения родить первого ребенка чаще, чем мужчины (отношение шансов равно 2,03 в Литве, 1,65 в России и 1,51 во Франции), вероятно потому, что в обществе продолжают ценить материнство. В Литве и России самая молодая из рассматриваемых когорт (1985–1987 гг. рождения) и самая старшая (1960–1964 гг. рождения), намного реже выражают желание завести первенца, чем те, кто родился в 1975–1979 гг. Во Франции чаще выражают желание завести первого ребенка респонденты 1970–1974 гг. рождения. Однако желание завести ребенка скорее связано с социальными, экономическими и культурными факторами, нежели с физиологическими.

Прошлый опыт, который включает родительскую семью респондента и его социальное окружение, ограниченно влияет на желание завести первого ребенка во всех трех странах. Переменные, связанные с разводом родителей респондента, число родных братьев и сестер, и национальность, так же как и образовательные переменные, являются статистически незначимыми. Важно отметить, что религиозность положительно связана с желанием завести первого ребенка (отношения шансов составляют 1,51 в Литве, 1,93 в России и 1,81 во Франции). Религиозные люди более склонны к рождению детей, по крайней мере, в отношении рождения первого ребенка. Вопреки ожиданиям, проживание в сельской или городской местности не играет существенной роли во всех трех странах, однако площадь жилья имеет отношение

Таблица 4

**Факторы, влияющие на вероятность положительных репродуктивных намерений среди респондентов, не имеющих детей, в Литве, России и Франции (логистические регрессии)**

Факторы	Коэффициенты логистической регрессии		
	Литва	Россия	Франция
<b>Пол</b>			
Мужчины	реф.	реф.	реф.
Женщины	2,03***	1,65**	1,51**
<b>Когорты</b>			
1960–1964	0,13***	0,19***	0,86
1965–1969	0,22***	0,34***	1,19
1970–1974	1,08	0,73	1,93***
1975–1979	реф.	реф.	реф.
1980–1984	0,53***	0,48***	0,67*
1985–1986/87	0,18***	0,13***	0,28**
<b>Развод родителей респондента</b>			
Да	0,99	0,86	1,21
Нет	реф.	реф.	реф.
<b>Число братьев и сестер</b>			
1 (сам респондент)	0,96	0,72	0,95
2	1,25	0,89	1,15
3 или более	реф.	реф.	реф.
<b>Гражданство</b>			
Французское/литовское/российское	реф.	реф.	реф.
Другое	0,71	1,31	1,19
<b>Уровень образования</b>			
Начальное	0,93	1,10	0,83
Среднее	реф.	реф.	реф.
Высшее	1,30	1,09	0,75
<b>Отношение к обучению</b>			
Обучается в настоящее время	реф.	реф.	реф.
Планирует обучаться	1,22	1,11	1,67
Не обучается и не планирует	0,72	1,24	1,47
<b>Религиозность</b>			
Сильная	1,51*	1,93*	1,81*
Слабая	реф.	реф.	реф.
Отсутствует (агностик)	1,45**	0,90	0,81

Факторы	Коэффициенты логистической регрессии		
	Литва	Россия	Франция
<b>Тип поселения</b>			
Сельский (до 10 000 жителей)	реф.	реф.	реф.
Городской (более 10 000 жителей)	0,96	1,24	1,05
<b>Жилищные условия</b>			
Менее одной комнаты на человека	0,68*	0,92	1,07
Одна комната на человека	реф.	реф.	реф.
Более одной комнаты на человека	0,77	0,97	1,40*
<b>Партнерский статус</b>			
Нет партнера	0,34***	0,43***	0,15***
В партнерстве (браке)	реф.	реф.	реф.
Партнер вне домохозяйства	0,30***	0,47***	0,19***
<b>Занятость респондента</b>			
Занят	реф.	реф.	реф.
Безработный	1,04	0,59*	0,92
Экономически неактивный	0,36***	0,54**	0,68
<b>Число партнерских союзов</b>			
0	реф.	реф.	реф.
1	3,18***	1,67*	1,63**
2	1,35	1,55	1,79*
3 и более	2,70	5,97**	1,83
<b>Намерения сменить партнерство на брак</b>			
Да	н/д	7,73***	2,36***
Нет	реф.	реф.	реф.
Не знаю	н/д	3,45***	0,77
<b>Чтобы ребенок рос счастливым, ему нужен дом, где есть и отец, и мать</b>			
Полностью согласен/согласен	реф.	реф.	реф.
И да, и нет	0,59**	0,77	0,83
Не согласен/совсем не согласен	0,50	0,84	0,89
<b>Для полной самореализации у женщины должны быть дети</b>			
Полностью согласен/согласен	реф.	реф.	реф.
И да, и нет	0,82	0,64	0,68
Не согласен/совсем не согласен	0,95	0,47*	0,78
<b>Для полной самореализации у мужчины должны быть дети</b>			
Полностью согласен/согласен	реф.	реф.	реф.

Факторы	Коэффициенты логистической регрессии		
	Литва	Россия	Франция
И да, и нет	0,91	0,94	0,98
Не согласен/совсем не согласен	0,66	0,92	0,53
<i>Женщина вполне может родить ребенка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной</i>			
Полностью согласен/согласен	реф.	реф.	реф.
И да, и нет	0,97	0,83	0,99
Не согласен/совсем не согласен	0,68	0,81	1,09

*Примечания:* здесь и для табл. 5 значимость: \* — 0,05; \*\* — 0,01 и \*\*\* — 0,001; н/д — нет данных; реф. — референтная категория.

к репродуктивным намерениям, прежде всего во Франции и Литве. Во Франции существует сильно выраженная положительная связь между наличием дополнительной комнаты и репродуктивными намерениями (отношение шансов — 1,4). В Литве дефицит общей площади оказывает негативное воздействие на вероятность положительных репродуктивных намерений (отношение шансов — 0,68). Эти взаимосвязи между количеством полезной площади и намерениями родить, вероятно, отражают тот факт, что французы планируют или готовятся к появлению детей в условиях относительного излишка жилья, в то время как в Литве дефицит жилой площади отрицательно связан с намерениями завести детей. Это означает, что, по крайней мере, во Франции и Литве, у респондентов, которые живут в лучших жилищных условиях более выражено желание родить ребенка. В России размер жилья не имеет значимой связи с намерениями завести первого ребенка.

Репродуктивные намерения тесно связаны с наличием партнера. Во всех трех странах респонденты, у которых нет постоянного партнера (а также те, у кого партнер не проживает в домохозяйстве), значительно реже заявляют о намерении завести ребенка, чем те, кто проживает с партнером. Согласно результатам регрессий, отсутствие партнера снижает намерения родить первенца более чем в 6 раз во Франции, в 3 раза в Литве и более чем в 2 раза в России по сравнению с теми, кто живет вместе с партнером. Важно отметить, что во всех регрессиях наличие партнера вне домохозяйства не увеличивает вероятность положительных репродуктивных намерений среди бездетных респондентов. Это означает, что респонденты не воспринимают всерьез партнера

с точки зрения своих репродуктивных намерений до тех пор, пока он не начнет проживать совместно с респондентом, в рамках одного домохозяйства.

Статус занятости играет различную роль в каждой из трех странах. Во Франции эта переменная практически не значима. В Литве экономическая неактивность респондентов значимо отрицательно связана с вероятностью положительных репродуктивных намерений (отношение шансов — 0,36) по сравнению с респондентами, у которых есть работа. В России и безработица и экономическая неактивность значимо отрицательно связаны с намерениями родить первенца (отношения шансов составляют 0,59 и 0,54 соответственно). Указанные различия между тремя странами, по всей видимости, могут быть связаны с различными условиями на рынке труда. Во Франции относительная щедрость пособий по безработице и социальных трансфертов заменяет часть утраченной заработной платы. В Литве безработица не является серьезным препятствием для репродуктивных намерений благодаря значительному улучшению ситуации на рынке труда, особенно после вступления Литвы в ЕС, однако неактивность является барьером в желании иметь первого ребенка. В России безработица и экономическая неактивность практически эквивалентны по влиянию на личное благосостояние, поскольку пособие по безработице и другие социальные выплаты крайне низки по сравнению со средней заработной платой. Кроме того, поиски работы в России достаточно трудны за исключением крупных городов, таких как Москва или Санкт-Петербург. Таким образом, неактивность значительным образом влияет на выражение репродуктивных намерений в двух восточноевропейских странах.

Желание завести ребенка также связано с опытом партнерских союзов респондентов. Во Франции и, особенно, в России каждый последующий партнерский союз увеличивает вероятность положительных репродуктивных намерений, в то время как в Литве наибольшую роль играет первый партнерский союз. Это означает, что первое партнерство в Литве, более традиционной стране, в отличие от России и Франции, тесно связано с желанием создать семью. Намерения респондентов изменить свой текущий партнерский статус (например, совместное проживание партнеров, если они живут в разных домохозяйствах, или вступление в брак для партнеров, проживающих в одном домохозяйстве вне брака) значимо связано с желанием завести ребенка, особенно в России (отношение шансов — 7,73), а также во Франции (2,36).



Блок вопросов о традиционных семейных ценностях не играет значимой роли во Франции и России, но важен в Литве. Респонденты, не согласные с утверждением о том, что детям, чтобы быть счастливыми, нужны и отец, и мать, имеют вероятность положительных репродуктивных намерений в 0,59 раза ниже, по сравнению с теми респондентами, кто дал положительный ответ на этот вопрос.

### **2.2.2. Факторы, влияющие на желание родить второго ребенка**

Факторы, связанные с желанием завести первого ребенка, отличаются от тех, которые влияют на желание завести второго (*табл. 5*). Согласно результатам логистических регрессий, для респондентов, у которых уже есть один биологический ребенок, пол респондента больше не играет роли во Франции и Литве. Напротив, в России этот показатель по-прежнему значим, однако в отличие от намерений рождения первого ребенка, женщины хотят второго ребенка реже, чем мужчины (отношение шансов — 0,64). Во Франции, где идеальная модель семьи с двумя детьми более распространена, женщины по-прежнему чаще, чем мужчины хотят родить и второго ребенка, но в модели этот коэффициент статистически не значим. Таким образом, женщины во Франции сильнее ориентированы на второе рождение, чем женщины в России и Литве. Возраст также имеет значение: старшие возрастные когорты, родившиеся в 1960–1964 гг. во Франции и в 1960–1969 гг. в России и Литве, реже выражают желание завести второго ребенка, чем другие когорты. Родители 2–3-летних детей во Франции чаще хотят завести второго ребенка (отношение шансов равно — 2,34), чем родители детей 4–5 лет. В то же время те респонденты, у кого есть ребенок в возрасте 12 лет и старше имеют еще более низкие репродуктивные намерения относительно рождения второго ребенка (отношение шансов — 0,44). В Литве респонденты, первый ребенок которых находится в возрасте до 3-х лет или старше 6 лет, с меньшей вероятностью выражают желание завести второго ребенка, чем те, у кого первый ребенок находится в возрасте 3–5 лет. В России родители очень маленьких детей (до 2-х лет) имеют более низкие репродуктивные намерения (отношение шансов — 0,48), чем те респонденты, у которых дети находятся в старших возрастах. Таким образом, положительные репродуктивные намерения для первого рождения появляются в более молодых возрастах в России и Литве, чем во Франции, но период между рождением первого ребенка и положительными репродуктивными намерениями в отношении второго ребенка во Франции короче, чем в России и Литве.

**Факторы, влияющие на вероятность положительных репродуктивных намерений для респондентов, имеющих одного биологического ребенка в Литве, России и Франции (логистические регрессии)**

Факторы	Коэффициенты логистической регрессии		
	Литва	Россия	Франция
<b>Пол</b>			
Мужской	реф.	реф.	реф.
Женский	0,66	0,64**	1,13
<b>Когорты</b>			
1960–1964	0,09***	0,15***	0,28**
1965–1969	0,17***	0,29***	0,93
1970–1974	0,61*	0,86	1,26
1975–1979	реф.	реф.	реф.
1980–1984	1,26	0,80	0,66
1985–1986/87	0,41	0,39	1,98
<b>Развод родителей респондента</b>			
Да	0,57**	0,91	1,12
Нет	реф.	реф.	реф.
<b>Число братьев и сестер</b>			
1 (сам респондент)	0,71	0,78	1,85
2	0,76	0,92	1,12
3 или более	реф.	реф.	реф.
<b>Гражданство</b>			
Французское/литовское/российское	реф.	реф.	реф.
Другое	1,01	0,84	1,01
<b>Уровень образования</b>			
Начальное	0,31***	1,29	0,77
Среднее	реф.	реф.	реф.
Высшее	1,20	1,50**	1,05
<b>Отношение к обучению</b>			
Обучается в настоящее время	реф.	реф.	реф.
Планирует обучаться	1,73	1,55*	0,91
Не обучается и не планирует	1,12	0,98	0,75
<b>Религиозность</b>			
Сильная	0,93	1,36	2,39

Факторы	Коэффициенты логистической регрессии		
	Литва	Россия	Франция
Слабая	реф.	реф.	реф.
Отсутствует (агностик)	0,81	0,81	0,91
<b>Тип поселения</b>			
Сельский (до 10 000 жителей)	реф.	реф.	реф.
Городской (более 10 000 жителей)	0,77	0,83	0,94
<b>Жилищные условия</b>			
Менее одной комнаты на человека	0,78	0,89	0,56
Одна комната на человека	реф.	реф.	реф.
Более одной комнаты на человека	0,58*	1,50	0,81
<b>Занятость респондента</b>			
Занят	реф.	реф.	реф.
Безработный	0,76	0,69	0,99
Экономически неактивный	1,19	1,18	0,93
<b>Намерения сменить партнерство на брак</b>			
Да	н/д	3,20***	1,04
Нет	реф.	реф.	реф.
Не знаю	н/д	1,66**	0,93
<b>Чтобы ребенок рос счастливым, ему нужен дом, где есть и отец, и мать</b>			
Полностью согласен/согласен	реф.	реф.	реф.
И да, и нет	0,66	0,85	0,83
Не согласен/совсем не согласен	0,75	2,16	1,18
<b>Для полной самореализации у женщины должны быть дети</b>			
Полностью согласен/согласен	реф.	реф.	реф.
И да, и нет	1,08	1,11	0,60
Не согласен/совсем не согласен	1,58	0,77	0,56
<b>Для полной самореализации у мужчины должны быть дети</b>			
Полностью согласен/согласен	реф.	реф.	реф.
И да, и нет	0,97	0,60*	0,92
Не согласен/совсем не согласен	0,45**	0,94	0,75
<b>Женщина вполне может родить ребенка, даже если она не собирается вступать в постоянные отношения с мужчиной</b>			
Полностью согласен/согласен	реф.	реф.	реф.

Факторы	Коэффициенты логистической регрессии		
	Литва	Россия	Франция
И да, и нет	1,09	1,24	0,88
Не согласен/совсем не согласен	1,62	1,37	1,62*
<b>Возраст первого ребенка на момент опроса (только для второй регрессии)</b>			
0–1 год	0,29***	0,48**	1,47
2–3 года	0,43**	0,89	2,34**
4–5 лет	реф.	реф.	реф.
6–12 лет	0,42***	1,04	0,56
12 и более лет	0,16***	0,72	0,44*
<b>Пол первого ребенка (только для второй регрессии)</b>			
Мальчик	реф.	реф.	реф.
Девочка	0,73*	0,99	1,10
<b>Партнерский статус на момент опроса по сравнению с периодом первого рождения</b>			
По-прежнему без партнера	0,40***	0,74	0,22**
Без партнера (был в партнерстве)	0,22***	0,67	0,26***
То же партнерство, что и первом рождении	реф.	реф.	реф.
Новое партнерство	1,69	1,95**	0,59

Развод родителей респондента негативно влияет на вероятность репродуктивных намерений в отношении второго ребенка только в Литве (отношение шансов — 0,57). Уровень образования респондентов не имеет значимой связи с намерениями завести второго ребенка во Франции, в отличие от России и Литвы. В Литве респонденты с начальным образованием существенно реже выражают желание завести второго ребенка (отношение шансов — 0,31) по сравнению с респондентами со средним образованием. В России вероятность положительных репродуктивных намерений в 1,5 раза выше среди людей с высшим образованием, чем среди тех, у кого есть только среднее образование. Другими словами, более высокий уровень образования в Литве и России (так же как и намерение продолжить обучение в случае Литвы) увеличивает вероятность положительных намерений родить второго ребенка. Во Франции наблюдается та же тенденция, однако коэффициенты в регрессии оказались незначимыми. Во всех странах уровень

религиозности респондентов, а также статус занятости не имеет значимой связи с желанием родить второго ребенка, в отличие от намерений родить первенца. По-видимому, наличие оплачиваемой занятости оказывает существенное влияние на желание завести первого ребенка в России и Литве, но менее важно для желаний родить второго.

Во Франции и Литве респонденты, живущие без партнера (даже если они проживали в партнерстве в момент рождения первого ребенка), реже выражают желание завести второго ребенка, чем те респонденты, которые проживают в том же самом домохозяйстве, в котором родился первый ребенок. В России наблюдается похожая тенденция, но коэффициенты не значимы. Иначе говоря, наличие партнера в домохозяйстве крайне важно для положительных репродуктивных намерений в отношении как первого, так и второго ребенка во всех трех странах. В России между тем нахождение в новом партнерстве, отличном от партнерства, в котором родился первый ребенок, повышает вероятность положительных репродуктивных намерений относительно второго ребенка в 1,95 раза по сравнению с теми респондентами, которые живут в том же самом партнерстве, где родился первый ребенок. В России желание завести второго ребенка в новом партнерстве похоже на своего рода «моральную легализацию» отношений между новыми партнерами. Среди желающих изменить свое семейное положение в России намерения завести второго ребенка в 3,20 раза выше, что также отражает высокий уровень связи между намерениями родить ребенка и статусом партнерства. К особенностям репродуктивных намерений во Франции можно отнести тот факт, что среди людей, которые не соглашались с утверждением, что «женщина может завести ребенка, даже если она не хочет иметь стабильные отношения с мужчиной», вероятность хотеть родить второго ребенка в 1,62 раза выше, чем среди респондентов, которые согласны с этим утверждением. Наконец, пол первого ребенка не влияет на репродуктивные намерения в отношении второго ребенка в России и Франции. Однако в Литве респонденты, у которых первый ребенок — девочка, выражали меньшие репродуктивные намерения (отношение шансов — 0,73) в отношении второго ребенка, чем респонденты, у которых первый ребенок — мальчик.

Когорта, партнерский статус и намерения его изменить оказывают одинаковое влияние на желание родить как первого, так и второго ребенка. Напротив, религиозность, площадь жилища, статус занятости и число предыдущих союзов (партнерств) важны для положительных

репродуктивных намерений тех, у кого еще нет детей, но не играют существенной роли в репродуктивных намерениях людей, у которых уже есть один ребенок. В то же время образование оказывает большее влияние на репродуктивные намерения в отношении второго ребенка, по крайней мере, в России и Литве. Конечно, в каждой стране есть свои особенности, но большинство факторов, которые оказывают влияние на репродуктивные намерения, схожи во всех странах. Регрессии показывают, что во всех трех странах репродуктивные намерения в отношении первого ребенка тесно связаны с партнерством (в браке или вне брака при совместном проживании) и чаще выражаются женщинами и религиозными людьми. Другими словами, репродуктивные намерения людей, не имеющих детей, отражают их общие представления о родительстве. Желание завести второго ребенка связано со статусом партнерства в России, Литве и Франции. Опыт воспитания первого ребенка изменяет значение факторов, связанных с желанием завести второго ребенка. Несмотря на снижение значимости института брака во всех трех странах, люди не хотят быть родителями-одиночками. Партнерство (включая партнерство вне брака) является ключевым элементом и для репродуктивных намерений, и для фактических рождений.

## **Заключение**

Несмотря на разное историческое прошлое рассматриваемых стран и некоторые различия в репродуктивном поведении населения, существует достаточно много схожих факторов, связанных с намерениями родить ребенка. Тенденции повышения возраста матери при рождении и рождение детей вне брака большее распространение получили во Франции, чем в России и Литве, но в целом во всех странах наблюдается схожий процесс: все меньше людей рассматривает традиционную семью как единственный институт для рождения детей, особенно что касается первого рождения. Рождение детей все чаще планируется вне брака во всех трех странах, особенно во Франции. В двух других странах рождение детей в неформальных союзах получило широкое распространение после распада СССР и обретения этими странами независимости, причем в России этот процесс шел быстрее, чем в Литве.

Факторы, влияющие на вероятность положительных репродуктивных намерений, различаются для первого и второго рождения во всех

странах. Только статус партнерства и намерение изменить его (с партнерства вне брака на брак) положительно связаны с вероятностью позитивных репродуктивных намерений в обоих случаях. Напротив, определенные возрастные когорты, принадлежность к женскому полу, высокий уровень религиозности, число предыдущих партнерских союзов, так же как желание изменить текущий статус положительно влияют только на желание родить первенца. Статус занятости также важен для положительных репродуктивных намерений в Литве и России. Намерения родить второго ребенка связаны с возрастом первого, уровнем образования родителей, партнерским статусом и намерениями его изменить.

Тем не менее национальные особенности сохраняются. В России, в отличие от Франции и Литвы, бездетность — очень редкое явление. В Литве второй ребенок рождается реже, чем в России, а в России реже, чем во Франции. Наконец во всех когортах независимо от пола желание завести детей сильнее выражено во Франции, чем в двух других странах.

Хотя желание завести ребенка является предпосылкой в будущем стать родителями во всех странах, реальные рождения не всегда зависят от репродуктивных намерений. Дети, которые были запланированы, могут так и не родиться, и в то же время на свет могут появляться дети, которые не были запланированы. Данный факт объясняет сложность отношений между репродуктивными намерениями и их воплощением в жизнь, а также трудность в предсказании рождаемости.

## Литература

1. *Вишневский А. Г.* Демографическая модернизация России, 1900–2000. — Новое издательство, 2006.
2. *Захаров С. В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1. — М.: Независимый институт социальной политики, 2007.
3. *Захаров С. В.* Откладывание рождения первого ребенка — новая реальность для России // Презентация на международной конференции «Семья в потоке перемен: демографическая и социальная политика». — М.: ГУ— ВШЭ, 2007.
4. *Захаров С. В., Сакевич В. И.* Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция — свершившийся факт? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1. — М.: Независимый институт социальной политики, 2007.

5. Allison P. D. Event History Analysis, Regression for Longitudinal Event Data. — Berverley Hills: Sage Publications, 1982. — 87 p.
6. Anderton D. L., Tsuya N. O., Bean L. L. et al. Intergenerational transmission of relative fertility and life course patterns // *Demography*. 1987. Vol. 21. № 4. P. 467–480.
7. Axinn W. G., Clarkberg M. E. et al. Family influences on family size preferences // *Demography*. 1994. Vol. 31. № 1. P. 65–79.
8. Beck U. World Risk Society. — Oxford: Blackwell Publishers, 1999. — 184 p.
9. Bourguignon O. La question de l'enfant // *L'année sociologique*. 1987. Vol. 37. P. 93–118.
10. Cicchelli V. La construction du rôle maternel à l'arrivée du premier enfant. Travail, égalité et transformation de soi // *Recherches et Prévisions*. 2001. № 63. — Paris: CNAF. P. 33–46.
11. Chesnais J.-C. Determinants of below-replacement fertility // *Population Bulletin of the United Nations. Below Replacement Fertility*. 2000. Special Issue. № 40/41. P. 126–136.
12. Charton L. Familles contemporaines et temporalités. — Paris: L'Harmattan, Coll. «Logiques sociales», 2006. — 260 p.
13. Coleman D. A. Reproduction and survival in an unknown world: What drives today's industrial populations, and to what future? // *NIDI Hofstee Lecture Series*. 1999. № 5. — 40 p.
14. Dagnaud M., Mehl D. Merlin l'enfanteur, La médecine, la femme, le désir d'enfant. — Paris: Ramsay, 1987. — 270 p.
15. Dandurand R. B., Bernier L., Lemieux D. et al. Le désir d'enfant: du projet à la réalisation, Rapport présenté au Conseil québécois de la recherche sociale. — Montréal: INRS-Culture et Société, 1994. — 377p.
16. Desplanques G. Fécondité et milieu social // *Economie et statistique*. 1985. № 175. P. 21–54.
17. Ekert-Jaffé O., Joshi H., Lynch K. et al. Fécondité, calendrier des naissances et milieu social en France et en Grande-Bretagne: politiques sociales et polarisation socioprofessionnelle // *Population*. 2002. Vol. 57. № 3. P. 457–484.
18. Kellerhals J., Perrin J.-F., Steinauer-Cresson G. et al. Mariages au quotidien. Inégalités sociales, tension culturelles et organisation familiale. — Lausanne: P.-M; Favre, Coll. «Regards Sociologiques», 1982. — 285 p.
19. Langevin A. Régulation sociale du temps fertile des femmes/M.-A. Barrère-Maurisson (dir.). Le sexe du Travail. Structures familiales et système de production. — Grenoble, PUG, 1984. 97–111.
20. Leridon H. Extramarital cohabitation and fertility // *Population Studies*. 1990. Vol. 4. № 3. P. 469–487.
21. Leridon H. Les enfants du désir. — Paris: Julliard, 1995. — 278 p.
22. Lollivier S. Les choix d'activité des femmes en couple: une approche longitudinale // *Economie et statistique*. 2001. N° 349–350. P. 125–138.



23. *Marechal M.* Cycle de vie et milieu social selon l'Enquête Famille de 1990 // INSEE Résultats: Démographie et Sociétés. №62–63. — Paris: Insee, 1997. — 219 p.
24. *Monnier A.* Projets de fécondité et fécondité effective. Une enquête longitudinale: 1974, 1976, 1979 // *Population*. 1987. Vol. 42. №6. P. 819–842.
25. *Montgomery M., Casterline J.* Social learning, social influence and new models of fertility // *Population and Development Review*. 1996. Vol. 22. Supplement: Fertility in the United States. New patterns, New theories. P. 151–175.
26. *Munoz-Péres F.* Situation des enfants nés hors mariage en France (1960–2000) // J. Duchêne (éd.). *Enfants nés dans le mariage et enfants nés hors mariage. Inégalités et disparités en Europe. Contextes législatifs des prestations familiales et normes sociales et culturelles.* — Louvain-La-Neuve: Bruyant-Academia, 2004. P. 67–97.
27. *Prioux F.* Les conceptions pré-nuptiales en Europe occidentale depuis 1955 // *Population*. 1974. №1. P. 61–88.
28. *Thomson E.* Value of children/N. J. Smelser, P. B. Baltes (6d.). *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2001. Vol. 8. Amsterdam (etc.). P. 1725–1729.
29. *Toulemon L., Leridon H.* La famille idéale: combien d'enfants, à quel âge? // Insee première. 1999. №652. — 4 p.
30. *Toulemon L., Testa M.R.* Fécondité envisagée, fécondité réalisée: un lien complexe // *Population et Sociétés*. 2005. №415. — 4 p.
31. *Yamaguchi K., Ferguson L.R.* The stopping and spacing of childbirths and their birth-history predictors: rational-choice theory and event-history analysis // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60. P. 272–298.

И. Троицкая, А. Авдеев,  
И. Бадурашвили, Е. Капанадзе,  
В. Третьякова

## **Сравнительный анализ контрацептивного поведения: Франция, Грузия, Литва и Россия<sup>1</sup>**

*Контрацептивное поведение в Восточной и Западной Европе формировалось разными путями. Во Франции, несмотря на сравнительно позднее законодательное разрешение и контрацепции, и аборта (в конце 1960-х — середине 1970-х гг. соответственно), существует развитая сеть центров планирования семьи, а основным средством предотвращения нежелательных деторождений является современная контрацепция. В бывших советских республиках, напротив, давние традиции легализации аборта и лояльное отношение к нему общества превратили добровольное прерывание беременности в неотъемлемый элемент репродуктивной культуры. Сравнение особенностей контрацептивного поведения во Франции, Грузии, Литве и России, основанное на данных первой волны обследования «Поколения и гендер», подтверждает эти наблюдения. При этом различия в распространенности контрацепции, структуре используемых методов, уровне неудовлетворенной потребности в контрацепции не могут быть объяснены лишь социально-демографическими характеристиками пользователей. Такие факторы, как законодательство, демографическая политика, институты здравоохранения и социальной защиты, сексу-*

---

<sup>1</sup> Печатается по изданию: Troitskaia I., Avdeev A., Badurashvili I., Kapanadze E., Tretjakova V. *Étude comparative des pratiques contraceptives: France, Géorgie, Lituanie et Russie* // Revue d'études comparatives Est-Ouest — RECEO. 2009. Vol. 40. №3–4. Septembre–Décembre. P. 241–272.

*альное образование, также играют роль в формировании контрацептивного поведения.*

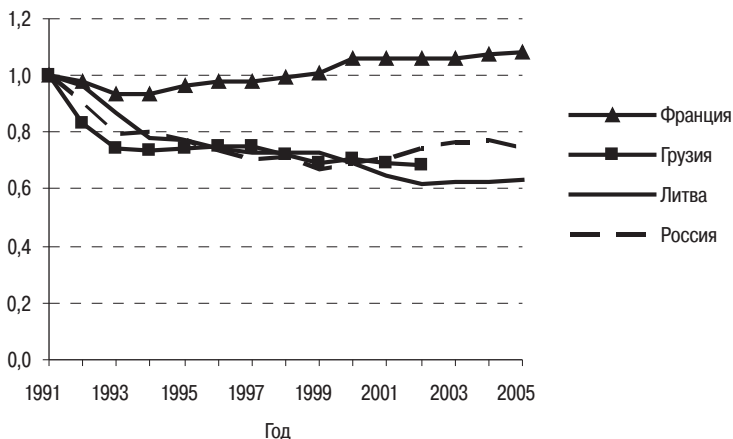
Интерес к изучению контрацептивного поведения в Европе прежде всего связан с резким снижением рождаемости в 1960–1970-е гг. и с попытками объяснить его причины. Уменьшение числа рожденных детей, желание контролировать интервалы между их рожденьями, более длительные периоды риска непланируемых беременностей после достижения желаемого размера семьи — все эти факторы повлияли на широкое распространение практики контроля рождаемости. В 1980-е гг. к ним прибавился еще один важный аргумент в пользу применения (и, следовательно, изучения) контрацептивов — эпидемия ВИЧ и других болезней, передаваемых половым путем, от которых эффективно защищал один из методов контрацепции — презерватив.

По объективным причинам формирование контрацептивного поведения в странах Западной и Восточной Европы происходило по-разному. В Западной Европе с ее давними традициями общественного движения в пользу регулирования рождаемости, антиабортным законодательством, созданием специализированных служб в системе здравоохранения и государственной поддержкой распространения информации о методах регулирования рождаемости основным элементом предупреждения нежелательных рождений стала контрацепция. В Восточной Европе, особенно в странах бывшего СССР, где аборт после 20-летнего запрета были вновь разрешены в 1955 г., их широкая доступность и моральная приемлемость привели к тому, что прерывание беременности стало «неотъемлемым — и основным — элементом репродуктивной культуры» [Agadjanian, 2002. P. 237]. Даже несмотря на снижение показателей абортов в Грузии, Литве и России в течение последнего десятилетия, они еще остаются достаточно высокими, особенно по сравнению с Францией.

Тем не менее в последние 15 лет в Восточной Европе происходят позитивные изменения в контрацептивном поведении. Мы можем косвенно судить об этом, сравнивая динамику показателей рождаемости и аборта в 1990-е — начале 2000-х гг. Это был период резкого снижения и последующей стагнации показателей рождаемости во всех странах бывшего СССР, но и показатели абортов также снижались в этот период, а иногда даже более быстрыми темпами, чем рождаемость (рис. 1). Этот факт можно отчасти объяснить ростом числа поль-

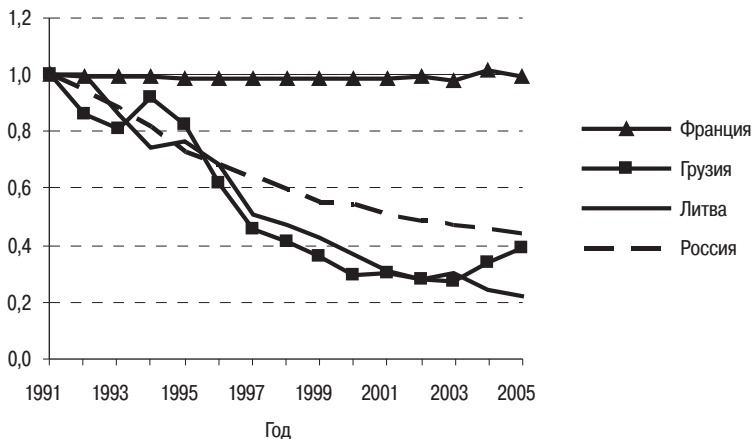
Динамика показателей рождаемости и искусственного аборта,  
1991–2005 гг.

А) относительное изменение суммарных коэффициентов рождаемости  
(1991 = 1)



Источник: база данных DeVision; <http://devision-dmo.econ.msu.ru>

Б) относительное изменение числа абортов на 1000 женщин  
в возрасте 15–49 (1991 = 1)



Источники: Грузия: оценки И. Бадурашвили и Е. Капанадзе по данным Национального института статистики; Литва: Demografijos metraštis, 2005 (Демографический ежегодник, 2005); Россия: Население России–2005, 2007. С. 108; Франция: база данных «Population en chiffres», INED.

зователей контрацепцией и повышением ее средней эффективности вследствие более широкого распространения современных методов предупреждения беременности.

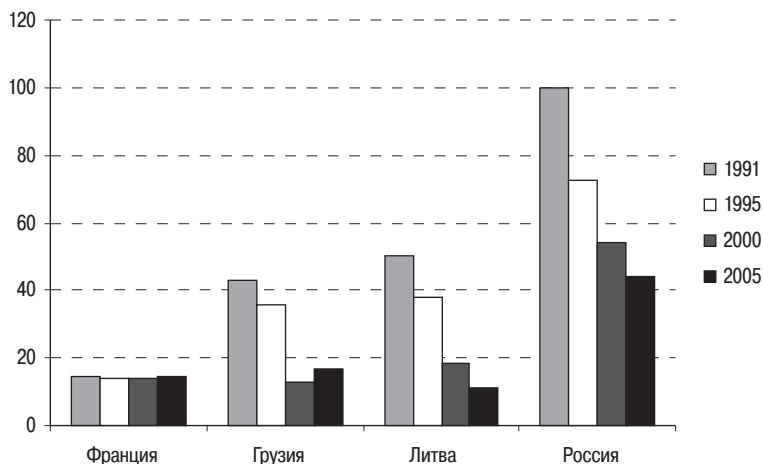
Несмотря на важность этой научной проблемы, ее изучение, особенно в Восточной Европе, было существенно ограничено отсутствием необходимой информации. Официальная статистика, как правило, не располагает полными данными об использовании тех или иных методов предупреждения нежелательных беременностей, основных социально-демографических характеристиках пользователей и тем более о таких важных поведенческих моментах, как механизм принятия решений об использовании контрацепции, критерии выбора метода, причины прекращения его использования и т. п. Другой важный источник информации — выборочные обследования — также начались в странах Восточной Европы достаточно поздно и в большинстве своем не являлись репрезентативными на национальном уровне, если только страна не оказывалась включенной в ту или иную программу всемирных или европейских обследований рождаемости и семьи<sup>2</sup>. Среди сравниваемых в настоящей статье стран только Франция является исключением: выборочные обследования контрацептивного поведения начались здесь практически одновременно с разрешением контрацепции и аборт, в начале 1970-х гг., и продолжаются до сих пор [Rossier et al., 2004. P. 449].

Поэтому обследование «Generations and Gender», уникальный источник информации по многим проблемам демографии, семьи и межпоколенных отношений, позволяет среди прочего оценить использование методов контрацепции в странах, в которых до сих пор этот вопрос остается мало изученным. Франция в нашем исследовании является скорее примером для сравнения и образцом иного типа контрацептивного поведения, поскольку представляет собой случай, отличный от Восточной Европы во всех отношениях, будь то законодательство о планировании семьи, роль служб социальной защиты, доступ к услугам и информации, доля пользователей современными методами контрацепции, наиболее популярный метод, социально-демографические характеристики пользователей и т. п. Эти различия отражаются в показателях искусственных абортов во Франции по сравнению с тремя другими странами (рис. 2). Но и между тремя странами Восточной

---

<sup>2</sup> К примеру, участие Литвы в европейской программе Fertility and Family Survey в середине 1990-х гг.

Динамика показателей искусственного аборта на 1000 женщин в возрасте 15–49 (официальная статистика)



Источники: Грузия: данные Национального института статистики; Литва: Demografijos metraštis, 2005 (Демографический ежегодник, 2005); Россия: Население России–2005, 2007. С. 108; Франция: база данных «Population en chiffres», INED.

Европы существуют заметные различия, несмотря на долгий период единого законодательства и политики в отношении искусственного аборта во времена СССР.

Отметим также определенный недоучет официальной статистикой распространенности аборта в этих странах.

Самое большое сомнение вызывают официальные показатели искусственного аборта в Грузии. По данным обследования Reproductive Health Survey (1999), в Грузии показатели абортов на 100 живорождений, зарегистрированные официальной статистикой во второй половине 1990-х гг., были в 2–5 раз ниже оценок, полученных в ходе обследования [Reproductive Health Survey, 1999, 2001. С. 54]. По данным обследования, проведенного по такой же программе в 2005 г., суммарный коэффициент абортов в 6 раз превышал показатель, представленный официальной статистикой [Reproductive Health Survey, 2005, 2007. С. 60]. Кроме того, в грузинскую версию вопросника обследования «Поколения и гендер» был включен блок вопросов об абортах, позволяющий оценить их количественные показатели и мотивацию респондентов. Согласно этим

данным, на одну женщину к концу репродуктивного периода (40–49 лет) приходилось около 4 искусственных абортов [Badurashvili I. et al., 2008]. Это совпадает с данными упомянутых выше выборочных обследований, но намного превышает показатели официальной статистики.

Во Франции оценки распространенности искусственного аборта, предоставляемые официальной статистикой, также страдают определенным недоучетом, оставаясь тем не менее близкими к реальным показателям [Rossier, Pirus, 2007].

Качество статистики абортов в Литве относительно высоко. Доказательством может служить тот факт, что с 1996 г. Литва находится в списке стран, в которых статистика легальных абортов считается достаточно полной [Sedgh et al., 2007], но тем не менее демонстрирующей определенный недоучет. Прежде всего ставится под сомнение качество информации о числе абортов в частных медицинских учреждениях: предполагается, что число таких абортов выше, чем зарегистрировано статистикой [Jonkarytė, Naskauskienė, 2002; Lithuanian Health Information Centre (частная беседа В. Третьяковой), 2009]. Во-вторых, даже при свободном доступе к искусственному аборту<sup>3</sup> рынок нелегальных абортов в Литве существует. По данным исследования, проведенного в 1997–1999 гг. среди женщин, обратившихся в государственное лечебное учреждение для проведения аборта [Jakubčionytės, 2000], почти 10% опрошенных ответили, что в прошлом они делали нелегальный аборт. В-третьих, все исследования показывают, что невозможно точно определить, с какого момента мини-аборты стали входить в общую статистику абортов в Литве [Naskauskienė, 1999]<sup>4</sup>.

Что касается качества информации о распространенности искусственного аборта в России, исследования показывают, что снижение уровня абортов с начала 1990-х гг. действительно имело место и что официальная статистика достаточно полно регистрирует этот показатель [Philipov et al., 2004].

---

<sup>3</sup> Условия предоставления этой услуги примерно такие же, как и в большинстве стран, разрешающих аборт: до 12 недель беременности он производится по требованию женщины, а по медицинским показаниям — до 22 недель.

<sup>4</sup> По данным из различных источников, мини-аборты составляют примерно половину всех произведенных в Литве абортов, но процедура их регистрации не определена. Иными словами, информация существует, но не может расцениваться как официальная.

## **1. Законодательные, информационные и институциональные основы контрацептивного поведения**

### *1.1. Законодательство о контрацепции*

Среди четырех сравниваемых стран право на использование методов предупреждения нежелательной беременности лучше всего защищено законом во Франции:

- 1) закон № 67–1176 от 28.12.1967, известный как закон Ньюирта, разрешивший использование современных контрацептивов, почти на 10 лет опередил отмену запрета на аборт (закон № 75–17 от 17.01.1975, или закон Вейля). Это в значительной мере способствовало формированию во Франции так называемой контрацептивной культуры планирования семьи, при которой основным методом регулирования рождаемости является предупреждение нежелательной беременности, а не ее прерывание. Для стран Восточной Европы скорее характерна иная культура планирования семьи, сформировавшаяся в условиях свободного доступа к аборту и недостатка информации, услуг и самих методов контрацепции; в этом случае основным методом предупреждения нежелательных деторождений становится искусственный аборт;
- 2) закон № 2001–588 от 04.07.2001 об искусственном аборте и контрацепции — в некотором роде модификация закона Вейля. Новый закон учитывает эволюцию медицинских и социальных аспектов регулирования рождаемости, но не затрагивает сути прежнего законодательства, а именно права свободного доступа к методам предупреждения нежелательных рождений. Законом закреплено не только право на использование, производство, рекламу и продажу современных контрацептивов, он регулирует такие важные проблемы, как обязательное наличие рецепта при покупке средств контрацепции, обеспечение контрацепцией несовершеннолетних, сексуальное образование, деятельность центров планирования семьи, наказание за незаконное производство и распространение контрацептивов и пр.

В России, Литве и Грузии использование контрацепции либо не регулируется законодательно, либо упоминается в самом общем виде в законах об охране здоровья граждан (*табл. 1*).

Исключение составляет стерилизация в контрацептивных целях: условия доступа к ней и процедура ее проведения достаточно подробно



Таблица 1

## Законодательство, регулирующее использование методов контрацепции

Грузия	Литва	Россия	Франция
<p><b>Стерилизация</b> (ст. 23, § 145 Государственного закона о здравоохранении Грузии от 10.12.1997)</p> <p>Медицинская хирургическая стерилизация с целью контрацепции может быть проведена только по письменному заявлению гражданина и по истечении 1 месяца после проведения собеседования с ним доктором.</p> <p>Медицинская стерилизация проводится в учреждениях государственной или муниципальной системы здравоохранения, получивших лицензию на указанный вид деятельности.</p>	<p><b>Стерилизация</b></p> <p>Добровольная стерилизация в контрацептивных целях не разрешена.</p>	<p><b>Стерилизация</b> (приказ Министерства здравоохранения РФ №303 от 28.12.1993)</p> <p>Медицинская стерилизация как метод контрацепции может быть проведена только по письменному заявлению гражданина не моложе 35 лет или имеющего не менее двух детей, а также при наличии медицинских показаний и согласия гражданина независимо от возраста и наличия детей.</p> <p>Медицинская стерилизация проводится в учреждениях государственной или муниципальной системы здравоохранения, получивших лицензию на указанный вид деятельности.</p>	<p><b>Стерилизация</b> (ст. 26 закона №2001–588 от 4.07.2001)</p> <p>Стерилизация в контрацептивных целях проводится по желанию совершеннолетнего гражданина после консультации врача. Во время консультации врач обязан:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• предупредить пациента о последствиях операции стерилизации;</li> <li>• предоставить информацию в письменном виде.</li> </ul> <p>Операция контрацептивной стерилизации проводится не ранее чем через 4 месяца после первой консультации в медицинском учреждении по письменному заявлению пациента.</p> <p>Врач может отказаться от проведения стерилизации в контрацептивных целях, но обязан предупредить об этом пациентом во время первой консультации.</p>

Окончание табл. 1

Грузия	Литва	Россия	Франция
<p><b>Другие методы контрацепции</b> Их использование практически не регулируется законодательно.</p>	<p><b>Другие методы контрацепции</b> Их использование практически не регулируется законодательно. С сентября 2007 г. продажа гормональных таблеток производится только по рецептам, а некоторые методы (женские презервативы, инъекционные и имплантируемые контрацептивы) в Литве не продаются.</p>	<p><b>Другие методы контрацепции</b> Их использование практически не регулируется. Единственная статья «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 1993 г., в которой явно идет речь о контрацепции, гласит: «Каждый гражданин имеет право по медицинским показаниям на бесплатные консультации по вопросам планирования семьи...» (ст. 22).</p>	<p><b>Другие методы контрацепции</b> С 1920 до 1967 г. контрацепция во Франции была запрещена. Закон Новирга (Neuwirth) от 28.12.1967 разрешил ее использование. С 1967 г. в закон вносились изменения и дополнения, регулирующие различные аспекты использования, производства, распространения и рекламы современной контрацепции.</p>

зафиксированы в законодательстве всех стран. Причины, по которым стерилизации уделяется гораздо больше внимания в законах, таковы:

- 1) ее практически необратимый характер. Восстановление репродуктивной функции после стерилизации представляет собой сложную и не всегда успешную процедуру, поэтому пациент должен осознать все последствия этого метода, дать письменное согласие на операцию, а в Грузии и Франции ему обязательно дается время на принятие окончательного решения — 1 и 4 месяца соответственно после первого визита к врачу;
- 2) необходимость хирургической операции. Поэтому во всех законах о стерилизации записано, что она может проводиться только в медицинских учреждениях соответствующего профиля.

Что касается доступа к этому методу контрацепции, во Франции и Грузии он разрешен всем совершеннолетним, тогда как в России лицо, желающее воспользоваться этим методом, должно удовлетворять одному из требований: быть старше 35 лет, иметь либо 2-х детей, либо медицинские показания к подобной операции.

В Литве добровольная контрацептивная стерилизация не разрешена, хотя закона, который прямо запрещал бы ее использование, не существует.

### *1.2. Официальная статистика контрацепции*

Как мы уже упоминали, ценность обследования «Поколения и гендер» заключается в том, что данные об использовании контрацепции, предоставляемые официальной статистикой в странах Восточной Европы, не позволяют оценить реальную распространенность различных методов предупреждения беременности.

В России и Грузии система сбора этой информации практически идентична. Этим занимается Министерство здравоохранения, и ежегодно публикуемые показатели тоже совпадают (*табл. 2*): это число женщин, обратившихся к врачу по поводу использования гормональных таблеток, и число введенных ВМС. К сожалению, данные не позволяют оценить реальную долю пользователей этими методами, поскольку таблетки могут быть куплены в аптеке без рецептов и не учитываются статистикой; кроме того, для обоих методов неизвестно число пользователей, прекративших их применение. К тому же статистика не дает такой важной информации, как социально-демографические характеристики тех, кто применяет те или иные методы предупреждения беременности.

В Литве в настоящее время отсутствует официальная информация об использовании контрацепции. До 2005 г. Литовский информационный центр здравоохранения собирал определенную информацию об использовании современных методов (табл. 2). Начиная с 2006 г. основная статистическая форма для медицинских учреждений (государственных и частных) изменилась: из нее были исключены все вопросы, касающиеся контрацепции. Это была инициатива Министерства здравоохранения Литвы, аргументировавшего свое решение низким качеством собираемой информации. Некоторые данные об использовании контрацепции в Литве можно получить из Обследования здоровья населения Литвы [Health Survey of Lithuanian population], впервые проведенного в 2005 г. среди 2,8 млн постоянных жителей страны в возрасте 15 лет и старше, выбранных из регистра населения Литвы. К сожалению, вопросы о контрацепции вошли в блок «Использование в последние 4 недели медикаментов, назначенных врачом», в результате по данным этого обследования можно оценить только два показателя: общее число женщин, получивших контрацептивное средство по рецепту врача, и общее число пользователей гормональными таблетками.

Во Франции информация о распространенности контрацепции и характеристиках пользователей поступает из регулярных выборочных обследований рождаемости и семьи, поэтому данные, хотя и не появляются каждый год, обладают гораздо большей полнотой и позволяют получать оценки, довольно близкие к реальной ситуации. Последние данные о распространенности различных методов во Франции относятся к 2000 г.; они получены из обследования COCON (COhorte sur la CONtraception), проводимого совместными усилиями Национального института медицинских исследований (INSERM), Национального института демографических исследований (INED) и Национального центра научных исследований (CNRS) [Rossier et al., 2004. P. 449–450].

### *1.3. Доступ к информации и услугам, связанным с использованием контрацепции*

Хотя решение об использовании современной контрацепции принимается индивидом, оно не может быть в полной мере реализовано без доступа к информации о различных методах, к самим методам и соответствующим медицинским услугам. Иными словами, и принятие решения об использовании методов предупреждения беременности,

Таблица 2

## Информация об использовании контрацепции, доступная из официальной статистики

Грузия	Литва	Россия	Франция
<p><i>I. Показатели, регистрируемые официальной статистикой:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• абсолютные числа и показатели на 100 женщин в возрасте 15–49 лет);</li> </ul> <p>Министерство здравоохранения предоставляет следующие данные:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• ежегодное число введенных ВМС;</li> <li>• ежегодное число женщин, обратившихся к врачу по поводу использования гормональных таблеток;</li> <li>• ежегодное число операций по контрацептивной стерилизации.</li> </ul> <p><i>II. Недостатки официальной статистики методов контрацепции:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• услуги, оказываемые частной медициной, неополно учитываются официальной статистикой;</li> <li>• нет статистики прекращения использования метода;</li> <li>• не требуется наличие рецепта при покупке контрацептивов, поэтому невозможен учет пользователей на основе продаж за отсуствием официальных отчетов о реализации медикаментов.</li> </ul>	<p><i>I. Показатели, регистрируемые официальной статистикой:</i></p> <p>До 2005 г. Информационный центр здравоохранения Литвы предоставлял следующую информацию:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• общее число (на конец года);</li> <li>• использующих гормональные таблетки;</li> <li>• использующих ВМС;</li> <li>• новых пользователей ВМС в данном году.</li> </ul> <p>С 2006 г. регистрация всех этих показателей прекращена из-за неполноты и неточности данных, а также из-за нежелания врачей заполнять соответствующую статистическую форму.</p> <p><i>II. Недостатки официальной статистики методов контрацепции:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• доля женщин, использующих различные методы контрацепции, неизвестна, поскольку все методы делятся на «таблетки» и «другое»;</li> <li>• недостаточно информации о социально-демографических характеристиках пользователей.</li> </ul> <p>С 2006 г. вся информация относится только к средствам контрацепции, назначенным врачом.</p>	<p><i>I. Показатели, регистрируемые официальной статистикой:</i></p> <p>(абсолютные числа и показатели на 100 женщин в возрасте 15–49 лет);</p> <p>Министерство здравоохранения предоставляет следующие данные:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• ежегодное число введенных ВМС;</li> <li>• ежегодное число женщин, обратившихся к врачу по поводу использования гормональных таблеток;</li> <li>• ежегодное число операций по контрацептивной стерилизации.</li> </ul> <p><i>II. Недостатки официальной статистики методов контрацепции:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• услуги, оказываемые частной медициной, неополно учитываются официальной статистикой;</li> <li>• нет статистики прекращения использования метода;</li> <li>• необязательное наличие рецепта при покупке таблеток ведет к недоучету пользователей этим методом.</li> </ul>	<p><i>I. Показатели, регистрируемые официальной статистикой:</i></p> <p>Данные о распространности различных методов контрацепции поступают из регулярных выборочных обследований, которые проводятся совместными усилиями национальных научных центров (Института демографических исследований, Института статистики, Института медицинских исследований).</p>

и выбор конкретного метода отчасти определяются институциональными факторами, т. е. есть объемом и качеством услуг по планированию семьи, предоставляемых различными учреждениями здравоохранения и неправительственными организациями.

В Грузии эти услуги предоставляются главным образом в специализированных клиниках, открытых в рамках совместной программы Министерства здравоохранения Грузии и Фонда народонаселения ООН (UNFPA) и расположенных в основном в городах. Эти клиники, предоставляя среди прочего послеродовое и послеабортное консультирование, не используют этот путь распространения информации и методов в полной мере: в 2005 г. консультацию по поводу контрацепции получили только 22% женщин после аборта и 31% после родов. Доля же тех, кто после производства аборта получил в клинике рецепт на средство контрацепции или само средство, оказалась очень низкой — 6% [Reproductive Health Survey Georgia, 2005, 2007. С. 201].

В России в системе здравоохранения не существует специализированной структуры по планированию семьи<sup>5</sup>, поэтому услуги и консультирование, связанные с использованием контрацепции, представляют собой дополнительную нагрузку на врачей-гинекологов из поликлиник и женских консультаций. Послеабортное и особенно послеродовое консультирование по поводу предупреждения нежелательной беременности не очень распространено: только половина женщин, делавших аборт, обсуждала с врачом или другим медицинским работником методы контрацепции; для послеродового периода этот показатель еще ниже — 30%. Но каждая четвертая женщина получила рецепт на контрацепцию или само средство, покидая клинику после аборта [David, 2000; Annex 1–5].

В Литве, как и в России, основная деятельность по предоставлению услуг и информации в сфере планирования семьи осуществляется в женских консультациях, имеющих, помимо этой, еще множество функций. Семейные врачи, в чьи обязанности также входит консультирование по вопросам контрацепции, не могут уделять этому достаточно внимания и времени вследствие большой нагрузки [Jaguseviciene, 2004]. После того как в 2006 г. органы официальной статистики перестали собирать информацию о числе женщин, обратившихся за кон-

---

<sup>5</sup> Специализированные центры, созданные в рамках Федеральной целевой программы «Планирование семьи» в 1990-е гг., после закрытия программы в конце 1990-х практически прекратили свою медицинскую и просветительскую деятельность.

сультацией по вопросам планирования семьи, оценить объем этого вида деятельности очень трудно.

Во Франции услуги по планированию семьи оказываются в специализированных центрах планирования семьи, как государственных, так и частных. Если добавить к ним центры, принадлежащие неправительственной ассоциации «Французское движение за планирование семьи», и врачей-гинекологов и терапевтов, также консультирующих по поводу контрацепции, можно считать, что во Франции потребность в подобного рода услугах удовлетворена, а доступ к ним широк. Деятельность всех этих институтов, организаций и частных лиц, подробно описанная в соответствующих законах, направлена прежде всего на консультирование по вопросам регулирования рождаемости, распространение соответствующей информации, предварительные беседы перед операцией искусственного аборта, подготовку к семейной жизни и родительству<sup>6</sup>. Тем не менее проблема чрезмерной нагрузки на медицинских работников, неравный доступ к услугам по планированию семьи различных социальных групп, недостаточное финансирование центров планирования семьи омрачают эту, в целом вполне благополучную картину.

## **2. Контрацептивное поведение (по данным обследования «Поколения и гендер»)**

### *2.1. Данные и методы*

Этот раздел посвящен результатам описательного и регрессионного анализа данных первой волны обследования «Поколения и гендер», который позволяет нам оценить влияние индивидуальных характеристик респондентов на их контрацептивное поведение.

Для получения информации об использовании контрацепции в момент опроса респондентам задавался следующий вопрос: «Вы или Ваш партнер/супруг (Ваша партнерша/супруга) используете или делаете что-то, чтобы предотвратить беременность?». У респондентов была возможность выбрать несколько ответов из возможного списка методов.

Поскольку в ходе обследования выяснялось контрацептивное поведение в момент опроса, вопрос об использовании того или иного ме-

---

<sup>6</sup> См., например, Декрет №92–784 от 06.08.1992 г.

тогда предупреждения нежелательной беременности задавался не всем. На него отвечали только респонденты, удовлетворяющие следующим трем критериям:

- женщины репродуктивного возраста (моложе 50 лет), не беременные в момент опроса, и мужчины, имеющие партнершу репродуктивного возраста, не беременную в момент опроса;
- состоящие в партнерском союзе любого типа (зарегистрированный или незарегистрированный брак; партнеры, не живущие вместе)<sup>7</sup>;
- физически способные к деторождению (как респондент, так и его/ее партнер).

В итоге, на вопрос об использовании контрацепции в момент опроса ответило около 15 тыс. респондентов в четырех странах (*табл. 3*).

Также респондент не отвечал на вопрос о методах контрацепции, если он сам или его/ее партнер перенесли хирургическую операцию, в результате которой они потеряли физиологическую способность иметь детей. К сожалению, вопрос задавался в такой форме, что невозможно было отделить добровольную стерилизацию в контрацептивных целях от операции (например, по медицинским показаниям), блокировавшей репродуктивную функцию.

Масштабы этого явления примерно одинаковы во всех сравниваемых странах, за исключением Литвы: стерилизацию (контрацептивную или по медицинским показаниям) имели в анамнезе: во Франции — 5,5% женщин репродуктивного возраста<sup>8</sup>, в Грузии — 6,4%, в России — 7,0% женщин в возрасте 18–49 лет (*табл. 4*)<sup>9</sup>. Поскольку в Литве добровольная стерилизация с целью контрацепции не разрешена, этот показатель достаточно низкий — 2,1%, и все эти случаи представляют собой стерильность, возникшую в результате операции, назначенной по иным — не контрацептивным — причинам.

---

<sup>7</sup> Исключение составляет французское обследование, в котором вопрос о контрацепции задавался всем респондентам, удовлетворяющим первым трем критериям, независимо от наличия постоянного партнера. Этот подход кажется нам более логичным, поскольку отсутствие партнера не обязательно означает отсутствия сексуальных отношений и, следовательно, риска нежелательной беременности.

<sup>8</sup> Напоминаем, что речь идет о женщинах репродуктивного возраста, **имеющих постоянного партнера в момент опроса**.

<sup>9</sup> Данные приводятся только для женщин, потому что в выборках обнаружено всего несколько респондентов-мужчин, ответивших положительно на этот вопрос. В Литве все хирургические операции, приведшие к стерильности, проводились только по медицинским показаниям, поскольку добровольная контрацептивная стерилизация не разрешена.



Таблица 3

**Размеры выборки для анализа контрацептивного поведения,  
по стране и полу респондента**

Грузия (2006)		Литва (2006)		Россия (2004)		Франция (2005)	
Мужчины	Женщины	Мужчины	Мужчины	Женщины	Женщины	Мужчины	Женщины
1668	1635	1949	1695	2051	2299	1647	2043

Источник: GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

Таблица 4

**Распределение женщин, ставших бесплодными в результате  
хирургической операции стерилизации, по возрастным группам, в %**

Возраст	Грузия	Литва	Россия	Франция
< 20			1,2	
20–24	1,2		0,3	
25–29	3,2	0,3	1,4	0,4
30–34	5,0	0,8	2,8	1,4
35–39	6,0	2,4	8,1	2,2
40–44	7,5	4,2	9,7	10,6
45–49	10,3	6,9	21,5	16,9
<b>18–49</b>	<b>6,4</b>	<b>2,1</b>	<b>7,0</b>	<b>5,5</b>

Источник: GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

В то же время известно, что в России, по данным Министерства здравоохранения, в 1990–2004 гг. проведено в общей сложности 220 тыс. операций контрацептивной стерилизации, что составляет менее 0,6% от численности женщин репродуктивного возраста<sup>10</sup>. По данным выборочных обследований, в 1999–2000 гг. этот же показатель для городских женщин, состоящих в браке, составлял менее 2%. Это означает, что в России подавляющее большинство случаев женского бесплодия, наступившего в результате хирургического вмешательства, не связано с контрацептивными целями.

В Грузии, по данным выборочного обследования, проведенного в 2005 г., стерилизация в контрацептивных целях была сделана 2,2% женщин в возрасте 15–49 лет. Если сравнить эти данные с приведен-

<sup>10</sup> Оценка сделана при допущении, что все женщины, имевшие контрацептивную стерилизацию в течение последних 14 лет, в год проведения обследования (2004) по-прежнему находятся в репродуктивном возрасте. Часть из них могла уже выйти из возрастной группы 15–49, что уменьшает число случаев стерилизации и, следовательно, частота контрацептивной стерилизации в группе женщин 15–49 лет будет ниже приведенных нами 0,6%.

ными в табл. 4, можно предположить, что около 2/3 респонденток в выборке «Поколения и гендер» перенесли операцию стерилизации по причинам, не связанным с контрацептивной целью.

Во Франции, по данным обследования 1994 г., контрацептивная стерилизация была проведена 3% респонденток в возрасте 20–49 лет [Rossier et al., 2004. С. 455]. Таким образом, во Франции половине женщин, ставших бесплодными в результате стерилизации, эта операция делается по медицинским показаниям, а другой половине — в контрацептивных целях.

## *2.2. Использование контрацепции в зависимости от пола респондента*

Прежде всего обращает на себя внимание довольно близкое совпадение ответов на вопрос об используемом методе у мужчин и женщин во французской, литовской и российской выборках (табл. 5). Грузинские респонденты мужского пола в большинстве случаев значительно недооценивают использование коитуснезависимой контрацепции их партнершей, а каждый пятый из них не знает, какой метод она использует для предупреждения нежелательной беременности.

На наш взгляд, такое совпадение во Франции, Литве и России косвенно подтверждает качество информации о контрацепции, полученной в результате обследования «Поколения и гендер», а также означает, что партнеры обсуждают вопросы регулирования рождаемости и, возможно, вместе принимают решение о репродуктивных планах и контрацептивных стратегиях.

В общем данные обследования «Поколения и гендер» о распространенности различных методов контрацепции не противоречат результатам выборочных обследований, проведенных ранее в Грузии, Литве, России или Франции<sup>11</sup>. Но поскольку принципы формирования выборок в них отличаются от нашего обследования, эти сравнения не совсем корректны. Оценки в предыдущих обследованиях делались чаще всего для женщин, имеющих сексуальные контакты либо для состоящих в браке, тогда как в обследовании «Поколения и гендер» критерием было наличие постоянного партнера в момент интервью.

---

<sup>11</sup> Наиболее близкими к обследованию «Поколения и гендер» по времени поведения являются обследования COCON–2000 (Франция), Reproductive Health Survey — 2005 (Грузия), Women and Infant Health Project–2000 (Россия), Health Survey of Lithuanian population–2005 (Lithuania).

Таблица 5

**Метод контрацепции, используемый респондентом и/или его партнером в момент опроса, по полу и стране, в %**

Метод	Грузия		Литва		Россия		Франция	
	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины
Не используют ника- кого метода	46,0	47,0	21,3	22,4	17,2	15,8	19,4	15,4
Используют какой-либо метод	54,0	53,0	78,7	77,6	82,8	84,2	80,6	84,6
В том числе:								
презерватив	8,7	8,4	22,1	20,7	27,0	21,5	11,8	11,2
таблетки	7,4	10,1	23,1	22,7	10,3	11,1	45,9	48,9
ВМС	8,5	13,6	7,7	9,0	16,7	18,4	16,9	18,5
барьерные методы	0,3	0,5	0,2	0,4	1,7	2,3	0,8	0,8
импланты	0	0		0,1	0	0	1,9	1,5
посткоитальные таблетки	0,1	0,1	0,5	0,4	0,5	0,5	0,3	0,4
прерванный по- ловой акт	0,8	1,8	9,9	11,3	9,9	11,1	1,7	1,5
календарный метод	7,0	15,2	9,1	9,3	12,2	13,5	0,9	1,2
другие	0,2	0,3			2,9	4,9	0,5	0,6
не знают	21,0	3,4	5,3	2,6	1,6	0,9		

Источник: GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

Кроме того, во всех национальных обследованиях верхняя граница возраста респондентов равна 44 годам, в отличие от нашего обследования, в котором вопрос о контрацепции задавался женщинам до 50 лет.

Все сравнения для России следует делать с особой осторожностью вследствие очень специфических выборок в предыдущих обследованиях: в них входили преимущественно городские жительницы.

В Литве результаты проведенного в 2005 г. обследования «Здоровье населения» существенно отличаются от данных, приведенных в *табл. 5*. Доля пользователей всеми методами контрацепции, согласно этому обследованию, составляет лишь 4,5%, из них использовали таблетки 2,5% (против 77,6% и 22,7% соответственно в обследовании «Поколения и гендер»). Такое существенное (более чем в 10 раз!) различие, безусловно, вызвано спецификой вопроса об использовании контрацепции, о чем мы упоминали выше. В обследовании 2005 г. речь шла только о контрацептивах, назначенных врачом. Не исключено, что после введения в сентябре 2007 г. обязательного наличия рецепта при покупке контрацептивов этот показатель приблизился к цифрам, приведенным в *табл. 5*.

В дальнейшем мы будем делать все наши оценки контрацептивного поведения только для респондентов-женщин. Вероятнее всего, их ответы точнее отражают реальное положение вещей, поскольку ни один метод контрацепции не может использоваться без того, чтобы женщина об этом не знала<sup>12</sup>, тогда как мужчина-респондент может не знать об использовании его партнершей таких методов, как таблетки или ВМС. К тому же регрессионный анализ влияния социально-демографических характеристик на вероятность использования контрацепции показал, что для мужчин-респондентов практически никакие переменные в моделях логистических регрессий не являются значимыми.

### *2.3. Использование контрацепции: описательный анализ*

Практически все респонденты, которым задавались вопросы об использовании контрацепции, ответили на них. В России лишь 1,9% мужчин и 1,2% женщин отказались отвечать на вопрос об используемом методе, в Литве — 0,1% мужчин; во Франции и Грузии таковых не оказалось вообще.

#### *2.3.1. Распространенность контрацепции*

Наши оценки показывают различия в доле пользователей контрацепцией в сравниваемых странах (*табл. 5*). В России и Франции этот показатель близок к некому предельному значению, заданному прежде всего наблюдаемыми уровнями рождаемости [Bongaarts, Johansson, 2002. P. 29]. В двух других странах еще есть потенциал роста этого показателя, особенно в Грузии, где контрацепцией пользуется чуть больше половины респонденток в выборке, а показатели рождаемости находятся на том же уровне, что в России и Литве.

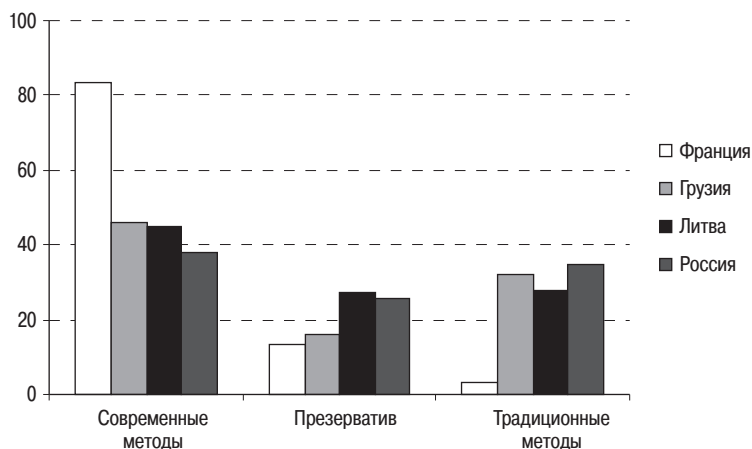
#### *2.3.2. Традиционные и современные методы*

Наиболее существенное различие между контрацептивным поведением во Франции и в трех странах Восточной Европы заключается в соотношении современных и традиционных методов в структуре используемой контрацепции (*рис. 3*).

---

<sup>12</sup> Исключение составляет мужская стерилизация, которая в данном обследовании не входит в список методов контрацепции. Более того, вопрос о стерильности, наступившей в результате хирургического вмешательства, задан таким образом, что невозможно отличить добровольную стерилизацию в контрацептивных целях от операции по медицинским показаниям, повлекшей за собой потерю репродуктивной функции.

## Соотношение традиционных и современных методов в структуре используемой контрацепции (все методы = 100%)



Источник: GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

Если во Франции традиционные низкоэффективные методы — календарный метод и прерванный половой акт — составляют лишь 3% в структуре используемых методов, то в Литве этот показатель — около 25%, а в России и Грузии превышает 30%. По этой причине мы не включили Францию в *табл. 6*.

Из данных, представленных в *табл. 6*, и в Грузии, и в России наиболее активными пользователями традиционных методов являются респонденты старше 40 лет. Вероятнее всего, это можно объяснить формированием их отношения к контрацепции в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда на фоне все еще не изменившегося контрацептивного поведения в этих странах и в условиях экономического кризиса финансовый аргумент был очень важен при выборе метода. В дальнейшем, если метод устраивал женщину, т. е. предохранял ее от нежелательной беременности и не причинял неудобств в использовании, у нее не было причин менять традиционный метод на более современный, требующий затрат времени и средств. В Литве распределение пользователей традиционной контрацепцией двумодально: максимальные значения показателя наблюдаются в группах женщин в возрасте 35–39 и 45–49 лет, тогда как женщины в возрасте 40–44 года демонстрируют более низкие показатели использования традиционных методов.

Таблица 6

Доля женщин, пользующихся традиционными методами контрацепции, по социально-демографическим характеристикам<sup>13</sup>

Характеристика респондента	Грузия		Литва		Россия	
	%	число наблюдений	%	число наблюдений	%	число наблюдений
<b>Возраст</b>						
< 20	–	1	–	9	46,4	32
20–24	19,0	11	21,1	44	35,1	92
25–29	31,4	49	26,0	60	34,4	125
30–34	32,3	60	27,5	77	34,6	112
35–39	31,7	59	37,1	72	33,1	106
40–44	38,2	55	32,2	59	41,0	142
45 +	56,2	41	39,6	38	50,0	113
<b>Тип партнерства</b>						
Зарегистрированный брак	34,8	231	31,5	270	36,6	479
Незарегистрированный брак	30,7	39	21,4	42	41,6	109
Партнеры не живут вместе	–	6	–		39,5	134
<b>Число рожденных детей</b>						
0	–	2	24,8	76	44,0	117
1	29,4	45	29,6	125	36,6	289
2	33,3	154	29,3	127	36,9	257
3 и более	40,3	75	42,3	30	37,3	59
<b>Место жительства</b>						
Большие города	30,6	77	32,9	75	43,2	356
Другие города	29,8	73	27,0	188	35,8	206
Село	40,9	126	31,2	97	31,4	160
<b>Уровень образования</b>						
Ниже среднего	38,8	19	29,2	19	37,2	58
Среднее	39,1	99	32,0	186	37,2	444
Выше среднего	31,4	158	26,7	94	38,3	177
В процессе получения образования			25,5	60	43,0	43
<b>Занятость</b>						
Работает	34,0	87			38,0	481
Безработный	34,4	189			36,3	120

Источник: GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004.

<sup>13</sup> Мы не смогли сделать аналогичных оценок для Франции, поскольку число наблюдений очень невелико: всего 52 женщины-респондента использовали традиционные методы.

Нельзя сказать, что в сравниваемых странах пользователи традиционной контрацепции имеют похожие характеристики. Отметим, что при изучении факторов использования традиционных методов мы обнаруживаем заметное сходство между Грузией и Литвой, тогда как в России на выбор традиционного метода влияют совсем иные характеристики респондентов. В России традиционными методами чаще пользуются респонденты, не состоящие в зарегистрированном браке, в отличие от Грузии и Литвы, где доля пользователей этими методами заметно выше среди замужних женщин. То же можно сказать и о других социально-демографических переменных: в России больше всего пользователей традиционными методами среди бездетных женщин, живущих в больших городах, тогда как в Грузии и Литве наличие 3 и более детей и проживание в сельской местности являются факторами более высокой вероятности использования традиционных методов. Образование (для российских респондентов) и особенно занятость, похоже, значимо не влияют на предпочтение традиционного метода современному.

### *2.3.3. Комбинация методов*

Возможность выбора нескольких вариантов ответов на вопрос об используемом методе контрацепции позволяет оценить наиболее часто встречающиеся комбинации методов. Как и следовало ожидать, презерватив чаще всего входит в состав таких комбинаций (табл. 7).

Использование презерватива в сочетании с традиционными методами (календарным и прерванным половым актом) может быть объяснено, скорее всего, тем, что респондент еще не сделал окончательного выбора метода контрацепции и пользуется в зависимости от обстоятельств тем, что находится «под рукой». Но комбинация презерватива с одним из современных высокоэффективных методов, без сомнения, объясняется его двойственной функцией: он является одновременно средством предупреждения нежелательной беременности и защиты от болезней, передаваемых половым путем [Rossier et al., 2004. P. 450]. Хотя, очевидно, что в такой комбинации презерватив не следует рассматривать как метод предохранения от нежелательной беременности. Ведь вопрос в обследовании задавался именно о методах контрацепции, и не исключено, что некоторые респонденты выбирали презерватив лишь потому, что он был в списке методов, не отдавая себе отчета в том, что презерватив использовался ими в других целях.

**Комбинация нескольких методов контрацепции**

Параметр	Грузия	Литва	Россия	Франция
Среднее число одновременно используемых методов	1,01	1,26	1,32	1,09
Доля респондентов, использующих более одного метода, %	0,6	19,7	23,0	7,6
Методы, наиболее часто входящие в комбинации с презервативом	Календарный	Таблетки Прерванный половой акт Календарный	Календарный Прерванный половой акт Таблетки	Таблетки Прерванный половой акт
<b>Число случаев</b>	<b>20</b>	<b>244</b>	<b>440</b>	<b>132</b>

Источник: GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

По этой же причине было бы методологически неверно исключать стерилизацию из списка используемых методов контрацепции, как это сделано в анкете первой волны обследования «Generations and Gender», поскольку даже этот метод, имеющий практически 100-процентную эффективность, не исключает использования в комбинации с ним презерватива для защиты от инфекций, передаваемых половым путем.

**2.3.4. Неудовлетворенная потребность в контрацепции**

В населенных с низкой рождаемостью, к которым относятся все сравниваемые страны, женщины относительно рано достигают желаемого размера семьи. В возрасте 35 лет и старше 80% женщин, сохраняя свою репродуктивную функцию, не хотят больше иметь детей и нуждаются в постоянной контрацептивной защите (табл. 8). Но далеко не все они, несмотря на осознание своих репродуктивных планов, используют методы предупреждения беременности для их реализации, испытывая, таким образом, неудовлетворенную потребность в контрацепции.

Стандартное определение неудовлетворенной потребности в контрацепции включает всех фертильных женщин, состоящих в любом типе партнерского союза, желающих отложить рождение очередного ребенка на срок более 2-х лет или вообще прекратить деторождение, но не использующих при этом никаких методов контрацепции. В соответствии с более широким определением пользователи низкоэффективных традиционных методов также рассматриваются как испытывающие неудовлетворенную потребность в контрацепции.



**Доля женщин в возрасте 35–49 лет, способных к деторождению  
и не желающих иметь больше детей**

Характеристика респондента	Грузия	Литва	Россия	Франция
Число женщин в возрасте 35–49 лет в выборке*	1291	1017	1997	1624
Доля физически способных к деторождению**, %	66,9	82,3	66,3	81,2
Из них: не хотят больше иметь детей	82,6	91,6	86,8	78,3

*Примечания:* \* — во всех странах, кроме Франции, вопрос о физической возможности иметь детей и репродуктивных намерениях задавался только респондентам, имеющим постоянного партнера в момент опроса; \*\* — те, кто отвечал «Вероятно, да» и «Определенно да» на вопрос о физической возможности иметь детей.

*Источник:* GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

Наши оценки этого показателя для сравниваемых стран будут неполны, поскольку без информации о сексуальной активности нельзя точно оценить неудовлетворенную потребность в контрацепции. Наличие постоянного партнера — основной, но не единственный показатель такой активности. Но, как было упомянуто выше, блок вопросов о контрацепции задавался только респондентам, имеющим постоянно партнера в момент опроса.

Согласно нашим оценкам, неудовлетворенная потребность в контрацепции различается в сравниваемых странах. Если, согласно первому, «узкому» определению, этот показатель практически одинаков во Франции и России (13% и 14,5% соответственно), чуть выше в Литве (22,9%), то в Грузии неудовлетворенную потребность в контрацепции испытывает почти половина (45,3%) женщин, не планирующих иметь более детей. Но если использовать для оценок второе, «широкое» определение, уровень этого показателя незначительно изменится во Франции (с 13% до 15,6%), увеличится на 10% в Литве (с 22,8% до 32,1%), почти на 20% в Грузии (с 45,3% до 63,4%) и втрое возрастет в России (с 14,5% до 45%).

Неудовлетворенная потребность в контрацепции (в «узком» смысле) в России и Франции остается практически неизменной — на уровне 10% — во всех возрастных группах, повышаясь до 25% в возрастах старше 45 лет. В Литве респонденты моложе 30 лет испытывают относительно низкую неудовлетворенную потребность в контрацепции — также около 10%, затем она стабилизируется на уровне 20%, достигая максимума в самой старшей возрастной группе. В Грузии же уровень этого по-

казателя значительно выше по сравнению с остальными тремя странами; кроме того, наблюдаются его высокое значение в самой молодой группе и постоянный рост после достижения респондентом 35 лет (*рис. 4*).

Оценки, сделанные на основе других обследований, хотя и относятся к более ранним периодам времени, остаются примерно в тех же пределах: во Франции неудовлетворенная потребность в контрацепции в 1994 г. была на уровне 8% среди сексуально активных женщин, в Литве в этот же период — чуть выше 20% (рассчитано по: Klijzing, 2000. С. 76). В России в 1996 г. неудовлетворенная потребность в контрацепции среди городских женщин была около 14% (1996 Russia Women's Reproductive Health Survey, 1998. С. 115)<sup>14</sup>. Лишь в случае Грузии мы наблюдаем существенные расхождения: по данным обследования Reproductive Health Survey Georgia–2005, неудовлетворенную потребность в контрацепции испытывали 16% женщин репродуктивного возраста, состоящих в браке, что значительно ниже наших оценок (*рис. 4, табл. 9*).

Каковы же характеристики женщин, испытывающих необходимость в контрацептивной защите, но не использующих никаких методов для предотвращения нежелательной беременности? Во всех сравниваемых странах они различны: мы можем обнаружить сходство во влиянии различных факторов на уровень неудовлетворенной потребности в контрацепции между Францией и Россией, тогда как в Грузии и Литве это влияние совсем иное (*табл. 9*). Исключение составляет только уровень образования респондентов: чем он выше, тем ниже неудовлетворенная потребность в контрацепции; тенденция одинакова во всех сравниваемых странах.

**Место жительства.** Во Франции и России наиболее низкую неудовлетворенную потребность в контрацепции испытывают сельские жительницы, тогда как в Грузии и Литве именно в группе сельских респонденток этот показатель самый высокий.

**Число рожденных детей.** Отсутствие детей во Франции и России является фактором риска высокой неудовлетворенной потребности в контрацепции, тогда как в Литве этот показатель вдвое ниже в группе бездетных по сравнению с группой имеющих 3-х и более детей. В Грузии в группе бездетных не оказалось наблюдений вообще: все бездетные респонденты планировали иметь детей в ближайшие 3 года.

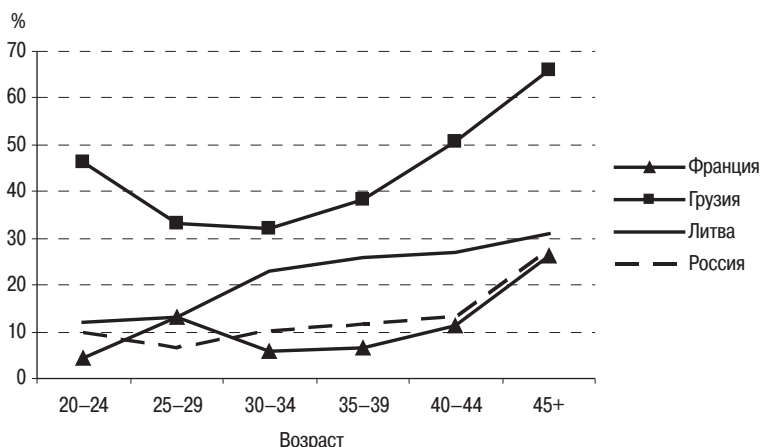
**Тип партнерского союза.** Влияние этой характеристики на неудовлетворенную потребность в контрацепции не совсем ясно. Наиболее

---

<sup>14</sup> Напоминаем, что в выборку входили только городские жительницы.

Рисунок 4

**Неудовлетворенная потребность в контрацепции (определение I), по возрасту респондентов**



Источник: GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

Таблица 9

**Доля женщин, не желающих иметь больше детей, но не использующих никакого метода контрацепции, по социально-демографическим характеристикам, в %**

Характеристика респондента	Грузия	Литва	Россия	Франция
<b>Тип партнерства</b>				
Зарегистрированный брак	45,0	24,5	13,9	13,3
Незарегистрированный брак	43,3	17,1	21,9	13,6
Партнеры не живут вместе	65,6	—	17,4	9,9
<b>Число рожденных детей</b>				
0		17,9	36,0	27,8
1	50,0	21,5	15,3	18,3
2	41,2	23,6	14,0	9,4
3 и более	51,2	32,3	16,9	12,5
<b>Место жительства</b>				
Большие города	35,6	18,4	15,8	13,8
Другие города	42,3	19,0	16,2	14,1
Село	52,0	31,2	13,8	11,1
<b>Уровень образования</b>				
Ниже среднего	53,6	30,8	16,5	23,8
Среднее	48,3	24,3	16,3	11,8
Выше среднего	42,1	17,3	11,4	10,0

Источник: GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

высоких значений этот показатель достигает: во Франции — в группе респонденток, живущих вместе с партнером в любом типе брака, в Грузии — в группе респонденток, не живущих вместе со своим партнером (что может быть связано с небольшим числом наблюдений в этой группе), в Литве — среди замужних женщин, а в России — среди состоящих в незарегистрированном браке.

### ***2.3.5. Влияние социально-демографических характеристик на использование современных методов контрацепции***

Как мы уже упоминали, одним из основных отличий контрацептивного поведения во Франции по сравнению с Россией, Литвой и Грузией является существенно более высокая доля пользователей современными методами контрацепции. Если во Франции таблетки или ВМС составляли почти 70% в структуре используемых методов, то в Литве, России и Грузии этот показатель был равен 32%, 29% и 23% соответственно. Таким образом, модернизация структуры контрацепции, замещение в ней традиционных методов современными могли бы стать важными факторами снижения уровня аборт в Литве, России и Грузии. Чтобы лучше понять механизмы выбора респондентами современной контрацепции, мы оценили влияние социально-демографических характеристик респондента на риск использования таблеток или ВМС.

Для анализа мы использовали бинарную логистическую регрессию, оценив влияние на вероятность использования современной контрацепции следующих переменных:

- возраст (по 5-летним интервалам);
- тип партнерского союза;
- число рожденных детей;
- место жительства (город или село);
- уровень образования;
- занятость;
- репродуктивные намерения респондента.

Как следует из *табл. 10*, во всех четырех странах практически все переменные, включенные в модель, являются значимыми для вероятности использования современной контрацепции. Некоторые зависимости выглядят вполне логично: так, вероятность использования таблеток и ВМС снижается с увеличением возраста респондента, возрастает по мере увеличения числа рожденных детей. Эта вероятность выше у экономически активных женщин, а намерение отложить рождение ребенка или не иметь больше детей увеличивает риск использования

Таблица 10

**Риск использования некоторых современных методов (таблеток и ВМС), по социально-демографическим характеристикам женщин-респондентов**

Переменная	Отношение шансов			
	Грузия	Литва	Россия	Франция
<b>Возрастная группа</b>				
18–19	0,40	1,16	0,92	0,58
20–24 (réf.)	1	1	1	1
25–29	1,40	0,98	0,91	0,58**
30–34	0,98	1,04	0,75	0,36***
35–39	0,85	0,80	0,79	0,48***
40–44	0,69	0,66*	0,50***	0,32***
45–49	0,25***	0,36***	0,28***	0,14***
<b>Тип партнерства</b>				
Зарегистрированный брак (réf.)	1	1	1	1
Незарегистрированный брак	0,71**	1,59**	0,94	0,88
Партнеры не живут вместе	0,27**	1,33	0,73**	0,91
<b>Число рожденных детей</b>				
0	0,37	0,94	0,55***	1,15
1 (réf.)	1	1	1	1
2	1,45**	1,32**	1,20	1,96***
3 и более	1,47*	0,79	1,43**	1,64**
<b>Место жительства</b>				
Большие города (réf.)	0,70**	0,86	0,75**	0,87
Другие города	1	1	1	1
Село	0,61***	0,70**	1,08	1,10
<b>Уровень образования</b>				
Ниже среднего	0,72	0,85	0,73*	0,57***
Среднее (réf.)	1	1	1	1
Выше среднего	1,22	1,12	0,97	0,85
В процессе получения образования			2,31*	1,70*
<b>Занятость</b>				
Работает (réf.)	1	1	1	1
Безработный	0,97	0,61**	0,67***	0,55***
<b>Репродуктивные намерения</b>				
Иметь детей в ближайшие 3 года (réf.)	1	1	1	1
Отложить деторождение на 3 года и более		1,05	1,24	1,26
Не иметь (больше) детей	1,32	1,29	1,36**	1,34
<b>Число пользователей таблетками и ВМС</b>	<b>379</b>	<b>638</b>	<b>884</b>	<b>1 446</b>
<b>Размер выборки</b>	<b>1635</b>	<b>1699</b>	<b>2299</b>	<b>2943</b>

Примечания: \*\*\* —  $p \leq 0,001$ ; \*\* —  $p \leq 0,05$ ; \* —  $p \leq 0,1$ .

Источник: GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

современной контрацепции. Вместе с тем влияние некоторых переменных трудно объяснить. Традиционно считается, что образованные городские женщины более восприимчивы ко всему современному, включая и контрацепцию. Но наши оценки показывают, что во Франции и России сельские жительницы и женщины с более низким уровнем образования чаще используют ВМС или таблетки. Не исключено, что получение таких противоречивых результатов носит методологический характер и связано с особенностями возрастной структуры различных социально-демографических групп.

### **2.3.6. Взаимодействие переменных**

*Таблица 10* отражает результаты так называемого чистого влияния независимых переменных на риски использования современной контрацепции. Но эти переменные взаимодействуют между собой, что необходимо учитывать в модели. В данной статье мы ограничились изучением взаимодействия возраста респондента с переменными, влияние которых показалось нам не соответствующим общим представлениям, а именно с уровнем образования и местом жительства. Кроме того, мы оценили последствия взаимодействия возраста с переменной «число рожденных детей», предположив, что входящие в нее категории респондентов также отличаются по возрастной структуре.

Данные *табл. 11 подтверждают*, что наши предположения о влиянии взаимодействия переменных на результаты регрессионного анализа не лишены оснований. Хотя по-прежнему не все результаты объяснимы на уровне описательного анализа, многие вещи стали яснее. Стандартизация по возрастной структуре показала, что в действительности во Франции и России женщины с образованием выше среднего имеют самые высокие риски использования современной контрацепции, тогда как в Грузии эти риски примерно одинаковы для всех уровней образования.

Также в России и Грузии после стандартизации по возрасту жительницы больших городов демонстрируют самые высокие риски использования таблеток и ВМС, тогда как во Франции этот показатель, будучи ниже 1 уже в модели чистого влияния, еще понизился.

Влияние числа рожденных детей на вероятность использования современной контрацепции также зависит от возрастной структуры: во-первых, оно оказалось не таким сильным, как в модели чистого влияния, и, во-вторых, исчезла явная тенденция роста рисков использования современной контрацепции с ростом числа рожденных детей.

Таблица 11

## Влияние взаимодействия переменных в модели логистической регрессии из таблицы 10

Переменная	Грузия	Россия	Франция
<b>Уровень образования</b>			
Ниже среднего	<b>1,06 (0,72)</b>	0,47 (0,73)	0,50 (0,57)
Среднее	1	1	1
Выше среднего	<b>0,99 (1,22)</b>	<b>1,74 (0,97)</b>	<b>2,45 (0,85)</b>
В процессе получения образования		2,22 (2,31)	2,25* (1,70)
<b>Место жительства</b>			
Большие города	<b>1,24* (0,70)</b>	<b>1,38 (0,75)</b>	0,57 (0,87)
Другие города	1	1	1
Село	0,41 (0,61)	1,3 (1,08)	<b>0,84 (1,1)</b>
<b>Число рожденных детей</b>			
0		0,47** (0,55)	2,74* (1,15)
1	1	1	1
2	<b>0,95 (1,45)</b>	<b>0,46 (1,2)</b>	1,36 (1,96)
3 и более	<b>0,93 (1,47)</b>	1,48 (1,43)	<b>0,37 (1,64)</b>

Примечания: \*\*\* —  $p \leq 0,001$ ; \*\* —  $p \leq 0,05$ ; \* —  $p \leq 0,1$ ; а) в скобках приведены соответствующие значения из табл. 10; б) шрифтом выделены категории, в которых направление действия переменной поменялось на противоположное.

Источник: GeGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

## Обсуждение полученных результатов

Таким образом, сравниваемые в данной статье страны представляют собой различные типы контрацептивного поведения. Для Франции характерен стабильно низкий уровень искусственного аборта в сочетании с высокой долей пользователей контрацепцией, прежде всего современной. Россия, демонстрируя в последние два десятилетия постоянное снижение показателей искусственных аборт, по-прежнему остается одной из первых стран в мире по уровню этого показателя. Возможно, причина этого кроется в архаичной структуре используемой контрацепции, в которой более трети занимают традиционные методы с низкой эффективностью<sup>15</sup>; при этом общая доля пользователей превышает аналогичные показатели для многих европейских стран.

<sup>15</sup> Хотя в Италии при аналогичной структуре используемых методов контрацепции (около 30% женщин, состоящих в браке, используют традиционные методы) отношение искусственных абортов к рождениям не превышает 0,25. См.: Dalla Zuanna G. et al., 2005.

В Грузии оценить роль искусственного аборта в регулировании рождаемости довольно трудно из-за качества информации, но судя по контрацептивному поведению, показатели абортот должны быть выше, чем показывает официальная статистика. Динамика официальных показателей абортот демонстрирует их рост в 2003–2005 гг. на фоне общего улучшения статистической регистрации демографических событий в Грузии. Общая доля пользователей методами контрацепции здесь существенно ниже, чем во Франции и в России, а структура используемых методов близка к российской: традиционные методы занимают в ней более трети. Литва занимает промежуточное положение в этой схеме, возможно, представляя собой пример перехода от восточного к западному типу контрацептивного поведения. Показатели абортот здесь снизились почти до уровня Франции, а доля пользователей современной контрацепцией, хотя и не намного, но превосходит аналогичные показатели для Грузии и России.

Чтобы объяснить различия в контрацептивном поведении в изучаемых нами странах, недостаточно оценить влияние индивидуальных социально-демографических характеристик на вероятность использования контрацепции. К тому же, как показывает наш анализ, индивидуальные характеристики играют все меньшую роль в выборе респондентом контрацептивных стратегий. К примеру, такие переменные, как уровень образования, принадлежность к городскому или сельскому населению, ближайшие репродуктивные планы, традиционно считаются влияющими на демографическое поведение. Но в нашем исследовании их влияние на вероятность выбора современного метода контрацепции оказалось незначимым, а разница между категориями внутри одной переменной — не очень существенной (*табл. 10*). У авторов возникла гипотеза о существовании нескольких важных факторов, относящихся к другому уровню — макропеременных, играющих заметную роль в принятии индивидом решений об использовании контрацепции. К ним можно отнести, к примеру, государственную политику в области планирования семьи, объем и качество услуг, связанных с использованием контрацепции, сексуальное образование, культурные традиции, материальный фактор. Рассмотрим в самых общих чертах механизмы влияния каждой из переменных на контрацептивное поведение; детальный анализ, так же, как и включение этих переменных в наши модели, не входит в задачи данного исследования.

1) *Отношение государства*. Оно выражается прежде всего в законодательном регулировании использования контрацепции, а также



в мерах демографической политики, прямо или косвенно влияющих на контрацептивный выбор.

Если во Франции с 1967 г. контрацепции посвящен отдельный закон, периодически корректирующийся и дополняющийся в соответствии с ситуацией, то в России, Грузии и Литве этот аспект жизни индивида и семьи практически не регулируется законодательно (за исключением стерилизации). Более того, в России закон об охране здоровья граждан, регулирующий предоставление услуг по планированию семьи, носит, можно сказать, дискриминационный характер, поскольку в нем записано право на бесплатные консультации по вопросам планирования семьи лишь по медицинским показаниям.

Контрацепция как фактор, влияющий на состояние здоровья населения, особенно женщин и детей, включена в национальные государственные программы, но их содержание и цели отличаются; это зависит от общих направлений демографической политики, источников финансирования, приоритетов и пр.

В Грузии с 1999 г. действует государственная программа «Развитие репродуктивной помощи»; одной из основных ее задач является обеспечение услуг по планированию семьи. В 2000 г. Парламент Грузии принял закон «О национальной политике охраны здоровья», в котором планируется снижение уровня аборт в Грузии с помощью увеличения доступности современных контрацептивов.

В Литве проект закона о семейной медицине, подготовленный в 1996 г. Министерством здравоохранения, до сих пор не обсуждался в парламенте. Закон о репродуктивном здоровье, обсуждение которого началось еще в 2002 г., до сих пор не принят из-за разногласий между политической позицией и общественным мнением; четко сформулированной программы планирования семьи в Литве также нет. К тому же в последние годы в Литве наблюдается тенденция принятия политических решений с учетом мнения католической церкви, негативно относящейся к регулированию рождаемости. Многие документы, в которых упоминается планирование семьи или контрацепция, носят консервативный характер, сводя всю деятельность в этой области к восстановлению репродуктивной функции пар, состоящих в официальном браке.

В России, где проблема искусственного аборта пока также далеко не решена, а распространенность современных методов контрацепции недостаточно высока, государственные структуры, как и общественные организации, недооценивают роль современной контрацепции в снижении уровня абортов и укреплении репродуктивного здоровья

населения. В «Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года» термины «нежелательная беременность» и «аборт» появляются в тексте, но «контрацепция» — никогда. Можно было бы надеяться, что оно появится в региональных вариантах Концепции и в планах мероприятий по ее реализации, но задача формирования в России контрацептивной культуры, судя по всему, не является первоочередной. Так, после знаменитого «демографического» послания Президента Федеральному собранию в 2006 г. общероссийской общественной организацией «Деловая Россия» была инициирована разработка проекта Национальной программы демографического развития России с привлечением правительственных структур и экспертов. Раздел 1.7 «Плана мероприятий по реализации I этапа (2006–2010 гг.)» Программы, посвященный борьбе с абортами, не содержал ни одного пункта о методах предупреждения нежелательной беременности.

2) *Контрацептивная культура и традиции.* Мы сознательно не включили в нашу работу анализ влияния религиозности респондентов на вероятность использования контрацепции, поскольку не смогли найти удовлетворившего нас принципа конструирования переменной «отношение к религии», которая годилась бы для включения в модели логистических регрессий. Тем не менее культурные различия между сравниваемыми странами существуют, и именно они отчасти определяют различия в контрацептивном поведении. Прежде всего мы имеем в виду противопоставление контрацептивной культуре, характерной для Франции, абортной культуры, распространенной в Грузии, России и в меньшей степени в Литве.

Во Франции, согласно статье 317 кодекса Наполеона (1810 г.), аборт был уголовно наказуем, а распространение и пропаганда методов ограничения рождаемости были законодательно запрещены через 100 лет, в 1920 г.<sup>16</sup> Под давлением общественного мнения оба этих явления были, в конце концов, легализованы, но в такой последовательности: сначала, в 1967 г. — контрацепция, затем, через 7 лет, искусственный аборт. Таким образом, регулирование рождаемости во Франции началось с контрацепции, и за следующее десятилетие эта практика внедрилась в повседневную жизнь настолько, что после разрешения аборта его уровень не превышал 20 на 1000 женщин репродуктивного возраста за весь период наблюдений, начиная с 1976 г.

---

<sup>16</sup> Закон от 31 июля 1920 г. запрещал искусственный аборт и пропаганду противозачаточных средств.

В России и Грузии, как и во всех бывших советских республиках, аборт был всегда доступен, производился по желанию женщины и формально был бесплатным. При отсутствии современных контрацептивов и часто негативном отношении врачей к ним, особенно к таблеткам, аборт стал основным средством регулирования рождаемости в этих странах. Уровни его в 1970–1980-е гг. достигали в России 120 на 1000 женщин репродуктивного возраста, а в Грузии — 60 на 1000 женщин.

В Литве до начала 1990-х гг. ситуация аналогична той, что мы наблюдали в Грузии и России. Как и во всем СССР, аборт в Литве был доступен, а отношение к современной контрацепции — скорее негативным. После 1991 г. католическая церковь приобретает в Литве гораздо большее влияние<sup>17</sup>, а это, в свою очередь, меняет отношение к искусственному аборту, который стал считаться неприемлемым. Но при этом такое же негативное отношение формируется и к современным методам контрацепции, осуждаемым католической церковью. Возможно, именно этим отчасти объясняется высокая доля традиционных методов в структуре используемой контрацепции.

3) *Система сексуального просвещения в школе.* Предоставление адекватной информации, подготавливающей подростка к сексуальной жизни и репродуктивной функции, в значительной мере определяет его будущее контрацептивное поведение.

В Грузии, как и в России, сексуальное просвещение не входит в систему школьного образования. Эта проблема вызывает множество дискуссий в грузинском, достаточно традиционном, обществе; более того, идея преподавания подобного предмета в школах вызывает негативную реакцию грузинской церкви.

В России, несмотря на противодействие церкви и некоторых общественных объединений, во второй половине 1990-х гг. при поддержке Фонда ООН по народонаселению была сделана попытка внедрения сексуального образования в школьную программу. Проект предусматривал разработку школьного курса полового воспитания для преподавания его в старших классах. К сожалению, проект потерпел неудачу. Низкое качество учебных пособий и информационных материалов, не предложенных на обсуждение широкому кругу специалистов и заинтересованным государственным учреждениям, привело к провалу проекта уже на пилотной

---

<sup>17</sup> По данным переписи населения Литвы 2001 г., 84% населения считают себя верующими [Gedvilaitė, 2006].

стадии [Журавлева, 2004]. Таким образом, и в Грузии, и в России основным источником информации о методах предохранения от нежелательной беременности для подростков остаются друзья и знакомые.

Во Франции школьное образование включает в себя половое просвещение, но не как отдельный предмет, а скорее как одну из тем в программе комплекса наук о человеке. И, как и все другие аспекты проблемы, сексуальное образование во Франции регулируется законодательно. Законом предусмотрено проведение в течение учебного года в каждой школе, колледже или лицее, по крайней мере, трех уроков, посвященных исключительно этой проблеме<sup>18</sup>.

В Литве школьная «Программа подготовки к семейной и сексуальной жизни» [Dèl, 2007] представляет собой некий компромисс между либеральными и католическими кругами. В рамках программы изучаются как планирование семьи, так и ценность большой семьи и традиционного брака. Как и во Франции, эти уроки включены в программы других учебных предметов.

4) *Контрацепция в системе медицинского страхования и стоимость ее использования.* Стоимость одного дня защиты от нежелательной беременности, особенно относительно уровня доходов, не может не оказывать влияния на принятие решений об использовании современной контрацепции.

Во Франции большая часть расходов на современную контрацепцию возмещается системой медицинского страхования. Лишь желающие использовать таблетки третьего поколения с низким содержанием гормонов оплачивают их из собственных средств. Таковых, по данным анкеты COCON, оказалось около 40% от всех пользователей таблетками [Bajos et al., 2004. P. 487]; месячная доза таблеток третьего поколения стоит около 10 евро, или 1% от минимальной заработной платы во Франции. Таблетки первого и второго поколения, как и ВМС, а также визиты к врачу по поводу их использования, не стоят женщинам практически ничего.

В Литве, России и Грузии расходы на контрацепцию ложатся на пользователя, если только речь не идет о нерегулярных кампаниях распространения бесплатных контрацептивов, проводимых международными организациями.

В России месячный курс таблеток третьего поколения стоит 250–350 рублей, что составляет 3–6% от минимальной заработной платы по отраслям промышленности (чуть более 6000 рублей в 2007 г.,

---

<sup>18</sup> Закон № 2001–588 от 04.07.2001.

по данным Госкомстата). Цена ВМС колеблется от 1500 до 2500 рублей, но с учетом длительности контрацептивной защиты, этот метод обходится пользователю дешевле, чем таблетки.

В Грузии покупать таблетки вынуждены 88% пользующихся ими женщин, притом что цена (около 4 \$ в месяц) делает этот метод недоступным для пользователей с низким и средним уровнем дохода. ВМС при примерно той же цене обеспечивает контрацептивную защиту на более долгий срок, поэтому занимает гораздо большее место в структуре используемых методов, чем таблетки.

В Литве расходы на пользование таблетками также высоки: от 30 до 60 лат в месяц, что составляет 4–8% от минимальной заработной платы и 2–4% от средней. Цены на ВМС существенно различаются в зависимости от типа: гормональные ВМС стоят довольно дорого — около 600 лит, при средней месячной заработной плате в 1350. Обычные ВМС (типа *Corper*) стоят гораздо дешевле (около 40 лит), но не пользуются популярностью из-за побочных эффектов и более низкой эффективности.

В заключение мы можем сказать, что в трех странах Восточной Европы модернизация контрацептивного поведения блокируется слабостью, если не полным отсутствием институциональной поддержки, в первую очередь законодательной и социальной. В России проект закона о репродуктивных правах и их гарантиях, представленный на обсуждение в Думу в 1997 г., до сих пор не принят. Отсутствие закона делает практически невозможным создание службы планирования семьи, способной распространять информацию и услуги, которых так недостает российским женщинам и семьям. В Грузии все достижения в области планирования семьи в последние годы объясняются только поддержкой международных организаций, работающих в сотрудничестве с местными институтами. В Литве ситуация постепенно улучшается, несмотря на двойственное отношение правительства к планированию семьи. Католическая церковь использует все свое влияние для пропаганды естественных методов контрацепции, но маловероятно, что ей удастся повернуть вспять процесс модернизации демографического, в том числе и контрацептивного поведения.

В конечном счете, оказывается, что в Восточной Европе планирование семьи — скорее личное дело семьи и индивида, не имеющее постоянной поддержки государства и его институтов. Если в ближайшее время в этой области не будет принято политических и социальных инициатив, можно ожидать некой стагнации контрацептивного поведения в этом регионе.

## Литература

1. Журавлева И. Репродуктивное здоровье подростков и проблемы полового просвещения // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 133–141.
2. Захаров С., Сакевич В. Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция — свершившийся факт? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе/Под ред. Т. Малевой и О. Синявской. — М.: НИСП, 2007. С. 127–170.
3. Население России–2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад/Под ред. А.Г. Вишневого. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.
4. Троицкая И., Авдеев А. Сравнительный анализ контрацептивного поведения в России, Франции, Литве и Грузии // Сб. статей по материалам Второй международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение». — М.: ТЕИС, 2009. Т. 3. С. 592–601.
5. 1996 Russia Women's Reproductive Health Survey. Final Report, May 1998. All-Russian Centre for Public Opinion and Market Research, CDC, USAID.
6. Agadjanian V. Is «Abortion Culture» Fading in the Former Soviet Union? Views about Abortion and Contraception in Kazakhstan // Studies in Family Planning. 2002. Vol. 33. № 3. P. 237–248.
7. Avdeev A. Les avortements provoqués et la contraception en Russie: la statistique publique et la statistique privée // C. Gourbin (dir.). Santé de la reproduction au Nord et au Sud. De la connaissance à l'action, Actes de la Chaire Quetelet 2004. — Louvain-la-Neuve: Presse Universitaire de Louvain, 2009. P. 405–422.
8. Badurashvili I., Cheishvili R., Kapanadze E., Tsiklauri S. et al. (2008). Gender Relation in Modern Georgian Society. — Tbilisi: UNFPA-GCPR, 2008. — 86 p.
9. Bajos N., Oustry P., Leridon H., Boyer J. et al. Les inégalités sociales d'accès à la contraception en France // Population. 2004. Vol. 59. № 3–4. P. 479–502.
10. Bongaarts J., Johansson E. Future trends in contraceptive prevalence and method mix in the developing world // Studies in Family Planning. 2002. Vol. 33. № 1. P. 24–36.
11. Dalla Zuanna G., de Rose A., Racciopi F. Low fertility and limited diffusion of modern contraception in Italy during the second half of the twentieth century // Journal of Population research. 2005. Vol. 22. № 1. P. 21–48.
12. David P., Bodrova V., Avdeev A. et al. Women and Infant Health Project. Household Survey 2000 // Report of Main Findings. John Snow Inc. December 2000. — 92 p. + Annex; <http://dmo.econ.msu.ru/Biblio/Docs/Finalhousehol.PDF>
13. Dėl rengimo šeimai ir lytiškumo ugdumo programos patvirtinimo n° ISAK-179 (Программа подготовки к семейной жизни и сексуального образования). Постановление Министерства национального образования Литвы. 2007.
14. Gedvilaitė M. Gyventojai pagal tikybą (Население по религиозному составу) // Lietuvos gyventojai: struktūra ir demografinė raida (Население Лит-

- вы: структура и демографическое развитие). — Vilnius: Socialinių tyrimų institutas, 2006.
15. Health Survey of Lithuanian Population 2005, Department of Statistics to the Government of the Republic of Lithuania; <http://db1.stat.gov.lt/statbank/default.asp?w=1280>
  16. *Jakubčionytės R.* (2000). Nėštumo nutraukimą įtakoiantys faktoriai (daktaro disertacija) (*Факторы прерывания беременности. Диссертация на соискание степени PhD*). Kaunas: Kauno medicinos universitetas.
  17. *Jaruseviciene L.* Adolescent's Reproductive Health Promotion Policy in Lithuania. — Budapest: CPS International Policy Fellowship Program, 2003–2004.
  18. *Jonkarytė A., Naskauskienė V.* Reprodukcinė sveikata (Репродуктивное здоровье) // Lietuvos gyventojai 1990–2000 (Население Литвы, 1990–2000). 2002. P. 41–51.
  19. *Klijzing E.* Are there unmet family planning needs in Europe? // Family Planning Perspectives. 2000. Vol. 32. № 2. P. 74–81.
  20. Lietuvos sveikatos informacijos centras (Литовский информационный центр здравоохранения); <http://www.lsic.lt/>
  21. *Philipov D., Andreev E., Kharkova T. et al.* Induced abortion in Russia: recent trends and underreporting in surveys // European Journal of Population. 2004. Vol. 20. № 2. P. 95–117.
  22. Reproductive Health Survey Georgia, 2005. Final Report. March 2007.
  23. *Rossier C., Leridon H. et l'équipe COCON.* Pilule et préservatif: substitution ou association? Une analyse des biographies contraceptives des jeunes femmes en France de 1978 à 2000 // Population. 2004. Vol. 59. № 3–4. P. 449–478.
  24. *Rossier C., Pirus C.* Evolution du nombre d'interruptions de grossesse en France entre 1976 et 2002 // Population. 2007. Vol. 62. № 1. P. 57–90.
  25. *Sedgh G., Henshaw S. K., Singh S. et al.* Legal Abortion Worldwide: Incidence and Recent Trends // International Family Planning Perspectives. 2007. Vol. 33. № 3. September. P. 117–123.
  26. *Troitskaia I., Andersson G.* Transition to modern contraception in Russia: Evidence from the 1996 and 1999 Women's Reproductive Health Surveys/Working Papers, Max Planck Institute for Demographic Research, WP-2007–10.
  27. UNFPA — United Nations Population Fund. — Tbilisi: Youths Reproductive Health Survey, 2002.
  28. Women's Reproductive Health Survey Georgia 1999–2000. Final Report, October (2001), Tbilisi: National Center for Disease Control; Center for Disease Control and Prevention, US Agency for International Development.

А. Пайе,  
О. Сиявская

## Занятость женщин во Франции и в России: роль детей и гендерных установок<sup>1</sup>

*Данная статья посвящена изучению того, как наличие детей и представления о ролях мужчин и женщин влияют на экономическую активность женщин в двух странах с разными моделями социального государства и различными гендерными установками — России и Франции. Авторы сравнивают детерминанты предложения труда женщин в обеих странах, используя данные первой волны международного обследования «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey — GGS). В России самым мощным фактором, снижающим женскую занятость, является возраст младшего ребенка. Во Франции влияние детей оказалось более многосторонним, и, в отличие от России, значительна роль гендерных установок. Во Франции женщины имеют возможность выбирать — работать им или нет, что объясняет бóльшую неоднородность поведения женщин на рынке труда в зависимости от их гендерных установок.*

### Введение

В большинстве промышленно развитых стран появление детей прерывает занятость женщин. Несмотря на то что в последние десятилетия уровень экономической активности женщин вырос и стал более стабильным на протяжении жизни, он все равно сокращается по мере увеличения количества детей [McCulloch, Dex, 2001; Robert et al., 2001] и/или когда появляются маленькие дети (см., например [Leth-Sorensen et Rohwer,

---

<sup>1</sup> Печатается по изданию: Pailhé A., Sinyavskaya O. *Le travail des femmes en France et en Russie: l'effet des enfants et des valeurs de genre* // Revue d'études comparatives Est-Ouest — RECEO. 2009. Vol. 40. №3–4. Septembre–Décembre. P. 273–314. Перевод О. В. Сиявской.



2001; Blossfeld et al., 2001; Grimm, Bonneuil, 2001; Drobnič, Fratzczak, 2001; Matyasiak, Vignoli, 2006; Gonzales-Lopez, 2001]). Более того, в ряде стран матери заняты на работе меньшее количество часов, чем бездетные женщины [Joshi et al., 1996; Gornick, 1994; Thévenon, 2007].

Степень отрицательного влияния наличия детей на экономическую активность женщин различается по странам. Например, в странах Европы в 2003 г. уровень занятости женщин в возрасте 20–49 лет, чей младший ребенок моложе 3-х лет, варьирует от 10% в Венгрии до более чем 80% в Швеции [Aliaga, 2005]. Указанные межстрановые различия связаны прежде всего с государственной политикой поддержки занятости матерей [Gornick et al., 1998; van der Lippe, 2001]. Политические меры, направленные на смягчение конфликта между работой и семьей, особенно субсидируемый государством уход за детьми, увеличивают предложение труда женщин [Del Boca et al., 2005].

Еще одно объяснение межстрановых различий лежит в плоскости культуры и традиций. Решение женщины, работать ей или нет, зачастую определяется сложившимися в обществе представлениями о гендерных ролях [Uunk et al., 2005; Fortin, 2005]. На индивидуальные установки в отношении работы могут влиять представления женщины и/или ее супруга о социальных нормах в отношении ролей мужчины и женщины [Hochschild, 1989; Potuchek, 1997]. Давление общественного мнения особенно сильно в отношении матерей с детьми дошкольного возраста: ответственность за воспитание детей возлагается на матерей, что обуславливает распределение труда между супругами [Shelton, John, 1996].

Цель данного исследования — изучить, каким образом семейная политика и представления о ролях мужчин и женщин влияют на женскую занятость. Мы использовали сравнительный анализ, чтобы оценить, во-первых, роль институциональных факторов и, во-вторых, влияние гендерных установок. Для анализа мы выбрали две страны с разными моделями социальной политики и потенциально различными установками в отношении гендерных ролей — Россию и Францию. Мы изучаем, как экономическая активность женщин в этих странах зависит от различий в гендерных установках, с одной стороны, и в уровне образования и доходов, с другой. Мы постараемся дать ответы на следующие вопросы: в какой степени наличие детей влияет на предложение труда женщин в России и во Франции? Как количество и возраст детей сказываются на экономической занятости женщин? Насколько межстрановые различия обусловлены различиями в политике поддержки занятости и гендерных установках населения этих стран?

Эмпирический анализ, посвященный сравнению детерминант индивидуального предложения труда женщинами, основан на данных первой волны международного обследования «Поколения и гендер» (*Generations and Gender Survey — GGS*), проведенного в обеих странах. Мы начинаем с описания семейной политики и ситуации на рынках труда в обеих странах с точки зрения гендерного подхода. Затем обсуждаются теоретические подходы к изучению предложения труда женщинами и эмпирические исследования влияния гендерных установок на активность женщин на рынке труда. После описания данных и представления некоторых дескриптивных характеристик мы анализируем результаты эмпирического исследования.

## 1. Семейная политика и политика занятости в России и во Франции

Для обеих рассматриваемых в исследовании стран характерен высокий уровень образования и занятости женщин (*табл. 1*). Во Франции женщины массово вышли на рынок труда в конце 1960-х гг., а в 2005 г. уровень экономической активности женщин 15–64 лет составлял 63,8%, а мужчин — 74,5%. Советская Россия имела еще более продолжительную традицию практически всеобщей женской занятости<sup>2</sup>, объяснявшуюся действием экономических и связанных с социалистической системой идеологических факторов [Sacks, 1988; Ofer, Vinokur, 1985]. После распада СССР, когда занятость стала добровольной, большинство женщин по-прежнему остались занятыми. Уровень экономической активности российских женщин 15–72 лет составлял 63,6% в 1992 г. и 60,8% в 2004 г., а мужчин этого же возраста и в эти же годы — 77,6% и 70,4% соответственно. Впоследствии экономическая активность женщин продолжала расти в связи с ростом экономики, и в 2007 г. была ненамного ниже, чем в 1992 г.

Несмотря на то что формально законодательство в России, и Франции поддерживает гендерное равенство, можно привести немало примеров гендерного неравенства на рынках труда обеих стран. Так, во Франции наблюдается гендерная сегрегация профессиональной

---

<sup>2</sup> Если сравнивать участие в рабочей силе советских женщин в 1950 и 1970 гг., то ее уровень возрос для возраста 15–54 лет с 70,2% до 80,9%, а для возраста 20–54 лет — с 69,4% до 89,4% [Ofer, Vinokur, 1985]. Как отмечают в своей статье Г. Офер и А. Винокур [Ibid. P. S339], «за более чем 40-летний период с конца 1930-х гг. уровни участия на рынке труда замужних женщин наиболее активных возрастов выросли с 50–60 до 93%...».

Таблица 1

Уровни экономической активности и безработицы среди женщин, в %

Возраст	Уровень экономической активности		Уровень безработицы	
	Франция, 2005	Россия, 2004	Франция, 2005	Россия, 2004
15–24	29,9	34,8	24,6	19,1
25–49	81,1	87,3	10,4	7,0
50–64	54,6	67,8*	7,2	5,3*
<b>15–64</b>	<b>63,8</b>	<b>70,8**</b>	<b>10,9</b>	<b>8,1**</b>

Примечания: \* — население 50–59 лет, \*\* — население 15–59 лет. (К сожалению, публикуемая статистика в России и во Франции содержит разные группировки по возрасту, которые не всегда возможно корректно сопоставить.)

Источники: INSEE; расчеты авторов на основе данных Росстата.

и отраслевой структуры с преобладанием женщин в здравоохранении и образовании [INSEE, Обследования занятости, 2004]. Женщины чаще оказываются служащими («белыми воротничками») низшего и среднего уровня, тогда как мужчины — квалифицированными рабочими, специалистами высшего уровня квалификации и самозанятыми. С 1980-х гг. во Франции сохраняются высокие уровни безработицы, причем среди женщин безработица неизменно выше, чем среди мужчин (даже среди более молодых когорт). Более того, несмотря на множество законов против гендерной дискриминации на работе, в частном секторе заработка женщин в среднем на 19% ниже, чем мужчин. Даже при учете опыта работы, продолжительности и организации рабочего времени и других возможных детерминант различий в оплате труда, необъясненный разрыв в зарплатах составляет 15% [INSEE, Обследования занятости, 2004].

И в России, несмотря на официально провозглашенное равенство мужчин и женщин, различные проявления гендерного неравенства существуют еще с советских времен. Изучение гендерных аспектов занятости в СССР доказало устойчивую профессионально-отраслевую сегрегацию по полу [Sacks, 1988] и зафиксировало гендерный разрыв в оплате труда от 35–40% при сравнении среднемесячной заработной платы до порядка 30% в почасовых ставках [Ofer, Vinokur, 1985]. Согласно исследованию М. Сваффорда (1978), разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами, даже при условии учета образовательных, профессионально-квалификационных и отраслевых различий, составлял около 28% (цит. по: [Sacks, 1988. P. 81]). Если принять во внимание недостаточно развитый сектор услуг и низкую долю «белых воротничков» в советской эконо-

мике, неудивительно, что около 2/3 женщин были заняты физическим трудом [Ofer, Vinokur, 1985]. Вместе с тем женщины доминировали среди специалистов высшей квалификации в здравоохранении, образовании, науке и на других рабочих местах бюджетного сектора, которые оплачивались хуже, но предоставляли более гибкий график работы. Последнее было особенно важно, учитывая, что на долю неполной занятости на советском рынке труда приходилось лишь 0,5% всех рабочих мест.

С началом экономических реформ безработица, официально побежденная в СССР, появилась вновь. Но поскольку выплаты по безработице были слишком малы, официальная, зарегистрированная, безработица, предоставлявшая доступ к пособиям, была неизменно ниже безработицы, измеряемой в соответствии с методологией МОТ. В различные периоды разрыв достигал 2–6 раз. Тем не менее даже уровни общей (по МОТ) безработицы в России были не настолько высоки, как во многих бывших социалистических странах, поскольку основным источником адаптации рынка труда к падению экономики выступали резко сократившиеся заработки [Капелюшников, 2001]. Более того, различия между мужчинами и женщинами по уровню безработицы практически отсутствуют. Женщины, как правило, демонстрируют более низкие уровни открытой безработицы, измеряемой в соответствии с рекомендациями МОТ, но они склонны чаще регистрироваться в качестве безработных в службах занятости, а также имеют более продолжительные периоды безработицы. Часть женщин в конце концов отчаивается найти работу, поэтому они также чаще представлены среди экономически неактивного населения.

На протяжении значительного периода экономической трансформации в России действовал советский Кодекс законов о труде, принятый еще в 1971 г. В результате регулирование рынка труда было достаточно жестким даже по сравнению со многими европейскими странами: трудовое законодательство отдавало приоритет постоянной занятости<sup>3</sup> и возлагало на работодателей большие издержки по увольнению. Однако работодатели достаточно просто обходили это избыточное регулирование в силу отсутствия надлежащего контроля над исполнением законодательства [Капелюшников, 2001]. Вследствие этого работники,

---

<sup>3</sup> По российскому законодательству работника с бессрочным (на неопределенный срок) трудовым договором намного сложнее уволить. В случае увольнения по сокращению штатов работодатель обязан предупредить об этом работника не менее чем за 2 месяца до даты увольнения. Но даже в этом случае увольнение может быть ограничено коллективными договорами или профсоюзами. И те и другие чаще представлены на крупных предприятиях, а также в бюджетном секторе.

особенно занятые в частном секторе и на небольших предприятиях, не были защищены от нарушений своих трудовых прав. Риски незащищенности для мужчин были выше, чем для женщин, поскольку последние чаще были заняты в бюджетном секторе экономики на основе трудового договора на неопределенный срок, тогда как мужчины преобладали среди работников частного сектора, неформально занятых и самозанятых. С 2002 г. действует новый Трудовой кодекс, который расширил возможности применения на предприятиях срочных трудовых договоров и договоров на выполнение конкретных работ и оказание услуг. Однако основные гарантии занятости, особенно работников с детьми, остались прежними. Анализ трудовых отношений год спустя после принятия Трудового кодекса показал, что существенных изменений в отношениях работников и работодателей не произошло, за исключением более легкой практики заключения срочных трудовых договоров [Капелюшников, Гимпельсон, 2004].

Дефицит рабочих мест с гибкой и неполной занятостью или возможностью работать на дому существовал еще в советской России [Эволюция семьи... , 1992], и немного изменилось с тех пор. По-прежнему преобладает занятость на условиях полного рабочего дня: в 2006 г. средняя продолжительность фактически отработанного рабочего времени в неделю составила 39,8 часов у мужчин и 37,6 часов у женщин. Лишь около 7% всех женщин в возрасте 15–72 лет и 4% в возрасте 20–59 лет работали менее 31 часа в неделю. Напротив, во Франции неполная занятость более распространена: 30% женщин 15 лет и старше работали менее 30 часов в неделю.

Среднемесячная зарплата российских женщин составляет около 2/3 среднемесячной зарплаты мужчин [Brainerd, 2000; Росстат, 2007]. Как правило, объясняют это неравенство гендерной асимметрией в структуре занятости [Ogloblin, 1999; Рощин, Горелкина, 2004; Ощепков, 2006]. В России, так же как и во Франции, женщины преобладают в менее оплачиваемых секторах и профессиях. Они чаще оказываются неквалифицированными рабочими, служащими, специалистами среднего и высокого уровня квалификации, особенно в сфере образования и здравоохранения. Мужчины преобладают среди рабочих средней и высокой квалификации, управленцев и чиновников. Они чаще заняты в промышленности, строительстве, транспорте и сельском хозяйстве, тогда как женщины — в торговле, образовании, науке, культуре и здравоохранении. Однако даже в рамках одной отрасли или одной профессиональной группы женщины зачастую получают меньше, чем мужчины. Доля необъясненных ген-

дерных различий в оплате труда достигает 15–18% средней заработной платы мужчин [Brainerd, 2000; Ощепков, 2006]. Кроме того, имеются свидетельства существования «стеклянного потолка» для российских женщин [Ощепков, 2006; Рошин, Солнцев, 2006], а также «штрафа» за материнство, т. е. более низкой оплаты труда матерей по сравнению с бездетными женщинами [Ниворожкина и др., 2008].

В России, как и во Франции, лица с семейными обязанностями имеют множество гарантий занятости. Тем не менее подходы к семейной политике и к поддержке совмещения родительства и занятости в этих двух странах различны.

Во Франции существует длительная традиция государственного участия в ранней социализации детей. Государство стремится замещать семью в воспитании детей для достижения большей социальной справедливости и стимулирования рождаемости [Rosental, 2003]. Французская семейная политика — это своего рода компромисс между задачами поддержки института семьи и поддержки женской занятости для достижения баланса между семьей и работой. Даже если политика не направлена на предоставление женщинам возможностей совмещать материнство и оплачиваемый труд, *де-факто* она помогает матерям сочетать эти виды деятельности. Государственные и частные институты по уходу за детьми до 3-х лет развивались начиная с 1980-х гг. [Toulemon et al., 2008]. Этот тип ухода доступен семьям сразу же по окончании отпуска по уходу за ребенком, т. е. спустя 2–3 месяца после родов; он характеризуется продолжительными часами работы: по будням с 7–8 утра до 6–7 вечера. Однако в 1994 г. во французской семейной политике произошел поворот к мерам, стимулирующим наемных работников покидать рынок труда. Действие закона о пособиях по уходу за детьми (*Allocation parentale d'éducation* — APE), принятого еще в 1985 г. в условиях высокой безработицы, в июле 1994 г. было распространено на вторых детей. Пособие позволяет одному из родителей (на практике матери) полностью посвятить себя уходу за ребенком вплоть до достижения им 3-х лет. Исследования показывают, что этот тип пособий побудил многих женщин, особенно малообразованных, покинуть рынок труда. Так, недавнее обследование организации ухода за детьми показало, что по будням 61% детей до 3-х лет воспитывается преимущественно своими родителями, 21% — нянями, чей труд субсидируется государством, 10% — в яслях, 7% — бабушками и дедушками или другими членами семьи, 1% — частными нянями [Blanpain, 2006; Ruault, Daniel, 2003].

Процесс социализации во Франции начинается достаточно рано. Дети начинают ходить в так называемую материнскую школу (*écoles maternelles* — аналог российского детского сада). Ее посещают 37% детей 2-х лет и 97% детей 3-х лет, хотя это и не обязательно в столь раннем возрасте [Blainrain, 2006]. Заявленная цель этой формы социализации детей состоит в обеспечении равных возможностей развития всем детям независимо от их социальной принадлежности, в соответствии со светскими традициями Французской республики. Услуги этих образовательных учреждений бесплатны и отличаются высоким качеством. Занятия для детей 3–12 лет начинаются с 8:30 и заканчиваются в 16:30, но дети могут находиться в школе с 7:00 и до 18–19:00 (этой возможностью пользуются 17% детей 2–6 лет). Во время обеденного перерыва дети могут поесть в школьной столовой. По средам в детских садах и начальных школах выходной, но для присмотра за детьми существуют центры отдыха. Семейная политика адресована исключительно матерям, поскольку совмещение работы и семьи рассматривается как женское дело [Commaillie et al., 2002]. Задача гендерного равенства в семье, не ставившаяся до недавнего времени, реализована в форме установленных законом отцовских отпусков, существующих с 1 января 2002 г. Эта весьма скромная мера (максимальная продолжительность такого отпуска составляет 11 дней и может быть увеличена до 18 дней в случае рождения сразу нескольких детей) имела успех: с момента введения правом на отпуск воспользовались 60% отцов.

В советской России семья рассматривалась как поставщик будущей рабочей силы в условиях постоянно растущего на нее спроса. Прямая материальная поддержка семей никогда не была щедрой, даже в сравнении с социалистическими странами Восточной и Центральной Европы (например, ГДР, Венгрией или Польшей). В основном она состояла в частичном покрытии прямых затрат на детей потенциально уязвимым категориям населения (многодетным семьям, одиноким матерям или малообеспеченным семьям). Работающие женщины получали право на некоторые дополнительные выплаты и услуги на предприятиях. До середины 1950-х гг. основным элементом демографической политики выступал запрет на аборт. Отпуск по беременности и родам был непродолжительным (9 недель в 1930-е гг. и 11 — в 1940-е гг.), а регулярная финансовая помощь предоставлялась лишь многодетным и одиноким матерям. В ответ на возросшую занятость женщин во второй половине 1950-х гг. государство ввело ряд мер, направленных на облегчение совмещения материнства и оплачиваемого труда. В 1956 г. отпуск по беременности и родам был расширен с 11 до 16 недель (8 недель до родов и 8 по-

сле). В 1959 г. в дополнение к расширению доступности детских садов для детей 3–7 лет были созданы ясли для детей от 2-х месяцев до 3-х лет. Вплоть до середины 1960-х гг. все эти социальные программы и услуги предоставлялись только рабочим и служащим. Женщины-колхозницы получили право на отпуск лишь с 1965 г. В 1974 г. были введены пособия малообеспеченным семьям. Риск относительного дефицита рабочей силы, обозначившийся в 1970–1980-е гг., заставил власти обратить большее внимание на вопросы народонаселения и поддержки семей. В 1981–1982 гг. были введены новые меры семейной политики, которые включали единовременные выплаты семьям с детьми, начиная с первого рождения и дифференцированные по порядку рождения, отпуска по уходу за ребенком, выплачиваемые по единой ставке<sup>4</sup> работающим матерям, имевшим не менее 1 года трудового стажа, или студенткам очной формы обучения до достижения ребенком 1 года, а также неоплачиваемые отпуска по уходу за ребенком до достижения им 1,5 лет. Была расширена поддержка многодетных (начиная с 3-х детей) семей. Кроме того, работающие женщины получили право на дополнительные дни к ежегодным отпускам и право на беспроцентные ссуды от предприятий. В 1989–1992 гг. была увеличена продолжительность отпусков: отпуска по беременности и родам до 140 дней (10 недель до родов и 10 недель после), оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им 1,5 лет, а неоплачиваемого — до 3-х лет. В начале 1990-х гг. государство стало поддерживать неработающих матерей и семьи с детьми старше 1,5 лет. Демографическая оценка эффекта всех этих мер свидетельствует о том, что завершенная рождаемость реальных поколений возросла незначительно, тогда как календарь рождений существенно изменился в сторону более ранних первых рождений и меньшего интервала между первым и вторым рождениями [Захаров, 2007]. Вследствие данной семейной политики многие женщины покинули образовательную систему или рынок труда на несколько лет.

Ситуация полностью изменилась с началом экономических реформ. Формально все существовавшие гарантии, особенно те, что имели отношение к регулированию труда матерей, были сохранены, и *де-юре* политика была направлена на частичную компенсацию издержек по рождению ребенка и облегчение совмещения материнства и женской занятости. В первой половине 1990-х гг. были введены новые пособия для семей

---

<sup>4</sup> Размер отпуска составлял 35 рублей в месяц для всех матерей (50 рублей для жительниц регионов Дальнего Востока, Крайнего Севера и северо-запада России).



с детьми. В основе всех этих мер лежала идея поддержания финансовой доступности рождения детей в контексте существования традиционных гендерных ролей в семье. Однако *де-факто* государственная поддержка семей с детьми сокращалась на протяжении всего переходного периода, в то время как затраты, связанные с рождением и воспитанием детей, существенно выросли. Несмотря на введение новых семейных и материнских пособий, их доля в общем объеме социальных платежей сократилась с 77,3% в 1991 г. до 32,4% в 2003 г. [Овчарова, Попова, 2005]. По различным оценкам семейные и материнские пособия составляли порядка 0,5–1,5% всех денежных доходов населения в начале 1990-х гг. и 0,1–0,5% в начале 2000-х [Елизаров, 2005; Овчарова, Попова, 2005]. Государственная поддержка семей была слабо дифференцирована по числу детей и практически никак не связана с размером доходов домохозяйств, средней заработной платой в стране или величиной прожиточного минимума. Размеры пособий не отражали ни динамику инфляции, ни рост реальных расходов на детей. Реальная доступность отпусков по беременности и родам и уходу за детьми зависела от предприятия, на котором работала женщина. В бюджетном секторе эти отпуска, как правило, предоставлялись в соответствии с законодательством, тогда как в частном секторе и особенно на малых предприятиях права женщин на эти отпуска часто нарушались. Таким образом, на протяжении 15 лет экономических преобразований российская семейная политика не справлялась с задачей компенсации семьям какой-либо значительной части их затрат на детей. Несмотря на то что материальная поддержка семей с детьми неуклонно снижалась и в советское время [Эволюция семьи..., 1992], прямые затраты семей на рождение и воспитание детей тогда были намного меньше, чем в период реформ.

Начиная с конца 1950-х гг. детские дошкольные учреждения принимали детей с 2-х месяцев до 7 лет, имея достаточно продолжительные часы работы — 10–12 часов в день с 7–8 утра по будням. Кроме того, в настоящее время порядка 6% всех дошкольных образовательных учреждений работает на основе 6-дневной рабочей недели, 5,7% учреждений (в которых находится 1,9% всех детей, посещающих дошкольные учреждения) работают круглосуточно<sup>5</sup>. Однако фактическая доступность детских садов и особенно яслей была всегда ограничена, за исключением короткого периода в 1990-е гг., когда число детей дошкольного возраста было очень небольшим. В 1960 г. дошкольные учреж-

<sup>5</sup> Данные получены из: <http://stat.edu.ru/smi/tab11.shtml>

дения посещали 13% всех детей в возрасте от 1 до 6 лет [Sacks, 1988]. В 1977 г. охват ими вырос до 40% детей дошкольного возраста [Кваша, 1981]. Поскольку строительство новых дошкольных учреждений продолжалось в 1980-е гг., в 1990 г. 66,4% детей 1–6 лет были их воспитанниками. Но начиная с этого времени число дошкольных учреждений и мест в них неуклонно сокращалось. В результате в 2003 г. дошкольные учреждения посещали 57,6% детей 1–6 лет, в том числе лишь 16% детей моложе 3-х лет<sup>6</sup>. Число детей, стоящих в очереди на устройство в дошкольные учреждения, выросло со 192,9 тыс. в 1999 г. до 1237,9 тыс. в 2006 г., т. е. более чем в 6 раз [Госкомстат, 1999; Росстат, 2007].

Школы в России доступны для детей, начиная с 6 лет, при этом школьное образование обязательно для детей до 15 лет. Обязательное среднее образование занимает 11 лет, включая 4 класса начальной школы, 5 лет основной школы и 2 класса средней школы. Часы работы школы намного короче часов работы детских садов. Дети посещают школу 5–6 дней в неделю в течение 31 учебной недели. Средняя продолжительность учебного времени для детей 7–8 лет составляет 24 часа в неделю, для детей 9–11 лет — 29 часов, 12–14 лет — 35 часов, а для детей 15–16 лет — 36 часов в неделю<sup>7</sup>. Обычно занятия начинаются между 8–9 часами утра и заканчиваются в 12–15:00. Около половины школ предлагают группы продленного дня, открытые до 5–6 часов вечера, в которых дети могут делать домашние задания и играть. Однако доступность такого рода групп ограничена. Большинство детей выполняет домашние задания после школы дома. Следовательно, по крайней мере, пока дети находятся в младшем школьном возрасте, особенно в крупных городах, где школы могут быть расположены не очень близко от дома, взрослые должны забирать детей из школы после обеда и по возможности проводить с ними вторую половину дня. Таким образом, семейная политика не особенно способствовала облегчению сочетания функций ухода за детьми и оплачиваемой занятости и, по крайней мере до 2007 г., покрывала лишь небольшую часть семейных затрат на детей.

В этих условиях российские семьи были вынуждены опираться на межпоколенную поддержку в уходе за детьми. Как показывают данные российского обследования RusGGS (называвшегося в России «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» — РиДМиЖ) 2004 г., более трети российских домохозяйств с детьми до 14 лет полу-

---

<sup>6</sup> Расчеты авторов по данным статистики [Госкомстат, 2004, 2003].

<sup>7</sup> Источник: Образование в России в 2004 г. ([http://stat.edu.ru/doc/eng\\_education.pdf](http://stat.edu.ru/doc/eng_education.pdf)).

чали помощь в уходе за детьми от людей, для которых уход за детьми не являлся их профессией или основным занятием [Синявская, Гладникова, 2007б]. Бабушки играют огромную роль в воспитании внуков<sup>8</sup>. Вместе с тем межпоколенная помощь в уходе за детьми доступна только, если представители нескольких поколений семьи живут вместе в одном жилище или хотя бы близко друг от друга. Данные RusGGS показывают, что немногим более 40% россиян в возрасте 18–59 лет, чьи родители еще живы, живут вместе с ними или на расстоянии 15 минут друг от друга, и лишь 40% из тех, кто живет отдельно от родителей, видят их по меньшей мере раз в неделю [Синявская, Гладникова, 2007а].

## **2. Гендерные установки и предложение труда женщин**

### *2.1. Теоретические подходы*

Экономическая и социологическая литература предлагает различные подходы к анализу предложения труда женщин. Согласно стандартной модели неоклассической экономической теории, женщины будут работать за плату, если альтернативные издержки работы на рынке труда превышают альтернативные издержки работы по дому [Becker, 1965]. Предложение труда зависит от опыта работы, уровня образования, значимости финансового вклада от женской занятости для бюджета семьи, уровня ресурсов партнера и т. п. Важную роль играет наличие детей, причем влияние наличия детей на предложение труда, как правило, изучается с точки зрения женщины [Killingsworth, Heckman, 1986]: считается, что женщины обладают сравнительными преимуществами в воспитании детей, хотя бы потому, что обычно их потенциальные заработки ниже заработков мужчин. Предполагается, что наличие детей может снижать экономическую активность женщин: во-первых, дети увеличивают ценность женского времени дома, во-вторых, чистая заработная плата женщин, за вычетом затрат на детей, снижается. В то же время число детей может оказывать разнонаправленное воздействие: с одной стороны, время, затрачиваемое на уход за детьми, растет с их количеством, и производительность домашнего труда женщин возрастает. С другой стороны, финансовые потребности семьи с числом детей тоже увеличиваются, что повышает спрос на доходы женщин

---

<sup>8</sup> См. также статью *С. Лефевр, Л. Прокофьевой, И. Корчагиной, В. Станкуниене, М. Гедвилайте, И. Бадурашвили и М. Сибирладзе*, публикуемую в настоящем сборнике.

от занятости. Не меньшее значение имеет возраст детей: по мере взросления дети требуют меньше ухода, но больше материальных затрат, что уменьшает ценность пребывания женщины дома.

Недавние и приобретающие популярность подходы к изучению предложения труда женщин отходят от описанной выше модели человеческого капитала. Новые экономические модели анализируют предложение труда, рассматривая его как результат решения домохозяйства, включающего стратегическое взаимодействие между супругами [Chiappori, 1988]. В рамках такого подхода каждый супруг максимизирует свою индивидуальную полезность, тогда как в предыдущей модели существует единственная функция благосостояния домохозяйства. Соответственно, каждый супруг, принимая решение о занятости, учитывает текущие и будущие переговорные позиции — свою и партнера. Социальные нормы, анализ которых имеет давнюю традицию в социологической литературе, лишь недавно стали приниматься во внимание экономистами. Индивидуальные установки все чаще используются для контроля неоднородности индивидов. Результаты некоторых исследований показывают, что различия в установках оказывают влияние на гендерный разрыв в оплате труда [Fortin, 2006] или на количество часов работы [Uunk et al., 2005].

Социологическая литература подчеркивает роль норм и представлений о гендерных ролях, объясняя распределение домашних обязанностей между супругами (партнерами). Утверждается, что, несмотря на массовый выход женщин на рынок труда, мужчины и женщины продолжают играть различные роли в партнерстве. Например, в соответствии с подходом *создания гендерной идентичности («doing gender»)*<sup>9</sup>, важнейшее значение занятости женщин домашним трудом, а мужчин — на рынке труда состоит в утверждении их гендерных идентичностей [Goffman, 1977]. Мужчины играют роль *добытчика*, предпочитая инвестировать свое время и силы в оплачиваемую занятость, тогда как женщины исполняют роль *заботливой хозяйки*<sup>10</sup>, отдавая приоритет работе по дому.

---

<sup>9</sup> Это понятие было введено в научный оборот Кандас Уэст и Доном Зиммерманом в статье «Создавая гендер», опубликованной в 1987 г. [West C., Zimmerman D.H., 1987]. Doing gender // Gender and Society. Vol. 1. №2. June. P. 125–151). Русский перевод статьи см.: Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера: (DOING GENDER)/Пер. Е. А. Здравомысловой // Гендерные тетради. — СПб., 1997. Вып. 1. — *Прим. пер.*

<sup>10</sup> Английский термин «saag» трудно перевести, поскольку он описывает деятельность, связанную с ведением домашнего хозяйства и организацией семейной жизни, как, например, воспитание детей, уход за другими иждивенцами в семье, — словом, все то, что относится к обслуживанию интересов других.

Такого рода отношения взаимозависимости супругов соотносятся с нормативными ожиданиями. Сильное социальное давление, закрепляющее воспитание детей за женщиной и не одобряющее женскую занятость, объясняет отрицательное влияние наличия детей на предложение труда женщин [Shelton, John, 1996]. Теория гендерных ролей объясняет специализацию женщин в уходе за детьми значительным общественным признанием, которое они получают от материнства, тогда как отцовство ценится намного меньше [van der Lippe, 1994]. Конечно, женщины имеют различные представления о гендерных ролях. Хаким [Hakim, 1996] подчеркивает, что во всех странах женщины неоднородны по своим установкам в отношении семьи и работы: «Некоторые женщины предпочитают концентрироваться на доме, рассматривая работу как побочную деятельность. Другие выбирают карьеру, отодвигая домашние дела на второй план». Женщины, отличающиеся более традиционными представлениями о гендерных ролях, с большей вероятностью покинут рынок труда после рождения ребенка. Эти связи с гендерными установками могут, конечно же, варьировать в зависимости от социально-экономической структуры страны, а распространение новых гендерных образцов и идентичностей — медленный процесс.

## *2.2. Эмпирические исследования*

Несмотря на то что огромное количество публикаций фокусируется на влиянии наличия детей на предложение труда женщин, лишь немногие изучают роль ценностей, рассматривая установки в отношении гендерных ролей как на национальном, так и на индивидуальном уровнях. Некоторые исследователи, как, например, Энко и коллеги [Anxo et al., 2005], для измерения гендерных различий в бюджетах времени прибегают к сравнительному межстрановому анализу. Изучая страны, характеризующиеся различным институциональным контекстом и значительно расходящиеся в семейной политике и социальных нормах, они приходят к выводу, что социальные нормы и устройство семейной политики играют огромную роль в объяснении значительных и устойчивых гендерных различий в использовании времени. Другие исследователи прямо оценивают влияние гендерных установок на экономическую активность женщин. Так, например, Унк с коллегами [Uunk et al., 2005], моделируя изменение количества часов оплачиваемой занятости после рождения ребенка, использует переменные, характеризующие доступность формальных услуг по уходу за детьми и гендерные установки в странах. Их шкала гендерных установок

построена на основе ответов на два вопроса обследования Европейских ценностей (European values survey), измеряющих установки в отношении занятости матерей и организации ухода за детьми (волны 1990 и 1999 гг.). Используя многоуровневый анализ и панельные данные обследования Европейских сообществ (European Community Panel Survey), они находят, что эгалитарные гендерные установки влияют на предложение труда женщин после рождения ребенка. Однако этот эффект слабее воздействия институциональной поддержки женской занятости в форме дошкольных учреждений.

Еще одна группа работ рассматривает влияние индивидуальных различий в представлениях о гендерных ролях на занятость женщин. Фортин [Fortin, 2005] анализирует эту связь по 25 странам — членам ОЭСР. Рассматривается три характеристики гендерных установок, отражающие традиционные представления, антиэгалитарные и представления о внутреннем конфликте. Каждое измерение соответствует отдельному вопросу *Всемирного обследования ценностей (World Value Survey)*<sup>11</sup>. Результаты свидетельствуют о том, что традиционные ценности оказывают сильное негативное воздействие на занятость женщин, но не влияют на занятость мужчин.

Наконец, гендерные установки могут быть измерены косвенно через религиозность и участие в церковных обрядах. Торнтон [Thornton et al., 1983] с коллегами и Велла [Vella, 1994] обнаружили, что религиозность способствует сохранению традиционных представлений о ролях мужчин и женщин. Ряд исследований, оценивающих воздействие религиозности на экономическую активность, свидетельствует о том, что регулярное посещение женщинами церкви снижает вероятность их занятости [Heineck, 2004].

В России и Франции сложились разные модели социального государства, подходы к регулированию рынка труда и семейной политике, в частности поддержке совмещения семейных обязанностей и занятости. Это позволяет предположить, что страны различаются и в том, что касается гендерного неравенства на рынке труда и представлений населения о ролях мужчин и женщин. Действительно, в рейтинге стран по индексу гендерного развития (Gender-related Development Index —

---

<sup>11</sup> Респондентов просили ответить, насколько они согласны со следующими утверждениями: «В заботах о доме и семье можно так же реализовать себя, как и в работе»; «Когда рабочих мест недостаточно, у мужчин должно быть больше прав получить работу, чем у женщин»; «Работающая мать может установить настолько же сердечные и прочные отношения со своими детьми, как и неработающая»

GDI), измеряющему неравенство в достижениях мужчин и женщин, Франция занимает 7-е место, тогда как Россия — 58-е. Аналогично рейтинг по показателю гендерного равенства (Gender Empowerment Measure — GEM), направленному на оценку степени участия женщин и мужчин в экономической, политической жизни и принятии решений, ставит Францию на 18-ю позицию, тогда как Россию — на 71-ю<sup>12</sup>. Соответственно, можно предположить, что гендерные установки и состав домохозяйства (включая число и возраст детей) будут по-разному влиять на мужскую и женскую занятость в России и во Франции.

### **3. Данные и некоторые выборочные характеристики**

Настоящее исследование опирается на данные первой волны обследования «Поколения и гендер» (GGS), проведенного в России в 2004 г. и во Франции в 2005 г. и охватившего респондентов 18–79 лет. Обследование направлено на изучение факторов индивидуального демографического поведения, с особым фокусом на межпоколенные и гендерные отношения. Будучи междисциплинарным, оно охватывает экономические, социологические и психологические факторы [Vikat et al., 2007], что является его неоспоримым достоинством. Обследование сочетает ретроспективный и проспективный подходы к изучению поведения, и по этой причине должно включать три панельные волны. Вопросник был разработан группой международных экспертов и предполагается, что он будет использоваться всеми странами, участвующими в программе<sup>13</sup>.

Вопросник обследования GGS (российского обследования РИД-МиЖ) содержит информацию о занятости респондента и его/ее партнера, установках в отношении гендерных ролей, религиозности, детях, социально-экономических характеристиках респондента, партнера и домохозяйства, а также сведения об образовании и прежней занятости родителей респондента, что может быть использовано при конструировании стартового социально-экономического положения респондента.

Так как нас интересовало влияние гендерных ценностей на женскую занятость, мы ограничили выборку трудоспособными женщи-

---

<sup>12</sup> Оба индекса разработаны ООН. Верхние значения соответствуют странам с большим гендерным равенством.

<sup>13</sup> Текст вопросника и инструкции интервьюера доступны на сайте Отдела народонаселения Европейской экономической комиссии ООН: [http://www.unece.org/ead/pau/ggp/ggs\\_quest.htm](http://www.unece.org/ead/pau/ggp/ggs_quest.htm)

нами 20–54 лет<sup>14</sup>. Кроме того, мы исключили студенток, инвалидов и пенсионеров, поскольку их трудовое и репродуктивное поведение может значительно отличаться от поведения остальных женщин. Мы предположили, что и гендерные ценности, и семейная политика могут по-разному влиять на женщин с партнером и без него, и включили обе эти группы в анализ. Размер определенной таким образом выборки составил 3941 женщину в России и 3308 — во Франции, включая 2579 и 2168 женщин с партнером и 1360 и 1140 — одиноких (без партнера в домохозяйстве) в России и во Франции, соответственно.

### 3.1. Женская занятость в России и во Франции

Мы считали, что женщина имеет работу, если в качестве ее основного занятия была названа оплачиваемая занятость или предпринимательство (самозанятость) или если она находилась в отпуске по беременности и родам. В состав незанятых включались безработные и неактивные. Определение безработицы в нашем исследовании не совпадает с методологией МОТ и основано на ответах респондентов об основном занятии в момент проведения интервью. В состав неактивных попали домохозяйки, а также те, кто находится в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске по уходу за ребенком.

Обе рассматриваемые страны, Россия и Франция, очень схожи по базовым характеристикам статуса женщин на рынке труда. Большинство женщин в нашем исследовании заняты (*табл. 2*), хотя во Франции немного больше безработных и неактивных по сравнению с Россией. В обеих странах существуют различия в трудовом статусе женщины в зависимости от ее партнерского статуса. Женщины без партнера в домохозяйстве чаще оказываются занятыми, и особенно выражена эта тенденция в России. Соответственно, женщины с партнером в домохозяйстве чаще не имеют работы и оказываются домохозяйками либо находятся в отпуске по уходу за ребенком. Таким образом, по крайней

---

<sup>14</sup> Указанные возрастные рамки были выбраны по следующим причинам. Во-первых, мы стремились иметь одни и те же ограничения выборки в обеих странах. В России общеустановленный пенсионный возраст женщин составляет 55 лет. Поэтому мы исключили женщин старше 54 лет из анализа. Во-вторых, уровни занятости женщин моложе 20 лет в обеих странах очень низкие. В нашей выборке в России работали лишь 22% 18–19-летних женщин и 42% 20–24-летних женщин. Во Франции в 2006 г. уровень занятости женщин 15–19 лет составлял 7,1%, а 20–24 лет — 44,9%. Учитывая, что медианный возраст начала работы у женщин 1975–1984 гг. рождения был равен 20,2 годам в России и 21,0 году во Франции, мы ограничили нашу выборку женщинами 20 лет и старше.



Таблица 2

**Статус женщин на рынке труда в России и во Франции в зависимости от партнерского статуса, числа и возраста детей, в % по строке**

Характеристика респондента	Франция				Россия			
	число наблюдений	занятые	безработные	неактивные	число наблюдений	занятые	безработные	неактивные
Все женщины	3308	73,0	10,8	16,3	3941	76,7	7,8	15,5
<i>По наличию партнера:</i>								
С партнером	2168	72,9	8,3	18,8	2579	72,7	7,3	20,1
Без партнера	1140	73,4	18,5	8,1	1360	84,4	8,8	6,8
<i>По числу детей:</i>								
0	1434	78,0	12,5	9,5	1395	82,9	9,5	7,7
1	715	75,2	11,0	13,8	1690	76,5	6,0	17,5
2	781	74,1	8,5	17,5	709	69,3	8,0	22,7
3 и более	378	50,3	9,2	40,4	147	57,1	10,9	32,0
<i>По возрасту младшего ребенка:</i>								
Моложе 3-х лет	458	57,1	7,5	35,4	354	25,4	4,2	70,3
3–5	378	66,7	17,6	15,7	352	69,6	9,4	21,0
6–13	714	74,9	8,4	16,7	911	80,2	7,4	12,4
14–19	324	79,2	6,7	14,1	783	86,1	6,6	7,3

Источники: здесь и для последующих таблиц и рисунков FraGGS, 2005; RusGGS, 2004.

мере на первый взгляд, неактивность связана с совместным проживанием партнеров и браком.

Однако эта связь может отражать действие других факторов, среди которых наиболее важным является наличие детей. Направление влияния числа детей на положение женщины на рынке труда в обеих рассматриваемых странах одинаково: каждый последующий ребенок уменьшает занятость и увеличивает неактивность. Если судить по простым распределениям, то в России различия в долях занятых между женщинами без детей и с одним ребенком более заметны, чем во Франции. Снижение удельного веса занятых женщин при переходе от одного ребенка к двум детям также более заметно в России. Напротив, женщины с тремя и более детьми во Франции реже заняты, хотя справедливости ради следует заметить, что в России эта категория семей очень немногочисленна.

Главный фактор, отличающий поведение женщин на рынке труда в двух странах, — возраст младшего ребенка. Работают лишь четверть

россиянок и более половины француженок с ребенком моложе 3-х лет. Если проанализировать женскую занятость в зависимости от возраста ребенка еще более детально, можно увидеть, что единицы российских женщин работают до тех пор, пока их ребенку не исполнится 1,5 года. Однако многие возвращаются на рынок труда после достижения ребенком 3-х лет. Это позволяет предположить, что оплачиваемые и неоплачиваемые отпуска, предоставляемые российским законодательством, действительно имеют значение. Другой возможный фактор, влияющий на масштабы женской занятости, по крайней мере в России, — недостаточная доступность дошкольных учреждений, особенно для детей младше 3-х лет. Наконец, матери с детьми 6 лет и старше чаще заняты в России, чем во Франции.

Но как много работают женщины с детьми? Когда женщины возвращаются на рынок труда после рождения ребенка, работают ли они полное или неполное время? С этой точки зрения ситуация в рассматриваемых странах принципиально различается. Продолжительность рабочей недели в России в среднем выше, чем во Франции. Согласно нашим данным, французские женщины в среднем работают 35 часов в неделю, тогда как российские — 41 час. В то время как во Франции неполная занятость — весьма распространенное среди женщин (в отличие от мужчин) явление, в России и женщины, и мужчины, как правило, работают на полную ставку. Даже если мы скорректируем ответы о неполной занятости на продолжительность рабочей недели, неполная занятость будет охватывать меньшую долю женщин в России по сравнению с Францией (*табл. 3*). Более того, в то время как во Франции масштабы занятости неполное рабочее время существенно зависят от числа детей, в России такой вариации не наблюдается. Безусловно, не вся неполная занятость является результатом добровольного решения: имеются свидетельства, что некоторые женщины хотели бы работать на условиях полной занятости [Ulrich, Zilberman, 2007]. Тем не менее справедливо и то, что неполная ставка и сокращенные часы работы позволяют матерям лучше комбинировать воспитание детей и заработка.

Чтобы совмещать воспитание детей и работу, женщинам требуется определенная гибкость в организации рабочего времени. Спрос на гибкие формы занятости меняется в зависимости от возраста ребенка. Анализ показывает, что неполная занятость и распространенность гибких форм ее организации больше распространены во Франции, нежели в России (*рис. 1*). Во Франции гибкая организация рабочего времени по личным причинам и работа неполное время чаще востребованы у матерей с детьми от 3-х до 5 лет, обучающихся в детском саду, поскольку

Таблица 3

**Полная и неполная занятость французских и российских женщин по числу детей, в % по строке**

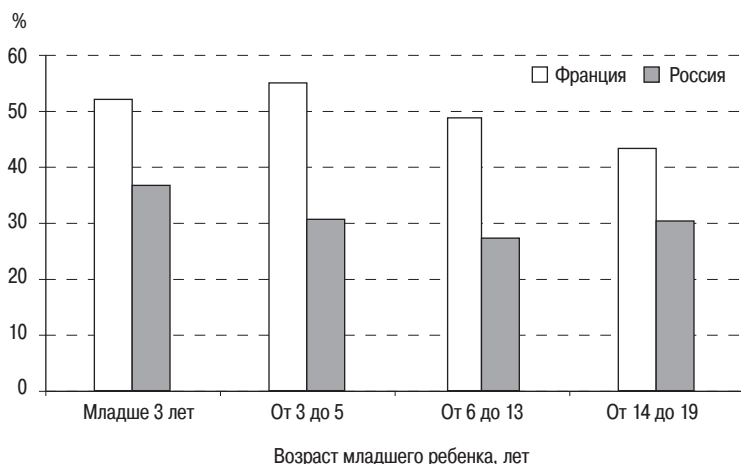
Характеристика респондента	Франция			Россия				
	число наблюдений	полная занятость	неполная занятость	1-й подход			2-й подход	
				число наблюдений	полная занятость	неполная занятость	полная занятость	неполная занятость
Все женщины	2531	72,6	27,4	3024	94,5	5,5	85,9	14,1
<i>По числу детей:</i>								
0	1181	80,9	19,1	1156	94,8	5,2	87,8	12,2
1	556	74,1	26,0	1293	94,7	5,3	85,2	14,8
2	588	63,6	36,5	491	94,1	5,9	83,1	16,9
3 и более	206	47,2	52,8	84	91,7	8,3	85,7	14,3

*Примечание:* в данном исследовании неполная занятость во Франции и согласно первому подходу в России определяется на основе ответов респондентов на прямой вопрос: «Вы работаете на полную ставку и больше или на неполную ставку?». При использовании второго подхода к определению неполной занятости в России помимо тех, кто на прямой вопрос ответил, что работает на неполную ставку, в эту категорию включили также тех, кто работает 30 часов в неделю или меньше, даже если они ответили, что заняты на полную ставку. (По законодательству нормальная продолжительность полной рабочей недели в России составляет 40 часов, однако работники некоторых возрастных групп и занятые на определенных рабочих местах имеют право на сокращенную рабочую неделю продолжительностью 36, 30 или даже 24 часа. Официальная продолжительность работы на полставки составляет 16 часов в неделю. Росстат использует следующую группировку продолжительности рабочего времени в неделю: менее 9 часов, 9–15 часов, 16–20, 21–30, 31–40, 41–50, 51 час и более. Согласно данным статистики, в 2004 г. 81,4% российских женщин работали 31–40 часов в неделю. Соответственно, в данном исследовании мы решили использовать порог в 30 часов в неделю и менее как индикатор неполной занятости.)

дети этого возраста не ходят в школу по средам. Напротив, в России эти формы занятости характерны в большей степени для женщин с детьми до 3-х лет. Такое положение дел может быть следствием использования особых гарантий занятости для работников с маленькими детьми, существующих в российском трудовом законодательстве, либо недостаточной доступности дошкольных учреждений для детей младше 3-х лет.

Таким образом, изучение простых распределений показало, что характеристики занятости французских и российских женщин существенно различаются в зависимости от числа и возраста детей. Большинство россиянок не работает, пока их ребенку не исполнится 3 года, однако затем многие из них возвращаются на работу на полный

**Женщины, имеющие возможность гибко организовывать рабочее время в связи с личными обстоятельствами, только наемные работники, в %**



рабочий день. Напротив, во Франции больше женщин работает, даже когда их дети совсем маленькие, однако эта занятость намного чаще оказывается неполной или гибкой, и такие формы занятости получают большее распространение по мере увеличения числа детей.

### 3.2. Установки в отношении гендерных ролей и религиозность

Мы предполагаем, что влияние наличия детей на женскую занятость различается в зависимости от ценностных ориентаций женщины. Чтобы проверить эту гипотезу, мы построили два индекса — индекс установок в отношении ролей мужчин и женщин в обществе и семье и показатель религиозности, отражающий консерватизм респондентки. Оба индикатора были построены по единой методологии в двух странах. Опрашиваемых просили выразить отношение (согласие/несогласие) с определенными утверждениями, из которых для данного исследования мы выбрали следующие:

- утверждения, измеряющие гендерные роли в парах: 1) для пары лучше, когда мужчина старше женщины; 2) если женщина зарабатывает больше своего партнера, это плохо сказывается на их отношениях; 3) женщины должны иметь право сами распоряжаться деньгами, которые они заработали, а не спрашивать разрешения партнера;

- утверждения, описывающие гендерные роли в семье: 4) когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за это, чем сыновья; 5) для ребенка дошкольного возраста обычно плохо, если его мать работает; 6) для детей обычно плохо, если их отцы слишком сосредоточены на своей работе; 7) в случае развода для ребенка лучше остаться с матерью, чем с отцом;
- утверждения, касающиеся гендерных ролей в обществе: 8) из мужчин, как правило, получаются лучшие политические лидеры, чем из женщин; 9) когда рабочих мест недостаточно, у мужчин должно быть больше прав получить работу, чем у женщин.

Ответы на все указанные вопросы были перекодированы таким образом, чтобы минимальные значения (0) соответствовали наиболее традиционным представлениям о ролях мужчин и женщин, тогда как максимальные значения (4) — эгалитарным представлениям, а затем суммированы. Из-за высокой корреляции в ответах на вопросы 5) и 6) они рассматривались вместе и были перекодированы, чтобы минимальное значение (0) описывало согласие с тем, что для ребенка плохо только, если его мать (а не отец) работает. Построенный таким образом индекс гендерных установок состоял из 8 переменных, каждая из которых могла принимать значения от 0 до 8, а в сумме — давать значения от 0 до 32.

Во Франции индекс принимает значения от 2 до 32 по ответам женщин и от 3 до 32 — по ответам мужчин, тогда как в России — от 3 до 28 и от 3 до 27 по ответам женщин и мужчин соответственно (табл. 4). Среднее значение индекса составило во Франции 22,4 у женщин и 22,0 у мужчин, а в России — лишь 15,7 и 14,9 у женщин и мужчин соответственно. Поскольку нижние значения индекса соответствуют консервативным, традиционным представлениям о ролях мужчины и женщины, то можно утверждать, что в среднем россиянки более традиционны в установках по сравнению с француженками.

Чем моложе француженка, тем более эгалитарные представления о ролях мужчин и женщин она имеет. Среднее значение индекса гендерных установок равно 22,6 для 20–29-летних женщин и 21,8 для 50–54-летних. В России наивысших значений (16 баллов) индекс достигает в когорте 30–39-летних, тогда как в группе 20–29-летних он ниже — 15,8, а самыми консервативными (15,3) оказываются женщины старших возрастов — 50–54 лет. Работающие женщины в обеих странах оказываются сторонницами более равноправных отношений, тогда как женщины, состоящие в зарегистрированном браке, напротив, придерживаются более традиционных установок.

Описательные характеристики индекса гендерных установок в зависимости от брачного статуса, возраста и занятости женщин

Характеристика респондента	Франция				Россия			
	число наблюдений	среднее	ст. отклонение	мин. макс.	число наблюдений	среднее	ст. отклонение	мин. макс.
Мужчины	2477	22,0	5,08	3 32	2592	14,9	3,58	2 27
Женщины, все	3308	22,4	4,92	2 32	3941	15,7	3,34	3 28
<i>В том числе, в зависимости от брачного статуса:</i>								
В браке	1550	22,2	5,04	4 32	2148	15,6	3,33	3 26
Не в браке	1758	22,7	4,77	2 32	1793	15,9	3,33	5 28
<i>По возрасту:</i>								
20–29	700	22,6	4,53	3 32	932	15,8	3,40	5 26
30–39	1098	22,5	4,93	4 32	1109	16,0	3,39	3 28
40–49	1022	22,5	4,99	5 32	1370	15,6	3,34	3 26
50–54	485	21,8	5,20	6 32	530	15,3	3,03	7 24
Занятые	2537	23,0	4,57	5 32	3024	15,9	3,27	3 28

Таблица 5

Децили и квантили индекса гендерных установок для мужчин и женщин в России и во Франции

	Франция		Россия	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
10%	15	16	11	11
25%	19	19	13	13
50%	22	23	15	16
75%	26	26	17	18
90%	28	29	20	20

Различия в гендерных установках населения двух стран становятся более очевидными, если сопоставить процентное распределение индекса (табл. 5). Поскольку индексы в обоих случаях построены по единой схеме, можно сказать, что наиболее традиционный квартиль французенок придерживается даже более эгалитарных установок, чем наиболее эгалитарный и прогрессивный квартиль россиянок.

Сопоставление установок в отношении ролей мужчин и женщин на рынке труда и в семье по вопросам, наиболее тесно связанным с тематикой данной статьи, еще лучше проясняет картину. Следуя подходу, предложенному Фортин [Fortin, 2005], рассмотрим три измерения гендерных установок, описывающие антиэгалитарные установки, внутренний конфликт и традиционные семейные ценности (табл. 6). Любопытно, что французы выражают практически столь же традиционные установки, что и россияне, когда они говорят о возможности реализовать себя в заботах о семье и доме. Напротив, внутренний конфликт между ролями матери и работницы более выражен в России, где более 67% опрошенных мужчин и женщин соглашались с тем, что для ребенка дошкольного возраста обычно плохо, если его мать работает<sup>15</sup>. Наиболее разделяющим (по странам и полу опрошенных)

<sup>15</sup> Внутренний конфликт между трудовыми и семейными ценностями подтверждается и советскими исследованиями. В СССР в 1970-е гг. семья была главным источником удовлетворенности жизнью, а семейные ценности у замужних женщин полностью доминировали над всеми другими [Голофаст, 2006]. Обследование вероятных направлений использования свободного времени молодыми работниками, проведенное в 1960 г., показало, что почти 42% из них хотели бы проводить время с семьей, 23% — потратить его на образование, только 8% — на работу на производстве и 6% — на приработок [Здравомыслов, Ядов, 2003. С. 408]. Наконец, согласно обследованию семей в крупном российском городе в 1979 г., большинство родителей полагали, что «лучше всего для детей до 3-х лет воспитываться дома» [Sachs, 1988. P. 87].

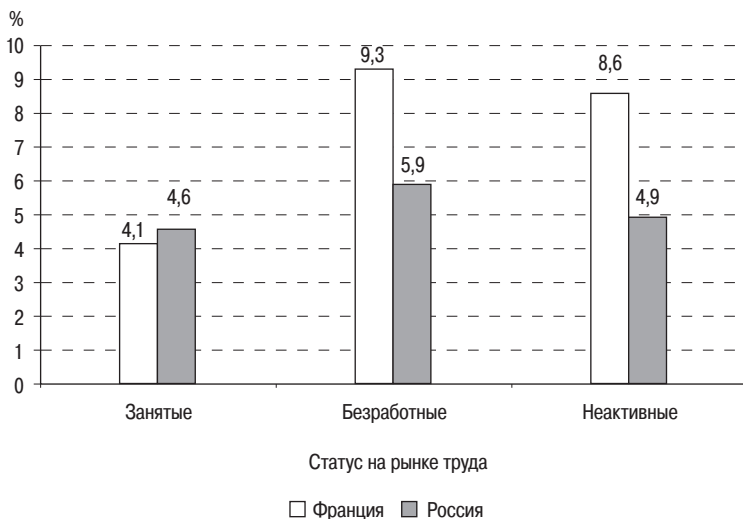
Таблица 6  
**Распределение ответов мужчин и женщин на некоторые вопросы относительно гендерных ролей, в % по столбцу**

Ответы респондентов	Франция		Россия		Франция		Россия		Франция		Россия	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Полностью согласны	10,7	9,6	13,3	7,3	20,0	18,8	16,8	16,2	46,2	39,5	9,3	10,7
Согласны	8,2	9,1	32,3	23,0	27,3	24,1	51,1	51,6	24,5	21,6	57,8	56,0
И да, и нет	16,2	10,1	21,0	13,3	16,1	15,2	16,7	16,7	13,2	15,6	20,8	18,2
Не согласны	12,1	12,1	29,4	46,9	16,1	17,3	15,1	14,9	7,5	13,6	11,4	13,8
Полностью не согласны	52,8	59,2	3,9	9,6	20,5	24,6	0,5	0,6	8,6	9,8	0,8	1,4



Рисунок 2

**Женщины, посещающие религиозные службы не менее 12 раз в году, в зависимости от их положения на рынке труда, в %**



оказывается вопрос о правах мужчин и женщин на рабочие места в условиях их ограниченного количества. Женщины чаще выступают за равенство мужчин и женщин в этом вопросе в обеих странах, однако в России ответы мужчин и женщин диаметрально противоположны. Менее 30% россиянок согласны с утверждением, что у мужчин должно быть больше прав получить работу, и всего 30% российских мужчин не согласны с этим. И даже в этом вопросе представления россиянок намного менее эгалитарны, по сравнению с ответами французенок.

Чтобы сопоставить опрошенных двух стран по степени их религиозности, мы измерили частоту посещения религиозных учреждений. Мы предположили, что человека можно назвать религиозным, если он/она посещает религиозные службы не менее 12 раз в году. По этому показателю население обеих стран достаточно похоже, хотя религиозность теснее связана с положением на рынке труда во Франции, чем в России (рис. 2). В то же время следует отметить, что, по крайней мере в России, использованный нами индикатор религиозности исключает исламских женщин, которые обычно или совсем не ходят в мечеть, или посещают ее достаточно редко.

## 4. Методология анализа и результаты

### 4.1. Методология

Чтобы оценить относительную вероятность женщины быть занятой или безработной относительно вероятности быть экономически неактивной, контролируя влияние различных индивидуальных характеристик, мы использовали мультиномиальную логистическую регрессию. В качестве социально-демографических объясняющих переменных были взяты:

- возраст женщины и квадрат возраста<sup>16</sup>;
- брачно-партнерский статус (в браке, в неформальном союзе, без партнера в домохозяйстве);
- уровень образования<sup>17</sup>;
- статус иммигранта<sup>18</sup>;
- число детей определенного возраста (младше 3-х, от 3-х до 5, от 6 до 13, 14 лет и старше);
- тип поселения (столица, крупный город, малый город, сельская местность);
- уровень безработицы в регионе, где живет респондент;
- индикатор того, работала ли мать респондентки в то время, когда ей исполнилось 15 лет, — косвенная характеристика семейного социального капитала (мы предположили, что статус занятости матери косвенно влияет на трудовые решения дочери).

Кроме того, мы добавили в модель характеристики потенциальной помощи в уходе за детьми: число других взрослых в домохозяйстве и бинарную переменную, указывающую на то, что мать респондентки живет на доступном расстоянии (менее 60 минут пути).

---

<sup>16</sup> Квадрат возраста был введен в модель, чтобы проверить предположение о том, что риск безработицы сокращается быстрее по мере старения женщины.

<sup>17</sup> Из-за существенных различий в системах образования двух рассматриваемых стран мы использовали различные группировки уровня образования. Во Франции: начальное профессиональное образование (CAP, BEP) и ниже, средняя школа (французский бакалавриат — *baccalauréat*); до 2-х лет высшего образования; 2 и более лет вуза. В России: основное общее образование и ниже, средняя школа, начальное профессиональное, среднее специальное, высшее (включая незавершенное и послевузовское).

<sup>18</sup> Статус иммигранта в данном исследовании был также определен по-разному для двух стран. Для французской модели все люди, рожденные за пределами Франции, считались мигрантами. Применить такой же подход в России невозможно, поскольку многие люди, рожденные за пределами России, могли происходить из других республик СССР и переехать в Россию до распада СССР, тем самым автоматически получив впоследствии российское гражданство. Поэтому мы определили мигрантов как людей, родившихся не в России и переехавших в нее, начиная с 1992 г.

В модели 2 мы тестируем влияние индивидуальных гендерных установок на активность женщин на рынке труда, добавляя в нее индекс гендерных установок, описанный выше. Индекс вводится как категориальная переменная, где 4 категории соответствуют 25-процентным группам. Женщины, принадлежащие к первому квартилю по индексу, отличаются наиболее традиционными представлениями о ролях мужчин и женщин. Те же, кто относится к наивысшему квартилю, демонстрируют наиболее эгалитарные гендерные установки. Также была добавлена описанная ранее переменная религиозности.

Нельзя не учитывать причинно-следственные связи между индивидуальными гендерными установками и положением на рынке труда. Так, женщины, решившие не работать, демонстрируют более традиционные представления о ролях мужчин и женщин. Чтобы решить эту проблему пострационализации, нам потребовалось бы ввести показатели установок, взятые с определенным лагом из панельных данных (что возможно только после проведения второй волны обследования). Не имея панели в момент проведения данного исследования, мы, следуя Фортин [Fortin, 2005], полагаемся на результаты исследований, которые свидетельствуют о том, что традиционные гендерные установки формируются в основном в детстве [Thornton et al., 1983; Vella, 1994] и не зависят от положения женщины на рынке труда. Тем не менее, не имея возможности полностью справиться с эндогенностью, мы будем интерпретировать полученные для гендерных установок коэффициенты в терминах корреляции с трудовым статусом, а не в терминах причинно-следственной связи.

В модель 3, включающую только женщин с партнером, мы добавили переменные, характеризующие их относительные ресурсы, по сравнению с партнером: разницу в возрасте (возраст мужчины минус возраст женщины) и разрыв в уровнях образования (уровень образования женщины выше<sup>19</sup>/партнеры имеют одинаковый уровень образования/уровень образования мужчины выше). Наконец, мы добавили переменную, характеризующую положение партнера на рынке труда (занят/безработный/неактивный). Все эти переменные позволяют нам проверить гипотезу о роли властных ресурсов (power resource) в объяснении женской активности на рынке труда.

Чтобы изучить влияние наличия у женщины детей, мы использовали четыре различные спецификации. Базовая спецификация (число детей разного возраста) приведена в первых таблицах. В спецификации

---

<sup>19</sup> Учитываются различия не менее чем в две образовательные ступени.

А учитывается только влияние числа детей (нет детей/1 ребенок/2 детей/3 и более детей). Далее мы попытались развести влияние числа детей и их возраста: в спецификацию Б была добавлена переменная «возраст младшего ребенка» (младше 3-х/от 3-х до 5/от 6 до 13/от 14 до 19). Наконец, в спецификации В учитывается эффект разницы в возрасте между детьми — переменная (менее 3-х лет/от 3-х до 4-х/от 5 до 6/более 6 лет или единственный ребенок).

Эти модели были оценены вначале для всех женщин (за исключением модели 3), а затем по отдельности для женщин с партнером и без него.

#### 4.2. Результаты

Результаты моделирования представлены в *таблицах 1–6 Приложения* к настоящей статье. Поскольку результаты для контрольных переменных (возраст женщины, ее образование, статус мигранта, тип поселения и региональные характеристики) получились очень стандартными и ожидаемыми, мы не будем останавливаться на них. В целом, следует отметить, что в моделях для женщин с партнером большее число переменных статистически значимы, по сравнению с моделями для одиноких женщин (*табл. 2, 3 Приложения*), возможно, из-за недостаточного числа наблюдений в последнем случае. Вместе с тем на российских данных само качество моделей оказывается лучше для одиноких женщин (больше доля правильно предсказанных исходов). Иными словами, в России трудовое поведение женщин с партнером в большей мере, чем одиноких женщин, определяется неучтенными в модели факторами. Кроме того, в обеих странах использованные в моделях переменные лучше объясняют вероятность быть занятой, чем безработной (*табл. 1–3 Приложения*). Очевидно, что различия в рисках быть безработной детерминированы факторами, лежащими в области спроса на труд, которые не могут быть учтены в настоящем исследовании.

Начнем с анализа того, какое влияние оказывает наличие детей на предложение труда женщин. Результаты трех спецификаций оценки возможного эффекта детей (А, Б, В) представлены в *таблицах 4–6 Приложения*. Мы подтвердили, что наличие и большее число детей снижают вероятность занятости и безработицы в обеих странах, причем влияние на занятость сильнее, чем на безработицу. Масштабы этого влияния во многом зависят от возраста ребенка. Сильнее всего вероятность и занятости, и безработицы снижается, когда ребенок младше 3-х лет, причем в России этот эффект намного значительнее, чем во Франции. Различия между странами могут объясняться меньшей доступностью дошкольных учреждений для детей

этого возраста и более сильным нормативным давлением, оказываемым на матерей маленьких детей, в России. Напротив, отрицательная связь детей более старших возрастов с экономической активностью матерей в России выражена намного слабее, что может отражать финансовые ограничения — недостаточный размер материнских и семейных пособий, заставляющий женщин возвращаться на рынок труда.

Если контролировать возможный эффект детей только их числом, тогда наличие одного ребенка в семье снижает вероятность экономической активности россиянок сильнее, чем француженок. Особенно это относится к одиноким женщинам. Влияние наличия двух детей в обеих странах очень похоже. Однако женщина с тремя и более детьми вряд ли окажется занятой во Франции, тогда как в России вероятность ее участия на рынке труда будет выше. Одна из причин наблюдаемых различий состоит в том, что женщины с тремя детьми во Франции намного активнее используют отпуска по уходу за ребенком. Кроме того, в условиях неравноправного распределения обязанностей по дому и уходу за детьми между супругами женщины чаще становятся экономически неактивными, чтобы заниматься воспитанием и образованием своих детей [Leturcq, Wierink, 2009]. Стоит также подчеркнуть, что в России намного меньше матерей с тремя и более детьми, чем во Франции.

Сходство между двумя странами исчезает, как только мы добавляем в модель возраст младшего ребенка (спецификация Б). В этих условиях в России число детей само по себе перестает оказывать статистически значимое влияние на предложение труда женщин. Однако *негативное влияние возраста младшего ребенка, особенно когда ему нет еще 3-х лет*, становится даже более значительным, чем если мы просто учитываем в модели число детей разных возрастов (ср. табл. 1 и 4 Приложения). Напротив, во Франции значимым остается лишь роль наличия ребенка до 3-х лет (с меньшим коэффициентом, чем в России), но одновременно сохраняется *отрицательный эффект наличия в семье 2-х и более детей*. Возраст 3-х лет во Франции совпадает с окончанием отпуска по уходу за ребенком и началом школьного образования («*école maternelle*»). Полученный результат согласуется с выводами предыдущих исследований, подтверждающих, что влияние возраста младшего ребенка особенно важно в странах с ярко выраженной моделью неравноправных гендерных отношений («*мужчина-кормилец*») (см. обсуждение этого вопроса в: [de Henau et al., 2006]).

Наконец, дальнейшее расширение модели за счет учета в ней интервала между рождением младшего и предыдущего ребенка (специфи-

кация В) показывает, что в обеих странах, когда разница в возрасте детей менее 3-х лет, вероятность занятости существенно снижается, тогда как падение вероятности безработицы статистически незначимо. При этом вклад возраста младшего ребенка в сокращение экономической активности и во Франции, и в России еще увеличивается. Очевидно, что бремя родительских обязанностей тяжелее, когда в семье двое близких по возрасту маленьких детей, поэтому совмещать трудовые и семейные обязанности для женщины становится еще сложнее.

Дети в большей степени определяют трудовое поведение одиноких матерей, чем женщин с партнером. Это справедливо для обеих стран, но во Франции эффект выражен сильнее (*табл. 2–4, 6 Приложения*). В России отношение шансов наблюдать одинокую женщину работающей или безработной, если у нее есть ребенок до 3-х лет, близко к нулю (*табл. 5 Приложения*). Одно из объяснений такого результата состоит в эффекте выборки: при небольшом в целом числе одиноких женщин среди них еще меньше тех, у кого есть дети, особенно несколько детей. Содержательная интерпретация полученных результатов может относиться к трудностям, с которыми сталкиваются одинокие женщины с детьми в поиске работы. Это может быть справедливо, по крайней мере, для Франции, где уровень безработицы выше для одиноких женщин (даже при условии учета образования), которые в среднем менее образованны [Chardon et al., 2008]. Более выраженный негативный эффект маленьких детей на вероятность экономической активности матери без партнера во Франции может объясняться действием специального пособия для одиноких матерей с детьми до 3-х лет<sup>20</sup>.

Ограничения возможностей женской занятости из-за наличия детей могут, по крайней мере отчасти, быть компенсированы помощью других родственников, особенно бабушек (матерей или свекровей респонденток). Наличие потенциальной бабушки значимо положительно связано с занятостью женщин в обеих странах, особенно тех из них, которые имеют партнера. Эта связь сильнее в России, чем во Франции, что может отражать как меньшую доступность дошкольных учреждений, так и традиционно активное участие российских бабушек в воспитании детей.

Напротив, и гендерные установки, и религиозность во Франции, по сравнению с Россией, играют более заметную роль в объяснении

---

<sup>20</sup> Пособие одиноким родителям («allocation pour parent isolé»), помимо всего, выплачивается матерям-одиночкам. Его размер, который в 2009 г. составлял 681,95 евро в месяц, может быть увеличен при наличии ребенка до 3-х лет.

экономической активности женщин (*табл. 7–9*). Так, консервативные гендерные установки в большей степени снижают вероятность и занятости, и безработицы во Франции, нежели в России. Однако в России значимое положительное влияние на женскую занятость оказывают эгалитарные гендерные установки. Косвенно влияние ценностей проявляется через статистическую значимость показателя социального происхождения респондентки, измеряемого через статус занятости ее матери. Женщины, чьи матери не работали, имеют меньшую вероятность оказаться занятыми или безработными по сравнению с вероятностью быть неактивными (например, домохозяйками). Этот результат, по-видимому, свидетельствует о том, что установки в отношении занятости передаются от одного поколения к другому. Учитывая обязательный характер занятости в СССР, в нашей выборке меньше случаев неработавших матерей респонденток в России, чем во Франции, однако влияние этого показателя на российских данных даже сильнее, что может отражать приверженность сильно выраженным традиционным установкам в отношении роли женщины в семье. Французские данные свидетельствуют о значимом негативном влиянии официально зарегистрированного брака на занятость женщины, что также может выступать косвенным индикатором традиционных представлений.

В России вероятность экономической активности женщин ниже среди тех, кто живет вместе с партнером (независимо от брачного статуса этого партнерского союза) (*табл. 7*). Скорее всего, эта переменная отражает влияние ненаблюдаемой заработной платы партнера, которую женщины рассматривают как часть их нетрудового дохода. По-видимому, доход партнера для этих женщин в достаточной мере покрывает расходы домохозяйства. Соотношение человеческих ресурсов партнеров важнее для объяснения моделей предложения труда французских женщин (*табл. 9*). Во Франции вероятность женской занятости ниже в парах, где мужчина старше или образованнее. Рассматривая этот результат вместе с отрицательным влиянием брачного статуса, можно сделать вывод о значимом негативном воздействии ресурсов мужчины на занятость женщины. Напротив, в России разрыв в образовании не играет существенной роли в предсказании того, будет ли женщина работать. Различия в возрасте сказываются примерно, как во Франции: там, где мужчина заметно старше женщины, меньше шансов, что она будет работать. Таким образом, в парах, где переговорные позиции женщин слабее в силу более низких человеческих ресурсов, во Франции больше, чем в России, распространены традиционные гендерные роли — работающий мужчина и женщина-домохозяйка.

Тем не менее статус занятости партнера оказывается важнее в России. Россиянки, чьи партнеры безработные, значительно чаще сами оказываются либо занятыми, либо безработными (а не домохозяйками). Первая связь может быть объяснена в терминах компенсаторного эффекта, при котором женщины с безработными партнерами берут на себя функции основного кормильца в семье. Вторая же указывает на концентрацию рисков в определенных парах, когда оба партнера не имеют доступа к рынку труда в силу структурных проблем на локальных рынках труда (например, в сельской местности). Причем концентрация рисков незанятости в парах наблюдается не только в России, но и во Франции.

## **Заключение**

Итак, мы представили результаты исследования, оценивающего влияние наличия детей, а также индивидуальных гендерных установок на экономическую активность женщин в двух странах, различающихся социальными нормами в отношении ролей мужчин и женщин и моделями социальной политики — России и Франции.

Результаты свидетельствуют о том, что в России основным фактором, негативно влияющим на женскую занятость, выступает возраст младшего ребенка. Роль гендерных установок менее выражена, возможно, вследствие большей однородности мнений российских женщин в данном вопросе. Религиозность же, по крайней мере в том виде, в котором она измерена в данном исследовании, не оказывает влияния на женскую занятость. Тем не менее сильно выраженные традиционные установки в отношении семьи и занятости, по-видимому, транслируются через поколения, поскольку женщины, матери которых не работали, скорее всего, сами также будут неактивными. Наличие у женщины партнера снижает вероятность того, что она будет работать, однако влияние относительных ресурсов партнера не значимо.

Во Франции влияние наличия детей на занятость матерей происходит по нескольким направлениям. Реже работают женщины, у которых трое и более детей, младшему ребенку меньше 3-х лет или интервал между рождениями детей очень маленький. Так же как и в России, наблюдается передача установок в отношении семьи и занятости от матери к дочери. Однако, в отличие от России, значителен вклад официально зарегистрированного брака, гендерных установок самой женщины и степени ее религиозности. Чем более традиционных представлений о ролях мужчин и женщин придерживается респондентка, тем меньше



шансов, что она будет работать. Кроме того, значение имеют и относительные человеческие и, соответственно, экономические и властные ресурсы партнеров: женщины, которые старше или имеют более высокий уровень образования, чем их партнеры, чаще работают.

Можно предложить несколько объяснений полученным результатам. В России социальная норма, возлагающая уход за маленьким ребенком (по крайней мере до 3-х лет) на его мать, распространена в самых различных слоях общества (даже среди людей с высшим образованием). Эта норма подкрепляется ограниченным предложением услуг по уходу за маленькими детьми и установленной законодательством продолжительностью отпусков по уходу за ребенком. Тем не менее низкие доходы и бедность заставляют женщин возвращаться на рынок труда. Из-за ограниченного количества рабочих мест с неполной занятостью они вынуждены работать на условиях полной рабочей недели. При этом семья для них важнее работы для самореализации, что порождает внутренний конфликт между представлениями и реальным поведением.

Во Франции такое общественное неприятие образа работающей матери отсутствует, скорее можно говорить о сложившейся социальной норме работающей матери. Работа является ключевым элементом выстраивания индивидуальной идентичности. Реальное поведение женщин на рынке труда более неоднородно: некоторые женщины полностью используют отпуск по уходу за ребенком, другие возвращаются на работу, прибегая к институциональным услугам по уходу за детьми. Доступность пособий для детей старше 3-х лет — дополнительный инструмент семейной политики, позволяющий женщинам решать, работать или нет. Этот выбор, как показало настоящее исследование, зависит от их взглядов на роли мужчин и женщин.

В России же роль гендерных установок не так важна, поскольку женщины попросту лишены возможности выбирать модель трудового поведения. Недостаток услуг по уходу за детьми до 3-х лет не позволяет работать тем женщинам, которые хотели бы этого. Низкие доходы заставляют работать тех, кто, возможно, предпочел бы остаться дома и воспитывать детей. Во Франции женщины имеют больше возможностей выбирать между формами ухода за детьми, семейными пособиями, организацией рабочего времени, а также благодаря более активной помощи со стороны отцов (несмотря на то что до сих пор существует гендерное неравенство в выполнении домашних дел). Отсюда большая неоднородность трудового поведения француженок в зависимости от их гендерных установок.

Таким образом, женщины во Франции имеют более широкие возможности совмещать работу и семью, чем в России. Они сталкиваются

с меньшими ограничениями в институциональных услугах по уходу за детьми и в доходах, что позволяет им лучше реализовывать их репродуктивные установки по сравнению с россиянками, которых отсутствие выбора в сфере занятости часто толкает на откладывание последующих рождений.

## Литература

1. *Голофаст В.Б.* Социология семьи. Статьи разных лет. — СПб.: Алетейя, 2006.
2. Госкомстат. Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. — М., 1999.
3. Госкомстат. Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. — М., 2004.
4. Госкомстат. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. На 1 января 2003 года (без учета итогов Всероссийской переписи населения 2002 года): Статистический бюллетень. — М., 2003.
5. *Елизаров В.В.* Демографическая ситуация и демографическая политика в Российской Федерации. Материалы семинара «Стратегия развития» от 14 ноября 2005 г. — М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. С. 10–43.
6. *Захаров С.В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России 1980-х гг. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1./Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Сиявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. С. 267–312.
7. *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после: Учеб. пос. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект-Пресс, 2003.
8. *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. — М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2001.
9. *Капелюшников Р.И., Гимпельсон В.Е.* Трудовой кодекс: изменил ли он поведение предприятий? WP3/2004/03. — М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
10. *Кваша А.Я.* Демографическая политика в СССР. — М.: Финансы и статистика, 1981.
11. *Ниворожкина Л.И., Арженовский С.В., Ниворожкин А.М.* Материнство и заработная плата: почему женщины с детьми зарабатывают меньше? // Социальная политика: реалии XXI века. Вып. 3: GP3/2007. Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. С. 72–126.
12. *Овчарова Л.Н., Попова Д.О.* Детская бедность в России. Доклад ЮНИСЕФ. — М.: НИСП, ЮНИСЕФ, 2005.
13. *Ощепков А.Ю.* Гендерные различия в оплате труда в России: Препринт WP3/2006/08. — М.: ГУ-ВШЭ, 2006. Серия WP3 «Проблемы рынка труда».
14. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1/ Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Сиявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007.

15. Росстат. Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. — М., 2007.
16. Росстат. Труд и занятость в России: Стат. сб. — М., 2005.
17. *Роцин С. Ю., Горелкина О. А.* Гендерные различия в заработной плате: микро-экономический анализ факторов и тенденций // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
18. *Роцин С. Ю., Солнцев С. А.* Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике: Препринт WP4/2006/03. — М.: ГУ-ВШЭ, 2006. Серия WP4 «Социология рынков».
19. *Синявская О. В., Гладникова Е. В.* Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1/Под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. С. 517–544.
20. *Синявская О. В., Гладникова Е. В.* Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1/Под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. С. 345–376.
21. Эволюция семьи и семейная политика в СССР/Отв. ред. А. Г. Вишневский. — М.: Наука, 1992.
22. *Aliaga C.* Gender gaps in the reconciliation between work and family life // Statistics in Focus, Population and Social conditions. Eurostat. 4/2005.
23. *Anxo D., Flood L., Mencarini L. et al.* Time Allocation between Work and Family Over the Life-Cycle: A Comparative Gender Analysis of Italy, France, Sweden and the United States // IZA Discussion Paper 3193. 2007.
24. *Becker G. S.* A Theory of the Allocation of Time // Economic Journal. 1965. Vol. 75. P. 493–517.
25. *Blanpain N.* Scolarisation et modes de garde des enfants âgés de 2 à 6 ans // Etudes et résultats. DREES. 2006. № 497; <http://www.sante.gouv.fr/drees/etude-resultat/er497/er497.pdf>
26. *Blossfeld H.-P., Drobnic S.* Careers of Couples in Contemporary Society: From male breadwinner to dual-earner families. — Oxford: Oxford University Press, 2001.
27. *Brainerd E.* Women in Transition: Changes in Gender Wage Differentials in Eastern Europe and the Former Soviet Union // Industrial and Labor Relations Review. 2000. Vol. 54. № 1. P. 138–162.
28. *Chardon O., Dagnet F., Vivas É.* Les familles monoparentales. Des difficultés à travailler et à se loger // Insee Première. 2008. N°1195 — juin.
29. *Chiappori P.-A.* Rational household labour supply // Econometrica. 1988. Vol. 56. P. 63–90.
30. *de Henau J., Meulders D., O'Dorchai S.* The comparative effectiveness of public policies to fight motherhood-induced employment penalties and decreasing fertility in the former EU-15 // Department of Applied Economics. Université Libre de Bruxelles (DULBEA). 2006.
31. *Del Boca D., Pasqua S., Pronzato C.* Employment and Fertility in Italy, France and the UK // Labour. 2005. № 4.

32. *Drobnic S., Fratzcak E.* Employment Patterns of Married Women in Poland» // H.-P. Blossfeld, S. Drobnic (eds.). *Careers of Couples in Contemporary Society: From male breadwinner to dual-earner families.* — Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 281–306.
33. *Fortin N.M.* Gender Role Attitudes and the Labour-Market Outcomes of Women Across OECD Countries // *Oxford Review of Economic Policy.* 2005. Vol. 21. №3. P. 416–438.
34. *Fortin N.M.* Greed, altruism and the gender wage gap // Working paper. 2006; available at <http://www.econ.ubc.ca/nfortin/research.html>
35. *Goffman E.* The arrangement between the sexes // *Theory and society.* 1977. Vol. 4. P. 301–331.
36. *Gonzales-Lopez M.J.* Spouses' employment careers in Spain // H.-P. Blossfeld, S. Drobnic (eds.). *Careers of Couples in Contemporary Society: From male breadwinner to dual-earner families.* — Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 146–174.
37. *Gornick J.C.* Women, employment and part-time work: A comparative study of the United States, the United Kingdom, Canada and Australia. — Cambridge, M. A.: Harvard University, 1994.
38. *Gornick J.C., Meyers M.K., Ross K.E.* Public policies and the employment of mothers: A cross-national study // *Social science quarterly.* 1998. Vol. 79. P. 35–54.
39. *Grimm M., Bonneuil N.* Labour Market Participation of French women over the Life cycle, 1935–1990 // *European Journal of Population.* 2001. Vol. 17. №3. P.235–260.
40. *Hakim C.* The Sexual Division of Labour and Women's Heterogeneity // *The British Journal of Sociology.* 1996. Vol. 47. № 1. P. 178–188.
41. *Heineck.* Does religion influence the labour supply of married women in Germany? // *Journal of Socio-Economics.* 2004. Vol. 33. №3. P. 307–328.
42. *Hochschild A.R.* *The Second Shift: Working parents and the revolution at home.* — New York: Avon, 1989.
43. Insee. Enquête Emploi. 2004; <http://www.insee.fr/>
44. Insee. Enquête Emploi. 2005; <http://www.insee.fr/>
45. *Joshi H., Macran S., Dex S.* Employment after childbearing and women's subsequent labour force participation: Evidence from the British 1958 birth cohort // *Journal of Population Economics.* 1996. Vol. 9. P. 325–348.
46. *Killingsworth M.R., Heckman J.J.* Female Labour Supply: A Survey // O. Ashenfelter, P.R. G. Layard (eds.). *Handbook of Labour Economics.* — Amsterdam: North Holland, 1986. Vol. 1. P. 103–204.
47. *Leth-Sørensen S., Rohwer G.* Work Careers of Married Women in Denmark // H.-P. Blossfeld, S. Drobnic (eds.). *Careers of Couples in Contemporary Societies.* — Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 261–279.
48. *Leturcq M., Wierink M.* Temps de travail et bien-être des mères de famille nombreuse // A. Pailhé, A. Solaz (eds.). *Entre famille et travail: des arrangements de couple aux pratiques des employeurs.* — Paris: La Découverte, 2009. P. 99–120.

49. *Matysiak A., Vignoli D.* Fertility and women's employment: a meta-analysis // *European Journal of Population*. 2008. Vol. 4. №4. P. 363–384.
50. *McCulloch A., Dex S.* Married women's employment patterns in Britain // H.-P. Blossfeld, S. Drobnic (eds.). *Careers of Couples in Contemporary Society: From male breadwinner to dual- earner families*. — Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 175–200.
51. *Ofer G., Vinokur A.* Work and Family Roles of Soviet Women: Historical Trends and Cross-Section Analysis // *Journal of Labor Economics*. 1985. Vol. 3. №1. Part 2: Trends in Women's Work, Education and Family Building. S328 — S354
52. *Ogloblin C.* The gender earnings differential in the Russian transition economy // *Industrial Labour Relations Review*. 1999. July. Vol. 52. Iss. 4. P. 602–627.
53. *Potuchek J. B.* Who Supports the Family? Gender and Breadwinning in Dual-Earner marriages. — Standford: Stanford University Press, 1997.
54. *Robert P., Bukodi E., Luijckx R.* Employment patterns in Hungarian couples // H.-P. Blossfeld, S. Drobnic (eds.). *Careers of Couples in Contemporary Society: From male breadwinner to dual-earner families*. — Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 307–331.
55. *Ruault M., Daniel A.* Les modes d'accueil des enfants de moins de 6 ans: premiers résultats de l'enquête réalisée en 2002 // *Etudes et résultats*. 2003. №235; available at <http://www.sante.gouv.fr/drees/etude-resultat/er235/er235.pdf>
56. *Sacks M. P.* Women, Work and Family in the Soviet Union // M. P. Sacks, J. G. Pankhurst. *Understanding Soviet Society*. Taylor & Francis. 1988. P. 71–96.
57. *Shelton B., John D.* The division of household labour // *Annual Review of Sociology*. 1996. Vol. 22. P. 299–322.
58. *Thévenon O.* Labour force participation of women with children: disparities and developments in Europe since the 1990s // Working paper. 2007. Available at: [http://www.iza.org/conference\\_files/BaFaLi\\_2007/thevenon\\_o3797.pdf](http://www.iza.org/conference_files/BaFaLi_2007/thevenon_o3797.pdf)
59. *Thornton A., Alwin D. F., Camburn D.* Causes and consequences of sex-role attitudes and attitude change // *American sociological review*. 1983. Vol. 48. P. 211–227.
60. *Toulemon L., Pailhé A., Rossier C.* France: High and stable fertility // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. №16. Special Collection 7: Childbearing Trends and Policies in Europe. P. 503–556.
61. *Ulrich V., Zilberman S.* Six figures du travail à temps partiel // *Premières informations, premières synthèses*. 2007. №39.3. Septembre.
62. *Uunk W., Kalmijn M., Muffels R.* The Impact of Young Children on Women's Labour Supply // *Acta Sociologica*. 2005. Vol. 48. №1. P. 41–62.
63. *van der Lippe T.* Spouses and their Division of Labour // *Kyklos*. 1994. Vol. 30. №1. P. 43–62.
64. *Vikat A., Spéder Z., Beets G. et al.* Generations and Gender Survey: Towards a Better Understanding of Relationships and Processes in the Life Course // *Demographic Research*. 2007. Vol. 17. №14. P. 389–440.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Вероятность быть занятой или безработной для всех женщин 20–54 лет  
(базовая категория — неактивные), отношение шансов

Характеристика респондента	Франция		Россия	
	модель 1	модель 2	модель 1	модель 2
<b>Занятые</b>				
Возраст женщины	1,441***	1,404***	1,140**	1,135**
Квадрат возраста	0,995***	0,995***	0,998*	0,998*
Уровень образования во Франции (референтная категория = начальное профессиональное и ниже среднего школьного)				
Среднее образование	1,541***	1,401**	–	–
До 2-х лет высшего образования	1,816***	1,623**	–	–
Более 2-х лет высшего образования	3,931***	3,519***	–	–
Уровень образования в России (референтная категория = ниже среднего школьного)				
Средняя школа	–	–	1,131	1,067
Начальное профессиональное	–	–	1,679**	1,596**
Среднее профессиональное	–	–	2,895***	2,733***
Высшее (включая незавершенное) и послевузовское	–	–	2,672***	2,442***
Число детей определенного возраста (референтная категория = в домохозяйстве нет детей респондентки):				
Младше 3-х лет	0,151***	0,151***	0,062***	0,061***
От 3-х до 5 лет включительно	0,342***	0,352***	0,722*	0,722*
От 6 до 13 лет	0,499***	0,513***	0,774**	0,777**
От 14 до 19 лет	0,691***	0,705***	0,994	1,003
Партнерский статус (референтная категория = в домохозяйстве нет партнера)				
В зарегистрированном браке	0,499***	0,500***	0,330***	0,330***
Неформальный партнерский союз	0,798	0,742	0,423***	0,410***
Число других взрослых в домохозяйстве	–	–	0,871*	0,873*
Потенциальная бабушка	1,269*	1,278*	1,314**	1,295**
Респондентка–мигрант	0,417***	0,492***	1,094	1,103
Мать респондентки не работала	0,680***	0,718***	0,547***	0,554***
Тип поселения (референтная категория = столица)				
Крупные города, региональные центры	1,021	0,995	2,031***	1,933***
Города	0,864	0,866	2,565***	2,488***
Сельская местность	1,054	1,039	1,946***	1,870***
Уровень безработицы в регионе	0,838***	0,844***	0,961**	0,969**
Индекс гендерных установок (референтная категория = 26–75-я процентиля индекса)				
Нижние 25% (традиционные)	–	0,568***	–	0,716**
Верхние 25% (эгалитарные)	–	1,179	–	1,275*
Религиозность	–	0,649*	–	0,707

Характеристика респондента	Франция		Россия	
	модель 1	модель 2	модель 1	модель 2
<b>Безработные</b>				
Возраст женщины	1,244***	1,222**	0,906	0,904
Квадрат возраста	0,996***	0,997***	1,001	1,001
Уровень образования во Франции (референтная категория = начальное профессиональное и ниже среднего школьного)				
Среднее образование	1,276	1,213	–	–
До 2-х лет высшего образования	0,646	0,607*	–	–
Более 2-х лет высшего образования	1,213	1,136	–	–
Уровень образования в России (референтная категория = ниже среднего школьного)				
Средняя школа	–	–	0,714	0,694
Начальное профессиональное	–	–	0,975	0,951
Среднее профессиональное	–	–	1,051	1,016
Высшее (включая незавершенное) и послевузовское	–	–	0,725	0,696
Число детей определенного возраста (референтная категория = в домохозяйстве нет детей респондентки):				
Младше 3-х лет	0,163***	0,160***	0,082***	0,081***
От 3-х до 5 лет включительно	0,601***	0,613***	0,819	0,816
От 6 до 13 лет	0,537***	0,550***	0,883	0,887
От 14 до 19 лет	0,787*	0,788*	0,981	0,984
Партнерский статус (референтная категория = в домохозяйстве нет партнера)				
В зарегистрированном браке	0,246***	0,246***	0,268***	0,270***
Неформальный партнерский союз	0,451***	0,434***	0,534**	0,534**
Число других взрослых в домохозяйстве				
Потенциальная бабушка	0,910	0,915	1,144	1,130
Респондентка-мигрант	0,881	0,911	1,617	1,638
Мать респондентки не работала	0,706**	0,729*	0,535**	0,529**
Тип поселения (референтная категория = столица)				
Крупные города, региональные центры	1,122	1,105	2,288**	2,297**
Города	0,981	0,992	5,124***	5,246***
Сельская местность	0,948	0,945	5,256***	5,392***
Уровень безработицы в регионе	0,916*	0,924*	1,038**	1,041**
Индекс гендерных установок (референтная категория = 26-я-75-я процентиля индекса)				
Нижние 25% (традиционные)	–	0,632**	–	0,916
Верхние 25% (эгалитарные)	–	0,910	–	1,165
Религиозность	–	1,232	–	1,258
<i>Log pseudolikelihood</i>	–1971,06	–1952,18	–2290,86	–2277,79
<i>Pseudo R<sup>2</sup></i>	0,15	0,16	0,18	0,19
<b>Число наблюдений</b>	<b>3307</b>		<b>3941</b>	

Примечание: здесь и в нижеследующих таблицах \*\*\* — отношение шансов значимо на уровне 1%, \*\* — на уровне 5%, \* — на уровне 10%.

Таблица 2

**Вероятность быть занятой или безработной для женщин 20–54 лет без партнера в домохозяйстве (базовая категория — неактивные), отношение шансов**

Характеристика респондента	Франция		Россия	
	модель 1	модель 2	модель 1	модель 2
<b>Занятые</b>				
Возраст женщины	1,613***	1,585***	1,171	1,157
Квадрат возраста	0,993***	0,994***	0,998	0,998
Уровень образования во Франции (референтная категория = начальное профессиональное и ниже среднего школьного)				
Среднее образование	1,474	1,350	–	–
До 2-х лет высшего образования	4,464**	3,957*	–	–
Более 2-х лет высшего образования	6,959***	5,872***	–	–
Уровень образования в России (референтная категория = ниже среднего школьного)				
Средняя школа	–	–	2,150	1,873
Начальное профессиональное	–	–	1,769	1,551
Среднее профессиональное	–	–	3,434***	3,142**
Высшее (включая незавершенное) и послевузовское	–	–	5,450***	4,798***
Число детей определенного возраста (референтная категория = в домохозяйстве нет детей респондентки):				
Младше 3-х лет	0,089***	0,088***	0,016***	0,016***
От 3-х до 5 лет включительно	0,231***	0,241***	0,255***	0,247***
От 6 до 13 лет	0,348***	0,358***	0,532***	0,530***
От 14 до 19 лет	0,761	0,763	0,820	0,847
Число других взрослых в домохозяйстве	–	–	0,935	0,932
Потенциальная бабушка	1,616	1,680*	1,522	1,568
Респондентка–мигрант	0,346**	0,448*	2,802	2,809
Мать респондентки не работала	0,808	0,826	0,573	0,582
Тип поселения (референтная категория = столица)				
Крупные города, региональные центры	1,064	1,039	2,222	2,043
Города	0,807	0,821	1,105	1,033
Сельская местность	0,715	0,695	0,747	0,693
Уровень безработицы в регионе	0,817**	0,815**	0,943	0,951
Индекс гендерных установок (референтная категория = 26–75-я процентиля индекса)				
Нижние 25% (традиционные)	–	0,694	–	0,733
Верхние 25% (эгалитарные)	–	1,729	–	1,431
Религиозность	–	0,584	–	0,835
<b>Безработные</b>				
Возраст женщины	1,451***	1,428**	0,894	0,888
Квадрат возраста	0,994***	0,995***	1,001	1,001
Уровень образования во Франции (референтная категория = начальное профессиональное и ниже среднего школьного)				
Среднее образование	1,238	1,181	–	–
До 2-х лет высшего образования	1,266	1,179	–	–



Характеристика респондента	Франция		Россия	
	модель 1	модель 2	модель 1	модель 2
Более 2-х лет высшего образования	2,557	2,290	–	–
Уровень образования в России (референтная категория = ниже среднего школьного)				
Средняя школа	–	–	0,853	0,753
Начальное профессиональное	–	–	0,866	0,769
Среднее профессиональное	–	–	0,762	0,696
Высшее (включая незавершенное) и послеузовское	–	–	0,855	0,775
Число детей определенного возраста (референтная категория = в домохозяйстве нет детей респондентки):				
Младше 3-х лет	0,140***	0,136***	0,031***	0,031***
От 3-х до 5 лет включительно	0,451**	0,467*	0,453*	0,445*
От 6 до 13 лет	0,412***	0,427***	0,561*	0,552*
От 14 до 19 лет	0,872	0,866	0,858	0,866
Число других взрослых в домохозяйстве	–	–	1,246	1,246
Потенциальная бабушка	1,353	1,397	1,332	1,380
Респондентка–мигрант	0,659	0,755	5,307**	5,280**
Мать респондентки не работала	1,076	1,103	0,071***	0,071***
Тип поселения (референтная категория = столица)				
Крупные города, региональные центры	1,319	1,273	2,086	1,888
Города	1,010	1,009	1,894	1,760
Сельская местность	0,740	0,711	2,046	1,892
Уровень безработицы в регионе	0,911	0,909	1,048	1,060
Индекс гендерных установок (референтная категория = 26–75-я процентиля индекса)				
Нижние 25% (традиционные)	–	0,713	–	0,622
Верхние 25% (эгалитарные)	–	1,225	–	1,097
Религиозность	–	0,904	–	1,086
<i>Log pseudolikelihood</i>	–636,30	–631,29	–610,58	–607,98
<i>Pseudo R<sup>2</sup></i>	0,15	0,16	0,23	0,24
<b>Число наблюдений</b>	<b>1140</b>		<b>1360</b>	

Таблица 3

**Вероятность быть занятой или безработной для женщин 20–54 лет с партнером в домохозяйстве (базовая категория — неактивные), отношение шансов**

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	модель 1	модель 2	модель 3	модель 1	модель 2	модель 3
<b>Занятые</b>						
Возраст женщины	1,369***	1,329***	1,342***	1,142*	1,137*	1,138*
Квадрат возраста	0,995***	0,996***	0,996***	0,999	0,999	0,999

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	модель 1	модель 2	модель 3	модель 1	модель 2	модель 3
Уровень образования во Франции (референтная категория = начальное профессиональное и ниже среднего школьного)						
Среднее образование	1,507**	1,364*	1,193	–	–	–
До 2-х лет высшего образования	1,559**	1,388	0,998	–	–	–
Более 2-х лет высшего образования	3,435***	3,072***	2,395***	–	–	–
Уровень образования в России (референтная категория = ниже среднего школьного)						
Средняя школа	–	–	–	0,945	0,902	0,899
Начальное профессиональное	–	–	–	1,581*	1,522*	1,529
Среднее профессиональное	–	–	–	2,599***	2,456***	2,507***
Высшее (включая незавершенное) и послевузовское	–	–	–	2,278***	2,093***	2,282***
Число детей определенного возраста (референтная категория = в домохозяйстве нет детей респондентки):						
Младше 3-х лет	0,170***	0,171***	0,164***	0,080***	0,079***	0,076***
От 3-х до 5 лет включительно	0,360***	0,371***	0,359***	0,872	0,880	0,867
От 6 до 13 лет	0,551***	0,566***	0,551***	0,833	0,835	0,819*
От 14 до 19 лет	0,712***	0,729***	0,725***	1,038	1,046	1,043
Партнерский статус (референтная категория = неформальный партнерский союз)						
В зарегистрированном браке	0,651**	0,705**	0,744*	0,747*	0,771	0,812
Число других взрослых в домохозяйстве	–	–	–	0,880	0,884	0,869
Потенциальная бабушка	1,211	1,220	1,152	1,299*	1,271*	1,253*
Респондентка-мигрант	0,438***	0,508***	–	0,995	1,003	–
Миграционный статус партнеров (референтная категория = оба не мигранты)						
Только женщина-мигрантка	–	–	1,092	–	–	1,414
Только мужчина-мигрант	–	–	0,427**	–	–	0,699
Оба мигранты	–	–	0,622	–	–	0,403*
Мать респондентки не работала	0,659***	0,697***	0,670***	0,522***	0,522***	0,532***
Тип поселения (референтная категория = столица)						
Крупные города, региональные центры	1,011	0,992	0,989	2,078***	1,980***	2,069***

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	модель 1	модель 2	модель 3	модель 1	модель 2	модель 3
Города	0,883	0,889	0,837	2,992***	2,926***	3,129***
Сельская местность	1,138	1,132	1,059	2,345***	2,267***	2,326***
Уровень безработицы в регионе	0,839***	0,847***	0,847***	0,960**	0,968*	0,962**
Индекс гендерных установок (референтная категория = 26–75-я процентиля индекса)						
Нижние 25% (традиционные)	–	0,535***	0,516***	–	0,685**	0,715**
Верхние 25% (эгалитарные)	–	1,090	1,091	–	1,220	1,224
Религиозность	–	0,674	0,710	–	0,628	0,594*
Разрыв в возрасте (мужчина–женщина)	–	–	0,972*	–	–	0,975*
Разрыв в уровне образования партнеров (референтная категория = одинаковый уровень образования)						
Женщина более образованна	–	–	1,842**	–	–	0,938
Мужчина более образован	–	–	0,604**	–	–	1,087
Статус партнера на рынке труда (референтная категория = партнер занят)						
Безработный	–	–	0,782	–	–	2,819***
Неактивный	–	–	0,855	–	–	0,760
<b>Безработные</b>						
Возраст женщины	1,110	1,103	1,161	0,901	0,897	0,901
Квадрат возраста	0,998	0,998	0,997**	1,001	1,001	1,001
Уровень образования во Франции (референтная категория = начальное профессиональное и ниже среднего школьного)						
Среднее образование	1,294	1,209	1,175	–	–	–
До 2-х лет высшего образования	0,660	0,612	0,573	–	–	–
Более 2-х лет высшего образования	0,891	0,804	0,788	–	–	–
Уровень образования в России (референтная категория = ниже среднего школьного)						
Средняя школа	–	–	–	0,707	0,691	0,619
Начальное профессиональное	–	–	–	0,985	0,973	0,775
Среднее профессиональное	–	–	–	1,200	1,190	1,039
Высшее (включая незавершенное) и послевузовское	–	–	–	0,810	0,799	0,664

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	модель 1	модель 2	модель 3	модель 1	модель 2	модель 3
Число детей определенного возраста (референтная категория = в домохозяйстве нет детей респондентки):						
Младше 3-х лет	0,158***	0,156***	0,148***	0,099***	0,098***	0,090***
От 3-х до 5 лет включительно	0,627**	0,641**	0,612**	0,836	0,835	0,832
От 6 до 13 лет	0,575***	0,576***	0,560***	0,961	0,970	0,930
От 14 до 19 лет	0,805	0,795	0,798	1,020	1,025	1,023
Партнерский статус (референтная категория = неформальный партнерский союз)						
В зарегистрированном браке	0,593**	0,609**	0,635*	0,482***	0,477***	0,545**
Число других взрослых в домохозяйстве	–	–	–	0,923	0,936	0,909
Потенциальная бабушка	0,716	0,721	0,728	1,130	1,122	1,091
Респондентка–мигрант	0,972	0,988	–	1,284	1,300	–
Миграционный статус партнеров (референтная категория = оба не мигранты)						
Только женщина–мигрантка	–	–	2,080*	–	–	2,042
Только мужчина–мигрант	–	–	0,917	–	–	0,810
Оба мигранты	–	–	1,086	–	–	0,399
Мать респондентки не работала	0,543***	0,548***	0,523***	0,823	0,826	0,865
Тип поселения (референтная категория = столица)						
Крупные города, региональные центры	0,904	0,916	0,921	2,502*	2,569*	2,786**
Города	0,880	0,907	0,887	6,206***	6,385***	7,099***
Сельская местность	0,896	0,915	0,981	6,174***	6,439***	6,235***
Уровень безработицы в регионе	0,903*	0,915	0,911	1,033	1,034	1,021
Индекс гендерных установок (референтная категория = 26–75-я процентиля индекса)						
Нижние 25% (традиционные)	–	0,637*	0,596**	–	1,070	1,164
Верхние 25% (эгалитарные)	–	0,889	0,862	–	1,198	1,316
Религиозность	–	1,638	1,686	–	1,514	1,328
Разрыв в возрасте (мужчина–женщина)	–	–	0,978	–	–	1,004

Окончание табл. 3

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	модель 1	модель 2	модель 3	модель 1	модель 2	модель 3
Разрыв в уровне образования партнеров (референтная категория = одинаковый уровень образования)						
Женщина более образованна	–	–	1,468	–	–	1,016
Мужчина более образован	–	–	1,069	–	–	0,521**
Статус партнера на рынке труда (референтная категория = партнер занят)						
Безработный	–	–	2,122*	–	–	4,859***
Неактивный	–	–	1,913*	–	–	0,700
<i>Log pseudolikelihood</i>	–1319,15	–1303,74	–1279,75	–1598,55	–1585,30	–1560,68
<i>Pseudo R2</i>	0,13	0,14	0,16	0,17	0,17	0,19
<b>Число наблюдений</b>	2167		2152	2579		

Примечание: \*\*\* — отношение шансов значимо на уровне 1%, \*\* — на уровне 5%, \* — на уровне 10%.

Таблица 4

**Влияние детей (различные спецификации) на женскую занятость и безработицу, все женщины 20–54 лет (базовая категория — неактивные), модель 1, отношение шансов**

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	А	Б	В	А	Б	В
<b>Занятые</b>						
Число детей (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве)						
1 ребенок	0,483***	0,831	0,813	0,415***	1,000	1,062
2 детей	0,266***	0,492***	0,711	0,270***	1,046	1,591
3 и более детей	0,084***	0,159***	0,234***	0,187***	0,984	1,544
Возраст младшего ребенка (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или ребенок в возрасте 14–19 лет)						
Младше 3-х лет	–	0,156***	0,140***	–	0,034***	0,029***
3–5 лет	–	0,689	0,592*	–	0,359***	0,318***
6–13 лет	–	0,905	0,798	–	0,585***	0,560***
Интервал между рождением младшего ребенка и предыдущего (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или интервал более 7 лет)						
Менее 3-х лет	–	–	0,454***	–	–	0,496**
3–4 года	–	–	0,690**	–	–	0,793
5–6 лет	–	–	0,643**	–	–	0,593*
<b>Безработные</b>						
Число детей (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве)						
1 ребенок	0,675*	0,859	0,847	0,344***	0,796	0,823
2 детей	0,387***	0,505*	0,687	0,309***	1,073	1,320

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	А	Б	В	А	Б	В
3 и более детей	0,136***	0,168***	0,237***	0,224***	1,068	1,332
Возраст младшего ребенка (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или ребенок в возрасте 14–19 лет)						
Младше 3-х лет	–	0,227***	0,203***	–	0,051***	0,047***
3–5 лет	–	1,532	1,321	–	0,447**	0,422**
6–13 лет	–	1,147	1,017	–	0,640	0,631
Интервал между рождением младшего ребенка и предыдущего (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или интервал более 7 лет)						
Менее 3-х лет	–	–	0,624*	–	–	0,622
3–4 года	–	–	0,637*	–	–	1,122
5–6 лет	–	–	0,686	–	–	0,643

Примечание: здесь и в таблицах 5–6 также контролируются возраст, образование, партнерский статус, характеристики домохозяйства, социального происхождения, тип поселения и региональные характеристики.

Таблица 5

**Влияние детей (различные спецификации) на женскую занятость и безработицу, женщины 20–54 лет без партнера в домохозяйстве (базовая категория — неактивные), модель 1, отношение шансов**

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	А	Б	В	А	Б	В
<b>Занятые</b>						
Число детей (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве)						
1 ребенок	0,496*	1,640	1,701	0,180***	2,399	2,399
2 детей	0,217***	0,900	1,351	0,174***	3,127	2,553
3 и более детей	0,046***	0,179**	0,272	0,033***	0,917	0,687
Возраст младшего ребенка (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или ребенок в возрасте 14–19 лет)						
Младше 3-х лет	–	0,055***	0,050***	–	0,003***	0,003***
3–5 лет	–	0,173**	0,152**	–	0,066***	0,068***
6–13 лет	–	0,590	0,539	–	0,138***	0,138***
Интервал между рождением младшего ребенка и предыдущего (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или интервал более 7 лет)						
Менее 3-х лет	–	–	0,460*	–	–	1,567
3–4 года	–	–	0,820	–	–	0,945
5–6 лет	–	–	0,654	–	–	2,574
<b>Безработные</b>						
Число детей (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве)						
1 ребенок	0,856	2,289	2,339	0,134***	1,451	1,521

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	А	Б	В	А	Б	В
2 детей	0,507	1,661	1,966	0,257**	3,868	5,666
3 и более детей	0,052***	0,156**	0,184*	0,087**	1,921	2,723
Возраст младшего ребенка (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или ребенок в возрасте 14–19 лет)						
Младше 3-х лет	–	0,084***	0,079***	–	0,009***	0,008***
3–5 лет	–	0,286	0,266	–	0,109**	0,095***
6–13 лет	–	0,712	0,664	–	0,151**	0,157**
Интервал между рождением младшего ребенка и предыдущего (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или интервал более 7 лет)						
Менее 3-х лет	–	–	0,668	–	–	0,882
3–4 года	–	–	0,790	–	–	0,513
5–6 лет	–	–	1,415	–	–	0,336

Таблица 6

**Влияние детей (различные спецификации) на женскую занятость и безработицу, женщины 20–54 лет с партнером в домохозяйстве (базовая категория — неактивные), модель 1, отношение шансов**

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	А	Б	В	А	Б	В
<b>Занятые</b>						
Число детей (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве)						
1 ребенок	0,533***	0,820	0,786	0,554***	1,016	1,069
2 детей	0,313***	0,490**	0,675	0,341***	0,994	1,473
3 и более детей	0,105***	0,169***	0,237***	0,267***	1,048	1,577
Возраст младшего ребенка (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или ребенок в возрасте 14–19 лет)						
Младше 3-х лет	–	0,189***	0,166***	–	0,050***	0,042***
3–5 лет	–	0,866	0,742	–	0,478***	0,423***
6–13 лет	–	1,002	0,876	–	0,716*	0,689*
Интервал между рождением младшего ребенка и предыдущего (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или интервал более 7 лет)						
Менее 3-х лет	–	–	0,465***	–	–	0,521*
3–4 года	–	–	0,709*	–	–	0,865
5–6 лет	–	–	0,682*	–	–	0,554*

Характеристика респондента	Франция			Россия		
	А	Б	В	А	Б	В
<b>Безработные</b>						
Число детей (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве)						
1 ребенок	0,565*	0,579	0,577	0,483***	0,883	0,899
2 детей	0,331***	0,307**	0,461	0,353***	0,969	1,005
3 и более детей	0,181***	0,150***	0,229***	0,281***	1,043	1,083
Возраст младшего ребенка (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или ребенок в возрасте 14–19 лет)						
Младше 3-х лет	–	0,320**	0,274***	–	0,069***	0,066***
3–5 лет	–	2,596**	2,120	–	0,561	0,550
6–13 лет	–	1,420	1,200	–	0,770	0,770
Интервал между рождением младшего ребенка и предыдущего (референтная категория = нет детей респондентки в домохозяйстве или интервал более 7 лет)						
Менее 3-х лет	–	–	0,579*	–	–	0,725
3–4 года	–	–	0,623	–	–	1,468
5–6 лет	–	–	0,434**	–	–	0,790



С. Лефевр, Л. Прокофьева,  
И. Корчагина, В. Станкуние,не,  
М. Гедвилайте, И. Бадурашвили,  
М. Сирбиладзе

## **Роль семьи и общества в межпоколенной солидарности: мнение населения во Франции, Грузии, Литве и России<sup>1</sup>**

*Это сравнительное исследование, проведенное в Грузии, Литве, России и Франции, базируется на результатах специального раздела обследования «Поколение и гендер» (GGS), посвященного мнениям респондентов по широкому кругу проблем семьи и общества в целом. Его цель — анализ мнений по вопросам межпоколенной солидарности и их различий в этих странах. Особое внимание уделяется двум проблемам: первая связана с отношением населения к степени участия семьи и общества в поддержке детей и престарелых, вторая касается мнения о природе и формах межсемейной солидарности. В какой форме она должна проявляться, денежной или натуральной? Какое место межпоколенная семейная помощь занимает в жизни человека? Допустимо ли, когда поддержка близких людей приводит к существенным изменениям жилищных условий или профессиональной карьеры мужчин и женщин? Представляемая статья ставит также вопросы методологии изучения мнений на базе количественного обследования и возможностей межстранового анализа в социальной науке. В то же время она предлагает изучение межпоколенной солидарности как ин-*

---

<sup>1</sup> Печатается по изданию: Lefèvre C., Prokofieva L., Korchaguina I., Stankuniene V., Gedvilaitė M., Badurashvili I., Sirbiladze M. Le rôle de la famille et de la société dans les solidarités intergénérationnelles: comparaison des opinions en France, Géorgie, Lituanie et Russie // Revue d'études comparatives Est-Ouest — RECEO. 2009. Vol. 40. №3–4. Septembre–Décembre. P. 315–346. Перевод Л. М. Прокофьевой.

*дикатора различий семейной структуры, экономического и культурного контекста в четырех странах.*

## **Введение**

Как и множество других социально-демографических опросов, обследование GGS фокусируется на поведении в сфере рождаемости и брачности, календаре этапов жизненного цикла и последствий его изменения для формирования семьи. Оно также предоставляет редкую в такого типа обследованиях возможность изучения некоторых ценностных установок населения в странах проекта; например, мнений опрашиваемых о межпоколенной солидарности и роли семейной поддержки (помощи деньгами или услугами). Использование результатов опроса мнений по этим вопросам в Грузии, Литве, России и Франции позволяет провести сравнительное исследование представлений населения о межсемейной поддержке в этих странах, а также характера и форм отношений, которые связывают представителей разных поколений: детей и родителей, внуков, бабушек и дедушек. Информация о восприятии населением значимости этого явления повседневной жизни является одной из сильных сторон GGS, но она была бы неполной, если бы не сопоставлялась с ожиданиями населения по отношению к обществу и государству. Таким образом, другим преимуществом обследования является комплексный подход к оценке мнений респондентов о поддержке, предоставляемой как в рамках семейной солидарности, так и в социальной сфере. Одной из целей данного исследования является анализ различий во мнениях относительно степени участия семьи и общества в поддержке детей и престарелых. Сравнение условий жизни и состояния социальной сферы разных стран позволяет показать их влияние на ответы респондентов о межсемейной взаимопомощи и роли государственных институтов поддержки наименее защищенных групп населения.

Наше исследование охватывает несколько проблем. Прежде всего оно проливает свет на методологические сложности восприятия вопросов о мнениях, задаваемых в ходе аналогичных опросов в разных странах, что ставит задачу относительной сравнимости оценок мнений и ценностных установок в социологической науке. Кроме того, исследование включает анализ социально-демографических проблем межпоколенной солидарности как индикатора семейной структуры и различий экономического и культурного контекста в странах проекта.

Эти проблемы поднимались уже в других работах. Так, сравнимость результатов в социологической науке (особенно между странами) стала объектом недавних публикаций, общетеоретических и прикладных [Vogour, 2005; Lamont, Thévenot, 2000; Blum, Guérin, 1999]. Наряду с этим, начиная с фундаментальной книги J. Stoetzel [Stoetzel, 1943], представление мнения и проблема интерпретации респондентом вопросов о мнениях и предпочтениях, задаваемых в ходе социологических опросов, исследуются в многочисленных работах, среди которых можно выделить недавние публикации W. Donsbach, M. W. Traugott [Donsbach, Traugott, 2008], Н.-У. Meynaud, D. Duclos [Meynaud, Duclos, 2007]. Однако объединение всех аспектов этой тематики в одном международном сравнительном исследовании встречается крайне редко.

Факторы, способные влиять на солидарность между поколениями, могут рассматриваться в рамках теории, предложенной Martin Kohli [Kohli, 2004], который разделяет микро- и макрофакторы, институциональные и структурные. Мнения и установки на микроуровне рассматриваются как выражение культурной специфики. Однако, как мы уже отмечали, ответы различаются и в зависимости от истории развития институциональной и социальной системы каждой из стран и, в частности, системы социальной защиты в части заботы о стариках и маленьких детях (в форме услуг или материальной поддержки). Мы ставим задачу определить, где начинается специфика каждой из четырех выделенных стран и в какой степени она зависит от существующей институциональной системы и/или индивидуальной ситуации респондентов, притом что в исследованиях мнений и установок всегда сложно различить, что определяется фактом, а что социальными и семейными нормами.

В России социально-экономические трансформации начала 1990-х гг. изменили природу социальных ожиданий населения. Даже в эпоху государственного патернализма советского типа<sup>2</sup> роль государства не сделалась всеобъемлющей, всегда оставались области, где семья, межсемейная поддержка действовали более эффективно — будь то уход за детьми или не способными себя обслуживать престарелыми. В период социально-экономических трансформаций система государственного

---

<sup>2</sup> В числе признаков государственного патернализма этого периода можно назвать распределение жилья государством (и следовательно, отсутствие рынка жилья), низкий уровень затрат населения на жилье и транспорт, субсидирующихся из бюджета, бесплатное здравоохранение и образование, низкая дифференциация зарплаты, высокая зависимость населения от распределительной системы государства [Ovtcharova, Prokofieva, 2007; Lefèvre, 2003].

патернализма была разрушена, в то время как доля семей и групп населения, нуждающихся в социальной поддержке, значительно возросла.

В Грузии межпоколенная солидарность и межсемейные сети поддержки всегда были сильны. Традиция предписывает, чтобы младший сын со своей семьей оставался с родителями и заботился о них в старости. Конечно, эта традиция со временем утрачивается, но она остается глубоко в сознании сельского населения. Более половины домохозяйств в Грузии относятся к сложным<sup>3</sup>, в которых родители и их взрослые дети живут под одной крышей, а домохозяйств одиноко проживающих лиц насчитывается всего 6%. Благодаря этой межпоколенной солидарности население смогло пережить экономический кризис и падение уровня жизни 1990-х гг. Большинство пожилых людей в стране живут в семьях либо своих детей, либо других родственников, поэтому в 2008 г. в стране насчитывалось всего 2 дома для престарелых на 287 мест, в которых проживало лишь 182 человека. Число свободных мест в этих социальных учреждениях говорит о природе потребностей грузинского населения — оно ждет от государства финансовой поддержки, а не создания специализированных учреждений.

Судя по сегодняшней ситуации, именно в Литве социальная политика наиболее сильно регрессировала со времен распада советской системы. Кроме того, вступление в Европейский союз благоприятствовало эмиграции (около 10% населения), особенно молодежи, что негативно отразилось на состоянии межсемейной солидарности и связей между поколениями. Однако в социальной сфере система помощи пожилым не изменилась в той же степени, как помощь детям. Организация помощи пожилым рассматривается как обязательство государства, муниципалитетов, церкви, неправительственных организаций и только потом семейного окружения. Одним из приоритетов в построении этой системы является развитие услуг на дому [Stankuniene, 2004; Zalimiene, 2005]. Таким образом, роль семьи в заботе о престарелых родственниках постоянно уменьшается. В то же время уход за детьми рассматривается как обязанность именно семьи, и уже только потом подключаются детские сады, в большинстве случаев муниципальные или частные. Их число в течение 1990-х гг. существенно уменьшилось,

---

<sup>3</sup> К сложным домохозяйствам мы относим те, которые, помимо семейной ячейки (родители или один из них и дети), содержат других родственников. Речь может идти о совместном проживании одним бюджетом трех или более поколений, а также о вхождении в состав домохозяйства не прямых родственников или неродственников.

но сегодня их возрождение сокращает нагрузку на межпоколенные сети в части ухода за маленькими детьми.

Во Франции социальная поддержка семей с детьми и пожилых наиболее развита по сравнению с тремя другими странами проекта. Существует широкая сеть домов для престарелых и лиц с ограниченными возможностями жизнеобеспечения, конечно, неодинакового качества, но они все оснащены современной медицинской и парамедицинской техникой. Кроме того, Франция ведет активную политику помощи семьям с детьми. По данным барометрического обследования Drees<sup>4</sup>, проведенного в 2006 г., 46% респондентов считают, что солидарность — это прежде всего дело государства и местных органов власти, а семья стоит только на второй позиции: ее называют 39% опрошенных [Boisselot, 2006].

Чтобы глубже понять связь между существующей системой социальной помощи и сформировавшейся системой ценностей, мы использовали данные обследований GGS, проведенных в России в 2004 г., во Франции в 2005 г., в Грузии и Литве в 2006 г. Результаты получены на основе разработки специального модуля о мнениях и ценностных установках (*вставка 1*), расположенного в конце анкеты. На эти вопросы отвечали все участники опроса в каждой стране, т. е. примерно 10 000 человек, мужчин и женщин от 18 до 79 лет<sup>5</sup>.

Представляемый далее дескриптивный анализ сосредоточен на влиянии политического, социально-экономического и культурного контекста на взаимопомощь между поколениями, а также на его отличиях в четырех странах проекта, индивидуальные же характеристики респондентов лишь упоминаются<sup>6</sup>. Наш анализ построен по тематическому принципу: вначале рассматриваются результаты опроса по заботе (материальной и моральной) и уходу за пожилыми людьми со стороны семьи и/или общества, какие формы они могут или должны принимать, по мнению респондентов во всех странах. Затем сравниваются мнения и ожидания в отношении межпоколенной солидарности в заботе о детях и пожилых, для того чтобы дать анализ снижающейся

---

<sup>4</sup> Direction de la recherche, des études, de l'évaluation et des statistiques — Дирекция исследований, оценки и статистики.

<sup>5</sup> Описание обследования дано во ввводной статье настоящего издания.

<sup>6</sup> В другой работе по этой теме, посвященной сравнительному анализу мнений во Франции и России, мы проанализировали влияние некоторых индивидуальных характеристик с помощью логистической регрессионной модели [Lefèvre, Kortchaguina, Prokofieva, 2009].

**Вставка 1. Вопросы анкеты о мнениях  
в отношении межпоколенной солидарности**

Вопросы для исследования по теме:

**1) Общество или семья**

*«Существуют разные мнения о том, как мы должны заботиться о людях. Пожалуйста, скажите о каждом из того, что я Вам буду называть, является ли это делом общества, делом семьи или общества и семьи. Кто у нас должен...»*

- *заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому;*
- *заботиться о детях дошкольного возраста;*
- *заботиться о школьниках, когда они находятся не на уроках в школе;*
- *обеспечивать денежную помощь пожилым людям, живущим очень бедно;*
- *обеспечивать денежную помощь молодым людям с детьми, живущим очень бедно.»*

Было предложено шесть вариантов ответа: преимущественно общество, скорее общество, чем семья, и общество и семья в равной мере, скорее семья, чем общество, преимущественно семья и затрудняюсь ответить. Ответы были сгруппированы в пользу ответственности общества, с одной стороны, и ответственности семьи — с другой. Очень небольшое число респондентов затруднились с ответом, тем более что предлагался и промежуточный вариант ответа.

**2) Уровень одобрения различных форм межсемейной поддержки**

*«Насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями?»*

- *Бабушки и дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать.*
- *Родители должны оказывать денежную помощь своим взрослым детям, если у тех возникают финансовые проблемы.*
- *Если взрослые дети оказываются в затруднительном положении, родители должны изменить свою жизнь так, чтобы помочь детям.*
- *Дети должны брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, когда те нуждаются в помощи.*
- *Дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях.*
- *Когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за это, чем сыновья.*
- *Дети должны оказывать денежную помощь родителям, когда у родителей возникают финансовые проблемы.*
- *Дети должны жить вместе с престарелыми родителями, когда те уже не могут сами ухаживать за собой.*

Было предложено шесть вариантов ответа: полностью согласны, согласны, и да и нет, не согласны, совсем не согласны, затрудняюсь ответить. Ответы были сгруппированы: согласны, с одной стороны, и не согласны — с другой. Число затруднившихся с ответом очень небольшое.

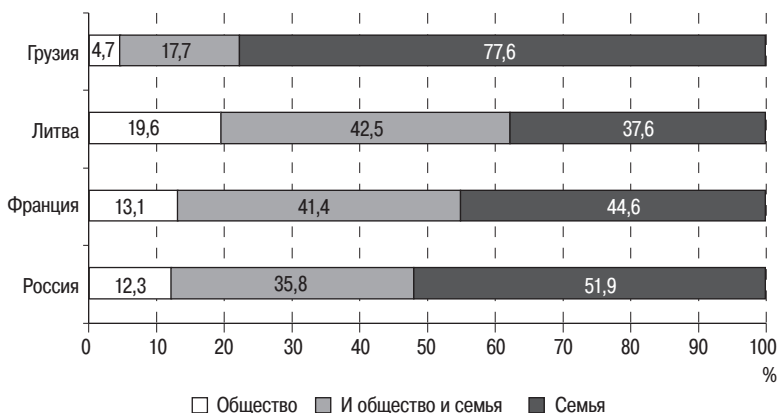
солидарности. Наконец анализируется, насколько вопрос о финансовой поддержке (должна ли она быть обязанностью государства) вызывает похожие ответы во всех странах. В результате предлагается синтез возможных интерпретаций различий между странами.

## **1. Забота о пожилых: немаловажная роль семьи, которая меняется в зависимости от характера помощи в четырех странах**

Сравнение ответов на вопрос «Кто, по вашему мнению, должен заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому?» (рис. 1) показывает, что в Грузии мнение выражено наиболее однозначно: 78% респондентов возлагают эту миссию на семью. В Литве, наоборот, сильны надежды на вмешательство государственной социальной службы. В России и во Франции ответы в основном близки: большинство респондентов высказывается за приоритетную роль семьи против 12–13% тех, кто на первый план выдвигает государственные институты. Таким образом, исключая Грузию, по этому вопросу наблюдается относительно близкая структура ответов: отмечается важная роль семьи в заботе о престарелых, требующих ухода на дому, но вместе с тем общество должно вмешиваться в этот процесс.

*Рисунок 1*

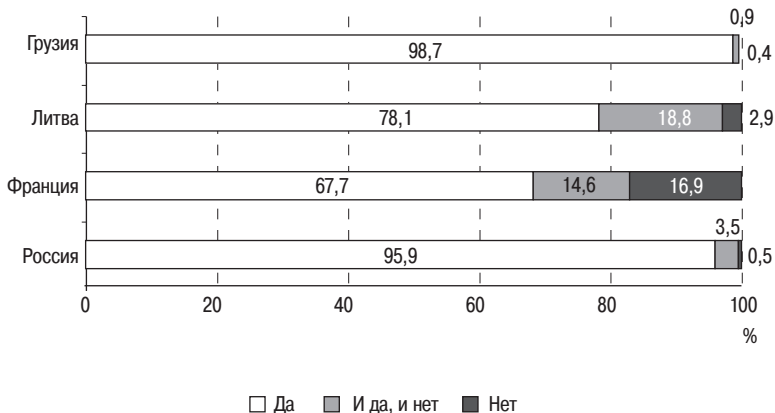
**Ответы респондентов на вопрос: «Кто, по вашему мнению, должен заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому?»**



*Источник:* здесь и для последующих рисунков и таблиц, если не указано иное, GeGGS, 2006; LitGGS, 2006; RusGGS, 2004; FraGGS, 2005.

Рисунок 2

**Согласны ли Вы с утверждением: «Дети должны брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, когда те нуждаются в помощи»?**



Когда респондентам задается вопрос о том, ответственны ли дети за заботу о престарелых родителях, консенсус еще более сильный, так как трудно представить социально оправданный негативный ответ. Даже во Франции, более чем 2/3 опрошенных без колебания ответили, что дети должны брать на себя заботу о родителях, когда они в этом нуждаются (рис. 2).

Таким образом, вопрос, заданный в общей и абстрактной форме, мало дифференцирует страны. Результаты оказываются различными, когда предлагаются конкретные формы поддержки пожилых родителей со стороны их взрослых детей и их очевидные последствия.

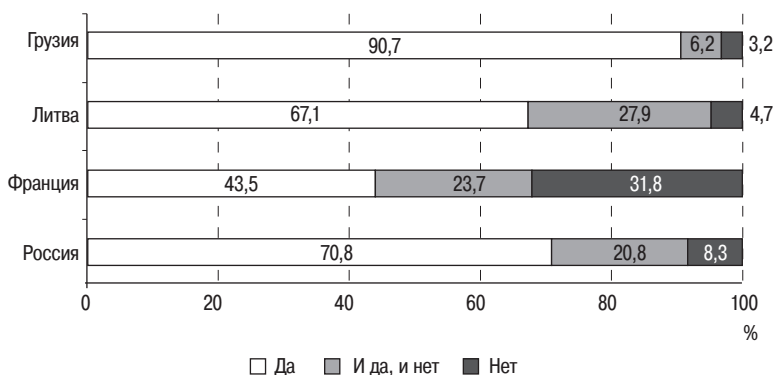
### ***Жить вместе с родителями...***

Когда пожилые родители не могут больше жить одни и обходиться без посторонней помощи, один из возможных вариантов выхода из этой ситуации видится в совместном с ними проживании. Как и в предыдущем вопросе, здесь можно выделить три типа мнений: с одной стороны Грузия, где с такой идеей согласны 9 из 10 респондентов; затем Россия и Литва — согласны 2/3 ответивших, и только менее половины во Франции. Франция отличается и самой высокой долей тех, кто активно не принимает такой вид поддержки: треть респондентов считают, что дети не должны жить совместно с родителями, если те не могут больше жить одни (рис. 3).



Рисунок 3

**Согласны ли Вы с утверждением: «Дети должны жить с престарелыми родителями, когда те уже не могут сами ухаживать за собой»?**



Такое различие в ответах, безусловно, отражает разброс мнений, но вместе с тем и объективную ситуацию в каждой из стран. В Грузии и России совместное проживание с родителями — довольно часто встречающееся явление: высока доля так называемых сложных домохозяйств, объединяющих несколько поколений и выходящих за рамки простой семейной ячейки, состоящей из родителей и их несовершеннолетних детей. Так, по данным обследования GGS, в Грузии доля сложных домохозяйств составляет 50% всех домохозяйств, в России — 23%, в Литве — 10% и только 5% во Франции. В то же время домохозяйства, состоящие из одного человека, гораздо реже встречаются в Грузии (6%), чем в России (17%), Литве (22%) и, особенно, во Франции (26%).

Данные по категориям домохозяйств отсылают нас к анализу Эммануэля Тодда [Todd, 1990, 1999], который выделял четыре крупных типа семейных структур<sup>7</sup>. Первый — общинная семья, семейная структура с авторитарным типом отношений между родителями и детьми и эгалитарными отношениями между братьями и сестрами. Во втором типе (родовая семья) отношения между родителями и детьми также базируются на авторитарном принципе, но уже нет эгалитарных отношений между братьями и сестрами. Третий тип — нуклеарная семья,

<sup>7</sup> Классификация Э. Тодда базируется на двух основных принципах: как устроены отношения между родителями и детьми (авторитарные или либеральные) и отношения между братьями и сестрами (эгалитарные или неэгалитарные). На характер последних влияет, в частности, порядок наследования: распределяется ли наследство поровну между всеми детьми или все достается кому-то одному из детей. — Прим. ред.

где отношения между родителями и детьми, по терминологии Тодда, носят либеральный характер: они не живут больше вместе, их автономия уважается, а отношения между братьями и сестрами носят эгалитарный характер. Наконец, четвертый тип соответствует абсолютной нуклеарной семье со, скорее всего, неэгалитарным характером отношений между братьями и сестрами.

Модель общинной семьи, по нашему мнению, в большой степени представляет российский случай. Однако необходимо с осторожностью подходить к этому утверждению, учитывая существующее разнообразие образа жизни городского и сельского населения, региональные особенности, а также сложности с получением жилья молодыми семьями в советский период и высокой ценой на нее в сегодняшней России. В Грузии, в стране по преимуществу сельской [Dragadzé, 1988], наблюдается ситуация совмещения общинной и родовой семьи. Во Франции превалирует нуклеарная эгалитарная семья, тогда как Литва находится на перекрестке различных влияний — нордических, европейских и католических, с одной стороны, сельских и общинных — с другой. Совместное проживание под одной крышей нескольких поколений и, в частности, жизнь вместе с пожилыми родителями можно характеризовать как культурно и антропологически своеобразную структуру населения, часто наталкивающуюся на изменения условий доступа к жилью и национальной системы социальной защиты в целом.

Неразвитость сети домов для престарелых в трех бывших республиках СССР по сравнению с Францией также помогает объяснить различия в ответах по поводу совместного проживания с пожилыми родителями. Свое влияние оказывает и относительно низкий уровень пенсий, который не позволяет, например, платить за помощь приходящей помощницы, что во Франции является довольно распространенным вариантом. Из четырех стран проекта только во Франции существует (с 2002 г.) персонифицированное пособие автономности (l'allocation personnalisée d'autonomie — APA), которое предоставляется лицам старше 60 лет, живущим дома или в специальных социальных учреждениях и имеющим ограничения в жизнедеятельности [Espagnol, 2007]. Это государственное пособие, средний размер которого в 2007 г. составлял 450 евро в месяц, варьирует в зависимости от дохода получателя и степени ограничения жизнедеятельности. В 2007 г. его получили 1 млн человек. Кроме чисто финансовой составляющей, эта поддержка представляет собой законодательное подтверждение идеи, что именно общество играет основную роль в заботе о пожилых людях, не спо-

собных уже самостоятельно себя обслуживать, что отчасти объясняет распределение ответов в обследовании FraGGS во Франции.

В России государственные учреждения, принимающие пожилых людей с ограниченной способностью жизнедеятельности, немногочисленны и плохо оборудованы, а некоторое количество возникших в последние годы частных учреждений стоят дорого. В то же время существует развитая сеть социальных услуг пожилым людям на дому через социальных работников, куда чаще всего входит помощь в снабжении продуктами, сопровождение на прием к врачу, помощь в составлении необходимых документов в разные официальные инстанции, например в социальную защиту, но в список бесплатных услуг не входит уборка дома. Эти виды помощи оказываются только пожилым, живущим отдельно от родственников или не имеющим родственников, и больше развиты в городах, но не в сельской местности. В случае, когда семья нанимает помощника и платит за услуги по уходу за престарелыми на дому, это рассматривается как помощь семьи, частное дело, не связанное с участием государства или общества.

По сравнению с другими странами Европы [Galland, Lemel, 2007] такая картина мнений сближает российское население скорее с традиционным представлением европейского Юга в противоположность крайне «государственнической» точке зрения, высказываемой в Скандинавских странах. По данным обследования «Евробарометр» 1995 г.<sup>8</sup>, уже довольно старым, но всегда актуальным, можно выделить два типа мнений и ожиданий. Подавляющее большинство шведов (80%) отдает предпочтение специальным учреждениям, где уход осуществляется при значительной финансовой поддержке государства и общественных институтов. В то же время в Греции ситуация обратная, и такая же доля населения высказывается в пользу семьи, что связано с отсутствием соответствующей инфраструктуры, а также, что особенно важно, с признанием долга семьи заботиться о своих стариках [Valetas, 2001]. Греция и Грузия придерживаются похожих точек зрения.

В Грузии респонденты высказываются однозначно, в какой бы форме ни задавался вопрос: дети обязаны помогать родителям, и это можно назвать традиционным культурным кодом грузинского общества. В основе такого единодушного мнения лежит сложившаяся система семейной организации, где сосуществуют вместе несколько поколений

---

<sup>8</sup> Начиная с 1973 г. Европейская комиссия проводит регулярные опросы общественного мнения в разных странах — членах ЕС, в частности с помощью обследования «Евробарометр» ([http://ec.europa.eu/public\\_opinion/index\\_fr.htm](http://ec.europa.eu/public_opinion/index_fr.htm)).

семей и, отчасти, отсутствие социальной помощи детям и престарелым. Общественное мнение в России тоже осуждает детей, которые помещают своих пожилых родителей в дом престарелых, где не может быть обеспечен нормальный уход. При этом в России высокий уровень занятости женщин не способствует межпоколенной солидарности, поскольку здесь, как и в странах юга Европы и в Грузии, считается, что именно женщины должны брать на себя заботу о престарелых, и в большинстве случаев они это делают.

В Литве домов для престарелых немного, хотя начиная с 1990-х гг. развиваются три вида этих учреждений: муниципальные, частные и католические (принадлежащие церкви). Не считая роскошных домов для богатых, в большинстве своем эти учреждения не предоставляют услуги высокого качества. Помощь на дому также имеет место, но развития она недостаточно [Socialiniu tyrimu institutes, 2004; Zalimiené, 2005]. В 2000 г. только 1% населения в возрасте 65 лет и старше жили в социальных учреждениях (в Швеции эта доля составляла 8,6%, в Дании — 9%, а в Норвегии — 11,8%). Такая же доля (1%) населения старше 65 лет пользовалась помощью на дому (в Швеции — 8,2%, Норвегии — 11,8%, Дании — 24,6% [Nordic Social Statistical Committee, 2003]). В контексте повышения престижа индивидуализма, автономии каждого, индивидуальной ответственности в профессиональной и частной жизни в Литве уменьшается роль семьи и семейной солидарности. Этот процесс усилился в последние 10 лет с ростом миграции [Ministry of Social Security and Labour, 2008], когда значительное число молодых людей уехало из сел в города, оставив стариков без необходимой поддержки. Как и в России, некоторые семьи оплачивают услуги по уходу за пожилыми, но часто это теньевая занятость, не предполагающая необходимого контроля со стороны социальных служб.

### ***Изменить свою профессиональную жизнь...***

Вопрос о необходимости изменения профессиональной жизни так, чтобы она не мешала заботиться о престарелых родственниках, выступает еще одной линией различий между странами проекта. В России и Грузии около 60–80% населения согласны с этой идеей. В то же время во Франции более чем 3/4 респондентов категорически не согласны с этим. В Литве также значительная часть населения не поддерживает идею о том, что дети должны менять свои профессиональные планы, чтобы ухаживать за престарелыми родителями: 41% категорически против и примерно столько же не определились окончательно (рис. 4).

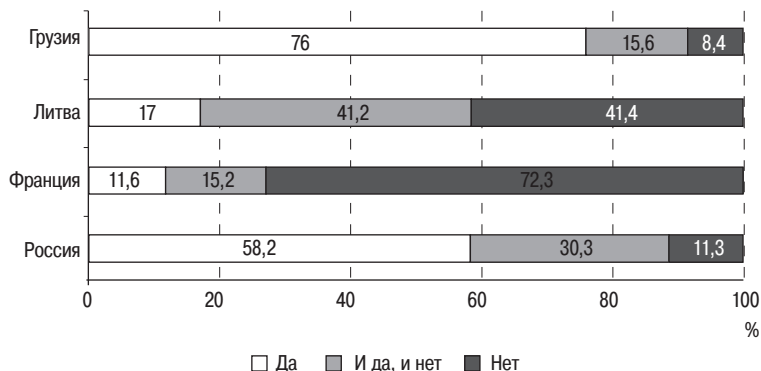
Вероятно, отвечая на этот вопрос, респонденты высказывались не столько по поводу места и роли межсемейной солидарности в заботе о престарелых, сколько выражали свое восприятие проблем доступа к рынку труда, своей профессиональной мобильности. Впрочем, понятие изменения профессиональной жизни также можно воспринимать по-разному. Для одних это означает уход с рынка труда для того, чтобы посвятить больше времени уходу за родителями. Для других, наоборот, нужно сделать все, чтобы закрепиться на рабочем месте, активно продвигаться в карьере и, следовательно, иметь возможность дополнительного финансирования для качественного ухода за пожилыми родителями. Во Франции, например, занятые в экономике, вместо того чтобы самим заниматься повседневным уходом за престарелыми родителями, видят другой путь их поддержки: найти и оплатить наилучшие услуги по уходу и обслуживанию.

В Литве процесс эмиграции, интеграции в ЕС и развитие рынка труда при ослаблении социальных регуляторов действует в том же направлении, что и во Франции: занятые в экономике прежде всего должны сохранить свое место работы и расти профессионально, если они хотят при необходимости помогать родителям.

В России безработица остается довольно не высокой, а мобильность рынка труда относительно высока. До 2008 г. смена профессии или типа занятости не была задачей ни очень сложной, ни безнадежной, и поэтому, вероятно, такое большое число респондентов благосклонно относятся к утверждению о возможности для детей изменить свою профессиональную жизнь, если это нужно пожилым родителям.

*Рисунок 4*

**Согласны ли Вы с утверждением: «Дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях?»**



Наконец, в Грузии массовая поддержка идеи перестройки профессиональной жизни детей для помощи родителям объясняется несколькими факторами. Первый связан с традиционностью расширенных многопоколенных семей, распространенностью сельской занятости, а также развитым теневым бизнесом. Это делает более легким изменение профессиональной активности тех членов домохозяйства, для которых это проще сделать, главным образом для женщин. Второй фактор связан с усилением миграционной активности населения как внутри страны, так и за ее пределы. Трудовая эмиграция — явление, имеющее значительное влияние в сегодняшней Грузии: по оценкам Всемирного банка, в 2005 г. это касалось 1 млн человек, или 23% населения страны. В 2006 г. средства, которые присылались трудовыми мигрантами домой из-за границы, составили 6,5% ВВП<sup>9</sup>. Получающие эти средства семьи в меньшей степени зависят от карьерного успеха оставшихся в стране взрослых членов домохозяйства, что позволяет им легче отнестись к снижению профессионального статуса.

### ***Один гендерный вопрос...***

Различные виды поддержки пожилых родителей, которые не могут уже обходиться без посторонней помощи — будь то совместное с ними проживание или изменения в профессиональной жизни, могут по-разному затрагивать мужчин и женщин. Отношение общества к самоотверженности, которую ждут от детей, также может варьировать в зависимости от того, идет ли речь о сыне или дочери.

Чтобы осветить в сравнительном плане эту проблему, респондентам было предложено выразить свое отношение к тому, что дочери должны брать на себя большую ответственность за помощь родителям, чем сыновья. Доля респондентов, согласившихся с этим утверждением, составила 38% в России, 33% в Грузии, 23% в Литве и только 9% во Франции (*рис. 5*). Этот результат иллюстрирует разрыв, особенно значительный в России, между асимметричной реальностью семейных обязательств в повседневной жизни между мужчинами и женщинами, с одной стороны, и декларируемым десятилетиями равенством прав между полами — с другой.

Кроме того, само понятие «заниматься пожилыми людьми» по-разному понимается в России и Франции, и эта разница конкрет-

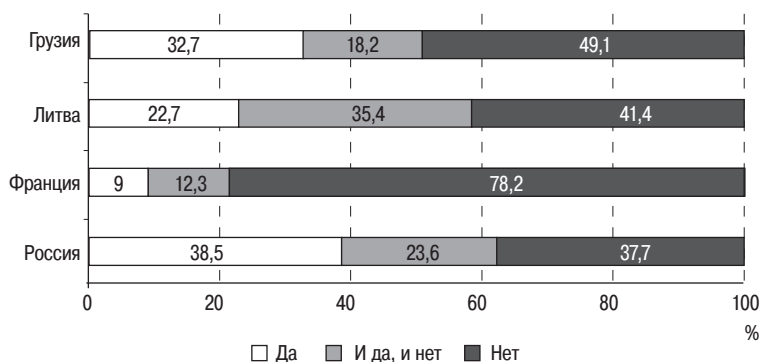
---

<sup>9</sup> Источник: <http://siteresources.worldbank.org/INTPROSPECTS/Resources/334934-1181678518183/Georgia.pdf>

См. также: International Organization for Migration, Migration in Georgia: A Country Profile 2008; <http://publications.iom.int/bookstore/index.php>

Рисунок 5

**Согласны ли Вы с утверждением: «Дочери больше, чем сыновья, ответственны за помощь престарелым родителям?»**



ной составляющей понятия делает наглядными ответы на гендерный вопрос. Для российских респондентов это означает конкретную заботу, повседневный уход для обеспечения жизнедеятельности пожилого человека, не способного уже себя обслуживать, тогда как для респондента во Франции это может означать помощь пожилому человеку найти и оплатить услуги специальных служб на дому или в социальных учреждениях, которые соответствуют состоянию его здоровья, и эта забота должна поровну делиться между сыновьями и дочерьми. Можно также предполагать, что для российских респондентов это в большей степени констатация существующей практики, реальных ситуаций, тогда как во Франции это ответ о принципе, о равенстве.

В Грузии существует иная концепция понятия «заботы о пожилых». Относительно небольшая доля (треть) ответивших согласна с большей ответственностью дочерей в уходе за старшим поколением, а половина с этим не согласна. Такое распределение ответов объясняется тем, что, следуя традиции, когда в грузинской семье встает вопрос об уходе за пожилыми родителями, с ними живет и ими занимается младший сын, а не дочери.

## **2. Заботиться о детях: везде ответственность семьи больше, чем общества, но ответы в Грузии и Франции различаются значительно**

По вопросу «Кто должен заботиться о детях-школьниках, когда они не в школе, семья или общество?» ответственность семьи поддерживает большинство респондентов во всех странах проекта, однако в Гру-

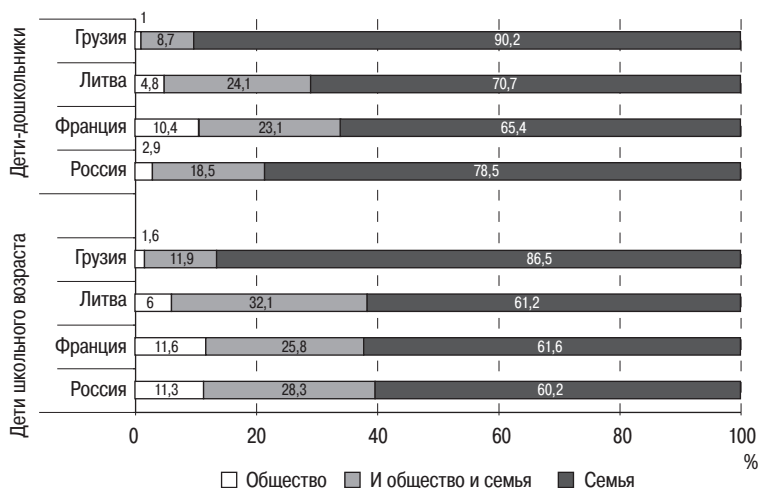
зии семье отводится почти эксклюзивная роль (рис. 6). Более 60% ответивших во Франции, России и Литве указывают, что детьми в первую очередь должна заниматься семья. Обратную точку зрения («это роль общества») высказывают соответственно 12, 11 и 6% респондентов. Причем чем младше ребенок в семье респондента, тем чаще отмечается необходимость участия семьи в заботе о детях-школьниках.

Необходимо отметить, что в разных странах понятие школьного возраста не однозначно. Во Франции материнские школы (аналог детского сада) относятся к Министерству образования, они принимают детей с 3-х лет и до 6. Они не являются обязательным этапом социализации детей и бесплатны. В трех других странах существуют детские сады, принимающие детей до 6 лет, но они не считаются школой. В интерпретации ответов это усиливает особенность Франции: для трети отвечавших общество должно брать на себя заботу о дошкольниках, т. е. моложе 3-х лет. В других странах имеется в виду возраст до 6 лет и отмечается почти полная ответственность семьи. Конечно, ответы отчасти объясняются типом и развитостью системы дошкольных учреждений и ухода за детьми дошкольниками в каждой из четырех стран.

В Грузии (рис. 7а) после значительного снижения в начале 1990-х гг. доля детей, посещающих дошкольные учреждения, находилась на относительно стабильном уровне в отношении детей до 3-х лет и даже увеличилась для детей от 3-х до 6 лет (до 50% в 2005 г.). Однако

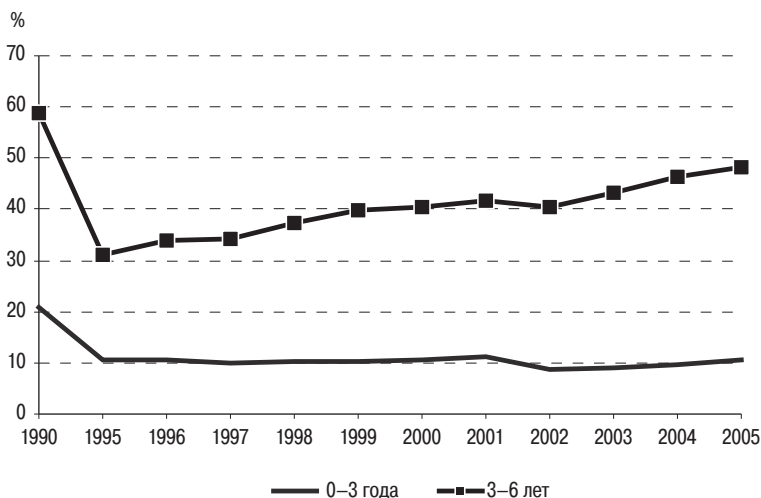
Рисунок 6

Ответы респондентов на вопрос «Кто должен заботиться о детях?»





**Изменение доли детей, посещающих детские дошкольные учреждения в Грузии (1990–2005)**



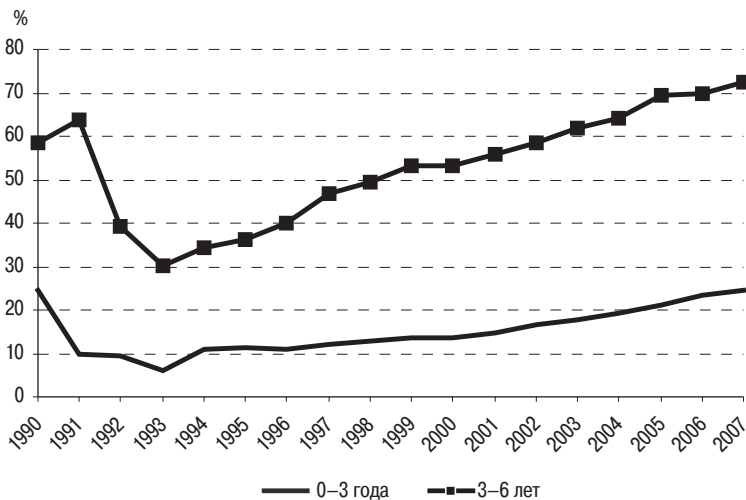
Источник: Для 1990–2001 гг. — Education, Science and Culture in Georgia, State Department for Statistics of Georgia. — Tbilisi, 2003. P. 25. Для 2002–2005 гг. — Education, Science and Culture in Georgia, Ministry of Economic Development of Georgia, Department of Statistics. — Tbilisi, 2006. P. 55.

по сравнению с другими странами эта доля относительно низка. В Грузии детские сады и, тем более, ясли для самых маленьких никогда не были популярны, в большинстве случаев дети посещают детские сады/ясли с 2-х лет. Широкое распространение многопоколенных семей, где присутствуют дедушки и бабушки, которым и доверяют уход за детьми, объясняет сохраняющуюся невостребованность дошкольных учреждений.

В Литве много яслей и детских садов было закрыто (рис. 7б), особенно в малых городах, вследствие политики консерваторов в начале 1990-х гг., провозгласивших стремление к традиционной организации семьи, желание «вернуть женщин в дом». Семейная политика также двигалась в этом направлении, о чем свидетельствует, например, динамика размера оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком<sup>10</sup>.

<sup>10</sup> В 2006 г. размер пособия родителю, прекращающему работу по уходу за ребенком до 1 года, составлял 70% от его заработной платы. В 2008 г. он превысил 100% в течение первого года жизни ребенка и 85% в течение второго. В связи с экономическим кризисом размер пособия пересматривается в сторону снижения с июня 2010 г.

**Изменение доли детей, посещающих детские дошкольные учреждения в Литве**



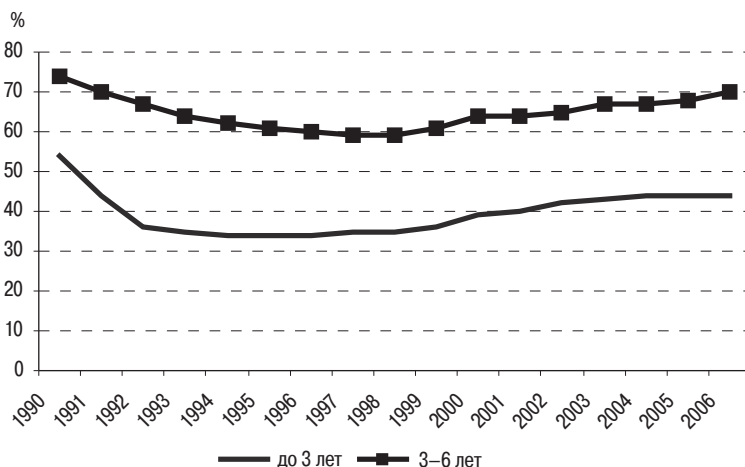
Источники: Lietuvos ikimokyklinės ir kitos istaigos (1991, 1992, 1993, 1994). Statistikos biuletėniai. Vilnius: Statistikos departamentas; Svetimas [Education]. — Vilnius: Statistikos departamentas/Statistics Lithuania, 1999, 2006.

Несмотря на продолжающиеся разговоры о традиционной семье, число детских садов (для детей от 3-х до 6 лет) и, в меньшей степени, яслей (до 3-х лет) понемногу увеличивается. Это относится к крупным городам, тогда как в небольших городах и селах таких учреждений практически нет. Причинами невозможности открытия здесь новых садов/яслей являются низкая рождаемость и малое число детей в каждом населенном пункте. В то же время родители все чаще и чаще обращаются к услугам нянь для детей в возрасте до 3-х лет. В условиях сильной эмиграции молодежи женщины представляют значительную группу на рынке труда, и семьи без межсемейной поддержки по уходу за детьми вынуждены прибегать к помощи различных социальных служб. По данным 2001 г., только 18% детей в возрасте до 3-х лет и 14% детей старше этого возраста находились на попечении семейного окружения, главным образом бабушек [Stankuniene et al., 2005].

В России (рис. 76) в начале 1990-х гг. доля детей в детских учреждениях также значительно упала, и только к концу века тенденция поменялась, однако и сейчас дореформенный уровень еще не достигнут. Тому несколько причин. Прежде всего значительное снижение рождае-

Рисунок 7 в

**Изменение доли детей, посещающих детские дошкольные учреждения в России**



Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России, 2000. С. 364; 2008. С. 360.

мости и относительное уменьшение числа детских учреждений, рост стоимости их услуг и снижение качества большинства из них. Одновременно сохраняется недоверие населения к яслям; для маленьких детей предпочтительнее обращение к частной сфере или уход женщины-матери в отпуск по уходу за ребенком. Традиционная роль бабушек сохраняется и усиливается.

Во Франции ситуация иная: существует значительный разрыв между возможностью дошкольного воспитания самых маленьких (до 3-х лет) и детей старше 3-х лет<sup>11</sup>. Ясли могут принимать небольшое число детей, но что касается детских садов начиная с 3-х, а иногда и с 2-х лет это распространенный и востребованный вид детских дошкольных учреждений. Более 90% детей до 3-х лет посещают детский сад, что является французской спецификой. В то же время в 2006 г. коллективные ясли принимали только 11% детей от 4 месяцев до 3-х лет. Около 24% детей этого возраста находятся под присмотром нянь, которые, по закону, могут одновременно ухаживать не более чем за тремя детьми.

<sup>11</sup> Данные по Франции базируются на статистическом отчете Информационного центра по изучению детства «Обеспечение приема малолетних детей в дошкольные учреждения в 2007». [www.caf.fr](http://www.caf.fr), рубрика публикации, информация о малолетних детях.

Менее чем 2% детей находятся дома с другими родственниками, а 7% посещают детские сады. Таким образом, только 56% детей в возрасте до 3-х лет находятся с родителями, в основном с матерью. Кроме того, во Франции существуют детские сады, муниципальные или частные, принимающие детей начиная с 2-летнего возраста, но их очень мало.

В результате, если респонденты во Франции относительно чаще говорят, что заботиться о детях-дошкольниках — это обязанность общества, это не значит, что в реальности детские учреждения для детей от 1 года до 3-х лет более развиты. Доля маленьких детей в яслях во Франции примерно такая же, как в Грузии (10%), в Литве она составляет 20%, в России — более 40%<sup>12</sup>. Но верно и то, что во Франции общество участвует в организации неколлективных форм ухода за малолетними детьми через специальное пособие, предусмотренное на оплату няни или приглашения ее на дом, учитывая желание семей доверять детей специально обученным работникам, имеющим сертификат социальной службы.

Напротив, то, что в трех остальных странах проекта, несмотря на широкую сеть дошкольных учреждений, наблюдается высокая доля ответивших, что только семья должна заботиться о маленьких детях, можно объяснить желанием поддержать частный характер проблемы ухода за детьми и их воспитания. Это мнение может быть реакцией на советское прошлое или связано с расширением индивидуализма и либерализма.

### ***Когда дети становятся взрослыми, до какой степени им помогать?***

Если ответственность родителей перед своими малолетними детьми не вызывает сомнения, то в момент их перехода во взрослый возраст эта нисходящая солидарность должна трансформироваться. Родителям не всегда легко понять, нужно ли помогать и как. Кроме того, взрослые дети становятся потенциальными помощниками для родителей, что делает межсемейную солидарность более симметричной, но и более сложной.

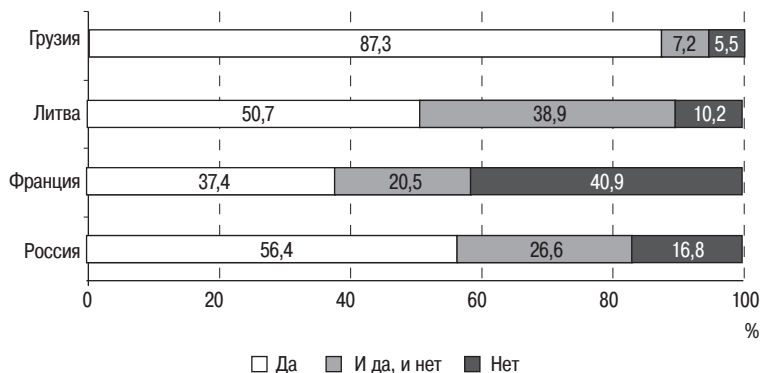
Идея о необходимости родителям изменить профессиональную жизнь, чтобы помочь своим взрослым детям, во Франции, в отличие от трех других стран, имеет негативный отклик — против этого 41% респондентов (*рис. 8*). Однако эта доля ниже, чем в случае обратного вопроса (*рис. 4*), хотя он и не полностью сравним: 73% респондентов не поддерживают

---

<sup>12</sup> Статистические данные по Франции, Грузии и Литве публикуются для детей в возрасте 0–2 лет, по России — для детей в возрасте 1–2 лет. — *Прим. ред.*

Рисунок 8

**Согласны ли Вы с утверждением: «Если взрослые дети оказываются в затруднительном положении, родители должны изменить свою жизнь так, чтобы помочь детям?»**



идею о том, что дети должны изменить свою профессиональную жизнь, если это нужно для ухода за родителями. Таким образом, во Франции поддерживается приоритет обязательств родителей перед детьми. В неявном виде проявляется надежда на умеренную помощь от родителей к детям, что связано с большими надеждами на социальные институты и стабильность экономики, чем на межсемейную солидарность.

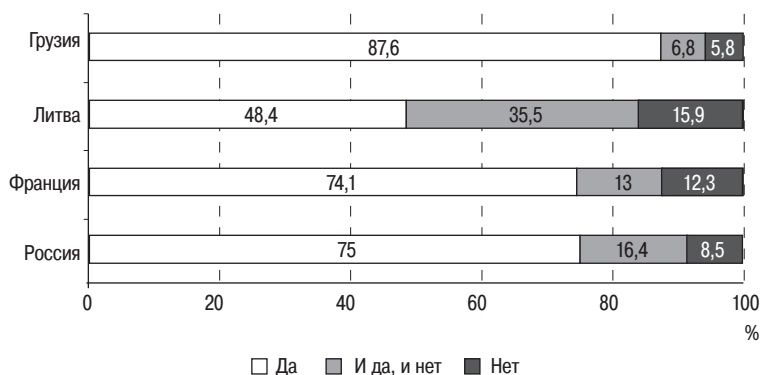
В Литве половина респондентов (51%) считает, что родители должны изменить свой образ жизни ради взрослых детей, но 39% не знают, как лучше поступить. Этот ответ выражает трудность выбора между желанием помочь детям и пониманием невозможности помочь в сегодняшней экономической ситуации. В целом, молодое поколение (взрослые дети) имеют доходы, намного превышающие доходы их родителей [Ivaskaite-Tamosiun, Lazutka, 2008].

### **Помогать внукам вместо их родителей?**

По вопросу о возможности старших родственников заменить детям помощь их родителей, Франция не отличается от других стран (рис. 9). Если речь идет о помощи внукам со стороны бабушек/дедушек, 3/4 респондентов во Франции, как и в России, отвечают положительно. Не означает ли это, что они согласны помогать своим потомкам, пока еще молоды, в форме покровительственной солидарности, но не согласны им помогать, когда они уже взрослые?

В Грузии ответы явно согласуются с традиционностью образа жизни: 87% ответивших положительно оценивают такой вид поведения,

**Согласны ли Вы с утверждением: «Бабушки и дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать?»**



и это абсолютно нормально, поскольку в реальной жизни больших многопоколенных семей так и происходит.

Ответы на этот вопрос в Литве требуют более пристального анализа: больше половины респондентов ответили отрицательно или колебались в ответе («и да, и нет») — соответственно 16% и 36%. В этой связи необходимо напомнить, что в силу активной эмиграции молодежи за границу или в крупные города страны доля сложных многопоколенных семей здесь уменьшается. Означает ли это, что полученные ответы можно интерпретировать как констатацию того, что старшие родственники отдалены от внуков и в любом случае не могли бы им помогать? Вместе с тем старшие родственники часто еще работают, когда рождаются внуки, и занятие с ними означает резкие изменения в профессиональной сфере. Очевидно, что ответы вызваны скорее сегодняшней ситуацией (в частности географическим отдалением и слабой возможностью помощи), чем системой ценностей. К этому добавляется и различие в интерпретации вопроса в Литве по сравнению с другими странами проекта (*вставка 2*).

### **3. Финансовая помощь: ожидание населения денежной помощи государства**

На вопрос о том, кто — общество или семья — должен материально помогать пожилым людям или молодым семьям, оказывающимся в тяжелом положении, во всех странах относительное большинство отвечает, что это обязанность общества (*рис. 10*). Особенно это про-

## Вставка 2. Перевод вопросов во всех странах

Во всех исследованиях, проводимых в нескольких странах разного культурного и лингвистического ареала, возникает проблема перевода как условия для сравнения результатов. Это был один из первых вопросов, который мы обсудили в начале совместной работы по проекту. Насколько однозначны в переводе основные используемые термины? И выражают ли они один и тот же смысл в контексте национального языка?

### *Общество/семья*

В анализе ответов на вопрос об ответственности общества или семьи в заботе о детях и пожилых людях важно быть уверенным, что слово «общество» понимается респондентами как синоним слову государство, государственной системе социальной защиты и социального обслуживания, как выражение институциональной коллективной солидарности. Именно таков был смысл этого слова, заложенный в вопроснике, тогда как в другом контексте его можно понять и как противовес государству. Представляется, что в четырех странах это слово понималось одинаково.

### *Обеспечивать*

### *Заботиться*

Не менее важно то, насколько используемые слова «обеспечивать» и «заботиться» означают в разных странах одинаковую степень обязательств, так как в противном случае это могло бы объяснять разницу в ответах. На наш взгляд, значительный разрыв в ответах в Грузии и во Франции происходит не от того, насколько сильное звучание в национальной анкете имеют слова, обозначающие обязательства.

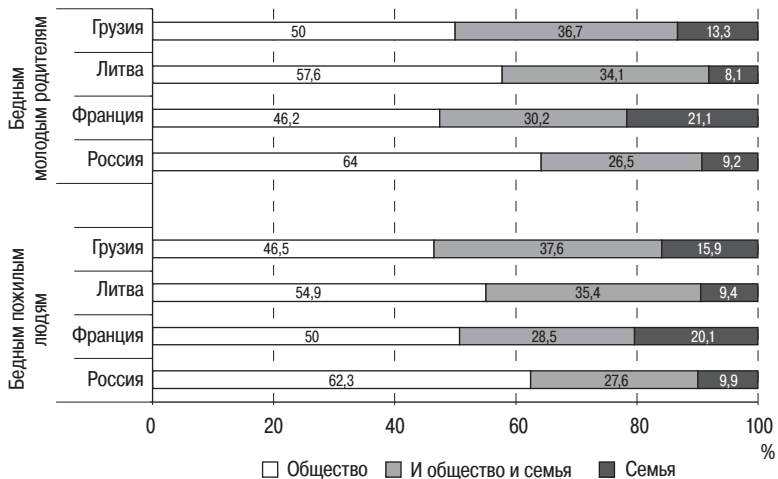
Наконец, формулировка «изменить свою жизнь» имеет в каждой из четырех стран действительно достаточно сильный (но примерно одинаковый) смысл, объясняющий реальное изменение в ее организации и жизненном выборе.

Однако утверждение о том, что *«бабушки/дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать»*, в Литве могло быть интерпретировано иначе, что объясняет различие ответов. Во Франции, России и Грузии тот факт, что старшие родственники заботятся о внуках, предполагает неспособность родителей за ними ухаживать или их отсутствие, т. е. некоторую экстремальную ситуацию и долговременный процесс. В России использовали слово «заботиться», тогда как в Литве используемое слово скорее можно перевести как «присматривать», что понимается скорее как временный уход, от случая к случаю, например, когда родителей нет дома. Поэтому респонденты в Литве чаще отвечают негативно, имея в виду реальную ситуацию (например, когда старшие родственники живут далеко от внуков).

В ходе анализа мы пришли к выводу, что неправильно было бы приписывать большие расхождения в ответах на вопросы в разных странах их переводу или интерпретации. Но проблема однозначного понимания вопросов населением и резонанса, который могут иметь некоторые слова на каждого респондента, конечно, остается, как и во всех других обследованиях.

является в России, где чаще отмечаются претензии населения к финансовой поддержке со стороны государства в форме денежных выплат для бедных пожилых людей и молодежи.

**Ответы респондентов на вопрос «Кто (общество или семья) должен оказывать финансовую помощь?»**



В странах Европы убеждение, что семья должна взять на себя уход за пожилыми людьми ограниченной жизнедеятельности, вместе с тем не означает неприятия полного или частичного государственного финансирования ухода за стариками и людьми с ограниченными возможностями жизнедеятельности, особенно с учетом повышения продолжительности жизни в европейских странах. Данные обследования «Евробарометр» показали, что, по мнению большинства европейцев (60%), в случае болезни или ограничения жизнедеятельности пожилые люди должны получать финансовую поддержку государства или общества для того, чтобы оплачивать помощь специализированных учреждений. Во Франции так ответила половина опрошенных [Valetas, 2001].

В обследовании GGS подавляющее большинство респондентов во Франции, как и в остальных странах, считают, что общество должно играть основную роль в финансовой поддержке пожилых людей, которые в этом нуждаются. Это свидетельствует о концепции разделения ролей: уход на дому отдается в обязательства семьи, а материальная помощь бедным пожилым людям должна осуществляться государством. Утверждение, согласно которому общество должно обеспечить значительную часть материальной помощи, поддерживается 2/3 респондентов в России и половиной во Франции. Только 10% ре-



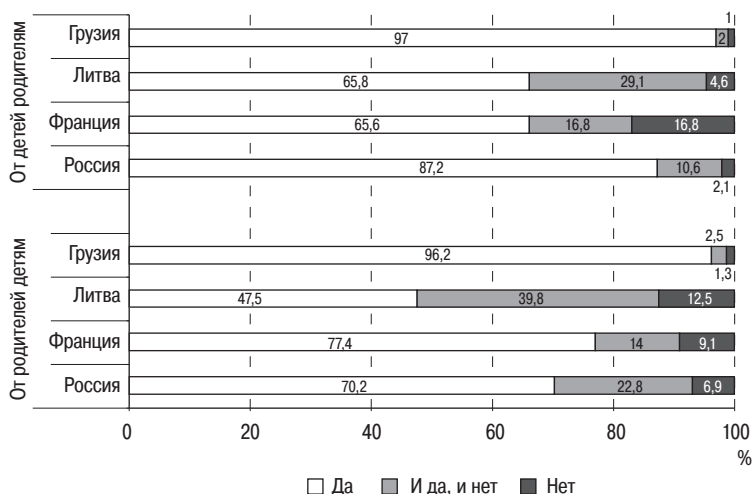
спондентов в России, но 20% во Франции относят это исключительно к обязательствам семьи.

В Литве, как в России и Грузии, государство рассматривается как виновник бедственного положения людей — от него ждут денежной поддержки. В России это ожидание особенно сильно, так как для большинства опрошенных в низких доходах населения виновата именно государственная политика в области пенсионного обеспечения и заработной платы, а также политика занятости. Бедность пожилых людей напрямую зависит от уровня пенсий. Исследования динамики реального размера пенсий в России показывают, что за период реформ положение пенсионеров ухудшилось: реальный размер пенсии к 2005 г. достиг только 59% от уровня 1991 г. Минимальный размер трудовой пенсии по старости в 2004 г. составил треть от величины прожиточного минимума, а средняя пенсия по старости лишь на 19,7% превысила официальную линию бедности для пенсионера. [Siniavskaja, 2006]. Единственной возможностью для пенсионеров увеличить свои доходы является занятость, когда разрешено получение двух видов дохода (пенсии и заработной платы) одновременно. Специальные исследования показывают, что занятость пенсионеров характерна главным образом для первых 5 лет после выхода на пенсию [Rohtchine, 1999]. Похожая ситуация складывается в Литве, где практически не существуют ни системы пенсионного накопления, ни прибавки к пенсии, а частные пенсионные фонды еще очень редки. Уровень пенсий невысок (в среднем размер эквивалентен 40% от средней заработной платы [Lazutka, 2006]), и все зависит от государства, которое их должно повышать.

Кроме того, в Литве и России высокая доля респондентов (55% и 62%) высказываются за помощь общества молодым родителям, попавшим в трудную ситуацию, что можно назвать эхом патерналистской ориентации советского периода. Сегодня она продолжается в форме политики поощрения рождаемости, которая предусматривает материальную помощь при рождении ребенка, часто именно малообеспеченным семьям.

Ответы по поводу межсемейной денежной поддержки меняются в зависимости от того, как был задан вопрос, и необходимо их интерпретировать, учитывая глубинное моральное содержание. Когда государство представляется как альтернатива семье, многие респонденты ожидают помощи именно от него. В то же время, когда вопрос касается финансовой взаимопомощи только родителей и детей, подавляющее большинство отвечает «да», так как несогласие в этом случае может

**Согласны ли Вы с утверждением: «Родители должны оказывать денежную помощь своим взрослым детям?» и «Дети — родителям?»**



оказаться неуместным. Как и в предыдущих сюжетах, здесь ответы в Литве отличаются от остальных стран проекта. Задавать подобный вопрос в Литве, кажется, не очень уместно в сегодняшней ситуации: значительная часть ответов «ни да, ни нет» (40%) еще раз показывает противоречие между реальной ситуацией (родители не в силах помочь детям) и желанием или социальной нормой, которая в принципе поддерживает такой тип поведения.

Кроме того, в Литве, сказывается фактор эмиграции, а также внутрисемейные трансферты, в основном паритетные. Массовая эмиграция молодежи не только уменьшает возможность поддерживать родителей физически и морально, но не сопровождается значительными потоками финансовой помощи. Другими словами, межсемейная сеть поддержки ослабевает по всем направлениям. По данным обследования 2007 г., только четверть временных мигрантов (26%), имеющих уже свою семью и не живущих больше с родителями, оказывают им материальную помощь [Maslauskaitė, Stankuniene, 2007]. Однако 2/3 респондентов считают, что дети должны материально поддерживать своих родителей, поскольку молодежь более мобильна, более квалифицирована и имеет более высокий уровень оплаты труда, чем предыдущие поколения [Ivaskaite-Tamosiune, Lazutka, 2008].

#### **4. Выводы по странам — участницам проекта**

В Литве можно выделить две характерные черты. Первая касается относительно высокой доли опрошенных, которые выбирают промежуточный ответ («ни да, ни нет», «и общество и семья»), выбор, раскрывающий состояние неуверенности в условиях полной трансформации социальной сферы, системы ценностей и образа жизни. Это замечание относится не только к обследованию GGS 2006 г., на котором базируется наш анализ, но и к другим опросам, проводимым в Литве, в частности связанным с международными сравнениями. Переход от административной централизации к системе, основывающейся на рыночных принципах, в Литве был, без сомнения, более жестким по сравнению с Россией и Грузией: дотации на цены по предметам первой необходимости быстро отменили, массовые увольнения привели к росту безработицы. Для населения установленные границы ответственности государственной и частной сферы мало-помалу исчезали. Хотя социальные отношения отныне строятся на базе рыночной экономики, население продолжает надеяться на государство. Этот феномен может быть объяснен двумя причинами. Прежде всего люди сохраняют приверженность государственному патернализму, особенно в поддержке наименее защищенных слоев общества, исключенных из процесса трансформаций. Кроме того, они надеются, что перед лицом разрыва межсемейной солидарности, в частности в связи с массовой эмиграцией, именно государство должно играть сегодня роль социального гаранта, как принято в Европе. Литва, таким образом, соответствует типу стран смешанной модели — еще глубоко сельской, но с либеральной ориентацией, где общественное мнение еще не устоялось. В целом, жители Литвы продолжают ждать больше от государства, чем от семьи, с той разницей, что речь идет о государственном патернализме советского типа для одних, и государства социально-либерального для других.

Французы рассчитывают на социальные институты солидарности, и это показывают все опросы общественного мнения [Valetas, 2001; Boisselot, 2006; David, 2008]. Приверженные существующей системе социальной защиты, они хотят не только ее поддерживать, но и расширять, особенно по проблемам, которых мы здесь касались: поддержка пожилых людей, нуждающихся в уходе, и развитие детских учреждений. Однако они далеки от того, чтобы снять всю ответственность с семьи. Респонденты, напротив, считают важной роль семьи и выделяют ее ответственность в финансовой поддержке своих чле-

нов, в частности детей, которым нужно помогать для получения ими профессиональной и жилищной самостоятельности [Ortalda et al., 2001; Lefèvre, Kortchaguina, Prokofieva, 2009].

В России, согласно результатам нашего исследования, наблюдается сложная ситуация. Социальное наследство советского периода и ожидания эпохи государственного патернализма, хотя и немного ослабли за последние 20 лет, все же сохраняются. Вместе с тем место межсемейных связей и, в более широком плане, дружеской и соседской солидарности всегда было значительным и определяющим для доступа к благам и услугам в повседневной жизни. Либерализация экономики 1990-х гг. породила двойное видение государства: первое заключается в отказе от любого вмешательства государства в семейную сферу, тогда как второе выступает за массированное вмешательство государства в форме семейных пособий, учитывая его ответственность за расширение масштабов бедности в стране. В силу этого наблюдается довольно сильное изменение мнений и предпочтений от поколения к поколению, особенно заметное среди молодежи.

Грузия находится на другом полюсе спектра: для подавляющего большинства населения семья остается опорой социальной организации и солидарности. Здесь продолжает существовать традиционная приверженность к семейным ценностям, которая проявляется через сохранение расширенных многопоколенных семей и жизнеспособность принципов кровного родства. Basile Kerblay [Kerblay, 1986] подчеркивал различия семейной организации русских и кавказских семей (в основном армянских и грузинских) в Советском Союзе. Кроме активно проявляющейся межсемейной солидарности, семейная организация на Кавказе строится главным образом на родственных связях по мужской линии и на специфической роли мужчин: старший сын представляет семью во внешнем по отношению к ней мире, а младший обязан принять пожилых родителей и ухаживать за ними.

## **Заключение и перспективы исследования**

Цели и полученные результаты исследования касаются нескольких проблем: методологические аспекты анализа вопросов о мнениях, в частности в сравнительном межстрановом проекте, и проблема роли и места межпоколенной солидарности в обществах с различной семейной структурой, культурным контекстом и уровнем развития экономики.

### *Международные сравнения вопросов о мнениях*

Полученные результаты показывают, насколько сильно сравнительный анализ мнений в разных странах зависит от формулировки вопроса. Когда вопрос достаточно точен и отсылает к конкретной ситуации, различия между странами легко интерпретировать. В то же время когда он сформулирован в общем, абстрактном виде, ответ становится более теоретическим и показывает больше сходства между странами, чем различий. Так, почти каждый может сказать, например, что семья должна заботиться о детях. Есть некоторые исключения — например, вопрос о том, кто из детей, дочери или сыновья, должны в первую очередь брать на себя заботу о пожилых родителях, которые вскрывают глубокие культурные и социальные различия.

Из анализа ответов можно сделать четыре основных вывода:

- 1) различия мнений усиливаются, когда предлагаемые вопросы переходят от общих проблем к частным конкретным ситуациям;
- 2) ответы различаются в зависимости от вида помощи (финансовая, помощь в форме моральной поддержки или помощь услугами);
- 3) иногда трудно отделить ответы, выражающие социальную норму, идеал, от более частых ответов, которые исходят из реальных ситуаций;
- 4) наконец, реакция респондентов на тот или иной вопрос связана с контекстуальными элементами социальной политики в каждой из стран, например, существование развитой сети домов для престарелых и охват специальными услугами лиц, имеющих затруднения в жизнедеятельности.

### ***Возвращение к базовым вопросам: каков характер факторов, объясняющих различия в ответах (культурологические, политические или социально-экономические)?***

Можно выделить три типа факторов, объясняющих полученные ответы, не исключено, что они накладываются друг на друга, а степень их влияния зависит от предлагаемой для обсуждения темы. Важна роль долгосрочных культурологических факторов. Классическая антропологическая линия начиная с XVI в. разделяет Восточную Европу, где брачность носит универсальный характер, сохраняются ранние браки и сложные семьи, и Западную, где распространяются поздние браки, значительна доля безбрачия и нуклеарных семей. Эта разделительная линия, выявленная John Hajnal [Hajnal, 1965], совпадает с недавней разделительной линией Восток–Запад с 1918/1945 до 1991 гг. Впрочем, это

пересечение, если верить Е. Todd [Todd, 1983, 1984], — не случайное совпадение, оно объясняет политические системы и идеологическое разделение мира через различия в семейных структурах. Таким образом, «предшествовавшее существование экзогамного коммунального типа семьи» позволило легко «внедрить коммунистическую идеологию». Русские семьи, в полной мере относящиеся к экзогамному коммунальному типу, отличаются относительным равенством полов, что, в частности, выражается в небольших различиях в возрастах супругов. «Существование этого теоретического противоречия внутри русской семейной системы выявляет встречу двух традиций, скорее всего в средневековье или перед ним: азиатской и скандинавской» [Todd, 1984], последняя вносит долю феминизма в предшествующую модель. По мнению того же автора, общества могут определяться через «трехполюсное антропологическое сердце — матрицу, элементом организации которой остается семейная структура, но в тесной связи с аграрной, и в постоянном взаимодействии с религиозной системой» [Todd, 1999]. Этот последний подход группирует и выделяет, с одной стороны, Литву и Францию с католической доминантой, и с другой — Грузию и Россию в большинстве своем православные, что объясняет некоторые особенности ответов.

Политическая и социальная история XX в. привнесла дополнительный аспект в интерпретацию полученных результатов, особенно для трех стран бывшего СССР. Не сформировала ли политическая система советского типа свой образ семьи и межпоколенной солидарности? Взяв название статьи Basile Kerblay [Kerblay, 1986] «Социалистические семьи», но поставив в конце знак вопроса, Алэн Блум [Blum, 2003] задался вопросом о понятии «социалистической семьи»: «Действительно ли социализм построил особую форму семьи? В какой мере политическое решение создать новое общество трансформировало формы, которые принимает семья?». Эта политическая воля натолкнулась на сопротивление населения [Blum, 1994], в частности вследствие более глубоких антропологических тенденций, о которых мы говорили выше. Изучив три демографические характеристики (возраст при вступлении в брак, рождаемость и совместное проживание поколений), автор заключает, что формы семейных образований скорее зависят от долговременных культурных традиций, чем от недавней политической истории [Blum, 2003]. Устойчивый разрыв между европейской Россией, странами центральной Азии, Кавказом и странами Балтии, которые также различаются между собой по религиозному принципу (лютеране и католики), объясняется длительной историей.

Однако представленное исследование не ограничивается только демографическим поведением, а касается мира мнений, социальных представлений об отношениях между поколениями. С этой точки зрения, политическая система советского типа поддерживала зависимое поведение и ожидание от государства социального патернализма в том, что касалось занятости, доходов, обеспечения жильем, доступности услуг здравоохранения и образования, оставляя семейному окружению поддержку тех, кто нуждается в повседневном уходе. Кроме того, рассматриваемые здесь ответы на вопросы о мнениях и установках объясняются и влиянием мер социальной политики (инфраструктура ухода за детьми, за людьми с ограниченной жизнедеятельностью, социальная политика борьбы с бедностью), принятых в течение последних десятилетий. Эти вопросы нужно поместить в контекст XX в. и в ситуацию установки на «государство всеобщего благосостояния», и на Западе и на Востоке Европы [Esping-Andersen, 1990; Lefèvre, 1995, 2003]. Часть ответов во Франции вписывается в существующую в стране институциональную систему: массовое распространение социальной защиты после 1945 г. и разнообразие форм социальной поддержки, направленной на предупреждение жизненных проблем и возможных рисков, включая строительство детских учреждений и домов престарелых.

### ***Недавняя история экономических кризисов и социальных изменений***

Наконец, на мнения, высказываемые в ходе социально-демографических обследований 2004–2006 гг., влияют и более поздние изменения. Либеральные реформы и экономический кризис 1990-х в трех бывших советских республиках привели к потере доверия к государству как социальному гаранту и уходу в межсемейную и дружескую солидарность. Франция не знала ни таких изменений природы экономических отношений, ни экономического кризиса такого масштаба, и ее государственная система социальной защиты, хотя и критикуется, остается надежной поддержкой нуждающихся. Этим отчасти можно объяснить различия в некоторых ответах, особенно во Франции и России. Ответы, указывающие на неуверенность, выражают парадокс постсоветской жизни, когда рядом соседствуют стремление к большей автономии и меньшему вмешательству государства в частную жизнь и желание сильной социальной защиты в период экономического кризиса. Можно сказать, что выраженные во время опроса мнения находятся под влиянием таких недавних социальных процессов, как мас-

штабная эмиграция молодежи в Литве или перепады предложения услуг детских учреждений. Изучая под сравнительным углом мнения населения, мы наталкиваемся на совокупность антропологических, исторических и социально-экономических факторов, да и сами мнения составляют смесь индивидуальных суждений и коллективных норм.

## Литература

1. Дубин Б. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) // Вестник общественного мнения. 2004. № 3 (7). С. 35–44.
2. Овчарова Л., Прокофьева Л. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период: Мониторинг общественного мнения // ВЦИОМ. 2000. № 4. С. 23–31.
3. Синявская О. В. Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 4 (Весна-лето). С. 66–90.
4. Социальное положение и уровень жизни населения России. — М.: Госкомстат РФ, 2000.
5. Социальное положение и уровень жизни населения России. — М.: Росстат, 2008.
6. Blum A. Naître, vivre et mourir en URSS, 1917–1991. — Paris: Payot, 1994 (переиздание 2004 с дополнениями: Naître, vivre et mourir en URSS, 1917–2002. — Paris, Payot, coll. Petite Bibliothèque Payot, n. 480).
7. Blum A. Socialist Families? // D. Kertzer, M. Barbagli (eds.). The History of the European Family. Vol. 3: M. Barbagli. Family Life in the twentieth Century. — New Haven, London: Yale University Press, 2003. P. 198–237.
8. Blum A., Guerin Pace F. L'illusion comparative. Les logiques d'utilisation et d'élaboration d'une enquête internationale sur l'illettrisme // Population. 1999. Vol 54. № 2. P. 271–302.
9. Boisselot P. L'évolution des opinions des Français par rapport aux enjeux sociaux et à la protection sociale entre 2000 et 2006 // Etudes et Résultats. DREES. 2006. № 517. Septembre. — 8 p.
10. David M., BVA Opinion. L'évolution des opinions des Français sur les questions sociales entre 2002 et 2007 // Etudes et résultats. DREES. 2008. № 652. — 8 p.
11. Désert M., Rousselet K. (2004), Les réseaux d'entraide familiaux en Russie post-soviétique // Pascale Mélanie (dir.). Famille et société dans l'espace européen et la CEI. Actes de colloque, Numéro hors série de Slavica Occitania, Specimina slavica tolosana — XI. — Toulouse, 2004. P. 139–153.
12. Donsbach W., Traugott M. W. (eds.) The SAGE Handbook of Public Opinion Research. — London: SAGE Publications, 2008.
13. Doubine B. Un 'fardeau léger'. Les orthodoxes dans la Russie des années 1990–2000 // Revue d'études comparatives Est-Ouest (Paris). 2005. Vol. 36. № 4. P. 19–42.



14. *Dragadze T.* Rural Families in Soviet Georgia: A Case Study in Ratcha Province. — London, New York, Routledge, 1988.
15. *Espagnol Ph.* L'allocation personnalisée d'autonomie au 30 juin 2007 // Etudes et résultats. DREES. 2007. № 615. Décembre. — 4 p.
16. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge: Polity Press, 1990. (Перевод на французский в 1999 г.: Les trois mondes de l'Etat-Providence, PUF).
17. *Galland O., Lemel Y.* Valeurs et cultures en Europe. Paris: La Découverte, coll. Repères, 2007.
18. *Hajnal J.* European Marriage Patterns in Perspective // D.V. Glass, D.E. C. Eversley (eds.). Population in History. — London: Arnold, 1965. P. 101–143.
19. INSEE. Femme et Homme — Regards sur la parité. — Paris, INSEE, Coll. «Insee Références», 2005. — 237 p.
20. *Ivaskaite-Tamosiune V., Lazutka R.* Generational Aspects of Well-being // International conference New Family Realities: Challenges to Demographic Development and Policy. — Vilnius, 20–21 October. 2008.
21. *Kerblay B.* Familles socialistes // A. Burguière, C. Klapish-Zuber, M. Segalen, F. Zonabend (eds.). Histoire de la famille. — 1986. T. 2. Armand Colin. P. 437–469.
22. *Kohli M.* Intergenerational Transfers and Inheritance: a Comparative View/M. Silverstein (ed.). Intergenerational Relations Across Time and Place // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. 2004. Vol. 24. P. 266–289.
23. *Lamont M., Thévenot L.* Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
24. *Lazutka R.* Pagyvenusiu zmoniu gyvenimo lygis. Lietuvos gyventoju politikos strategijos metmenys [Guidelines of the Lithuanian Population Policy]/V. Stankuniene. (Ed.). — Vilnius: Socialiniu tyrimu institutas, 2004. P. 62–66.
25. *Lazutka R.* Pension Reform in Lithuania. Pension Reform in the Baltic States/E. Fultz (Ed.). — Budapest: International Labour Office, 2006. P. 267–350.
26. *Lefèvre C.* Typologies et grilles de lecture des systèmes de protection sociale: quel enseignement pour la Russie et les Pays de l'Est? // Revue française des affaires sociales. 1995. № 4. P. 197–227.
27. *Lefèvre C.* Système de protection sociale et entreprises en Russie, héritages et transformation, 1987–2001, Thèse de 3<sup>ème</sup> cycle en Economie des Institutions. — Paris: EHESS, 2003.
28. *Lefèvre C., Prokofieva L., Korchaguina I.* Les différences d'opinion entre la France et la Russie sur le soutien entre générations // Régnier-Loilier (dir.). Portraits de famille. L'enquête Etude des relations familiales et intergénérationnelles. — Paris: INED, coll. «Grandes enquêtes», 2009. P. 515–536.

29. *Maslauskaitė A., Stankuniene V.* Seima abipus sienos: Lietuvos transnacionalines seimos geneze, funkcijos, raidos perspektyvos [Family Across Frontiers: Genesis, Functions and Development perspective of Transnational Families in Lithuania]. — Vilnius: International Organization for Migration and Institute for Social Research, 2007.
30. *Meynaud H.-Y., Duclos D.* Les sondages d'opinion. — Paris: La Découverte, coll. Repères/Sociologie, 2007. №38. 4-е изд.
31. Ministry of Social Security and Labour. — Vilnius, 2008, Social Report 2007–2008, Vilnius; <http://www.socmin.lt>
32. Nordic Social-Statistical Committee. Nordic/Baltic Social Protection Statistics 2000. Copenhagen: NOSOSCO, 2003; <http://nososco-eng.nom-nos.dk/>
33. *Ortalda L., Clément C., Vichnevskaia T.* Réseaux de sociabilité et d'entraide au sein de la parenté: Six contributions. — Paris: Ined, coll. «Documents de travail», 2001, №94. — 110 p.
34. *Ovtcharova L., Prokofieva L.* Politiques sociales: entre héritages et transformations // La Revue Nouvelle. 2007. №8. P. 34–44.
35. *Paugam S., Zoyem J.-P.* Le soutien financier de la famille: une forme essentielle de la solidarité // Economie et Statistique. 1997. P. 187–210.
36. Socialinių tyrimu institutas. Lietuva stojant i Europos Sąjungą: ekonomine, sociologine ir demografinė padėties analizė. — Vilnius, 2004. P. 31–033.
37. *Stankunene V.* (ed.). Lietuvos gyventojų oilitikos strategijos metmenys. — Vilnius: Socialinių tyrimu institutas, 2004.
38. *Stankuniene V., Jasilioniene A., Jancaityte R.* Seima, vaikai, seimos politika: modernejimo priestaras. — Vilnius: Socialinių tyrimu institutas, 2005.
39. *Stoetzel J.* Théorie des opinions. — Paris: PUF, 1943.
40. *Todd E.* La troisième planète. — Paris: Ed. du Seuil, 1983.
41. *Todd E.* L'enfance du monde. — Paris: Ed du Seuil, 1984.
42. *Todd E.* L'invention de l'Europe. — Paris: Ed du Seuil, 1990.
43. *Todd E.* La diversité du monde: structures familiales et modernité. — Paris: Ed du Seuil, 1999 (переиздание книг 1983, 1984 гг.).
44. *Valetas M.-F.* Perception de politiques sociales publiques envers les personnes âgées dans l'Union européenne // Retraite et société. 2001. №34. P. 114–131.
45. *Vigour C.* La comparaison dans les sciences sociales. — Paris: La Découverte, coll. «Repères», 2005.
46. *Zalimiene L.* Socialinių paslaugu sektorius Lietuvoje // R. Lazutka, A. V. Matulionis, V. Stankuniene. Lietuva Europos sąjungoje: pirmieji metai. — Vilnius: Socialinių tyrimu institutas, 2005. P. 109–116.

# Abstracts

**Alain Blum, Cécile Lefèvre, Pascal Sebillé, Irina Badurashvili,  
Arnaud Régnier-Loilier, Vlada Stankuniene, Oxana Sinyavskaya**

*The family anyway: France, Georgia, Lithuania, Russia*

**Didier Breton, Daria Popova and France Prioux**

*Family dissolution in France and Russia: Current situation and evolution  
of risks for the children*

The Generations and Gender Surveys (GGS) conducted in both France (2005) and Russia (2004) have been analyzed from the perspective of the children in separated families. As a comparison of the family situations of children of various ages shows, the frequency of single-parent families is higher in Russia where these children are more likely to live in multi-generation households. The probability is increasing in both countries that the children born to couples living together (whether married or not) — and especially the children born during the 1980s in Russia — will, before they come of age, see their parents separate. In both countries, the parents of the children most exposed to the risk of separation share some characteristics: their mother formed a couple at a young age, her partner has at least one other child or is older, or she did not spend her whole childhood with both her parents. In France, unlike in Russia, officially marrying and practicing religion (even seldom) are factors that significantly lower the risk of parents separating.

**Arnaud Régnier-Loilier, Marie-France Valetas,  
Irina Korchaguina, Lidia Prokofieva, Mare Baublyte  
and Vlada Stankuniene**

*Children after their parents' separation in France, Russia and Lithuania:  
Differences in relations with the mother and father?*

In Russia and Lithuania, as in France, conjugal trajectories have become increasingly complex in recent decades, leading to profound changes in children's family situations and histories. In particular, union dissolution is becoming more frequent and, when separation occurs, child custody is most often granted to the mother. This article describes the relations (frequency

of meeting and degree of satisfaction with the relationship) between non-cohabiting children and each of their parents and seeks to identify certain determinants of these relations: sex of children, age at separation, parent with custody, time since separation, parent who initiated the divorce, repartnering of a parent. The analyses reveal a certain number of similarities between countries (such as lower frequency of father-child relations, for example), but also divergences (the child's sex influences relations in Russia and France but not in Lithuania).

**Arnaud Regnier-Loilier, Irina Badurashvili  
and Shorena Tsiklauri**

*Family situations, the timing of the move from the parents' home and inter-generational relations in Georgia and France*

Unlike in France, Georgia is still a traditional country where cohabitation prior to marriage and consensual unions are very rare. Family traditions call for the young man, once married, to live with his spouse in his family's home. In contrast, very few people at the age of 30 still live with their parents in France, unlike in Georgia (in particular for men). The quite different patterns of moving away from the parents' home and forming a couple ultimately lead, in these two countries, to intergenerational relations that differ in terms of the frequency with which children and parents meet and the degree to which they confide in each other.

**Alain Blum, Pascal Sebille and Sergej Zakharov**

*Differences in the transition toward adulthood in France and Russia: A generational perspective*

Since the mid-20th century, both France and Russia, despite different social, economic and political environments, have incentive-based demographic and family policies. The family and marital careers of their populations share some common features. In particular, marriage is no longer the only way to form a couple, and the age at the first child's birth has risen. Nonetheless, these apparent similarities conceal significant differences. Studying the timing of the first events in adulthood — completing education, leaving the parental home, finding a job, forming a couple for the first time, and becoming a parent — and the conditions underlying them reveals how transition toward adulthood evolved in both countries. It also brings to light

the complexity and diversity of changes that affected the generations born since the mid-1930s.

**Vlada Stankuniene, Sergej Zakharov, Ausra Maslauskaitė,  
Mare Baublyte and Arnaud Regnier-Loilier**

*The transition toward new partnership formation patterns in France,  
Lithuania and Russia*

Changes in family formation strategies in France, Lithuania and Russia are analyzed to detect new partnership formation patterns along with the structural and cultural factors underlying this process. Each country has undergone quite different transitions during the 20th century: France's has been consequent; Lithuania's, delayed; and Russia's, distorted. In France, a single factor explains consensual union, namely the degree of religiousness. In Russia and Lithuania, where new forms of couples have emerged more recently than in France, several structural and cultural factors characterize the persons harbingering these new unions.

**Laurence Charton, Sergej Surkov, Mare Baublyte  
and Vlada Stankuniene**

*Birth and fertility intentions in France, Lithuania and Russia*

The structural changes over several generations in the formation of families with one or two children are studied in France, Lithuania and Russia. Data from the Generations and Gender Surveys about birth intentions of women and men with no children or one child at the time of the survey are analyzed, as well as factors affecting the desire to have a first or second child. As the findings show, the French more often express their fertility intentions than Lithuanian or Russians, but differently depending on whether it is the first or second child. In all three countries however, most of the factors determining fertility intentions are similar.

**Irina Troitskaia, Alexandre Avdeev, Irina Badurashvili,  
Eka Kapanadze and Vaida Tretjakova**

*A comparative analysis of birth-control practices in Russia, Georgia,  
Lithuania and France*

Birth-control practices have evolved differently in western and eastern Europe. France legalized contraception and abortion more recently than

countries in eastern Europe. Its family planning network is dense, and contraception is the major method for preventing unwanted births. On the other hand, in the former Soviet republics, abortion, introduced much earlier and accepted by public opinion, is the key reproductive technique. These differences are confirmed by this comparison of contraceptive practices in France, Georgia, Lithuania and Russia based on the data collected during the first wave of the Generations and Gender Surveys. Differences in the prevalence of contraceptive practices, the availability of various methods and the unmet demand for contraception are related not only to the sociodemographic characteristics of birth-control users but also to factors, such as legislation, demographic policy, the health system or sexual education in the schools.

**Ariane Pailhe and Oxana Sinyavskaya**

*The work of women in France and Russia: The impact of children and gender values*

How do children and gender attitudes affect women's labor force participation in Russia and France, two countries with different welfare states and different conceptions of gender roles? The determinants of women's participation in the labor force are compared by using data from the first wave of the Generations and Gender Surveys conducted in both countries. In Russia, the age of the youngest child is the key factor explaining the decrease in women's labor force participation rate. In France, the effect of having children is multidimensional; and gender values, unlike in Russia, have a major impact. The broader range of possibilities for Frenchwomen (work full- or part-time, or not at all) accounts for the greater variety in their labor patterns.

**Cecile Lefevre, Lidia Prokofieva, Irina Korchaguina,  
Vlada Stankuniene, Margarita Gedvilaite, Irina Badurashvili  
and Mariam Sirbiladze**

*The role of family and society in intergenerational solidarity:  
A comparison of opinions in France, Georgia, Lithuania and Russia*

Drawing on questions about values in the Generations and Gender Surveys, this comparative study focuses on differences between French, Georgian, Lithuanian and Russian opinions about solidarity between

generations. Two dimensions are analyzed: the relative involvement of both family and society in providing support to young and old, and the nature and forms of family solidarity. Should this solidarity be monetary or in kind? How is intergenerational family support perceived? How does it change lives and lifestyles? Is it a legitimate grounds for modifying men's or women's place of residence or career? Methodological issues are raised about how to interpret the opinions detected through quantitative surveys and how relevant is comparativism in social sciences. Intergenerational solidarity is studied as an indicator of the different family structures, cultures and economic contexts in these four countries.

**ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЬИ В ЕВРОПЕ:  
ВОСТОК–ЗАПАД**  
**Сборник аналитических статей**

Выпускающий редактор *Фетисова М.И.*  
Корректоры *Малова Л.М., Макеева Е.И.*  
Дизайн обложки *Киняева Л.В.*  
Верстка *Кобзев И.А.*

Подписано к печати 07.11.2010.  
Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24.  
Тираж 750 экз.